

*Юрий Константинович Ефремов
1.5.1913 г. – 23.9.1999 г.*

Ю . К . Е Ф Р Е М О В

ТРОПАМИ ГОРНОГО ЧЕРНОМОРЬЯ

Краснодар
2008

Краснодарский государственный
природный биосферный заповедник

- 6964 -

Сочинское отделение Русского географического общества

Подготовка книги ко второму изданию: **Анатолий Тарасов**

Финансовая поддержка создания макета книги: **Максим Гвоздев,**
генеральный директор ООО «Технопроект», г. Сочи

Финансовая поддержка издания книги:
ООО «ЮЖНАЯ КОМПАНИЯ ОЦЕНКИ И КОНСАЛТИНГА»,
генеральный директор **Сергей Рудых**

Верстка: **Елена Воронова**

Корректоры: **Марианна Максимова, Любовь Калугина**

Ефремов, Ю. К.

Е 92 Тропами горного Черноморья / Ю.К. Ефремов. — 2-е изд., дополн. и исправл. —
Краснодар : ООО «Качество», 2008. — 298 с. : илл.

ISBN 978-5-9703-0143-2

Юрий Константинович Ефремов — известный советский географ и писатель, почетный член Географического общества СССР. Эта книга — замечательный подарок и для тех, кто знает этот край, и для тех, кто только собирается путешествовать по горам над Красной Поляной. Это путеводитель не только в пространстве, но и во времени — исторический экскурс, размышления об охране природы и судьбе этого прекрасного места. Точность описания маршрутов до сих пор не утратила своей ценности. Сочетание исторических, географических и геологических сведений обогащает читателя и превращает созерцательный туризм еще и в познавательный.

Эта книга — редкий пример географического бестселлера.

Первый выпуск книги (Москва. Государственное издательство географической литературы) состоялся в 1963 году. Тираж 65000.

Во втором издании произведены незначительные сокращения авторского текста. На графических рисунках и картах уточнены пояснительные надписи и высоты. Существенно изменен и дополнен иллюстративный материал.

Предисловие ко второму изданию написала жена Ю.К. Ефремова, Лебедева Наталья Алексеевна. Исследователь Кавказа, доктор геолого-минералогических наук и кандидат географических наук, она является автором четырех монографий и серии статей по геологии Кавказа и Предкавказья. В 1937 и 1938 гг. работала с Ю.К. Ефремовым над составлением геоморфологической карты Кавказского заповедника.

ISBN 978-5-9703-0143-2

© Ефремов Ю.К., 1963

© Ефремов Ю.К. (наследники), 2008

© Сочинское отделение Русского
географического общества, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Книгу Ю.К. Ефремова трудно отнести к прозе. Это скорее поэма. Но поэма особого рода. Здесь, как в малой капле, отразилось великое пристрастие автора к тому, что он сам называл в своих стихах «поэзией пространства». То есть поэзией и красотой того закономерного сочетания отдельных ликов Природы — гор, вод, лесов, которые рождают гармонию целого — ландшафта, как сочетание нот — мелодию. Эту мелодию Природы Ю.Е. умел слушать. И ее совершенное воплощение он нашел в горах Западного (Лесного) Кавказа над Красной Поляной.

Впервые автор книги приехал сюда почти мальчишкой, повинувшись как бы внезапному порыву — прямо с комбайнерской практики, не заезжая домой. Поляна показалась земным раем после трагической и голодной Кубани 1933 года. На краснополянской турбазе и началось постепенное превращение наивного туриста сначала в экскурсовода, методиста, потом и краеведа-географа. С упорством и страстью Ю.Е. открывал для себя и других все новые тропы и тайны окрестных гор. Зимой, в библиотеках Москвы собирал сведения по истории Красной Поляны, ее завоеванию, изучении, племенах, ее населявших.

В 1937 году Ю.Е. приехал в Поляну начальником студенческого отряда МГУ — составлять геоморфологическую карту Кавказского государственного заповедника (по договору с КГЗ). Маршруты работ охватывали широкий район на северном и южном склонах Большого Кавказа от Гузерипля и Псебая до Кардывача и Агепсты.

С новыми горизонтами открываются и новые особенности этих мест. Здесь, сразу к юго-востоку от массивов Фишта и Оштена, древнее мраморно-гранито-гнейсовое ядро Большого Кавказа как бы сбрасывает с себя чехол более молодых осадочных пород и выходит на поверхность. Горы меняют пластику рельефа, резко повышаются над густой шубой дотоле закрывавших их лесов, опоясываются зоной альпийских лугов и достигают снеговой линии.

Это — мир ледников, голубых ледяных озер, цветущих низкотравных сырых луговин с куртинами примул, гентиан, рододендронов. Мир обилия вод — чистейших стремительных речек, ручьев, белой пеной льющихся водопадов. А зимой — мир глубоких, самых глубоких в России снегов. Но с вершин этого снежно-ледового царства видно, как далеко-далеко за понижающимися на запад волнами лесистых предгорий блестит на горизонте море.

Автор книги постепенно открывает для себя и своих читателей уникальность региона.

В самом деле, где еще столь близко соседствуют жаркие, субтропические берега теплого моря с вечными льдами и снегами высокогорий, суровые хвойные леса — с курортными пляжами и пальмовыми рошами?

И место Красной Поляны определилось — как бы на полпути меж двух миров: еще в зоне горных лесов, но уже на виду и вблизи снеговых гор. И море — так близко, его теплое дыхание чувствует здесь вся природа.

Автор книги исподволь подводит читателя к своей любимой идее: «Большое Сочи» необходимо расширить в пределы предгорий и гор, оно должно стать не просто приморским курортом, но горно-морским. Эту мысль, и зложенную на последних страницах книги, автор пробивал в печати и чиновных инстанциях много лет.

Кажется, сейчас она начинает реализовываться. Об этом свидетельствует хотя бы строительство лыжных трасс на склонах Аибги, Псекохо. Да и краснополянцы волнуются сейчас не только об урожае орехов и малины, но и о глубине снегового покрова на окрестных горах. Ведь Красная Поляна будет местом проведения Зимней Олимпиады 2014 года.

Кочуя по горам, отряд Ю.Е., как малая планета, притягивал в свою орбиту спутников. Это были люди самых разных профессий и судеб. Так, случайно, на Псеашхо, при оказании помощи попавшим в беду туристам, произошло знакомство с Александром Беликовым. Инженер-полярник, он собирался за свой длинный отпуск и большие полярные деньги объездить половину России, а вот застрял на все лето в отряде Ю.Е.

Так же получилось со странствующими инженерами Игорем Стрекозовым, Владимиром Лукьяновым и многими другими. Все они охотно и бескорыстно исполняли в отряде роли коллекторов, поваров. Ведь маршруты по горам, озерам и ледникам с таким первоклассным гидом как Ю.Е. были увлекательны, делали людей сопричастными к поиску, открытиям. А это интереснее, чем простое любование горами. Ю.Е. заражал всех своим энтузиазмом познания Природы и как бы превращал туристов созерцающих в туристов познающих. А это придавало путешествию совсем иной вкус, помогало почувствовать ту самую «поэзию пространства».

В горах, во время рабочих маршрутов завязывалась многолетняя дружба, возникало своего рода «краснополянское братство» самых разных людей из разных уголков России. Некоторые из спутников Ю.Е. или читателей его книги так прониклись духом Красной Поляны, что переселились сюда на постоянное жительство (как, например, инженер и альпинист Альберт Алаев).

С иными дружба сохранялась долго, иногда на всю жизнь. Таким другом навсегда остался грек Юра Георгиади, замечательный человек, когда-то работавший в отряде Ю.Е. ездовым при лошадях. Потом эта дружба перешла ко всей семье Георгиади, его жене Кате, детям, внукам, правнукам.

Многолетняя дружба связала Ю.Е. с Игорем Стрекозовым, ботаником Юрием Микешиним, зоологами Иваном Пузановым и Юрием Авериным, географом Ростиславом Вениери (из рода первопоселенцев и строителей дороги в Красной Поляне), с заведующим Южным отделом КГЗ Петром Савельевым, его дочерью Светланой. Дружба, переписка, обмен статьями и книгами завязались с геоботаником Арнольдом Тильбой, со знатоком гор и озер Кавказа Б.А. Тарчевским, озероведом Ю.В. Ефремовым, которые присвоили имя Ю.К. Ефремова одному из альпийских озер и пику на массиве Агепсты.

Переписка велась также с членами Географического общества г. Сочи, его ученым секретарем Н.В. Диденко, с А.А. Тарасовым, со старым краеведом К.А. Гордоном, с учителем-краеведом из Красной Поляны Б.Д. Цхомария, с фотографом Т. Виротайненем и многими другими людьми, читателями книг Юрия Ефремова.

После войны, работая сначала в Генштабе Минобороны, а потом в МГУ, строя свой Музей землеведения на вершине Московского университета, Ю.Е. не порывал с Поляной, был в курсе всех ее дел и бед.

Так, в 1954 году некое ведомство добилось решения сократить площадь КГЗ более чем в три раза. Отнимались южные части КГЗ: хребты Псеашхо, Аишха, урочище Дзитаку, Кардывачский узел, Цахвоа.

Ю.Е. с друзьями организовал поток протестов в центральные инстанции от Союза писателей, от Академии наук и т.д. Решило дело письмо от прославленного

включении В.А. Обручева. Это письмо удалось положить на стол Климу Ворошилову (тогда Председателю Президиума Верховного Совета СССР).

Ворошилов вспомнил, как когда-то славно охотился в запovedных краснополянских лесах, и отдал категорический приказ о сохранении КГЗ в прежних границах.

Ю.Е. много путешествовал по России и миру. Посетил Японию, Индию, Цейлон, обе Америки. Писал статьи и книги о многих зарубежных странах и о России.

Однако, наблюдая и сравнивая, понял — Западный Кавказ, горное Черноморье — это лучшее, что он успел познать на нашей Земле. Его первый выбор оказался безошибочным.

Книга Ю.Е. написана просто и ясно. Может быть, другие авторы могли бы как-то иначе, даже художественно изощреннее описать природу вокруг Красной Поляны. Но это была бы уже иная Поляна, может быть, выдуманная, приукрашенная. Ю.Е. любил точность. Его анализ отличает особая внимательность, пристальность. Так изучают только любимый облик. В своих стихах он писал:

*«Глубь недр пойму, и сроки углублю,
И с гордостью скажу родному краю:
Люблю и знаю, знаю и люблю.
И тем полней люблю, чем глубже знаю».*

Когда читаешь книгу Ю.Е., а потом идешь по описанным в ней тропам, горам, долинам, то кажется, будто автор невидимо идет с тобою рядом, ведет за руку — настолько точно описан путь, его детали и приметы.

Именно поэтому книга Ю.Е. не стареет. Это не только хорошее географическое описание региона, это до сих пор непревзойденный путеводитель по горам над Красной Поляной.

Свою привязанность к Красной Поляне, к ее людям и природе Ю.Е. передал как наследство своей семье — детям, внукам, правнукам.

Красная Поляна прижалась к южному боку хребта Ачишхо. Его лесистые отроги мохнатыми руками обхватывают поселок, он как бы лежит в их ладонях. Один из этих отрогов замыкает котловину Красной Поляны с юго-запада и заканчивается узким гребешком, разделяющим долины речек Бешенки и Монашки. Вершина этого отрога когда-то была названа Ю.Е. горкой Монашкой и описана в его книге. Горка была выбрана как лучший и наиболее близкий от турбазы кругозор над Красной Поляной.

Он очень любил это место. Всегда приходил сюда, когда бывал в Поляне. Теперь здесь, по его завещанию, находится его могила. Сталось все так, как он писал:

*«...И, вздрогнув, сам однажды окажусь
Душой и памятью земли любимой».*

На могиле водружен массивный обломок скалы, принесенный сюда руками друзей. Они же прорубили просеку в гуще молодого леса, закрывавшего кругозор. Так что отсюда, как и в давние годы, видны все окрестности.

Внизу лежит Поляна.

Вдали — розоватые от солнца снеговые цепи Главного хребта.

Можно ли пожелать лучшего места для вечного покоя?

Н.А. Лебедева

ВСТУПЛЕНИЕ

Перелистывая эту книгу, легко принять ее за путевые записки — дневник путешествий и приключений. Но стоит вчитаться — и сквозь ткань такого дневника проступят еще две большие темы. Одна — облик целого края, горного Черноморья, земли с на редкость богатой, красивой и сложной природой, с увлекательной и своеобразной историей. Другая — судьба молодого человека, студента-туриста, увлекшегося краеведением, а потом перешедшего к научным исследованиям все того же полюбившегося ему края.

Вторая тема поможет полнее понять первую. Начинающий турист постепенно постигал секреты горноколхидской природы, и рассказ о том, как она ему день за днем открывалась, поведет и читателя со ступени на ступень удивлений и увлечений молодого путешественника, его находок, умозаключений, а затем приведет и к пониманию научных выводов о путях формирования этой природы. А перед глазами исподволь возникает и внешний облик ландшафта Западного Кавказа, хотя в книге и нет привычных рубрик и глав о недрах, рельефе, климате, почвах и иных отдельных сторонах природы.

Лик Земли преобразается на наших глазах. Неузнаваемым становятся даже глухие углы. Сотни тысяч курортников Черноморья посещают теперь озеро Рица — подъезжают к нему на автобусах, бороздят его воды на серебристых глиссерах. Но еще три десятка лет назад Рица была безвестным и труднодоступным медвежьим углом... Уже сейчас интересно оглянуться на столь недалекое, но успешнее стать мало кому памятным прошлое. Поэтому в книге собраны крупинки как былой, так и совершавшейся на наших глазах истории горного Черноморья: это будет полезно и будущим путешественникам по Кавказу и историкам края.

Здесь рассказано о земле, еще и сегодня удивительно мало известной при всей ее близости к комфортабельным здравницам Кавказской Ривьеры. Рицей, Ахунской башней и Краснополянским шоссе в сущности исчерпываются представления о причерноморском Кавказе у большинства приезжающих на побережье. Людям, которые пожелают увидеть эту горную землю своими глазами, книга поможет отыскать еще множество интересных уголков и совсем новых объектов для туристских прогулок.

Часть описываемого края заповедна. Ее охраняют нетронутой не только в интересах современников, но и для будущих поколений, во имя науки и культуры. Впрочем, охраняемая природа приносит пользу и хозяйству: горные леса и луга высокогорий Западного Кавказа — очаг размножения ценных животных и их расселения в соседние охотничьи угодья. Охрана природы — никогда не кончающаяся борьба за украшение Земли и умножение ее богатств. Читатель познакомится и с одним из участков этого вечно существующего фронта.

Вместе с тем это книга о краеведах. Краеведы, краелюбы — не просто ходячие справочники и не только хранители музейных ценностей. Они верные советники тех, кто использует природные богатства, кто преобразует территорию, — помощники местных властей, плановиков и агрономов, проектировщиков дорог и курортов. Пусть эта книга поможет любым краеведам в их стремлениях так переустраивать свои края, чтобы они становились еще обильнее, еще краше.

Автор не будет стесняться называть краснополянские горы своими. Это не означает, что он присваивает их одному себе. Книга — желание показать девственные дебри Кавказа всем, кому только можно, сделать их общедоступными, прославить, возвеличить. Но если этот край был для меня как первая любовь, то кому бы он в дальнейшем ни принадлежал, он навсегда остается моим любимым, и надеюсь, что это не возбудит читательской ревности.

*Он для вас, этот горный сад,
Край, где чудо-груши висят,
Гул, живущий в лесах и водах,
Вольный воздух и щедрый отдых.*

В П Е Р В Ы Е В П О Л Я Н Е

МЕЧТА ОБ ОЗЕРАХ

Автобус мчится по извилистой дороге среди лесистых гор. Виды сменяются, как в кинофильме. Любой поворот обещает удивительную панораму, всякий обрыв одновременно пугает и восхищает. Здесь все дышит новизной и щедростью, и меня переполняет счастье. Все волнует, захватывает — ведь это мое первое самостоятельное «взрослое» путешествие, да еще путешествие по местам, в которые я так стремился... Горное Черноморье!

Впервые я видел его одиннадцатилетним мальчишкой. Мать взяла меня с собой в туристский маршрут по Военно-Грузинской дороге и Черноморскому побережью Кавказа. Мы проплывали тогда морем из Батума в Туапсе, и я помню, как прямо с борта корабля ненасытно вглядывался в плюшевые складки зелени, покрывающей горы, по путеводителю опознавал вершины, долины, курорты.

Горы уже в те дни были для меня милее моря. Хотелось проникнуть в них, оказаться там, в тени глянцевои зелени, своими ногами исходить эти склоны, самому измерить подъемы и спуски, покорить все видные глазу вершины...

Так родилась мечта. Она прошла через все мое отрочество и вот, наконец, сбылась. Я снова на Кавказе, у подножия тех самых, прибрежных гор.

Лето я провел в кубанском совхозе на уборочных работах. Но страда закончилась, каникулы вступили в свои права, я подсчитал свои скромные сбережения, сел в поезд и в одну ночь оказался в Сочи.

Что я хотел делать? Как, куда, с кем идти? Эти вопросы передо мною даже не вставали. Казалось, неважно как, все равно с кем, а куда? — так разве нужно об этом думать? Ведь здесь, на Кавказе, интересен каждый уголок, каждая тропка, каждая речка...

Легкомысленно? Может быть. Но ведь мне всего девятнадцать лет!

Забавный самонадеянный возраст, когда чувствуешь себя уже таким большим, способным все понять, всех переспорить. А в памяти — считанные годы начавшейся юности, недавняя и не совсем закончившаяся зависимость от родителей, огорчительные напоминания близких, что молод, что нет опыта, что все еще впереди. И это мучительное чувство робости, неуверенности в себе: а что я сумею, какое место в жизни займу, кому и какую принесу пользу?

Мне сейчас странно представить себя таким, и я готов прописать герою своих воспоминаний целую серию рецептов: как поступить в том или ином

случае, как избежать ошибок... Но стоит ли приукрашивать воспоминания, не лучше ли довериться им?

И вот — я еду, еду в горы, как и начинающуюся жизнь, чувствую себя настолько переполненным радостью, что мог бы поделиться ею со всеми пассажирами автобуса.

В кармане у меня туристская карта побережья. Да, конечно, к морю тянуло. Но ведь есть еще горы, те самые зеленые, плюшевые, зовущие к себе, вглубь, ввысь! На карте лесистые их части окрашены в темно-зеленый тон, а среди зелени коричневыми червяками расползаются хребты — видимо, безлесные скальные гребни. Кое-где белеют пятна вечного снега — наверное, ледники. А в двух местах заманчиво светятся лазурные глазки. У одного из этих глазков, от которого тянется прожилка — река Мзымта, видна надпись: озеро Кардывач, а около другого, покрупнее, похожего на продолговатую бусину, нанизанную на нитку безымянной речки, — озеро Рица. Это название, столь прославленное ныне, в те годы еще очень мало кому что говорило.

Оба озера так ярко синеют на однообразном фоне лесов и гор, что при одном взгляде на карту возникает желание идти именно к ним.

Горные озера! Сколько таинственного и заманчивого они сулят? О них складывали легенды и сказания, их воспевали в балладах и сагах. И вот теперь можно так просто — пойти и увидеть настоящие горные озера! Масштаб позволял самоуверенно думать: до Кардывача от Сочи сто километров, а до Рицы от Гагр еще ближе. Пусть один, пусть пешком, но я до них доберусь, чего бы мне это ни стоило!

К тому же на карте между Сочи и Кардывачом взгляд привлекало еще одно название — Красная Поляна. Из путеводителей, читанных в детстве, я запомнил, что это курорт, известный своей живописностью. На старых картах он именовался Романовском, и это тоже кое о чем говорило: императорских имен с захудалыми местами обычно не связывали.

Но, конечно, не «царская» слава курорта влекла меня сюда. От самого моря, от Адлера к Красной Поляне тянется шоссе. По нему ходит автобус. Остановлюсь в Поляне, осмотрюсь — и в горы. Судя по карте, оттуда до горного озера Кардывач никак не более пятидесяти километров. Значит, ясно, куда держать путь прежде всего: в Красную Поляну.

АВТОБУС В ПОЛЯНУ

Уже позади неровные щебенчатые улицы — такие тогда были в Сочи. Автобус без тента, весь охватываемый морским воздухом, подпрыгивает на поворотах и ухабах, встряхивая уложенные в его задней части чемоданы. Шоссе и в самом городе, и на всем пути к Хосте извивается змеей. Шофер виртуозно поворачивает, сигналил, чудом не сталкивается с встречными машинами. Но скоро у нас перестало захватывать дух от таких пируэтов, настолько уверились пассажиры в своем рулевом. С каждого мыса все в новых и новых поворотах распахиваются морские дали в рамках из кипарисов, и хочется крикнуть водителю: «Останови! Разве можно так мчаться?» Ведь каждой из этих картин любовался бы часами...

Еще не было автострад, еще в редких коттеджах размещались здравницы. Но уже и тогда этот край называли Русской Ривьерой, любили его. Именно

та любовь и помогла превратить его позже в тот мир комфорта, света и радости, каким стали сейчас окрестности Сочи. А тогда, в начале тридцатых годов, у Сочи было еще все впереди...

Миновали скромную, совсем провинциальную Хосту. За речкой Кудепстой почему-то окончились горы, и автобус катился по плоской равнине. Стрелки у стыка дорог показали: направо — на большой мост через Мзымту — дорога в Абхазию, а налево — вверх по Мзымте к горам — в Красную Поляну. Автобус свернул налево.

Дорогу опять обступили лесистые склоны, местами поселки, утопающие в садах, виноградники, поля кукурузы и табака. Какие-то южные смуглые и узколикие люди — армяне ли, греки ли — трудились на усадьбах. К машине подбегали черноглазые остроносые ребята — продавали виноград и мацони — кавказский варенец. То и дело попадались козы и долговязые, темные, худые свиньи — думалось, зачем только таких держат — ведь от них ни жиру, ни мяса. На шеях у свиней болтались треугольные деревянные хомутики. О нижние планки животные спотыкались, так близко это неудобное сооружение подступало к передним ногам.

Автобус мчался дальше. Теперь с поворотов дороги виднелась вместо моря приветливая долина Мзымты с пенящейся голубовато-зеленой полосой реки. Впереди же, в горах, было сумрачно и негостеприимно. При виде накупившихся облаков, залегших на высоких хребтах, становилось чуть-чуть жаль расставаться с лучезарным побережьем.

Шоссе ушло от реки, забралось на один из предгорных кряжей, с которого вдруг открылась панорама соседних долин чуть ли не до Сочи, потом вновь спустилось к реке, миновав горную деревушку Голицынку. И вот тут-то началось нечто новое, большое, пугающее.

Все уже долина, все круче склон, в который врубилась карнизом дорога. Вот и вовсе отвесами встали скалы, ограждающие ее слева, и совсем обрывистым стал спуск к белопенной Мзымте направо. Шоссе балконом повисло над кручами метров тридцать, а может быть и сто, глубиной — как страшно сорваться! Пассажиры на поворотах успевают лишь вскрикивать. Река бесится на дне серокаменной теснины, а над головами взметнулись утесы, наверное, на сотни метров высоты. Среди них есть и вовсе нависшие, такие же, как на Военно-Грузинской дороге (в Дарьяле их недаром прозвали «Пронеси господи»).

И сколько при этом зелени лепится по самым крутым стенам! Как даже в этой страшной расщелине щедро своей свежестью черноморская природа!

Тупик. Скалы сблизилась и как будто поглотили шоссе. Виден только узкий отвесный расщеп, а внизу, под навесами, клокочущие стремнины Мзымты. Но автобус выносит нас к гроту, мелькает какой-то памятник, включаются фары, и мы... в туннеле. Я почему-то считал, что туннели бывают только железнодорожные. В открытом автобусе туннель особенно впечатляет: потолок нависает над головой сырой громадой шербатых камней, и словно чувствуешь их миллионотонную тяжесть.

Выше туннеля тянется все то же ущелье. Остановиться бы, застыть, любясь могуществом гор. Насколько эти виды значительнее райских пейзажей с кипарисами, только что пленявших нас на виражах приморского шоссе.

Но автобус гнал вперед, несчетно поворачивая и гудя, и оставалось лишь залпом глотать эту красоту, стараясь на всю жизнь запомнить и кручи, и зелень, и порожистую стремнину.

1. Дорога на Красную Поляну. Ущелье Ахцу

Почему я не вычитал об этом ущелье ничего из путеводителей? Кто здесь так смело построил шоссе? И кому поставлен памятник у туннеля?

Ущелье кончилось. Снова раздвинулась приветливая лесистая долина. Только еще дремучее, еще выше стали леса. Небеса прояснились, и вдали по-

явились какие-то вершины, возвышающиеся над лесным пологом. На некоторых из них мелькнули и пятна снега. Дважды шоссе пересекло горные речки — притоки Мзымты. Надписи у мостов гласили, что это Кепш и Чвижепсе. В долинах оказались строения, люди. Удивительно, выше такой теснины и вдруг — люди!..

Еще один скальный участок, уже не такой узкий, как прежде. Пассажирки повизгивают при крутых поворотах над пропастями, из которых даже сквозь шум мотора доносится рычание далекой Мзымты. Затем мостик через пенистую озорную речонку и, наконец, заборы, белые домики, улицы с садами, здание почты; крутой разворот автобуса и — стоп. Красная Поляна. Неожиданно будничная, скромная, с первого взгляда ничем не покоряющая, скорее деревня, чем город, лишенная всякого курортного лоска. Такие же, как в деревнях, голопузые греченята, такие же куры, гуси, козы. И те же длинноногие свиньи в треугольных хомутиках...

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЛЯНОЙ

Карта была слишком мелкомасштабна — ближайшие к Красной Поляне хребты на ней названы не были. Прежде всего бросались в глаза какие-то горы на юге — несколько внушительных, очень правильных на вид пирамид. Вскоре я узнаю и запомню их имя, немножко вычурное, — Аибга. На севере гребенчатая цепь утесов — Ачишхó. А на востоке более высокие, но за дальностью не кажущиеся величавыми горы. Здесь выше всех две вершины, блистающие уже вечными снегами. Слева — трапеция, подобие белой палатки; справа — конус, как сахарная голова. Как что называется — и тут не знаю. Потом я очень полюблю их странное неблагозвучное название — Псеа́шхо.

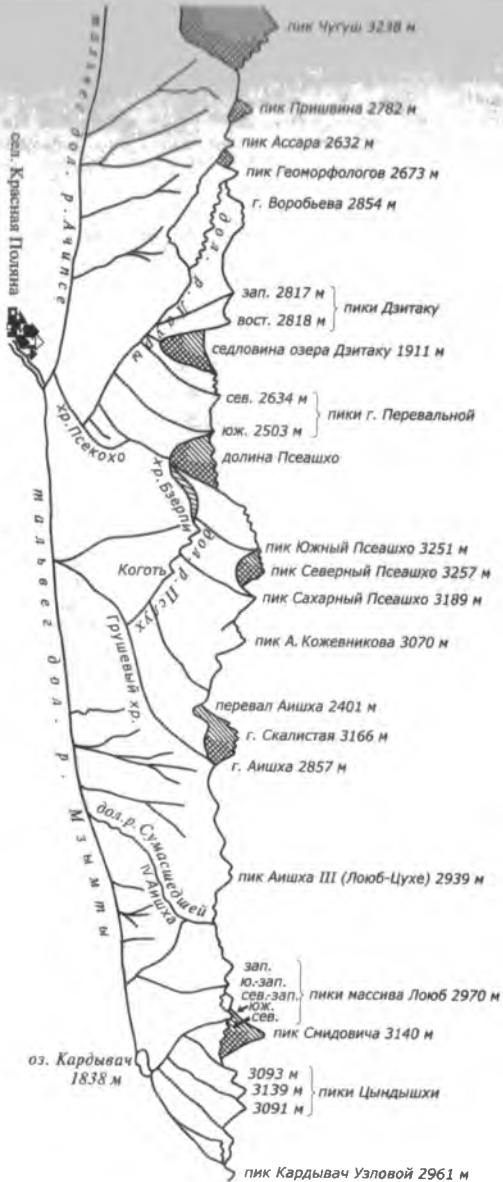
Склоны ближних и дальних хребтов — тот же полог лесов, выстилающий каждую неровность, не прерывающийся даже на кручах. Можно подумать, что перед тобою ковер из кустарников. Но ведь по такому же «бархатному» лесу мы только что ехали. А каждая ворсинка такого бархата — огромное тридцати-сорокаметровое дерево. Достаточно только представить себе это — и казавшаяся не очень высокой гора вырастает в колосс, долины разворачиваются во всю ширь, и все размеры приобретают свою истинную величину.

В этих бархатных склонах, как в раме, и расположилась Поляна. Она заняла привольное «озеровидное» расширение Мзымтинской долины, как раз там, где река резко меняет курс. Выше Красной Поляны Мзымта течет вдоль хребтов — между Главным и Передовым, а ниже Поляны поворачивает и устремляется наперерез горным цепям, рассекая их на всю ширину крутостенными коридорами. По такому сквозному поперечному ущелью мы только что проехали.

С севера, со стороны гребенчатого Ачишхо, к Красной Поляне открыта еще одна широкая долина. Значит, здесь стык двух долин. Их пологое общее днище, наподобие слегка выпуклого кверху щита, и послужило площадкой, на которой расположился поселок.

Дно долины... Казалось бы, сырость и грязь? Но пологосводчатая выпуклость дна позволяет поселку не знать ни грязи, ни сырости: дождевая вода быстро скатывается, а сырой воздух льнет лишь к самой воде Мзымты — река роется метров на пятнадцать глубже площадки селения, в крутостенном прирусловом врезе. Поэтому и вид у поселка приподнятый, приветливый, а воз-

Профиль Главного хребта

- 6964 -

... — словно долину хорошо проветривают. И высокие горы не давят: посередине жидки ими в щель, и горы высится на шитообразном фундаменте.

... — то глубоко располагая к себе таится уже в этих не сразу осознаваемых чертах Красной Поляны. А когда подходишь к туристской базе — к уютному ряду деревянных дач в тенистом лесосаду, — ощущение покоя и благодати, предвкушение полноты отдыха сразу же охватывает приехавшего.

Вот сюда-то, к окошечку регистратуры, я и подошел со своим чемоданчиком. Здесь уже стояли и некоторые спутники по автобусу. Они предъявляли путевки, талоны, и вскоре радушная кастелянша, позванивая ключами, вела прибывших в дальние дачи.

Моя очередь. Девушка-регистратор, недурная собою, холодно спрашивает:

- Путевка? Маршрутная книжка?
- Простите, но я самотек. Я без книжки.
- Мест нет, принять вас не можем.

С первыми радостями приходят и первые горести. И это говорит девушка, которой гораздо больше к лицу гостеприимная улыбка. Какими доводами ее убедить? Сказать, что люблю горы, что хочу на озера?

Прошу только на день, на сутки — найти компаньонов и завтра же выйти на Рицу...

- На Рицу? — взглянула с почтением и недоверием.
- Ну, конечно, на Рицу и на Кардывач, я для этого ехал сюда. Ведь среди туристов найдутся желающие составить такую компанию?

Она оживилась.

— Ой, знаете, вряд ли. Сейчас время позднее, сентябрь, в горах уже снег выпадал. Летом ходило несколько групп — больше студенты. А теперь каникулы кончились и вряд ли кто соберется. Так что лучше вы и не ждите.

- Ну тогда я один пойду.
- Что вы, что вы! Мы в одиночку в такие маршруты не пускаем. Мало ли что может быть. Да и трудно — ведь сколько нужно нести на себе.
- На себе? Для чего?

— А как же — ведь туда шесть дней пути. Нужны и продукты и одеяло. А вы как же думали? (Она оглядела меня через окошечко регистратуры). Ой, да вы с чемоданчиком! А рюкзак у вас где — там внутри? Разговор только было начал обнадеживать: после такой милой беседы не откажет же мне девушка в талоне на одну койку. Но собеседница перешла в наступление, и в ее вопросе о рюкзаке я почувствовал столько иронии, такое превосходство туристского работника над самонадеянным дилетантом! Рюкзака у меня действительно не было. О чем же я думал? Что пойду в многодневный пешеходный маршрут с чемоданчиком? Как это стыдно. Почему же это так вышло?

Потому, пожалуй, что детство прошло без дыма костров, без ночлегов в лесу, безо всего, что приучает к походно-бивачной жизни. Что я знал о туризме? Да, мне посчастливилось в детстве увидеть Кавказ, побывать и в экскурсиях. Но ведь это же были однодневные прогулки с завтраками в кармане, а не настоящий туризм...

Я не помню уже, что мямлил и чем оправдывал свою несуразную экипировку. Девушку я вовсе развеселил и, видимо, даже растрогал своей наивностью.

— Ну, ладно уж, так и быть, я вам помогу, — сказала она, наконец сжалившись. — Только место будет не в комнате, а на балконе. И придется попросить заведующего базой...

Дверь за девушкой открылась, и к ней в регистратуру пошел красивый седоволосый старик с небольшими усами и открытым добрым лицом. Длинные белые волосы были откинута назад. Задумчивые глаза его, большие, выразительные, глядели проникновенно и благожелательно. Девушка сразу встрепнулась, и я почувствовал, что приход этого человека избавит меня от лишних хождений.

— Ой, Владимир Александрович, а я товарища к вам направляю. Вот, посмотрите, пожалуйста, без путевки и без рюкзака, хочет на Рицу идти. Просто не знаю, уж вы тут с ним сами...

Она уступила свое место у окошечка заведующему, и тот теплым, проникновенным баском стал меня спрашивать — кто я, откуда, сколько мне лет, почему я решил пробираться на Рицу. Владимир Александрович не задал мне ни одного каверзного вопроса, ничем не выдал своего превосходства, не иронизировал и спросил только, есть ли у меня стандартная справка о сдаче продовольственных карточек (это было время первой пятилетки с не отмененной еще карточной системой снабжения). Справка у меня, конечно, была, и заведующий сказал, переходя по-отечески на «ты»:

— Ну, что же, мы тебя поместим, поживешь у нас несколько дней, походишь вокруг, а потом, может быть, и компаньонов подыщешь, и на Рицу отправишься. А сейчас оформляйся, устраивайся и приходи на веранду — я как раз буду читать лекцию вновь приехавшей группе — слушаешь о Поляне.

В этих словах было столько расположенности и доверия, что я уже с неприязнью глядел на вновь севшую к окошечку девицу (и место нашлось, и на Рицу я все-таки отправлюсь, хоть и без рюкзака. Не надо было важничать!).

Через час, устроившись на балкончике ближней дачи, я наскоро пообедал и шел, готовый ко всему прекрасному, слушать лекцию этого милого седовлавого человека.

ЛЕКЦИЯ ЭНГЕЛЯ

На простенькой тенистой веранде «туркабинета» уже собрался народ: мои сегодняшние соседи по автобусу и еще какие-то туристы, из числа приехавших раньше. Владимир Александрович Энгель появился точно в назначенный срок. Приятно было видеть его легкую молодую походку, которая так хорошо противоречила седой прическе и сутуловатой фигуре.

Разговор он начал с ходу, без паузы, так что люди и не подумали, что это «началась лекция».

— Ну так вот, друзья...

Сказано это было таким теплым певучим голосом, что слушатели с первых же слов поверили ему и почувствовали себя друзьями этого старого человека. Он продолжал:

— Приехали вы к нам в Поляну с побережья и сами не заметили, как поднялись на полкилометра над уровнем моря.

(Как хорошо это у него получается! Сухую справку о высоте дает не казенно, а как бы мимоходом, внутри обиходной, общепонятной фразы.)

— Сегодня ясная погода, и вы сами видите, как у нас хорошо. А бывает, приедут гости в дождь и туман — вот тогда им труднее внушить, что у Красной Поляны замечательные климатические достоинства, что она не уступает в этом лучшим курортам Италии и Швейцарии.

Для нас Красная Поляна — станция в замечательном путешествии — как бы из субтропиков в Арктику. Еще сегодня утром вы были на жарком юге — вокруг раскачивались листья пальм и бананов. Потом вы поехали в горы — вас обступили широколиственные леса — граб, дуб, съедобный каштан. Эти деревья сопровождали автобус вплоть до нашей Поляны. По дороге встречался и грецкий орех. А выше нас простираются буковые леса. Теперь поглядите на склоны этого хребта, он называется Аибга.

Энгель показал на группу больших пирамидальных вершин, видную прямо с веранды.

— Видите, над полосой ярко-зеленой листвы тянется полоса более темной зелени?

Все посмотрели вверх. Действительно, в средней части склонов лес был исчерна-зелен. Кое-где такой цвет доходил и до гребня, и тогда на фоне светлого неба различались даже зубчики — силуэты хвойных деревьев.

Кто-то говорит:

— Это елки.

— Нет, это не ели, но тоже хвойные деревья — кавказские пихты. Они занимают целую зону горных лесов на высотах более тысячи метров. Можете представить себе, какой там суровый, несколько не похожий на субтропики климат. Он скорее напоминает вологодский, среднесибирский, поэтому и у пихтарников наших совсем таежный облик.

А еще выше — вы видите? — лес кончается. Бурая полоса — это уже по-осеннему пожелтевшее криволесье — мелкий изогнутый лес, угнетенный зимними снегами; серая полоса наверху — горные луга, тоже, конечно, отцветшие. Вот если бы вы не устали, можно было бы и сегодня до вечера за четыре часа подняться к альпийским лугам, только не на этот хребет, не на Аибгу, а на Ачишхо, его отсюда не видно. А теперь смотрите, вон у вершины белеет несколько пятен — это снег. Выходит, что можно за день добраться от субтропиков до снегов!

Владимир Александрович тут же дал справки, как и когда можно побывать на Ачишхо. Группа пойдет завтра с утра, пораньше, чтобы успеть на вершину, пока ее не накроют облака. Туристов поведет молодой ботаник, практикант из Московского университета. Предыдущая группа вернулась очень довольная — по пути спугнули медведя. Да, настоящего медведя!

Надо ли говорить, что мысленно я уже участвовал в этой завтрашней экскурсии?

Кто-то тут же, воспользовавшись наступившей паузой, грубовато спросил:

— А на эту гору как сбегать?

Энгель с улыбкой ответил:

— На Аибгу? Ну нет, на Аибгу так скоро не сбегаете, на нее маршрут двухдневный, больше шестнадцати километров в один конец, с ночлегом в пастушеских балаганах.

Вопрос задавал турист лет тридцати, с самонадеянным бритым лицом, усыпанным красными прыщами. Он не унимался и снова вызывающе, на редкость в разрез с певучей речью Энгеля, заявил:

— Это туда-то два дня? Да я завтра пораньше выйду и к завтраку вон того снежку принесу!

Энгель мягко, но назидательно прервал его:

— Вот что, друзья. Давайте, во-первых, условимся, что вы меня не будете перебивать (публика сразу зашикала на краснолицего). На все вопросы я

2. Вступительная беседа в туркабинете

потом вам отвечу. А во-вторых, для того я с вами и беседую, чтобы предостеречь вас от неразумных поступков. Товарищ, вероятно, впервые в горах?

Краснолицый промолчал.

— Ну вот, вы и не знаете, насколько обманчивы в горах расстояния. Километры кажутся сотнями метров. Пойдете завтра на Ачишхо и убедитесь в этом на собственном опыте.

Лекция, скорее непринужденная беседа, продолжалась. Владимир Александрович говорил о богатствах здешних лесов, упоминал, какая порода дерева на что идет. Запомнилось, что из гибкого бука делают гнутую мебель и, кажется, клепку для бочек — такие детали быстро путались и забывались. До этого я вообще не слышал, что для бочек бывает нужна клепка. Больше запомнились сведения о древесных плодах — о каштанах, грецких орехах, над изучением которых работают ученые Лесной опытной станции.

Оказывается, бук называется также чинарём (лермонтовская чинара — это платан, а бук в просторечье — чинарь). Буковые орешки «чинарики» содержат много масла, заменяющего прованское. Кроме того, и орехи, и каштан, и желуди — все это солидная кормовая база для местного свиноводства.

— Вы уже обратили внимание на здешних свиней — худых, легких на подъем? Для них такая комплекция очень удобна. Они все лето на подножном корму — то на прошлогодних, то на свежих желудях и орехах, то на грушах и на черешне в старых черкесских садах. С каждым месяцем фрукты созревают все в более высоких частях гор, а поэтому все выше поднимаются и свиньи. Теперь же, осенью, когда внизу созрели каштаны и желуди, животные пасутся ниже...

— А зачем у них хомуты? — перебил, не вытерпев, один из поджестков, схвативших со мною в автобусе.

Энгель лишь чуть заметной grimасой выразил недовольство новым вмешательством в лекцию и ответил все тем же ласковым голосом:

— Это чтобы свинки под заборы не пролезали. Начнет рыть, а хомут-то и не пускает.

Упомянув о старых черкесских садах, Энгель начал экскурс в область истории. Можно было опасаться, что сейчас на слушателей опрокинется целый порох столетий и династий, перечисление развалин и летописей. Но все получилось гораздо проще. История у Красной Поляны оказалась на редкость мало известной, а изученный период — совсем коротеньким, меньше столетия.

Энгель лишь мельком упомянул, что населена была долина Мзымты издревле и что люди бронзового века оставили здесь свои могильные памятники — дольмены. Вероятно, заглядывали сюда и иноземные завоеватели, может быть, римляне, а возможно, и средневековые гегуэзские купцы. В окрестностях Поляны есть развалины двух крепостей каменной кладки, несвойственной черкесам. Развалины эти археологами еще не изучены. Вот что известно из всей предыстории — и из античной эпохи, и из средних веков краснополянского Причерноморья. А последние столетия в этих местах были историей многолюдных горских племен — адыге, или черкесов, которые до середины прошлого века населяли обширные пространства гор Западного Кавказа.

Энгель рассказывал о ходе Кавказской войны. Оказывается, в Причерноморье она продолжалась дольше, чем где-либо на Кавказе, даже после того, как в 1859 году на востоке капитулировал Шамиль. Русское командование приняло решение переселить западнокавказских горцев из их горных гнезд на равнину. Северные адыгейцы, еще в середине XVI века присоединившиеся к России, выполнили это условие и перешли в предгорья и в сопредельную кубанскую степь (их потомки и объединены теперь в Адыгейскую автономную область). Значительная же часть горцев поддалась турецкой пропаганде и предпочла переселиться в Турцию.

Рассказав обо всем этом, Энгель снова вернулся к природе окрестностей Красной Поляны. Оказалось, что здесь и природа несла на себе печать этой истории. Горцы выселились из долины Мзымты в 1864 году. Но следы их жизни сохранились и по сей час. Это одичавшие сады да редкие исполины — священные деревья в аул и щах (так теперь называют места бывших поселков). Сады можно встретить глубоко в горах, вдалеке от жилья. Туда и сейчас устремляются местные жители заготавливать черешни и груши, собирать грецкие орехи.

— На месте такого аулища возникла и Красная Поляна. Вот эти орехи на нашей турбазе — тоже свидетели старочеркесских времен.

Горы, долины, даже деревья начинали дышать историей. Чудесный мир, в котором я очутился, становился все более емким и содержательным.

— Западный Кавказ окончательно был присоединен к России в шестидесятых годах прошлого века, — продолжал Энгель. — Неуверенными были первые попытки русских людей освоить завоеванные места. Пробовали переселять сюда только что освобожденных мужиков из-под Тулы, Калуги. Непривычно им было: греча-рожь не растут, земля каменистая, кусты в колючках, природа непонятная. Год-два поживут, да и давай бог ноги. Пробовали селить целые роты женатых солдат — тот же результат. Вот тогда

и решено было заселять горы Западного Кавказа «инородцами». Особенно много на Черноморье хлынуло греков и армян, терпевших тогда большие притеснения в Турции.

Была в те времена у греков на Северном Кавказе под Ставрополем колония переселенцев. Написали им их родичи из Турции, со слов переселившихся туда черкесов, о том, что на Западном Кавказе пустуют замечательные поляны Мзымты. Заинтересовались греки, да и послали через горы своих ходоков взглянуть на эти поляны. Еще с перевала увидели они их вдали в буро-красных пятнах от поблекшего к осени папоротника и назвали главную из них Красной Поляной. А затем и поселились на Красной Поляне с семьями. Было это в 1878 году.

Прошло еще несколько лет. Гонимые безземельем и стремясь избавиться от гнета остзейских баронов, бродили по Руси в поисках «земли обетованной» и ходоки эстонских крестьян. Одни из них облюбовали себе уголки на Северном Кавказе — у Минеральных Вод и под Тебердой. А другие — перевалили через Главный Кавказский хребет и выбрали себе место на соседней с греками поляне, на четыре километра выше по Мзымте. Так с 1886 года возникло там эстонское селение — Эсто-Садок. Вот и сложилось такое необычное соседство представителей двух удаленных народов — греков с эстонцами.

Побережье в те годы было еще совсем глухим, диким, бездорожным. И эстонцы и греки поддерживали связь только с Северным Кавказом — через горы. Положение изменилось лишь в девяностых годах. Под началом генерала Анненкова по берегу Черного моря начали строить шоссе. Голод 1891 года пригнал сюда даровую рабочую силу. Голодающие массами мерли, их заменяли другие, и шоссе от Новороссийска до Сухума, по участку которого вы сегодня ехали между Сочи и Адлером, было построено. Горькое имя «Голодного шоссе» укрепило за ним.

Тогда-то устроитель Черноморского побережья, небезызвестный царский вельможа Абазá, решил сделать царствующему дому приятный подарок. Он вспомнил, что в горах Западного Кавказа пустуют огромные, после выселения черкесов почти незаселенные площади, прослышал, как богаты зверем горные леса (а здесь водился и такой редкий зверь, как кавказский зубр — дикий вымирающий древний бык), и решил Абаза устроить в наших лесах царский и великокняжеский охотничий заказник. А чтобы легче было царю и великим князьям добираться сюда на охоту, в 1898 году инженер Константинов построил к Красной Поляне то самое шоссе, по которому вы к нам сегодня приехали.

На горке над Красной Поляной был выстроен для царя охотничий дворец — теперь в нем дом отдыха. Царь тут так и не побывал. А Красную Поляну решили сделать городом Романовском. Провели планировку этого города, вбили столб с надписью «Полицейское управление», начали распродавать участки. Потянулись сюда за царем вельможи и генералы. Градоначальники Дубасов и Драчевский, председатель Государственной думы Хомяков, миллионер Морозов, граф Бобринский — много их тут было — построили свои дачи в Романовске. Но ни города, ни курорта так и не получилось. Одним пансионатом доктора Чайковского для туберкулезных (нынешняя дача «Чайка» — часть нашей турбазы) курортное дело тогда и кончилось. Ну а потом грянула революция.

Из первой лекции Энгеля запомнился еще один эпизод — уже из времен гражданской войны. В 1920 году в Красной Поляне была Советская власть.

3. Старая открытка. Красная Поляна. Начало XX века

Неожиданно с перевала в Поляну свалилась армия белого генерала Фостикова, которого чаще звали Хвостиковым. Белые стремились прорваться через побережье на соединение с Врангелем. Небольшой гарнизон, находившийся в Красной Поляне, был вынужден отступить по шоссе к морю и занял оборону в узком месте ущелья Ахцу.

Мы все, конечно, прекрасно помнили страшную теснину с туннелем, сквозь которую сегодня проехали. Теперь мы узнаем, что в свое время она была ареной трагических событий. Армия белых остановилась перед горсткой храбрецов, засевших у туннеля. Но в поселке Кепш нашелся предатель, показавший обходную тропу над туннелем, и отряд белых вышел в тыл засады. Герои были схвачены у нижнего входа в туннель (там теперь им поставлен памятник), проведены сквозь туннель и казнены тут же на шоссе.

— Вы, может быть, заметили по выезде из туннеля старую липу, нависшую над пропастью. Над корнями ее прибита мемориальная доска, рассказывающая о том, что эти корни послужили плахой двадцати восьми красноармейцам, казненным и сброшенным в пропасть. Лишь один из них — по фамилии Гусев — чудом уцелел, выжил, пробрался к своим и сообщил обо всей этой трагедии.

Часть беседы касалась и современной жизни Поляны. Энгель рассказывал, как хорошо хозяйничают эстонцы в молодом колхозе «Эдази» (по-эстонски «Вперед») и как отстают от них краснополянские соседи, строившие в свое время все хозяйство в расчете на обслуживание дачников. История переходила в современность. При всей экзотике обстановки здесь шла своя экономическая и политическая жизнь, будничная и вместе с тем напряженная, о которой Энгель рассказывал как живой и активный ее участник.

Все это было и ново и настолько разнообразно, что беседа, длившаяся почти час, не утомляла. Так бы и слушал этот певуче-рокоchущий бас, словно околдовывающий, сумевший столь быстро породнить нас с Красной

Поляной. И даже заключительные слова Энгеля об общественно полезном труде, который могли бы произвести туристы и помощь местным колхозам и научным организациям, прозвучали не официально, не казенно отпугивающе, а с полной убедительностью. Разве не обязан каждый отплатить за такой рассказ всемерной помощью, на какую только способен? Было понятно, что этот старик имеет право просить помощи и работы.

Сразу же после лекции кто-то из его помощников провел запись желающих участвовать завтра в походе на Ачишхо и в сборе листьев и плодов с опытных ботанических площадок, заложенных в лесу. Надо ли говорить, что в этот список я сразу же записался.

Затем Энгель показал нам комнаты туркабинета, фактически маленького краеведческого музейчика. Кем-то любовно сделанные чучела краснополянских зверей — серн, туров, медведя. Несколько карт и схем маршрутов, фотографии. Еще во время лекции Энгель упомянул, что после революции на месте великокняжеских охот был создан Кавказский государственный заповедник. Граница его проходит совсем рядом с Красной Поляной. Это огромная (360000 гектаров) природная лаборатория, целый мир безлюдных скал, лесов, лугов и снегов, где природу изучают в девственном виде в целях охраны и обогащения флоры и фауны. Там строго — нельзя охотиться, рубить лес, жечь костры, рвать цветы. Завтрашний Ачишхо лежит уже в черте заповедника.

С лекции расходились словно очарованные. Мне не с кем было поговорить, но тем интереснее воспринимались обрывки впечатлений, которыми делились между собою слушатели:

— Да, это краевед!

4. В.А. Энгель с туристами

— Интересно, сколько лет он изучал край?

— Главное, не сколько жить, а как любить.

Стади шли двое — их впечатления были менее впечатлившими. Полное краснолице-ного произнес:

— Вот, говорит, старый член партии, а какими пустяками занимается, треплется, лекции читает, когда в стране пятилетка идет. Наверное, в биографии что-нибудь не так...

Я поневоле оглянулся. Что ж, нужно помнить, что рядом живут, пачкая жизнь, и такие вот — с гуттаперчевой душой, злые, ко всему подозрительные люди.

МЕНЯЛИСЬ ВЕЧЕРНИЕ КРАСКИ...

С гор совсем ушли облака. Перед ужином я долго вглядывался в манящую многовершинную Аибгу. Эта гора приковывала к себе удивительным изяществом пропорций и очертаний. Архитектор был бы счастлив, уловив такую комбинацию близких и удаленных пирамид. Пышный лесной покров прикрывал скаты. Даже вечером, когда все тени заострены, склон казался единым, сплошным; отдельные вмятины и пазы на нем почти не различались.

И на эту гору два дня пути? Невольно хотелось согласиться с краснолицым — захочу и сбегаю за снежком к завтраку.

Словно в награду за внимание к ней, Аибга одарила нас в этот вечер удивительной сменой закатных красок. По пирамидам-вершинам перебегали неуловимые, быстро меняющиеся оттенки розовых, сиреневых, лиловых тонов, все это в странных сочетаниях с пихтовой зеленью, бурыми кустами и серыми скалами. Что это? Редкое чудо, случившееся, на мое счастье, именно сегодня? Или обычна, ежедневна такая игра красок у краснополянских закатов?

Заря погасла, и надо было вернуться к своим заботам. На Ачишхо я пройду. Но ведь моя цель — горные озера?

Вырываю из блокнота листок и пишу на нем крупно и, как мне кажется, очень привлекательно:

«Ищу компаньонов, веселых и умных, для совершения ПОХОДА К ГОРНЫМ ОЗЕРАМ — Кардывачу и Рице. Прием заявлений еженощно, с вечера до утра, двенадцатая дача, балкончик, койка на тычке» (за сим следовала подпись).

Листок был приклеен на доске объявлений у регистратуры.

За ужином, состоявшим из капустных голубцов с перловой («шрапнельной») начинкой и стакана кофе, краснолицый турист и его невзрачный спутник подняли шум.

— Почему ужин плохой? Не хватает по калорийности!

На террасе появился озабоченный Энгель. Краснолицый, вставая из-за стола, уже издали на всю столовую спросил:

— Это что же, товарищ заведующий? Куда положенные нам продукты прячете? Думаете лекциями нас заговорить? А у меня не за лекцию, а за путевку деньги плачены, мясные талончики из карточки вырезаны. Соловьев баснями не кормят!

Энгель с грустью смотрел на разошедшегося грубияна.

— Ну, вот что, дорогой соловей. Поете вы громко, а не знаете, что я с вашим же старостой договорился: за счет сегодняшнего ужина увеличим вам

защиты миссии довольствие в сухом пайке на поход в горы. В горах важнее сытно поесть. Поэтому и ужин сегодня постный.

Краснолицый несколько осел, обмяк.

— А кто его уполномочил, нашего старосту, такие решения принимать?

— Так, наверное, вы же и уполномочили, раз выбрали старостой? Разве он не посоветовался с группой?

— Советовался, советовался,— раздались голоса.— Товарища тоже приглашали, но он не захотел обсуждать, сказал, что он в отпуске, а не заседать приехал.

Краснолицый капитулировал и, садясь на место доедать капусту, ворчал уже себе одному под нос:

— Поход, поход! А может, я и не собираюсь в этот ваш поход.

Попросить у Энгеля извинения он, конечно, и не подумал.

Вечер был темный, многозвездный. Казалось, только через океан хрустала могутлиться с неба такое мерцание, такие россыпи сияющей пыли. На веранде раздались звуки пианино...

На лесенке в полутьме одинокая девушка. Вгляделся — регистраторша. Спрашивает, что же я не танцую.

— Если бы даже умел — отложил бы такое удовольствие до Москвы. Оказаться в кои-то веки на юге, в горах — и такую звездную ночь протанцевать?

— Хорошо, что вы так думаете. Так однообразны, так повторяются эти танцующие кавалеры. Мне здесь очень скучно — подсчитываю дни до отъезда...

— А вы не здешняя?

— Москвичка, учусь, но временно прервала курс. У меня процесс в легких, вот и приехала сюда — говорят, Красная Поляна помогает туберкулезным. Но тут так сыро...

Печальная справка. Что в ответ на нее сказать?

— А в горы не ходите? Скажем, завтра на Ачишхо?

— Ой, что вы! Мне и служба и здоровье не позволяют. Я слышала, что над Красной Поляной еще лучше, чем в самой Поляне. Но я только завидую проходящим. И вам в том числе.

Так неожиданно открылось, что в счастливой Поляне есть и грустные судьбы, что можно и здесь тосковать, ждать отъезда.

Подвел ее к своему объявлению и попросил завтра, пока я буду на Ачишхо, показывать его «подходящим» туристам. В блеклом свете дальнего фонаря Нина (так звали девушку) пробежала текст объявления и неожиданно сказала:

— А это мне не нравится.

И, не дожидаясь ответа, убежала.

ПУТЬ К СОСНОВОЙ СКАЛЕ

Группа в сборе. Не досчитываемся только двоих: вчерашних смутьянов. Ходивший за ними посланец говорит, что койка краснолицего пуста, а компаньон спал и рассердился, что его разбудили.

Руководитель решительно произнес:

— Ваш опаздывающий товарищ может испортить нам весь поход. Ачишхо — самое мокрое место в стране. Осадков там выпадает больше, чем в Аджаристане. С полудня гребень, как правило, закрывают облака. Мы должны подняться туда раньше, чем появится облачность, иначе пропадет все удо-

польствие от похождения. Поэтому — в путь! Условимся: меня не обгонять, темп задаю я. Будем чаще останавливаться, чтобы перевести дыхание. Во время минутных остановок советую не садиться.

Гид быстро проверил, весь ли сухой паек получен, захвачены ли ножи, ложки, кружки, условился со старостой об очереди — кому нести рюкзаки в едой, а кому еще два рюкзака — с мешками для сбора каких-то материалов с опытных площадок.

Привлекательный облик — юный розовощекий блондин, взгляд, отражающий живой и острый ум, хорошо поставленная речь с четкой дикцией, ненапускная серьезность, достоинство, с которым он держится, и хозяйская уверенность в обращении с группой — все это так подкупало, что туристы легко и без возражений подчинились его воле. Чувствовалось, что у этого человека есть опыт в вождении групп по горам. И совсем не удивляло, что его, такого молодого (а он был немногим старше меня), как-то сразу и все стали называть по-взрослому, с отчеством: Георгий Владимирович.

Вот мы и в пути. Идем по улицам Красной Поляны веселой переговаривающейся гурьбой. Подъем, хоть он вначале и мало заметен, быстро делает людей менее разговорчивыми — только успевай дышать.

Георгий Владимирович остановил нас, показал на появившийся впереди зубчатый хребет и сказал:

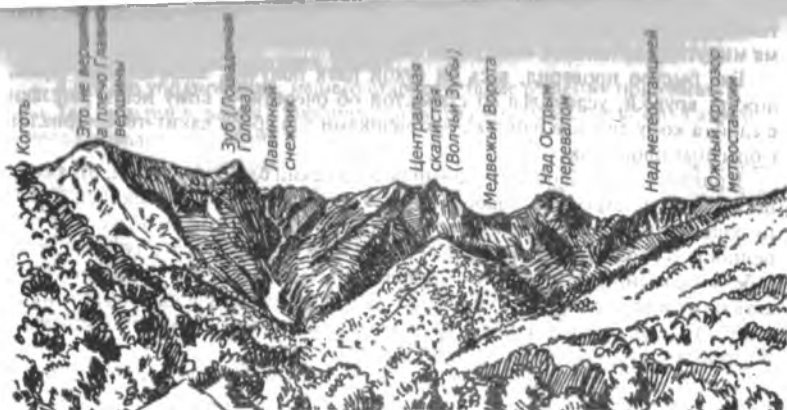
— Вот и наш Ачишхо. Мы пойдем к самой правой из видных отсюда вершин. Вон, видите, ниже второй справа вершины светлозеленое пятнышко среди леса. Это — поляна с камнем, ее высота — 1400 метров. Там один из наших привалов.

Признаться, я не разглядел поляну и тем более не увидел никакого камня. Склон казался однообразным, и плохо верилось, что в этой путанице лесистых лощин и отрогов можно что-то различить. Двинулись дальше, даже не заметив, что во время этой остановки дыхание успокоилось. Не дав ему вновь «разыгаться», экскурсовод вскоре опять остановил нас, уже за пределами селения. На этот раз он обратил внимание на то, как вместе с нашим подъемом словно вырастает видная сзади Аибга.

Он был прав. Гора становилась более гордой, приподнималась на глазах. Особенно возносился и обособлялся средний пик, выглядывающий из-за двух передних больших пирамид. Уже можно было думать, что именно это — главная вершина пятигорья.

Для столь же кратких остановок находились все новые поводы. То это были отдельные деревья черешни, одичавших груш, грецкого ореха на старых аулищах. То предметом беседы служил упавший плод ореха еще в жестком зеленом футляре — нужно же было посоветовать не расковыривать эту кожуру пальцами: она красится стойкой, долго не смываемой коричневой краской. Показаны были и глянцево-ярко-коричневые плоды каштана, игольчатые оболочки которых напоминали маленьких ежей. Удивило и запомнилось обещание провести нас через несколько сезонов — из лета к весне, зиме и осени. В разных высотных зонах и сезоны наступают в разное время. Пока что издали руководитель показал нам только на побуревшее криволесье и выцветшие луга выше границы леса на Аибге.

— Там, — сказал он, — уже началась осень. Но там же, пока стоят теплые дни, продолжают еще дотаивать прошлогодние снега. И вокруг этих «пятен зимы», на площадках, с которых только сегодня растает снежок, поторопятся

Вершины Ачишхо со стороны Красной Поляны

распустить свои первые листья ранневесенние травы. Краткой будет такая весна, но все же она наступает, и сегодня вы увидите всю ее скоротечную прелесть.

Подошли к мосту через бурлящую речушку, рокот которой уже давно сопровождал нас, доносясь слева. Как идет к ее прыгающим, пенистым струям недоброе и в то же время такое ласковое название — Бешенка!

Дорога превратилась в тропу. На очередных остановках экскурсовод показал нам граб, каштан, бук, ильм, научил различать их листву. Запомнилось, например, что у граба иззубрен красшек листа, причем по более крупным зубчикам бежит мелкая иззубренность — зубчики второго порядка. Первые буки что-то не произвели впечатления.

В одном месте нам было сказано: «Вот здесь нужно держаться правых троп, чтобы не уйти на западные вершины хребта». Я взглянул на экскурсовода с уважением: как он легко ориентируется в этой чаще! Мне казалось, что тропа и до этого ветвилась уже десятки раз и что опознать место, где новые лесные развилки грозят увести путника не туда, было равносильно ясновидению... Но вскоре влево от нас действительно ответвилась торная, хорошо утопанная скотом тропа.

Впереди громоздится крутая скала метров сто высотой. На ее серо-бурых обрывах и на верхушке видна совсем другая зелень, нежели в окружающем ярком лиственном лесу: голубовато-сизая — это зелень хвой сосен. Да и стволы не как у соседних деревьев — отсвечивают чем-то своим, красноватым.

Кто-то с ужасом спрашивает:

— И на эту скалу полезем?

— Нет, мы ее обойдем и уже очень скоро увидим ее вершину далеко внизу, у себя под ногами.

В это покуда, конечно, не верится.

— Обратите внимание, как чутко растительность реагирует на изменение условий обитания. Смотрите, как пышен полог широколиственных лесов всюду, где есть изобилие влаги. А на этой отвесной трещиноватой скале вода

не задерживается. Поэтому здесь ужились только сосны — как и в средней России на маловодных песках, они легче переносят сухость грунта.

Сейчас мы войдем в заповедник. Поэтому более долгий привал: усаживаемся на стволы вилежника и слушаем, каким же заповедям тут полагается подчиняться.

Вот он, рядом, этот легендарный мир, где во имя науки, во имя интереса будущих поколений охраняется в нетронутом виде роскошная и обильная природа Западного Кавказа. Чем полнее будут люди использовать ее богатства, лесные и пушные, горные и водные, по соседству, тем строже надо беречь эту заповедную девственную глушь, ибо пути ее естественного развития можно полностью познать именно тут, в ограждении от всяких вмешательств человека.

Но заповедник — не просто музей, оберегаемая древность и дикость. Он полон жизни, и защищать нужно именно эту жизнь, защищать так, чтобы она плодилась и множилась. Заповедные звери под защитой закона размножаются и начинают расселяться за пределы заповедника, обогащая соседние охотничьи угодья. Значит, перед нами не только царство защиты природы, но и источник увеличения ее сокровищ.

Пересекаем границу (вывеска на стволе) с естественным, хотя и наивным ощущением, что входим в некий зоопарк, в котором из-за первых же деревьев высунутся медведи и кабаны.

ПЕРВЫЙ РАЗ НА АЧИШХО

По скользким жердочкам тропа перешла через Бешенку и сразу попала в непролазную, как и полагается быть заповедной, чащу. Это были кустарники с кожистой, лаковой вечнозеленой листвой. Руководитель назвал одни из них лавровишней (их листья по форме напоминали лавровые), другие, у которых листья длиннее и шире, с сужением к черенку, — понтийским рододендромом, третьи — с фестончато-острорезными листьями — падубом. Все это были колхидцы, представители древней пышной растительности, переждавшей невзгоды ледниковых эпох под защитой хребтов Кавказа. Да и весь лес руководитель несколько раз назвал горноколхидским.

Еще раз перешли речку. Тропинка огибает глыбы бархатно-мшистых камней и... начинает спускаться. Туристы дружно ворчат, точно их обманули: жалко терять набранную высоту. Но вот перед нами крутой склон, почти лишенный травяного покрова и весь занятый могучими пепельно-серыми колоннами. Мы попали в настоящий высокоствольный буковый лес. Такие буки уже ни с чем не спутаешь и запомнишь навек. Сколько величия, торжественной тишины, мощи, покоя!

Тропа поднимается полого, но резкими зигзагами. Крутой склон рождает понятное стремление лезть прямо, преодолевая кручу. Кое-кто из туристов, недовольный медленными обходами по загогулинам, полез было прямым. Экскурсовод остановил группу.

— Товарищи, смотрите, как полого извилистая тропа. Так мягко трассировать тропы умели еще черкесы. Если идти по ней размеренно, подчиняясь зигзагам, то можно дойти и до гребня без особой усталости. Если же срезать углы на подъеме, как начали делать некоторые из вас, то вы утомитесь и быстро выдохнетесь.

Из этой речи и почему-то заключил, что и признаки постройки тропы (укрепленные жердями кирпичи) можно считать наследием черкесских строителей. Кому еще было нужно строить такую тропу в запущенных дебрях?

Все больше ощущения высоты и воздуха под ногами. Тропа устремляется влево по косогору, и под нами, когда оглянешься на пройденный путь, распадается такая глубь и даль, что захватывает дыхание. Вон совсем внизу поросший соснами бугорок — это и есть Сосновая скала, так недавно поражавшая нас своим величием. Вдалеке белеют домики Поляны. Еще выше и круче встала удалившаяся Аибга. Но куда девались ее великолепные пирамиды? Поднимается грубовато очерченная гряда, всего с тремя некрутыми пиками на гребне, а перед ними путается множество трудно различимых отрогов. И вовсе не понятно, какие же из них производили снизу впечатление пирамид и главного пика, так недавно выроставшего у нас на глазах?

А за Аибгой вставала гряда невидных до этого гор. Двуглавую, похожую на Эльбрус в миниатюре, только бесснежную шапку на этом хребте экскурсовод назвал экзотическим именем — Ах-Ах. Шутим, что такое удвоенное восклицание вполне подходит для выражения нашего восторга. Впрочем, вскоре на карте я прочитаю это название точнее — Ахаг. Новые пики появились и точнее Аибги. Самый грозный из них Агепста. Мы узнали, что это не только высочайшая из вершин в окрестностях Красной Поляны, но и пик, до сих пор никем не покоренный. Неужели он так недоступен?

То ли от радости, рожденной далекими панорамами, то ли от свойств горного воздуха, но мы зашагали бодрее.

Легкий, словно на крыльях, подъем между коряво изогнутыми кустами бука.

Тропа, ставшая сразу каменистой, вывела на обширную высокотравную поляну. Это и была давно обещанная поляна с камнем — место привала.

5. Переправа через Бешенку

Действительно, в центре поляны у тропы лежал большой серый каменюк, когда-то свалившийся сверху, но задержавшийся здесь, на более пологом склоне. Камень образовал подобие билкона, на котором было особенно приятно сидеть. Туристы шумно делились впечатлениями.

На лицах двух юнцов заметно недовольство: заповедник и ни одного зверя. Их порчание долетает до слуха экскурсовода. Он требует внимания и произносит сдержанным голосом, сразу же заставляя всех притихнуть:

Товарищи, вы слишком шумите. Предыдущая группа вела себя тише и как раз с этого камня видела вон на том зеленом склоне бегущего медведя. А при таком шуме вам, конечно, не покажется ни один зверь.

После подобного предупреждения не зашумишь. Все окружающее становится еще значительнее, таинственнее. Возможность именно с этого камня увидеть живого медведя рождает совсем новое чувство чисто охотничьего ожидания. Теперь все стремятся говорить шепотом, двигаться осторожно, и подчас шум возникает от слишком ретивых одергиваний и взаимных упреков новоявленных блюстителей тишины. «Бегущий медведь»... Как это непривычно звучит. И, вероятно, поэтому особенно реально: ведь такого не выдумаешь. Замечаем, как здесь принижен и изогнут еще недавно гордый и высокоствольный бук. А на соседнем склоне — и на одной высоте с нами и выше нас — виден по-прежнему высокий буковый лес. Что же здесь заставило буки так «пресмыкаться»?

Оказывается, тропа вывела нас к ложбине, по которой ежегодно зимой и весной с вышележащих утесов скатываются грозные снежные обвалы. И сами лавины, и сопутствующая им сокрушительная воздушная волна играючи валят и корчуют любые деревья. Ведь это лавинами свалены исполинские стволы у Сосновой скалы, на которых мы отдыхали. Вон и на Аибге по всей зоне пихтового леса вдоль каждой лощины видны светло-зеленые вертикальные полосы, где пихты не растут. Это следы лавинных прочесов. Здесь успевают вырасти только трава, ибо ростки деревьев в ближайшие же зимы сметаются очередными обвалами. Но в полосах, где лавины бывают реже или слабее, ухитряется укорениться и бук. Пригнетаемый выпавшим снегом, он начинает стлаться по земле, подчас даже вниз по склону, и, лишь окрепнув, устремляется вверх. Небольшие лавинки ему не страшны: саблевидно изогнутые стволы его пружинят и лишь помогают глыбам и комьям снега подпрыгивать при падении.

Нас окружала высокая, но частично уже полегшая трава. Устоявшие «травинки» кое-где превышали человеческий рост. Георгий Владимирович, словно прося у нас прощения, сказал, что это — субальпийское высокоствольное травье, но, во-первых, отцветшее (сентябрь не время для того, чтобы любоваться горными лугами), а во-вторых, сильно потравленное выпасами еще до установления заповедного режима. Задача заповедника, таким образом, не только охранять природу нетронутую, но и восстанавливать то, что в ней было повреждено неумелым хозяйничаньем.

От поляны с камнем путь пошел круче и утомительнее. После монотонного подъема по криволесью каменистая тропка вывела еще на одну субальпийскую поляну, затем приняла косогором правее и снова нырнула в высокоствольный лес. Но что за странность? Здесь даже у огромных рослых буков нижняя часть ствола была изогнута и подходила к грунту почти горизонтально. Более молодые буки изгибались в основании особенно изящно и

напоминали лебединые шеи. В этом виновато все то же пригнетающее влияние зимнего снега. Молодые ростки вынуждены стлаться по склону под гнетом снегов, но приходит время — дерево крепнет, мужнет, и ствол — там, где ему не мешают лавины, — гордо поднимается вверх. Лишь в штиль в основании дерева напоминает о былой борьбе со снегами. Вот как полуплывают эти удивительные деревья-лебеди.

Довольно скоро тропа оказалась снова на поляне, на этот раз низкотравной, альпийской. Было странно видеть на такой большой высоте привольные луговые плато с холмами, озёрцами и болотцами в мелких впадинах.

Руководитель посоветовал здесь держаться левых троп, чтобы не уйти на Эстонские поляны.

В поблекшей осенней траве лужаек местами еще сияют яркие кубово-синие бокальчики со звездчатыми лепестками. Это генцианы — типичные цветы альпийских лугов. Реснички на их лепестках как бы прикрывают внутренность синего кубка-цветка — это придает его глубине загадочность и интимность. А в лощинах трава совсем свежа, и в ней много разных цветов — белые анемоны, золотая сон-трава, розовые астранции.

С таких зеленеющих мест лишь недавно сошел снег, и травы едва успели вырасти и зацвести. Они сейчас празднуют свое краткое лето.

А вот и весна! Луговина, еще бурая от прошлогодней травы, сквозь которую еле пробиваются первые спиральные завитки будущих папоротников да прорастают совсем весенние первоцветы — примулы. Здесь снег успел стаять, может быть, два-три дня назад.

— Увидим ли мы сохранившийся снег?

Ответа на этот вопрос долго ожидать не пришлось. Из-за ближайшего уступа открылось еще одно холмистое плато, и на нем не дотаявшее пятнышко снега. Забыв про усталость и про заповедные требования сохранять тишину, туристы кинулись к нему с криками, и через минуту игра в снежки объединила и взрослых и подростков.

Осмотревшись, мы увидели, что плато, на котором сохранился снег, находится почти на самом гребне хребта. Куда ни взглянешь, за его краями чувствуются огромные глубины и кручи, а из-за кустов проступают новые диковинные вершины.

Во впадине между большими холмами притаилось, как зеркальце, уютное озерцо, тоже неожиданное на такой высоте. Склоны к нему устилал вечнозеленый кустарник с грубыми кожистыми листьями — кавказский рододендрон. Он, конечно, уже отцвел, но можно было легко представить, как великолепно отражались в этом озерце его белые и бледно-розовые цветы.

Самым неожиданным было увидеть на соседнем увале дом. Настоящий дом каменной кладки, с деревянной крышей, окнами, дверью и явными признаками жизни: из трубы шел дымок, неподалеку от дома паслась корова, а к нам, уже лая, бежала встревоженная собачонка. Вот тебе и заповедник!

Загадка разъяснялась просто: рядом с домиком была видна площадка с метеобудкой, дождемером и высоким шестом с флюгером.

НА КРУГОЗОРАХ

Туристы устремились было к домику, но Георгий Владимирович предупредил: время позднее, в любую минуту нас могут накрыть облака, поэтому скорее дальше вверх!

Было непонятно, откуда и какие нам грозят облаки. Небо чистое, горизонты открытые. Лишь на нескольких вершинах шпенились незначительные белые пушки.

С камня на камень, тропкою между рододендронами поднимаемся на бугорок, ограничивающий плато, и останавливаемся. Мы на вершине — кругом обрывы и кручи. Под ногами разверзается глубокая и необъятная панорама — что перед нею наши восторги на первом карнизе в буках? И что там Аибга и Ахаг, когда из-за них высунулись еще третьей по счету шторой вычурные громады — они названы Гагринским хребтом. За Агепстой видны какие-то снежные глыбы — говорят, что именно под ними покоится мое заветное озеро Кярдывач. А ближе во весь горизонт встал Главный Кавказский хребет. Какие-то из этих пирамид и шатров — пики Псеашхо, видные из Красной Поляны. Но отсюда они совсем неузнаваемы.

Правее Аибги горы ниже. Вон черная гряда Ахцу, прогрызенная ущельем Мзымты. А дальше... Дальше лишь синяя дымка. Экскурсовод говорит:

— А это мы видим море.

Как море? Какое же это море?! А впрочем, пожалуй, он прав. Ведь там гребни гор ниже, чем находимся мы. А что же лежит над гребнями? Не может же небо спускаться ниже воображаемой нами линии горизонта? Значит, действительно часть этой дымки, распластанной над низкими предгорными кряжами, — не небо, а море.

Не хочется уходить с вершинки. Свежесть, упоение далями, чувство верховного торжества над всем сущим. Мир внизу виден, точно в огромном аквариуме, — таким густым кажется воздух, заполняющий бездны. Но что это? Воздух мерцает, сгущается, становится все голубее и дымчатее, снизу врываются порывы странного ветра, и из ближайших лошин, рождаясь на глазах, поднимаются струи тумана.

Чувство такое, будто находимся у вытяжных труб, из которых валит кверху густой пар. Мы присутствуем при обещанном рождении облаков. Так всегда к полудню доносятся сюда из долин восходящие потоки нагретого влажного воздуха. Соприкасаясь у гребня с холодным воздухом высей, вся газообразная, прозрачная, но как бы отягощающая его влага обращается в видимый пар — точнее, в туман, в неисчислимое количество мелких взвешенных капелек.

Ключья тумана повалили мимо нас и прямо через нас, сначала отдельные, растрепанные, потом все кучнее; вот из них уже «свалялось» и целое облачко, проплывшее над озерцом и метеостанцией...

Руководитель командует:

— Туман наступает! Скорее на второй кругозор!

Сбегаем по тропкам между рододендронами, оставляем правее озерцо и метеостанцию, углубляемся в кустики и через несколько шагов как вкопанные останавливаемся у обрывов.

Можно ли было представить себе, что отсюда откроется что-то еще более захватывающее, чем с предыдущей вершины? Прямо под ногами разверзлась огромной глубины и ширины зеленая, тоже наполненная влажным воздухом долина, занятая морем диких лесов, а над нею взгромоздился скалистый Чугуш, первая вершина Кавказа, превысившая, если идти с запада, 3000 метров. Казалось, он совсем рядом, рукою подать, хотя от нашей вершины его отделял добрый десяток километров. Чугуш — это уже глубинная часть заповедника, настоящее царство туров и оленей.

...для полной путинии хребтов; названия, сообщаемые экскурсоводом, тут же забывались. Лишь на северо-западе выделились и сразу запомнились необычайностью облика два горных массива, словно два легких, полупрозрачных, лилово-розовых облака. Это были Фишт и Оштэн, первые с запада вершины Кавказа, несущие на себе ледники.

Не прошло пятнадцати минут, как и на этот кругозор из ближайших лощин начало засасывать облака. Картина повторилась. У метеостанции стоял уже плотный туман, ощущавшийся просто как морозящая сырость.

Теперь можно было заглянуть к метеорологам. Они сами, Аля Яковлевна Гейман и Василий Евгеньевич Чинарин, вышли из дверей домика и охотно отвечали на наши вопросы. Живут здесь круглый год. Зимой откапывают свой дом из-под шестиметровых заносов снега. Получают полярный паек. В Красную Поляну спускаются редко, зимой — на лыжах, только не тем путем, где мы шли (тут мешают лавины), а где-то в обход, лесом. На лыжах по пологим верхам своего хребта катаются до июня.

Встречают ли зверей? Еще бы! Совсем недавно песик облаял медведя у самой метеостанции. Часто подходят серны. А на Чугуше туров — целые табуны. Но их видно только в сильный бинокль...

С невольным уважением смотрели мы на людей, несущих свою вахту так высоко в заповедных горах, в полном уединении. Естественно, что ради облегчения их жизни небольшой участок заповедника вокруг метеостанции отведен в их пользование для порубок, покоса и выпаса. Жизнь здесь нелегкая и невеселая. О радио в тот год наблюдатели только еще мечтали.

Простившись с метеорологами, мы подошли к их озерцу. К ручьям спускаться не хочется. Попьем из озерца, хоть оно и не имеет оттока. Разве не интересно — пить из водоема, примостившегося на самом гребне хребта?

Подойдя поближе, мы заметили, что в воде плавают тритоны. Некоторым это не понравилось, но от питья все же не отказался никто.

Георгий Владимирович решительно усадил нас вокруг озера, ловко раскроил буханки ножом на нужное количество толстых, как кирпичи, ломтей, раскромсал на кубики взятое с собою сливочное масло и разложил его на куски хлеба. Затем раздал по большому соленому огурцу. Кривым садовым ножом были вскрыты рыбные консервы, и все их содержимое ложкой разложено по тем же бутербродам. И, наконец, была поделена взятая в счет вчерашнего мясного довольствия грудинка; каждый почувствовал, как она сегодня кстати. После подъема на полтора километра люди могли бы съесть и вдвое и втрое больше. Тем вкуснее было то небольшое, что полагалось по ограниченному пайковым нормам 1932 года.

Экскурсовод предложил желающим прогуляться с ним немного дальше — к водопадам речки Ачипсэ. Конечно, пошли и туда. Тропка нырнула в рододендроны и в криволесье. Спуск оказался коротеньким, потом шел горизонтальный карниз по косогору.

Северный склон. Белыми полотенцами лежат по лощинам снежники. Пересекая их, снова видим «лето, весну и зиму», хотя начавшаяся осень и тут уже заставила побуреть листву кривых буков и пожухнуть альпийские травы.

Через острую, как ижица, выемку на отроге (мысленно нарекаю ее Острым перевалом) спуск по большому снежнику вдоль страшного каменного хаоса. Попадаем в совсем новый мир. Вокруг скалистые и луговые склоны, с обрывов струятся серебристые вертикальные нити водопадов. А главная речка

долины — Ачипсе — падает по уступам своего дна несколькими узкими, но многоводными каскадами. Под ними — выдолбленные падающей водой лиричные озеронидные ванночки... Рваный туман блуждает и здесь, приданая картине полусказочный вид.

Кто-то полез было на одну из скользких скал, с которых свергался нижний подояд. Но Георгий Владимирович повелительно потребовал от туриста вернуться — он все время был начеку и присматривал, не наделает ли кто из нас глупостей, не полезет ли в опасное место...

Новое, неведомое кончалось. Оставалось возвращение. И обратный подъем по снежнику к Острому перевалу и, после спуска с него, второй подъем к метеостанции — оказались совсем нетрудными. Настроение поднялось, и панибратское общение с облаками позволило ощутить даже что-то вроде гордости.

Новые сочетания облачных ключев, полос, кулис совершенно преобразили площадку метеостанции. Бывало, например, что туман закрывал озерцо у подножия домика, а стены и крыша были видны. Тогда скромная хижина казалась одиноким замком, становилась большой, вознесшейся, гордой. А понижалась вся масса тумана, и над нею всплывал исполинским ковчегом массив Чугуша.

Пора было спускаться. Крупными шагами, не переходя в бег, руководитель повел группу вниз. Теперь туристам предстояло выполнить задание Лесной опытной станции.

В лесу с «лебедиными стволами» остановка. С квадратных участков, огороженных колышками и шнуром, туристы быстро собирают в мешочки весь опад — листья, черенки, плоды — все, что упало па почву и должно было принять участие в дальнейшем почвообразовании. Учет этого «прихода органического вещества» нужен исследователям для более полного представления о путях формирования горнолесных почв...

С сознанием исполненного долга спускаемся по скучному криволесью к поляне с камнем. Каменистая часть спуска оказывается утомительной — приходится ступать осторожно, выпружинивая мышцами каждый шаг. Зато в высокоствольном буковом лесу так мягка мелкоземистая, усталая опавшей листвой, тропа, так приятно «рушиться» вниз, спрямляя зигзаги. Повинуешься одной силе тяжести и двигаешь ногами лишь для того, чтобы предохранить себя от падения...

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КРАСНОЛИЦЕГО

Веселые, утомленные, но словно лучащиеся принесенным с собою светом, приходим на базу, привлекаем внимание множества только что приехавших туристов. Шутим — кто где споткнулся, кому где померещился медведь, оказавшийся камнем. Нас кормят вкусным обедом — шами, жарким и компотом: ведь сухой паек был нам выдан в счет ужина, а обед сохранен на вечер для подкрепления потраченных сил.

На веранде появляется спутник краснолицего забияки и недоверчиво смотрит на довольные лица вернувшихся. Кто-то бросает ему:

— Эх, много потеряли, товарищ дорогой, что с нами не пошли.

— А чего я там не видал? Зато я здесь проверил правильность закладки продуктов по котлам. Вот видите — налицо и результаты.

Он был склонен приписать именно себе сытность сегодняшнего обеда. Еще кто-то спросил его:

— А что же наш приятель? Тоже с нами рептилиями занимался?

— Как, а разве он не с нами? Обещал. Это был наш друг.

— Нет, мы его ждали четверть часа и ушли без него.

— Так он же встал ни свет ни заря, раньше всех. Я думал, он вас обгонит, и повстречает там на вершине.

Значит, человек исчез! Начинаем волноваться, а друг пропавшего оживляется, предчувствуя сложность предстоящих розысков и выявления виновных. Обеспокоенный Энгель спрашивает:

— Это не тот ли, что вчера грозился сбежать за снежком к завтраку на Аибгу?

— Конечно, тот самый. Его товарищ и говорит, что он встал ни свет ни заря.

— Так. Будем считать, что он решил осуществить свое желание и полез-таки на Аибгу за снегом. Ни троп, ни дорог не знает, лезет целиной. Немедленно организуем поиски на Аибге.

Чей-то голос:

— А может быть, он все-таки на Ачишхо?

Энгель:

— Сейчас сообразим. Нужно несколько групп. Одну из них на всякий случай пустим на Ачишхо, остальные — по склонам Аибги. Товарищ староста, учтите добровольцев в спасательные партии из вашей группы. А я пойду обзвоню власти и заповедник, вызову своих сотрудников. К тому же здесь есть еще три хороших альпиниста, привлечем их.

На улице быстро темнело, и было страшно даже думать о том, как висит где-то в горах над кручами или ломится через кусты, теряя надежду из них выбраться, совсем одинокий, уже раскаивающийся в своем необдуманном поступке человек.

После подъема на Ачишхо и, главное, утомительного спуска тело гудело, ноги казались тяжелыми, а отдельные мышцы, особенно выше колен, откровенно болели. Но многие мои спутники, а за ними и я, записались в спасательные партии. Вскоре на веранде показались присланные Энгелем три альпиниста — хорошие рослые ребята с обветренными и загорелыми лицами, в штормовых куртках, брюках-гольф и больших толстокожих башмаках, подкованных металлическими шипами.

Еще несколько минут, и сюда же собрались многие сотрудники базы — методистка, длинный, нескладный экскурсовод по фамилии Хуст, с презрительным выражением лица. Явился высокий и красивый молодой человек — ботаник Александр Владимирович Кожевников — хозяин опытных площадок на Ачишхо и Аибге, прекрасный знаток окружающих гор. О нем наш сегодняшний экскурсовод уже говорил как об энтузиасте-исследователе Красной Поляны. Пришли проводники-греки, несколько человек из охраны Кавказского заповедника. Из сельсовета прислали врача и двух охотников.

Кожевников наметил пункты, где пропавший мог начать подъем. Моста через Мзымту у Красной Поляны тогда еще не было. Прямо против турбазы реку можно было перейти только вброд. Если краснолицый избрал именно этот путь, перед ним было два варианта подъема: значит, здесь должны двинуться два отряда, придерживаясь один — водопадной, другой — так называемой Османовой тропы. Если же краснолицему кто-нибудь рассказал, что ни-

же через Мзымту есть переправа по тросу на люльке, то он мог полететь от переправы в гору прямо в лоб. Сюда тоже нужна группа.

Кладовщик выдаст продукты — поход неизвестно сколько продлится. Все группы перевалят Аибгу, местом встреч назначаются Первые балаганы на той стороне гребга (балаганами здесь называют пастушеские коши). Завхоз приносит и раздает кому фонари «летучая мышь», кому карманные электрофонарики.

Энгель остается на базе для координации действий. Хуст и методистка, сумев не попасть ни в какие списки, тихо исчезают. А наш сегодняшний руководитель, несмотря на усталость, отправляется прочесывать Ачишхо, но уже не по тропе, где мы шли, а тоже в лоб, прямо от турбазы: расчет на неразумность туриста, который мог решить лезть на первую попавшуюся гору напрямиком...

Никто не вспоминал о том, насколько мало симпатичным было вчерашнее поведение пропавшего. Помнилось только, что этот неладный человек попал в беду и, значит, надо его разыскать и выручить. К тому же он и голоден — ведь он отправился «за снегом» до завтрака.

Партии укомплектованы, продукты и медикаменты упакованы в рюкзаки. Энгель произносит последние напутствия, и простота его взволнованных слов придает лишь большее значение происходящему.

Мзымта шумит — мы сейчас превозможем ее стремительные воды. Мрачно громоздится почти невидимая Аибга, спрятавшая в своих складках живого человека. Мы углубимся в ее мрак, нарушим ее тишину своими головами и гудками, осветим тьму лучами фонарей и найдем изнуренного, может быть, искалеченного туриста. Мало ли что могло быть — упал с переломом, вывихом, растяжением...

В это самое время из темноты от регистратуры раздается звонкий голос Нины:

— Ой, Владимир Александрович! Пришел, живой пришел!

Фу, гора с плеч! И радость и вместе с тем, как это ни смешно, даже какое-то разочарование. Так складно организовывалось спасение, так много людей было готово помочь — и все это зря? Нет, глупости. Прежде всего важно, что жив и пришел. Да и что скрывать, стало легче от сознания, что не надо сейчас лезть вброд в сумасшедшую ледяную Мзымту и карабкаться во тьму дремучей зловешей горы.

В полосу света вошла странная фигура краснолицего. Костюм его был до нитки мокр и изодран, как рубище. Во взгляде совмещались вызов и смущение за свое жалкое состояние.

Энгель с грустной улыбкой пошел, протянув к нему руки:

— Ну вот, непослушный вы человек! Не ранены? Не хромаете? Перепугали вы нас, мы вон уже спасать вас целую роту мобилизовали.

Краснолицый поднялся на веранду. При свете стали видны царапины и ссадины на руках, синяки и небольшая рваная рана на скуле. Увидев это, Энгель сказал:

— Эге, рассказывать после будете. А сейчас на перевязку и переодеваться.

Врач пытался тут же увести «героя» на лечение, но альпинисты, быстрее других сориентировавшись, уже загородили его собою от остальных, сняли с него мокрую одежду, достали из своих рюкзаков штормовку и штаны и заставили немедленно облачиться в сухое. Налили ему из фляги полстакана

копьяку, а официантка поставила перед потерпевшим горячий кофе. Осушив то и другое, краснолицый удалился на перенятку.

Когда он явился из фельдшерского пункта с перенизинной головой, с пластырем на скуле и пятнами изумрудной зелени на остальных частях розового лица и на руках, признаки смущения уже успели исчезнуть. Он ощутил себя в центре внимания и шествовал победной поступью оперного героя.

Кто-то, не дав ему начать арию, ехидно спросил:

— Ну и как же снежок к завтраку?

Это вовремя сбило форс. «Герою» пришлось оправдываться.

— А вы не верите? Я ж его, дьявола, достал и нес полную шапку до самого вечера, через все кусты и камни. А река, проклятая, как сшибла меня, как пошла молотить по камням, так я и шапку из рук выпустил — плывет теперь где-то вместе со снегом.

Потерпевшему подали щи, и остальное он рассказывал, жадно уничтожая обед.

— И где же вы побывали?

— А чего? Как сказал, так и был, вот на этой горе.

Значит, все-таки именно на Аибге (Энгель был прав, решая сосредоточить главные поиски не на Ачишхо).

Короче говоря, было так. Встал с рассветом, махнул вброд через Мзымту («ни одного моста через нее, подлюю, не нашел»), брод был тяжелый, одежду нес на себе, но все равно всю намочил. Пошел вверх кустами, лесом, вышел на тропу, потом она потерялась, так шел.

— Иду, пыхчу, ну, вижу, к завтраку мне не поспеть. пожалел, что с собой хлеба не запас. Думаю, все же долезу. А лес густой-густой, и опять же куст пошел, да такой колючий! А потом валежник, целые буреломы. Тьфу, прости господи, и паскудная же у вас тут природа, всего исцарапало. В одном месте кабана спугнул.

— Кабана?

Рейд краснолицего озарялся новыми красками. Мы были в заповеднике и не видели ни одного зверя, а он дураком полез на незаповедную гору — и, пожалуйста, сразу кабан. Но юный проводник, грек Серафим, бойко спросил:

— Это где, выше того бурелома метров сто?

— Ага.

— Так то не кабан был. Там из Эстонки свиньи на чинариках пасутся!

Такой конфуз не входил в планы рассказчика, и он упрямо повторил, что видел все-таки настоящего кабана.

— Потом шел и шел. Скалы пошли. Крутые, ну их к богу. Метров по сто на четвереньках лез. Падал, исцарапался. Увидел налево под скалой в щели снег — давай к нему спускаться. Тоже трудно было. Шапку снега все-таки набрал, да и сам поел, а то пить уже так хотелось, а гора такая, что и родников нет. Обрато на скалу не полез, пошел вниз продираться кустами. А там опять же такой бурелом, колючки — тьфу. Замучился и, главное, руки заняты, шапку снега, провались она, несую, а нужно за кусты держаться да ветки раздвигать. Попал в лощину, уводит она меня все вправо — нет, думаю, не подчинюсь. Ну, и не евши с утра. Стал левее забирать — досада взяла. Все-таки по лощине-то дошел бы до ручейка. Потом снег в шапке стал подтаивать, промочил ее, так что я сосал воду через шапку. Вижу, что уже не то что к завтраку, а и к обеду не успеваю. Лезу вниз — кусты трещат, даже не верю, как высоко

талез. А тут, глижу, и темнеет. Ну, я еше няжал, уже нпотьмих к реке пышел, ли нот с обрыва сорнялся. Где брод — выбрать нельзя. Пришлось наугад лезть: тут она меня и взяла о камни бить. И самое главное, шапку из рук вырвала, все, за чем ходил... Ну и тут — вот он я.

Исповедь была закончена. Так нелепо звучал этот набор проклятий той симой природе, которая нас только что восхищала. Ни ноты смущения не прозвучало в рассказе — ведь должен же он был понять, что здесь о нем беспокоились...

Проводник Димитрий сказал мне:

— Я знаю эти скалы и снежок в ложбине— я там медведя убил. Это ниже полутора тысяч метров.

Значит, это был совсем не тот снежок, к которому краснолицый грозился «сбегать». Горе-лихач был счастлив увидеть в расщелине грязный снег — недотаявшие остатки лавинного выноса.

КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

Поздно вечером ко мне подошла Нина и с улыбкой сообщила приятную новость. Три альпиниста, которых мы уже видели, завтра выходят на Кардывач и на Рицу. Она показала им мое объявление, и они попросили меня к ним зайти. Благодарю Нину и сразу же иду представляться.

Как ловко все складывается! Уже завтра я двигаюсь к манящему Кардывачу в компании настоящих альпинистов. Вместо поисков малоприятного человека — увлекательное путешествие, исполнение желания. И ребята отличные — как решительно отложили свой маршрут ради участия в общем деле — в розысках пропавшего... Как находчиво переодели промокшего героя...

Друзья переупаковываются — вынимают из рюкзака атрибуты, предназначавшиеся для поисков, вытряхивают и складывают штаны и штормовку — их уже вернул краснолицый.

Иду, а ноги все сильнее болят — начинается «отдача» после проделанного маршрута. Тренировки, что ли, не хватает?

— Здравствуйте, товарищи!

— Здорово. Ты автор объявления?

— Он самый. Так, значит, завтра на Кардывач?

— Да, у нас все готово. В шесть утра топаем. А ты когда и с кем думаешь?

Вот так оборот дела! Я-то уже считал, что иду вместе с ними. Как глупо! Действительно, зачем я им? Они — дружная тройка, опытные ходоки, уже откуда-то с гор, с трудных маршрутов. У них все рассчитано, собрано...

Растерянно бормочу:

— Да я, собственно, с кем попадетсЯ. Не опоздай сегодня с маршрута, может быть, и с вами успел бы. Конечно, если бы приняли...

Друзья переглянулись.

— Видишь ли, палатка у нас трехместная, но четвертого с натугой вмещает. Мы бы тебя взяли, но с условием — нам помочь. Мы хотим совершить одно-два восхождения в районе Кардывача, в сторону от пути. Тут ты нам и был бы нужен — дежурить в лагере.

Вот она, осуществляющаяся надежда! Палатка у бирюзового озера. Альпинисты лезут на пик, а я хозяйничаю в лагере. Даю пояснения проходящей группе туристов — дескать, так и так, здесь и живу. Потом с ними

что-нибудь случится, и я же их где-то спасая... До чего художественно и, главное, притко может мечтать человек! Но первый же вопрос извернит меня с небес на землю.

— Хорошо ли ты ходишь? Что это у тебя походка, будто у кавалериста?

— Это — так, временное. От отсутствия тренировки. Знаете, спуск сегодня был такой, с высокого хребта...

— Ага, ясно. А что на ногах? Сегодня вот в этих ходил?

Мои брезентовые полуботинки уже от одного дня лазанья по камням Ачишхо имеют совсем жалкий вид. Я вынужден признаться, что эти туфли — моя единственная обувь.

— Э, так не пойдет. Ну, а свитер, мешок?

— Мешок?

— Ну да, спальный мешок.

— Ах, да. То есть, нет. Свитера нет, мешка тоже, но пиджак теплый и есть одеяло...

Я с тревогой ждал вопроса о рюкзаке и, конечно, не сказал бы о чемодане. Но им было довольно и того, что они услышали.

— Знаешь что, друг! Ты только не обижайся. Мы народ ходкий. Только что по Сванетии шли. Трудный траверс, два перевала, два пика... А ты, видно, еще начинающий — как бы мы тебя не загнали. Ты лучше здесь поживи, подготовься, справь себе, прежде всего, башмаки, свитеришко — хоть в долг у кого попроси. Вот тогда и подбирай компаньонов. А так, босиком, в горы не ходят.

Что было им отвечать?

— Я, конечно... Я завтра и не предполагал...

— Хорошо, что ты к нам сам подошел, — сказал один из них с непроницаемо серьезным видом, хотя задорные глаза неудержимо смеялись. — Хотелось посмотреть, кто это ищет компаньонов, да не решались. Там ведь говорится о веселых и умных, а мы — где уж нам уж...

Поделом мне за самонадеянность — смутили вконец, надо скорее уйти. Но и смущенный, уничтоженный, я стою и люблюсь своими учителями — их оснащенностью, приспособленностью к походам. Такая экипировка — совсем не показной петушиный наряд, она необходима, чтобы уверенно, по-хозяйски двигаться в горы.

— Спасибо, счастливых путей!

Что еще можно сказать? Скорее убежать с глаз долой. Нет, не побежишь, ведь ноги так болят... Значит, хотя бы полухромая, подойти к регистратуре и пускай на глазах у Нины — не все ли равно, у кого на глазах? — своею рукою сорвать с доски это хвастливое объявление.

СЧАСТЬЕ

Утром встречается Энгель.

— Ну, как дела? С альпинистами на Кардывач не пошел? Умаялся вчера?

— Не пошел, Владимир Александрович. Надо еще подготовиться, знаете. С обувью туго, еще кое с чем...

— Ну, конечно, конечно. А знаешь ли что, мой друг?

Энгель положил мне на плечо свою большую и теплую узловатую руку и, глядя прямо в глаза, певучим басом заворковал:

— Знаешь ли что, голубчик? Никого ты сейчас не отыщешь, да и с одежкой у тебя плохо, и у нас прокатного фонда нет. А мне нужна помощь. Оставшийся-ка у меня на турбазе, поработай в течение своих каникул? И отдохнешь, и поучишься, и нас выручишь, поводишь экскурсии...

— Но, как же, ведь я ничего здесь не знаю! Чтобы рассказывать другим, нужно знать самому очень много!

— Ничего, посмотришь, поучишься. Пройдешься сегодня со мною на экскурсию по Красной Поляне, а вечером на Греческий мостик. Завтра сходишь на Сланцы. Ачишо ты теперь уже знаешь, слушаешь беседы, запишешь себе кое-что. А еще я покажу тебе целую рукопись краеведа Берсенева — путеводитель по Красной Поляне.

Получалось, что научиться ремеслу гида можно быстро. Как же было не согласиться на такое заманчивое предложение?

В жизни многих из нас большую роль играют примеры и авторитеты, поразившие в детстве. Скольким актерам помог найти и осознать себя виденный в юности большой артист! Спросите сегодняшнего инженера, как он выбирал специальность, и почти наверняка услышите в ответ, что он, еще будучи мальчишкой, боготворил какого-нибудь затейника-слесаря, электрика, конструктора... Вот и самого потянуло.

Мне повезло по-другому. На моем пути уже в детстве повстречались и первыми произвели на юную душу неизгладимое впечатление замечательные краеведы и талантливые экскурсоводы. Это были подлинные «проводники по прекрасному» (Паустовский говорит так о людях искусства, но здесь его определение звучит не менее к месту).

Вернусь мысленно еще раз к своей ребячьей поездке — на тряском грузовике, по коряво-щебнистой в те годы Военно-Грузинской дороге — и вспомню Казбекскую турбазу. Здесь царила — читала лекции, неумоимо шагала по горам чудесная старушка, Мария Павловна Преображенская. Трудно было поверить, что эта маленькая, седая, с живыми радостными глазами женщина — героиня русского альпинизма, отважная и знаменитая путешественница. И в шестьдесят лет она оставалась бодрой, подвижной, буквально искрилась просветительским пылом.

Передо мною был человек, отдавший всю жизнь... одной горе.

Десять раз поднималась она на Казбек, по ее инициативе была установлена постоянная метеостанция на его вершине. И все-таки трудно сказать, что было большим подвигом: эти восхождения или последующая самоотверженная работа знаменитой альпинистки по пропаганде Казбека, ее яркие рассказы о своих восхождениях, ее все новые и новые неумолимые походы с туристами.

Маленькая женщина запомнилась мне как удивительный человек, как образец — даже вопроса не возникало, достоин ли он подражания. Если бы только можно было такого достигнуть!

Подобное же чувство было испытано несколько позже в Крыму. В Бахчисарае, в Коккозах, работали тогда с туристами краеведы, самозабвенно влюбленные в эти районы и умевшие передавать свои чувства слушателям. Сколько радостной благодарности проливалось в адрес таких людей со стороны туристов! Это тоже были все новые и новые образцы для подражания.

Величие, грандиозность природы обрушивались на всех. Но насколько глубже они трогали тех, кто заботливыми руками краеведа был подготовлен

взглянуть на эту природу, кто любил ее, зная названия трав и цветов, селений и монастырей, зная цену подъемам на манящие снега и льды...

Люди ехали сюда отдыхать, развлекаться. Познание открывало им новые радости. Гентиана названная становилась милее, чем цветок без названия. Красота умножалась, обнаруживалась все в новых пейзажах, обрывах, соцветиях.

И хорошели люди, видя красивое.

Теперь к этим далеким примерам из воспоминаний детства прибавлялись примеры близкие: Энгель и мой вчерашний совсем юный экскурсовод-ботаник. Если может он, почему же не смогу я?

Такое приглашение — счастье. Я должен сделать все, чтобы справиться с доверяемым мне делом. Я стану краеведом этой земли!

КАК СТАТЬ ГИДОМ

К ОХОТНИЧЬЕМУ ДВОРЦУ

Через час мое заявление с просьбой о зачислении в экскурсоводы уже лежало в канцелярии Энгеля. А сам он вел очередную экскурсию к Охотничьему домику (так здесь по привычке называли бывший царский дворец). Теперь я был не просто участником экскурсии, а жадным учеником, ловил и запоминал каждое слово, уже мысленно репетируя, как это же буду произносить сам.

Нас окружали дремуче-лесистые горы, и по ним радиусами во все стороны от Поляны расходились неведомые мне тропы. Прошел я пока только по одной из них — на Ачишхо. А нужно разыскать одну за другой все, по каждой пройти, запомнить приметы, ложные развилки и повороты, уметь отыскать любой путь — иначе какой же я буду экскурсовод? Усвоить научное содержание экскурсии казалось более легким делом — ведь тут можно понять причины явлений, разобраться, что с чем связано... А в тропах? Думалось, что в них и не сыщешь никакой логики.

Первая же тропка, по которой мы двинулись, начиналась очень просто — прямо от турбазы — и шла круто вверх ореховым садом, пересекая широкие, почти горизонтальные дороги, с которых открывались прелестные виды Поляны. До первой такой дороги оказалось меньше десяти минут хода — совсем рядом с турбазой были объекты приятных прогулок, доступных даже для больных и престарелых.

Совсем иначе смотрю я теперь на открывающиеся мне пейзажи. Я как бы вступаю во владение ими и испытываю удовольствие от неожиданного чувства хозяина: стараюсь запомнить каждый красивый уголок, каждый живописный поворот дороги.

Кстати, Энгель даже о совсем обычных дорогах рассказывает интересные вещи. Ведь это были проложенные по специальному плану «пути к культурным участкам». Их трассировали тут еще в начале столетия при планировке предполагавшегося курорта Романовска.

Крутая тропка вывела на верхний ярус шоссе, которое пришло сюда, сделав далекую, полого поднимающуюся петлю. Продолжается рассказ о дореволюционном прошлом Красной Поляны. Большую дачу, видную слева от шоссе, Энгель назвал Хомяковкой — ею владел деятель Государственной думы Хомяков. С этого же перекрестка круто вверх взвилась тропка, искусно вырубленная лесенкой в камне по отвесной скале. А мы шли дальше по ленивым извилинам шоссе, дышали живительным воздухом высей. Поляна, солнечная, приветливая, лежала под нами метров на двести ниже. Игрушечные домики белели в густой зелени садов.

б. Старая открытка. Начало XX века

Вот она, вся как на ладони, обозримая и понятная. Уже эта небольшая набранная нами высота позволяет видеть, как правильно и параллельно между собою вытянулись вдоль Мзымты четыре главные улицы поселка. И уже первая доза краеведческих сведений, почерпнутая от Энгеля, помогает видеть Поляну тоже как бы с высоты: с высоты сегодняшних знаний в глубину прошлых лет. Нам легко представить, что и эта четкая геометрия улиц досталась скромному поселку в наследство все от той же курортной планировки.

И рождается желание: увидеть Красную Поляну со всех вершин, с любых высот и воссоздать ее облик на разных этапах истории, чтобы вся она — и своим прошлым, и всей сложностью сегодняшней жизни — стала так же ясна и понятна, как при взгляде с этого карниза шоссе.

Вверх от белого «свитского» домика к дворцу вела тополевая аллея и прямолинейная пологая лестница из белых известняковых ступеней. Для царя? Нет, ее строили уже в советское время, когда во дворце помещался санаторий.

Вот и дворец. В скальной выемке, выбитой в крутом отроге Ачишхо, поставлен совсем не домик, а трехэтажный дом, крепко и складно скроенный, без признаков внешней роскоши. На площадке возле дома видны скучающие фигуры отдыхающих. А есть и развлекающиеся: одни режутся в домино, другие заняты биллиардом. Чувствую, что мне трудно понять этих людей: как можно скучать в этом удивительном горном мире, как можно променять на игру «в козла» прогулки по невиданной красоты окрестностям, восхождения на вершины, где можно встретить настоящих диких козлов...

Выходим над обрывом и понимаем, над какими кручами врублена в склон площадка дворца. Когда-то сюда подходил верхний виток шоссе, но его срезало большим оползнем. С бровки обрыва превосходный вид вверх по Мзымте и на Аибгу. Энгель показывает нам Псеашхо и говорит, что там проходит туристский маршрут на северный склон, к центру заповедника.

Рядом с дворцом еще один дом. Что если о нем спросят туристы? Ведь мне теперь надо все знать...

— Владимир Александрович! А это тоже для свиты?

— Нет, голубчик. Это дача генерала Дричевского. Она стояла раньше не здесь, а внизу, за Поляной, у Васильевского ручья. Ее перенесли сюда несколько лет назад, чтобы в доме отдыха было просторнее.

Меня пугает, сколько же всего должен знать краевед. Интересную историю могут иметь отдельные здания, обыкновенные дороги, подчас даже деревня, и все это нужно знать и помнить!

Спускаемся по той же лестнице к свитскому домику, а затем по хребтику, поросшему кустами понтийской азалии, срезаем ведущий нас вверх виток шоссе. Выходим как раз на ту скальную лесенку, которая ушла от нас на подъеме вправо, и спускаемся по ее цельнокаменным ребристым ступеням на шоссе. Как приятно пересекать уже пройденный путь: увереннее ориентируешься, начинаешь ощущать себя как бы владельцем территории, обнятой кольцевым маршрутом. И насколько интереснее возвращаться не тем путем, каким поднимался!

Продолжаем спуск, но не по шоссе, а опять новой дорогой, мимо Хомяковки. Двухэтажная дача заняла пологое плечо отрога над самой Красной Поляной, можно сказать, «в бельэтаже» над поселком. Отсюда вниз устремляется еще более крутая тропка среди азалий, заставляющая вспомнить вчерашний спуск и боль в ногах, и вот уже журчит у наших ног тот же Дворцовый ручей, что струится у ворот турбазы.

Телеграмма домой: «Остаюсь Красной Поляне месяц экскурсоводом турбазы». Справлюсь ли? Что же, с такой экскурсией, как сегодня, наверное, справлюсь.

КЛЕОПАТРА ВАСИЛЬЕВНА

С веранды туркабинета доносился звонкий декламирующий женский голос. В нем уже издали чувствовалось не только владение ораторским искусством, но, пожалуй, даже и злоупотребление им. Игра интонаций, взлеты и спады громкости, загадочные многоточия с паузами, а затем преподносимые с особым подчеркиванием «сюрпризы», рассчитанные на аплодисменты.

Подойдя к веранде, я увидел через спины сидящих туристов лектора Клеопатру Васильевну, методистку, увильнувшую вчера от участия в спасательных партиях. Накрашенные губы, стрелчатые ресницы, глаза, оттененные косметикой. Дама владела аудиторией, вызывала, когда ей было нужно, смех, говорила с обескураживающим апломбом. К моему приходу она повествовала о свиноводстве. Я уже слышал, как просто и дельно рассказывал об этом Владимир Александрович. О, сегодняшний оратор подавал свинок под более острым соусом.

— Вы заметили, какие здесь изумительные высокопородистые свиньи?

Вопрос провоцировал слушателей на удивление и несогласие.

— Вы привыкли считать породистыми обязательно толстых, малоподвижных свиней? Для вас идеалом «свиной красоты» являются йоркширские глыбы жира? Но такая «свиная Венера» не найдет себе пищи в наших горах. Здешние свиньи сами поднимаются до тысячи метров без пастухов и пасутся на даровом подножном корму. Наши свиньи изящны, ловки и подвижны, как горные козочки. Вам придется изменить свои представления о совершенстве свиней и считать «горной Венерой» нашу длинноносую и длинноногую краснополянскую свинку.

— Так где же у нее сало?

— Наши свиньи ценны не салом, а кусным мясом.

— А почему они черные?

Лекторша тут же назвала краснополянских свиней бркетками и сообщила, что в создании этой породы участвовали дикие кабаны. Это наложило отпечаток и на масть, и на комплекцию домашних свиней.

По-видимому, раздел о свиноводстве был одним из коронных номеров в программе Клеопатры Васильевны.

Меньшее впечатление оставлял раздел лекции, посвященный лесным богатствам. Методистка жонглировала малознакомыми ей самой «показателями продуктивности» лесов и совсем запуталась в единицах измерения — получались какие-то «лесопилокубометры». Но и путаясь, она не снижала задорно-безапелляционного тона.

Дама была щедра на переводы, так что ее можно было смело принять за знатока черкесских языков. «Мзымта» она переводила «бешеная», «Аибга» — «красавица», «Псеашхо» оказывался «князем вод». Даже название «Красная Поляна» было объявлено переводом с черкесского, но тут уже и я насторожился: Энгель объяснял это иначе.

Юность доверчива. Все удачные лекторские находки методистки я прилежно запоминал и «принимал на вооружение». А если в некоторых местах этой победоносной лекции у меня и возникали сомнения, то я готов был отнести их за счет собственной неподготовленности.

В заключение Клеопатра Васильевна предложила осмотреть краснополянский дольмен. Он находится совсем рядом с базой.

Раздвинув кусты, мы подошли к неглубокой, выложенной крупными камнями яме. Я слышал, что дольмены должны возвышаться над землей: они строились домиком в виде куба из четырех на ребро поставленных цельнокаменных плит и пятой — такой же цельнокаменной крыши. Здесь же было только четыре стены, нацело вросшие в землю, и вместо домика получалось подобие колодца. В одной из стен — отверстие сантиметров тридцать в диаметре. По-видимому, в течение целых столетий к этому никому не нужному сооружению с окружающих пашен стаскивали камни, заваливали, засыпали его. Вот теперь мы и смотрим в дольмен, точно в яму. Кому-то понадобилось разбивать и сваливать циклопическую крышу. Очевидно, это шли поиски зарытых горцами кладов. Осколок крыши валялся рядом, а остальную часть плиты ухитрились куда-то уволочь.

Как и для чего допотопный безвестный народ громоздил эти «карточные домики» из многотонных камней и утыкал ими всю Европу и Азию — от Бретани до Ирана и Японии? Единый ли это был постепенно переселявшийся народ? Или, что вероятнее, разные племена на сходных этапах своей истории, при равной степени религиозных заблуждений строили такие усыпальницы, и переселялся не народ, а его приемы, обычаи — передавались, заимствовались, получали подражателей и продолжателей...

Видимо, методистка не знала о сколько-нибудь современных взглядах археологов на происхождение дольменов; мне случайно пришлось года за два перед тем читать об этих загадочных сооружениях в каком-то журнале. Но тем артистичнее излагала она черкесскую легенду:

— Было время, когда в наших горах обитали большие и глупые, но очень добрые великаны. Они жили в пещерах и домов себе не строили. Но однажды они были покорены злыми и умными карликами. Эти-то карлики и заставили

великанов соорудить такие дворцы. Размер окон был явно рассчитан на то, чтобы карликам можно было с триумфом въезжать в них верхом на зайцах!

Ни о результатах раскопок, обнаруживавших под дольменами погребения бронзового и железного веков, ни о том, что отверстия служили форточками «для вылета душ» (или по другим воззрениям — для кормления душ усопших), туристам не было сказано.

ПОД ГРЕЧЕСКИМ МОСТИКОМ

После обеда ту же группу Клеопатра Васильевна ведет по шоссе на Греческий мостик.

Все грознее впереди рычание Мзымты, все уже долина. В самом узком месте теснины через реку перекинут кажущийся ажурным, хотя и бревенчатый мост, старый и хилый. Уже издали он выглядит очень поэтично.

Подшли ближе к ревушей реке и остановились, пораженные. Разве можно было представить что-либо подобное, видя Мзымту сверху, с шоссе? Даже сейчас, в межень, то есть в самую мелкую воду, река, ниспадая через крутые пороги, клокотала всей своей пенистой массой, образуя как бы неистощимо струящиеся глыбы голубовато-зеленого льда. Ничтожными водопроводными струйками показались мне вчерашние водопады Ачипсе по сравнению с этой Иматрой, с этой стремниной. Мы спустились вниз на более крутые камни, обглядываемые водой. Здесь ярость порогов ощущалась особенно сильно. Людей ежеминутно обдавало веерами брызг...

Вылезли наверх на мостик. На нас, словно пушка, уставилось из самого кипящего водоската толстенное бревно обхвата в два. Через пороги сплавляют лес. Какая же нужна была силища, чтобы этакое бревнище катить и перевертывать, как соломинку, поставить в центре порогов, как в городках, «на попа», да еще и привалить один его конец накрепко камнями! А ниже моста Мзымта словно устала и разлилась тихим плесом. Со стороны шоссе когда-то давно к воде сползла высокая призматическая глыба — Монах. Упершись в русло, она застряла наподобие башни как раз на участке плеса.

Несколько человек, не сговариваясь, уже спускаются по осыпи, на ходу сбрасывая костюмы, — так велик соблазн искупаться. Могу ли я от них отстать? Вода нестерпимо холодная, но все равно — мы уже в реке и плывем... Эге, надо быть осторожным. Плес плесом, а течение и на зеркально гладком участке быстрое, того гляди унесет на следующие пороги!

Подплываю к отвесам Монаха — здесь заводь, в которой вода попадает как бы в тупик и возникают струи, описывающие круг даже против течения.

Интересно, глубоко ли здесь? Не прощупав рукой, куда и как уходит под воду каменный отвес, по-мальчишески вытянув руки вверх, спускаюсь для измерения глубины дна. Ноги коснулись камней, когда было уже «с ручками». Отталкиваюсь ногою от дна, стремительно взлетаю вверх и... под водою же больно стучаюсь затылком о камень! Что такое? Под Монахом есть ниша. Туннель? Меня засосало течением под скалу, и теперь я в ловушке? Инстинктивно перебираю в воде руками по каменному потолку, нависшему надо мной, и, еще не успев захлебнуться, добираюсь до края скользкого навеса. Еще миг — и голова на поверхности. Отфыркиваюсь. Чтобы течением снова не затянуло под глыбу, с силой отталкиваюсь ногами от каверзного камня и вылетаю на середину плеса.

*7. Старая открытка. Начало XX века.
Так бушевала Мзымта под
Греческим мостиком до строительства
гидроэлектростанции*

смотреть нечего. Ну, мы ему задали! Сводил-таки к самым Сланцам. Там так красиво...

Было обидно слышать, что даже при Энгеле, под его руководством, могут работать на турбазе равнодушные люди, лентяи. Завтра мне самому предстояло идти с Хустом в «учебную экскурсию» на те же Сланцы.

Вечер. Снова веранда. На этот раз не танцы, а песни. Приехала группа хороших и дружных певцов — украинцы. Какая прирожденная способность к многоголосому хоровому пению! По крайней мере у половины певцов естественная потребность и умение красиво вторить. А как ведут свою партию два глубоких бархатных баса, как выводят верха тенора!

То стонут, то ликуются голоса хора. Светлая терраса напоена звуками «Днипра», «Спородыла молода дивчина», «Ой на гори та жницы жнуть»... Можно ли уйти от такого наслаждения? Устраиваюсь внизу у веранды, чтобы и видеть небо, и слышать хор, и самому подпевать в любимых местах...

У лесенки стоит заканчивающая свое вечернее дежурство Нина. Подхожу к ней, здороваюсь.

Выбрался на берег в дополнительно жалком виде: дрожу, видимо, не только от холода. Происшествия никто не заметил. Этому я рад, но, значит, случись что — и не спасали бы.

Оделись, тронулись в обратный путь. Клеопатра Васильевна только теперь, когда мы уже убедились в мощи порогов, повела речь о гидроэнергетических ресурсах Мзымты и о величественных перспективах их освоения. Оказалось, что уже запроектировано построить на Мзымте полдюжины электростанций, притом одну из них на этом самом пороге, и тогда их энергия зальет светом и курорты побережья и Красную Поляну.

На турбазе встречаюсь со вчерашними спутниками по Ачишхо. Сегодня они ходили на Сланцевый рудник с другим экскурсоводом — Хустом. Прогулкой довольны, но руководителем возмущены.

— Послушайте, он нас хотел обмануть. В маршруте экскурсия семь километров в один конец, а он сводил километра за два, вместо рудника подвел к мастерской по обрезке сланцевых плиток и заявил, что дальше

— Вот мы теперь и коллеги.

— Вы знаете, я как услышала — смутилась.

— Почему же?

— Болтала с вами, как с временным гостем, разоткровенничалась, а теперь мы с вами коллеги.

— Не расстаемся? Вот и хорошо, что заранее познакомились, и я уже лучше знаю о ваших невзгодах, чем вы о моих...

Нина смолчала, но так, что я понял: друзья альпинисты при ней на мой счет проезжались. А может быть, видела, как я срывал объявление...

НА СЛАНЦЫ

Как из ледяных родников, пьются чистые краснополянские рассветы и восходы. Каждый день — новый праздник красок, иные причуды облаков.

Ночью был неожиданный, неведомо откуда грянувший дождь, грохотала гроза. А к утру оставались от вылившихся за ночь туч лишь обрывки туманов, лепящиеся по горам. И что они только сделали со склоном, казалось, такой уже известной Аибги!

Когда я слушал краснолицего, я, откровенно говоря, не очень понимал, по каким его там падам и складкам носило. А сейчас — остатки туч залезли и каждую вмятину, выявили в лесном скате, который казался однообразным, столько неожиданных ветвлений, пазов. В покатоности горы почувствовались большие лошины, параллельные гряды, отроги. Склон углубился, приобрел объемность, гора как бы отступила, дав почувствовать истинную даль расстояния. И от этого лишь еще внушительнее стала казаться Аибга.

Утром, позавтракав, подхожу к мрачноватому долговязому Хусту и отрекомендовываюсь учеником. Он без видимого удовольствия берется обучать меня пути на Сланцы.

— Ну что ж, коль начальство приказывает, значит, надо. А впрочем, это и хорошо, что вы появились. Значит, меня скорее отпустят с этой собачьей работы.

Вот оно как! От работы, о которой я думаю, как о счастье, человек бежит, ждет, когда его только отпустят, считает ее собачьей.

Группа была уже в сборе. Хуст мало заботился о своем внешнем виде; ходил даже на работе в растянутой майке и нескладно обвисших на худом теле трусах. Заговаривал он с группой вяло, казенно, нисколько не пытаясь скрыть, как ему надоело повторять слова о богатствах краснополянских недр и о преимуществах покрытия крыш кровельным сланцем по сравнению с дранкой, черепицей, толем, железом...

Путь от базы лежал по нижней дороге, полянами одичавших груш, после чего дорога превращалась в узкую тропку и спускалась к реке.

Здесь экскурсовод приглашал отклониться левее, заводил гостей на колхозную фруктосушилку и щедро кормил неучтенными сухофруктами, ссылаясь, что в их сборе в свое время немало помогли группы — пусть и не этих — туристов. Сегодня, стесненный моим присутствием, он заглянул сюда как бы мимоходом, но все же дал всей стае поклевать сладких груш; также мимоходом зашли мы и в камнерезный сарай, где лежали штабеля обрезанных аспидных досок. Здесь он ловко демонстрировал, как просто, словно лист бумаги, режутся пластины кровельного сланца особыми ножницами, как их расфасовывают по сортам, как лучшие плитки используют в качестве грифельных до-

сок, а на соседних сарийчиках показывал образцы чешуйчатых сланцевых кровель.

Уходя из мастерской, гид шепнул мне:

— Вот, собственно, и все, что им нужно знать про эти самые сланцы. Так что ни на какие рудники можно и не ходить. Лучший маршрут отсюда в Эстонку за фруктами и на Мзымту — купаться... Ну, сегодня уж ради вас пройдемся полнотражным...

Вернулись к тропе, спустились с откоса к самым струям Мзымты и попали в уютный мирок скальных уступчиков, изящных ниш и расселин. Тропка, почти пропадая, лепилась по едва заметным ступенькам в каком-нибудь метре над водой.

Туристы весело шумят, помогают друг другу сохранять равновесие, кто-то из девушек, поскользнувшись, визжит — черпнула тупфлей воду.

Именно этого места и старался избегать Хуст:

— Слишком долго здесь с бабами возишься. Пока их всех за ручку по камушкам да жердочкам переведешь...

С каких же мы разных планет люди! Ради одной этой карнизной тропки мне захотелось ежедневно приводить сюда новые и новые группы, чтобы видели — вот как у нас хорошо! А он смеет прятать эту прелесть от наших гостей, идет на обман.

По заросшей ольшаником пойме мы вышли к тонущему в садах поселку. Это главное селение эстонцев, центр их колхоза «Эдази». Здесь Хуст довольно сухо рассказал об успехах эстонцев в молочном хозяйстве, упомянул, что главные их стада и молочная ферма находятся в горах, где-то почти у озера Кардывач. Было названо и количество едоков (253) и число дворов (67). Поспешно записываю в блокнот и еще ряд цифр, которых сразу не запомнишь: колхоз сеет 125 га, имеет 55 га садов, 50 лошадей и 120 коров.

Какой смысл в таком перечислении цифр? Что это, много или мало? Зато форма соблюдена, хозяйство «отражено» в материале экскурсии.

Идем мимо щедрых эстонских садов, мимо уютных светлых домиков с их подчеркнутой чистотой и порядком во дворах. Дорога минует однообразную пойму, пересекая заброшенные крупногалечные русла блуждающих рукавов Мзымты.

Впереди — скалы. Оказывается, и сюда от крайнего зигзага шоссе, ведущего к Охотничьему дворцу, проложена автомобильная дорога. И понятно — надо же вывозить продукцию со сланцевого рудника. Значит, карта, на которой шоссе кончалось тупиком в Красной Поляне, уже устарела.

Выбираемся на шоссеый балкон под отвесной скалой. Над рекой здесь всего метра четыре. А на самом мысу строители карниза не взорвали один столб породы, и он остался, как сторожевая башня, торчать над обрывом рядом с шоссе. Дорога проходит между отвесом и башней, как в ворота.

Стоит выйти за эту башню, и видно географически важное место — впадение в Мзымту реки Ачипсе. Наверху я видел, как она рождается из узеньких серебряных водопадов. Здесь, обогнув Ачишхо с севера и востока, приняв в себя воды многих ручьев с соседних хребтов, Ачипсе мчится уже многоводным потоком, имеет свой, отличный от Мзымты, цвет, более мутный, — это от ночного дождя, бушевавшего на Ачишхо.

Встречающиеся реки были, как две косы, сплетенные из множества струй. Ниже они сплетались в одну косу, но это происходило не сразу.

Первую сотню метров две струи важного пива таскал...
Перомешивались.

Дороги быстро вывели к большому мосту через Ачипсе. Отсюда сразу стало видно, вблизи — цель похода — рудник, вдали — совершенно новый ансамблатор с громоздким Чугушом во главе.

Удивительно выглядела отсюда Аибга. Пятиглавая красавица, она при виде от устья Ачипсе стала трехглавой и была совершенно неузнаваема. Видны ли эти вершины из Красной Поляны? Попробовал спросить об этом Хуст. Он насмешливо ответил:

Молодой человек, неужели вы думаете, что это меня когда-нибудь интересовало?

А если спросят туристы?

Дорогой мой, ведь они в основном тоже трезвый и нормальный народ, так что это и их не интересует.

После такого ответа я предпочел ни о чем больше не спрашивать наставника.

ГРОЗА В ГОРАХ

В горах назревали перемены. На Чугуш надвинулась лиловая туча, замигали первые молнии, прогрохотал несколько раз гром. Хуст с ненавистью взглянул на разыгрывающуюся стихию и стал суетливо торопить туристов возвращаться. Тяжелая серо-голубая мгла обложила и трезубец Аибги. Синева здесь стучалась на глазах, и именно эта туча обещала более скорый дождь. Вместо того чтобы переждать грозу под прикрытием одного из домиков, форсированным маршем мы пошли через мост назад.

Не прошли и километра, как хлынул дождь, крупный, решительный. В минуту все были мокры до нитки, и поэтому прятаться у эстонцев, когда мы шли мимо поселка, уже не имело смысла.

Хуст со свирепым всепроклинаяющим видом устремился вперед по шоссе, не сказав ни прощального, ни подбадривающего слова покидаемым туристам. Скоро его долговязая фигура исчезла впереди в струях дождя. За ним устремился еще пяток «скороходов». Остальная группа, растянувшись, как разбитая армия, шлепала понуро. Решаю держаться замыкающим, и эта возможность не спешить позволяет совсем по-новому понять природу горного ненастья.

Насквозь вымокшему человеку полнее понятна красота грозового дождя; ничто не сковывает, не пугает, не зовет искать укрытий. Словно смыты все мосты к отступлению, остаешься один на один со стихией и любишь ее полной ее мощью.

Так вот какими ливнями вспоено твое обилие, черноморская природа! Если любишь тебя, твою роскошь и силу, — можно ли не любить эти животворные дожди, твоих поителей?

А чтобы не наводить осеннего уныния, природа сопровождает свои воздействия световым и звуковым оформлением. Феерические вспышки, зигзаги, пунктиры, высекаемые молниями, оглушительные обвалы громов, десятикратно повторенные эхом в отрогах...

Переходим мостик через ручей со старой мельницей — Мельничный ручей¹. На пути к руднику мы его перешагнули у устья, почти не заметив.

¹ В Красной Поляне этим же именем нередко называют ручей, который Энгель именовал Дворцовым, — на нем тоже когда-то была мельница.

Чуть повыше он все-таки вырыл большую долину. Мне не раз казалось странным, откуда у ручья хватало силы на эту работу. Сегодня же, в ливень, ручей сам нам рассказывал, на что он способен. Не только по руслу, но и заливая метра на два ближайшие склоны, едва не перехлестывая через мостик шоссе, здесь с ревом катилась шоколадная масса не то воды, не то грязи, покрытая пенной слюной; в ней кипела бурая листва, мчались сучья деревьев, подчас проволакивало и увесистый ствол с необломанными ветвями, цеплявшимися за берега. На дне рокотали невидные сквозь жижу камни. Это было еще одно доказательство богатырского могущества горной природы. Вот на что способны невидимые в обычное время силы, и вот каковы они в часы своего пробуждения!

Ну и пусть этот Хуст посмеялся бы над моими восторгами. Лучше бы он мне позавидовал! Мокры мы с ним одинаково, но разве я не счастливее его?

Развилка шоссе. Одна ветвь идет влево, вниз, а другая — правее, чуть вверх. Кто-то из туристов выбирает правую дорогу. Именно по ней удалялись шедшие впереди.

Догадываюсь: ведь это же виток основного шоссе, ведущего к Охотничьему дворцу. Значит, конечно, нужно идти налево, по нижней дороге, мимо дольмена.

Направляю сюда отставшую часть туристов, а сам устремляюсь по верхней дороге; через километр нагоняю двоих, потом еще четверых. Показываю туристам поворот к базе — они, конечно, «проскочили бы» мимо, к Хомяковке, а то и ко дворцу...

Дождь не утихает. На базе далеко не вся группа. Значит, часть все-таки проскочила поворот. Они приходят еще через час, разозленные блужданиями. Конечно, полны негодования на бросившего их Хуста — хоть бы предупредил о развилке дорог!

У регистратуры людно, стоит автобус. На нем уезжает группа, с которой я ходил на Ачишхо. Несмотря на дождь, шутки, смех, только двое не участвуют в общем оживлении — конечно, это краснолицый и его друг.

Автобус трогается. Энгель стоит с непокрытой головой под струями припустившего ливня и поднятой рукой напутствует удаляющуюся машину. Потом приглашает меня к себе в канцелярию.

— Ну, дорогой мой, вот что. Начинай мне теперь помогать.

— Как, уже?

— Этот, знаешь ли, Хуст — просто хлюст, вот он кто! И вчера и сегодня на него одни жалобы. Туристов обманывал, нынче бросил группу под дождем, и люди блуждали. Я не стал дожидаться конца срока его работы и сейчас объявил ему, что он уволен. Поэтому завтра с вновь прибывшей группой попрошу пойти на Сланцы тебя.

Прямо сразу же, завтра? Смущенно и поэтому шутливо рапортующим голосом говорю:

— Что ж, рад стараться, если вы считаете меня созревшим.

— Ну, созрел, не созрел, а справляйся. Что неясно — спроси, посоветуемся. А пока помогай. Вон, смотри, кажется, еще автобус с гостями подходит. Это из санатория, однодневка. С ними надо будет побеседовать, послушай еще разок лекцию.

Из подъехавшего крытого автобуса выскакивает дядя в плаще с поднятым капюшоном — видимо, работник санатория — и бежит под дождем к Энгелю.

— С хорошей погодой, Владимир Александрович! Разрешите к нашему шалашу? Смотрите, как не повезло. Все в облаках, даже верхи ущелья были закрыты. Только на вас и надежда.

Через пять минут, перепрыгивая через лужи и перебегая от дерева к дереву, экскурсанты добрались до веранды туркабинета. Туда же пришел и Энгель — с намокшими волосами и потеками на сером парусиновом костюме. Началась лекция.

Что он скажет сегодня о Красной Поляне, грохочущей, плачущей, когда не различить, кажется, ни одной черточки ее настоящей красоты? Но именно с этого он и начинает:

— Трудно с вами, друзья, говорить, трудно вас убедить, что попали вы в климатический рай, на одну из лучших горноклиматических станций в Советском Союзе. Но даже в раю было бы слишком сухо, если бы там никогда не случались дожди. Вам нравится пышность наших лесов? Но потому они и пышны, что вот как щедро их поливает дождем. Конечно, гостям приходится терпеть да следить, как приползают с моря через ущелье Ахцу все новые и новые тучи, то непрерывно, а то отдельными порциями. Приходят и на нас выливаются. Вот мы и ждем, пока они все не выльются... Вон и сейчас — вы видите? — со стороны ущелья к нам ползет новая порция влаги — у облака и форма длинная, вытянутая.

Действительно, прямо вдоль Мзымты из Ахцу протягивалась целая вереница белых колбасовидных дирижаблей. Эти облака, казалось, даже сохраняли форму ущелья, сквозь которое их двигало к нам ветром. Ближе к Поляне «колбасы» растворялись в сером тумане. Аибга была почти до подножий скрыта сплошной, временами грохочущей тучей. И тем более привлекательными оказывались слова Энгеля:

— А вот здесь перед нами (жест в сторону тучи) красуется многоглавая группа из пирамидальных вершин — наша Аибга.

И люди верили, каждый по-своему представляя себе невидимую красавицу, а Энгель тем временем уже рассказывал о ее лесах, об альпийских пастбищах, о сезонных кочевьях пастухов, о многом-многом новом и интересном в краснополянском хозяйстве, чего я не слышал в предыдущей лекции. Этот человек столько помнил и знал, что без напряжения черпал в своей памяти новые факты, легко избегая шаблонов и трафарета. Каждую лекцию он читал по-иному, не похоже на предыдущую, подобно вдохновенному поэту-импровизатору.

Кто выдумал басню о скуке экскурсионной работы, о вынужденности повторений? Две лекции Энгеля — где в них хоть одно повторение? Даже артисту, даже педагогу приходится повторяться гораздо больше, чем краеведу-экскурсоводу. Здесь перед тобою всегда новые люди. Иное состояние погоды, новое сочетание интересов, реплик, вопросов. Столько возможностей по-разному чередовать материал, группировать факты...

Аудитория уже вся в его власти, уже позабыла о ненастье, о том, что сорвался пикник. Люди и не думали, что их везут слушать лекцию, а выходило, что она будет самым ярким впечатлением за всю их поездку.

Час спустя читаю в книге отзывов:

«Спасибо В.А. Энгелю за увлекательную беседу. Были счастливы узнать столько хорошего о Красной Поляне, и вопреки проливному дождю увозим о ней самые солнечные воспоминания, уже любим Поляну и непременно будем в ней еще раз».

Подобных записей десятки, сотни. Здесь же немало благодарили и обних ботаников за экскурсии и даже Клеопатру Васильевну — за лекции; видимо, легкость содержания помещалась ее ораторским талантом. Много теплого в адрес проводников. Ни единой жалобы — и ведь трудное время, снабжение скудное, питание несытное — никак не по горным аппетитам...

А что написала уехавшая сегодня группа? Две записи. Первая — пишет староста — теплые слова от коллектива. А вторая... Тьфу, низость. Переждав, когда остальные уйдут, некие двое не удержались и напачкали в книге: тоном тренированных кляузников намекнули на обмер с мясным довольствием; указали, что замены обеда на ужин производятся якобы против желания туристов. Тем, кто хвалил Энгеля в этой книге, «пришивалась» чуть ли не политическая близорукость. Две подписи были преднамеренно неразборчивы.

Стало горько и муторно.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Четыре дня как я сам вожу экскурсии. И на Сланцы, и к Охотничьему дворцу, и на Греческий мостик. Я не только повторяю услышанное от предшественников, проштудированное из будущего путеводителя. Хочется высказывать и собственные наблюдения, да и в сообщаемых сведениях кое-что по-своему перегруппировать. С посещением Сланцев превосходно совмещался не только визит к дольмену, но и осмотр развалин древней каменной крепости у устья Ачипсе.

Возвращаться со Сланцев я решил всегда верхней дорогой, а у чахлого Мельничного ручья «исполнял» уже собственный «номер» — рассказ о могучем его разливе во время ливня.

Но поначалу, конечно, не все получалось гладко. Выслушав названия окружающих вершин, меня спрашивали:

— Скажите, а сколько раз вы на каждой из них побывали?

Каково отвечать на подобный вопрос, если и был-то всего один раз на одном Ачишхо?

Помню, первый раз не хватило мужества сказать правду, и я малодушно отвечал, что бываю главным образом на Ачишхо. Как унижительно жалко прозвучал этот уклончиво-лживый ответ. Нет, так нельзя. Зачем ложный авторитет, зачем важничать, набивать себе цену?

Бывали и худшие срывы. Однажды на Сланцевом руднике к группе подошел кто-то из рабочих и выслушал мои объяснения. Затем он отвел меня в сторону и сказал:

— Вижу, вы здесь новенький, вот и подошел послушать. Я здешний мастер. Был тут у вас такой худой, высокий — все группы водил — тот много путал. Я ему говорил, да что толку. А за ним и вы повторяете. Штолько нашу шахтой называете, а это в горном деле не положено. И ход из нее не вниз, а вверх идет. Зачем же нам снизу породу поднимать, когда над нами целая гора хорошего сланца?

Мастер дал еще несколько ценных советов, рассказал, что в брак шли плитки с содержанием пирита — серного колчедана. Его кристаллы в виде золотых кубиков очень привлекали туристов. Только и вопросов, не золото ли это. Так на руднике и прозвали пирит туристским золотом.

Я был очень благодарен мастеру и ничего не стал скрывать от туристов, видевших нашу беседу. Напротив, попросил извинения и тут же исправил допущенные ошибки.

Однажды Энгель доверил мне даже провести беседу с санаторной однойдневкой. И тут были люди, не очень склонные к слушанию лекций, а больше, видимо, мечтавшие о пикничке с коньячком.

Как мог, я старался подражать наставникам. Но читать с увлечением помогали, прежде всего, моя собственная, уже возникшая любовь к Красной Поляне и желание приобщить людей к этой любви.

Вечером меня требовательно ласково остановила Нина. С теплой серьезностью сказала:

— Я слушала вашу лекцию. Хорошо! Только Клеопатре подражать не обязательно. У вас есть что и самому им сказать. И потом — не надо с таким нажимом. Вы их немножко утомляете.

Милая Нина. Как доброжелательно она следит за моими первыми шагами. Наверное, она права: нужно рассказывать спокойнее.

*

У обоих ботаников кончился срок работы. Мне предстоит самому сопроводить большую группу на Ачишхо.

— Ну, найдешь дорогу?

— Ох, Владимир Александрович, прямо и не знаю. Ведь ходил тогда просто как турист, ничего не запоминал, не думал, что придется мне же идти с целой группой. Что, если собьюсь?

— Ладно, дам тебе на первый раз сопровождающего, нашего возчика, он знает тропу. А что касается пояснений — вспоминай, что слышал тогда.

Шутка сказать! Если бы я вел в тот раз хоть какую-нибудь запись! Георгий Владимирович говорил по каждому поводу какие-то золотые слова — и становилось ясно, какие деревья где растут, а где не растут, какова их история и польза для хозяйства, сроки цветения и созревания, названия лекарственных трав... Да разве я все это помню?

— Ничего, ничего, — успокаивал Энгель. — Пройдешь, поймешь, чего тебе не хватало, а вернешься — расспросишь работников Лесной станции.

Выходим в сопровождении грека Фемистокла. Учитываю весь свой опыт, стремлюсь держать группу в подчинении. Не даю себя обгонять. Незаметно останавливаюсь для передышек. Не удерживаюсь и от похвалы вырастающей на глазах Аибге. При этом пытаюсь и пояснить причины. Снизу горы выглядят ниже, сутулее. Взгляд скользит вверх по склону, и размер его скрадывается. А когда отойдешь подальше, да еще поднимешься, скат становится виден больше, всем своим фасом. При взгляде с противоположащих высот нам понятнее истинная высота хребта!

Чем дальше, тем яснее становилось, что я почти дословно помню каждую фразу Георгия Владимировича — настолько ярко врезались впечатления первого похода. После того как были уверенно названы все известные мне вечнозеленые кустарники — и лавровишня, и падуб, и понтийский рододендрон, — группа уже так уверилась в моем авторитете, что мне становилось страшно: ведь один какой-нибудь добавочный вопрос — и неминуемо проявилось бы мое ботаническое невежество...

В буковом лесу неприятность. Называю зигзагообразную тропу старой черкесской и наталкиваюсь на возражение одного из туристов, историка по

специальности. Он высказывает сомнение, что эта тропа ушла с черкесских времен, и говорит, что, наверное, жерли с тех пор должны были бы больше истлеть. Его предположение слышит Фемистокл и небрежно подтверждает:

— Эту тропу в двадцать пятом году делали. Заповедник делал. Этот жерли мой брат рубил.

Вот тебе и старые черкесы! Значит, я неверно понял Георгия Владимировича. Тропе всего семь лет. Может быть, ее все-таки проложили по старой трассе? Этого Фемистокл не помнит. Да, важно проверять свои сведения и у местных жителей, старожил.

С нетерпением жду карниза с широким видом. Мне удалось так подготовить туристов к долгому лесному подъему, что неожиданный выход над кручами с далеким обзором вызывает у них возгласы восторга.

Но... над видимым впереди гребнем Ачишхо начинают густеть облака, сегодня гораздо раньше, чем в прошлый раз. Да и на других хребтах тоже не ладно: их на глазах укутывают плотные облачные шапки. У второй субальпийской поляны попадаем в туман. Фемистокл заявляет:

— Дальше никакой красота нет, пошли назад.

Эк, куда хватил! Он так уверен, что облака устойчивы и не развеются? Возражаю и заявляю, что, если он хочет, может отправляться. Тропу найдем и сами. Говорю так не без робости — ведь я в этом еще отнюдь не уверен. Но Фемистокл с удовольствием уходит вниз, и теперь я один отвечаю за экскурсию.

Сыро, пасмурно в облаках. Приуныли туристы. Обнадеживать ли мне их? Лучше не надо. Но какой-то цели достигнуть все-таки хочется. Ну, хоть снежного пятнышка, что ли?

Оказывается, помогает в этих случаях и то, что увлеченно говоришь о второстепенных попутных деталях. Рассказал им про лес «с лебедиными шеями» — оценили, заинтересовались. Ведь эти «шеи» были видны и в тумане. Напомнил об отсутствии леса на полянке с камнем. Рассказал о лавинах. Глядишь, за неимением прочего, и это заинтересовало. Когда мы вернулись, многие рассказывали:

— Видели лавинные прочесы. Представьте, прочесы от настоящих лавин!

Каким виноватым я себя чувствую за сегодняшнюю погоду! Нет, нужно сделать все, чтобы и из такого маршрута люди возвращались довольные и обогащенные.

Я нарочно ничего не сказал о метеостанции, так что лающая собачонка наблюдателей выкатилась под ноги совсем неожиданно для туристов. И знакомство с метеорологами, и гребневой пронизывающий ветерок с накрапывающим дождем, и кромешная облачность — все это как нельзя лучше иллюстрировало главный тезис: Ачишхо — мокрейшее место в стране.

Панорамы закрыты. Не радуется и снег — совсем не то, что в ясный солнечный день.

Решаю идти к водопадам — ведь они должны быть видны и в тумане. Осторожно, ощупью распознаю дорогу. Косогор со снежниками. Острый перевал. Вот и нижний каскад.

У водопада меня покидает благоразумие. Почему не пробраться к рушащейся струе и не встать за нею, между нависающей скалой и летящей с нее водой? Для этого нужно подняться по крутой, почти без уступов, стене. Она мшистая, скользкая, ее увлажняют и туман и добирающиеся сюда водопадные брызги. В каком ослеплении меня понесло на эту стенку?

Со стороны это вовсе не страшно. Вверх лезть тоже не страшно. Вверх и лезе, вверх и лезе, все ближе к каскаду. Впрочем, тут уже страшнее: взглянув вниз, и начинают дрожать ноги.

Еще шаг — и я за водопадом. Даже среди тумана красиво — видеть мир сквозь низвергающуюся воду, сквозь ажур струй, пены и брызг. Приятно было и поторжествовать в этакой позе перед своими подшефными... Счастье еще, что никто из них за мною не полез. А вот как теперь самому спуститься? Фу, да ведь я же еле держусь. А упасть и с этих трех-четырех метров можно так, что потом тебя будут нести. Только этого мне не хватало для «карьеры» экскурсовода!

Ноги дрожат, пальцы тщетно пытаются впитаться в ничтожные закраинки, прихваты. Подолгу уминаю мокрый мох, чтобы нога не скользила, напрягаюсь так, что руки начинают нервно трястись. Вот еще метр преодолен. Ну, кажется, можно прыгать. Метров с полутора уже не страшно. Бухаюсь по колено в воду. И без того было не тепло, а тут еще такая ледяная ванна! Выливаю воду из ботинок, отжимаю концы штанин. Да-с, оконфузился, товарищ экскурсовод. Именно так делать и нельзя. Прежде чем влезть на скалу, подумай, можно ли с нее слезть — ведь эту истину я хорошо знал, и вот на тебе!

ПОЕДИНОК С МОЛНИЕЙ

На обратном пути, пока идем по большому снегу к Острому перевалу, в облаках происходит перестройка. Совсем рядом прокатывается грозный громовой раскат, налетает шквалистый ветер, и начинает горохом сыпать проливной крупнокапельный, а потом и крупнотруйчатый дождь. Можно было и не выливать воду из башмаков. В каких-нибудь двадцати метрах от Острого перевала останавливаемся, как пораженные громом, так сказать, в буквальном смысле слова: мы находимся в грозовой туче. Ослепляющий, охватывающий нас со всех сторон вспых сопровождается не последующим, а одновременным грохотом. Расстояние от места разряда до нашего слуха ничтожно, и звук достигает нас, почти не отставая от света.

Раньше верующие жители равнин считали нужным в промежутке между молнией и громом перекреститься — очевидно, после этого гром казался не таким страшным. Мы же и перекреститься не успели бы...

Из школьной физики вспомнилось: молнии предпочитают бить по выступающим вверх предметам. Зубцы гребня по обе стороны от Острого перевала были именно такими выступами. Каждый из нас чувствовал себя чуть ли не громоотводом. Наверное, поэтому, не стовариваясь, все мы сначала скорчились, съежились, потом даже сели на землю, а еще три-четыре удара молний, одновременных с громом, и вовсе прижали нас плашмя к земле. Так на войне распластываются люди, чтобы избежать осколков от разрывающегося снаряда. Хотелось вращать в эту гору, укрыться хоть под какую-нибудь травинку.

В довершение к прочим «удовольствиям» начался крупный град.

И длилось-то это всего, быть может, минут десять-пятнадцать, показалось же такое кроличье состояние целой вечность.

И вдруг — именно вдруг — все прекратилось. Одним дуновением ветра с нас сдуло тучу, и кончился град, и брызнуло откуда-то солнце, и гром стал слышаться с далеких вершин, со значительным опозданием после вспышек молний.

Остатки туч блуждали у нас под ногами. В просветы между облаками прорывалось солнце и освещало то хвойный лес на соседнем хребте, то полосы снежников среди побуревшего криволесья на ближнем склоне. По долинам гревели новорожденные дождевые ручьи.

Высота около 2000 метров. Рядом снега. Ледяной ветер. Мы мокры до нитки — каждого можно выжимать, выкручивать. Ощущаем обжигающий холод. И все-таки застываем на Остром перевале, ошеломленные послегрозовым хаосом света, туч, воды, ветра — что это, первый день творения?

Солнце уже клонится к вечеру, бьет косо сзади. Тени ложатся длинные. К ногам услужливо подползает клочок облака, так что наши тени падают на него и — что за чудо? Перед нами на этом облаке вырастают фигуры великанов, окруженные сияющими кругами.

Будь мы мало-мальски суеверны — пожалуй, приняли бы это за самого господ бога. Но было легко понять, что перед нами наши собственные тени, они повторяли все наши движения. А вот кольцевое сияние — дивное, голубое внутри и розовое снаружи — это было уже явным преувеличением наших достоинств.

Давно ли мы жались к земле, жалкие и беспомощные? А сейчас мы стоим не только уцелевшие, но словно бы даже победившие грозную тучу. Больше того, мы видим на облаке самих себя в невиданном ореоле победителей. Мокрые, продрогшие, гордые!

Что это за зрелище? Кто-то, напрягая память, заявил, что читал о подобном сиянии как об оптическом явлении под названием gloria. Уместный термин — ведь в переводе «gloria» означает славу, великолепие. А тени великанов? Мне что-то похожее помнилось под именем брокенских призраков. Брокен — это на Гарце в Германии, место шабаша ведьм в вальпургиеву ночь. Что ж, и здесь этот хаос создает обстановку, для нечистой силы вполне подходящую.

Чудесное видение исчезло так же внезапно, как и возникло. Хохочущие над собственной божественностью, бежим с перевала, идем к метеостанции. Новая награда!

Грозою расчистило тучи не только у нас, но и на смежных хребтах. Нежданно распахнулись и бездны и дали. Люди и не подозревали, что находятся так высоко и могут так много увидеть.

Потрясенные продолжающимися чудесами, туристы едва успевали поворачиваться и говорить друг другу:

— А там-то! Нет, смотри-ка левее, левее-то что...

Горы были в остатках облачных клочьев, под косыми лучами солнца, клонящегося к закату. Зрелище, совсем не похожее на то, что я видел при первом походе на Ачишхо. Как хорошо, если каждое восхождение будет давать столько новых впечатлений!

С увлечением показываю и дальние Фишт с Оштенем и ближний Чугуш, и Аибгу, и... только было я хотел начать убеждать, что отсюда видно и море, взглянул — и увидел отчетливую линию синего горизонта и неба. Вот же оно, несомненное море! Еще одна радость, прежде всего моя, нужная мне как основание для «хозяйской» уверенности, что море отсюда видно. Красота этой дали радует нас не меньше, чем причуды гор.

Уже поздно. Не попадает зуб на зуб. Пользуюсь случаем резюмировать:

— Ну, товарищи. Дальше «никакой красота нет». Пошли назад.

Смеемся при воспоминании о нашем глубокомысленном прорисовке мистокле.

На базе нас встречает обеспокоенный Энгель. Он наблюдал грозу над Ачишхо и пытался представить себе наше состояние. А мы вернулись бодрые, довольные. Для нас истоплена горячая баня и приготовлен взамен ужина вкусный и обильный обед.

ГОРЫ В СНЕГАХ

Перед последним в этом году подъемом на Ачишхо три дня бушевала непогода. Местные люди уверенно говорили, что в горах в это время шел снег. Настало первое ясное утро. Выйдя на улицу, я был ослеплен. Не только на дальних горах, но даже и на Аибге, ставшей было почти бесснежной, на всех ее пирамидах сверкал свежий снег. Острая, пронзительная белизна на фоне лазурного, омытого ненастьем неба. Кто мог думать, что эти, уже и так покрывшие меня горы способны еще настолько похорошеть?

На следующий же день я снова вел группу на Ачишхо. Не успевший стаять новый снежок начал попадаться уже от поляны с камнем, в «лебедином» лесу он лежал во многих местах, а альпийские лужайки покрывал сплошной пеленой.

Провел и эту группу на водопады. Не успел оглянуться — один из туристов уже лезет по скользкой стене — по тем самым уступчикам, где я недавно висел и дрожал в наказание за свое легкомыслие. Кричу ему: «Слезайте сейчас же!» Где там! Он подтягивается, ухватившись за очередной выступ, и вот он уже за водопадом. В полный голос, а нам еле слышно сквозь шум воды, кричит:

— Здесь хорошо, идите все сюда!

Волнуюсь, ругаю себя за недосмотр. Остальные не понимают моего волнения, со стороны его позиция совсем не страшна. Но ведь я-то знаю, каково ему будет при спуске. Вот он возвращается. Шаг, другой. Его ноги скользят, дрожат, он всем телом жмет к скале, судорожно ищет руками зацепки и срывается — не там, откуда прыгал я, а выше и ближе к водопаду. Человек летит вдоль отвеса рядом с водопадной струей метра три и падает прямо в прозрачную воду, сквозь которую видны острые камни. У меня сжимается сердце. Но маленький голубоватый бассейн под водопадом неожиданно оказывается настолько глубоким, что упавший исчезает в нем с головой, тут же выныривает и двумя-тремя взмахами уверенных саженок достигает берега.

Вылез мокрый, сведенный холодом ледяной воды. Целехонек, хохочет. Что же, разве его мне ругать? Ругать надо прежде всего себя — не углядел. Раздеваем потерпевшего, а кругом нетающий свежавыпавший снег. Растираем, снимаем с себя кто что может. Загораживаем от женщин, отжимаем брюки. Хорошо, что все так кончилось...

★

Последний за осень поход на Ачишхо. Какими он наградила панорамами! Все было новым — все горы облачены в серебро, стали мраморными изваяниями, оказались еще более гордыми, чистыми, покоряющими.

Сентябрь кончился. Заканчивается и сезон на турбазе.

Проработав месяц, уезжаю, горячо благодарный Энгелю за такое поэтическое начало моей трудовой жизни. Зовут приезжать еще. Соглашаюсь, совсем не ведая, как и когда это окажется возможным. Ведь у меня другая жизнь, пла-

8. Метеостанция встречает зиму

ны, цели. Не сказкою ли было все это здесь, внизу, и там, выше, над Красной Поляной?

В последний вечер перед моим отъездом Нина подходит к пианино (она видела, что я иногда вечерами брэнчал на нем). Заказывает то один, то другой из известных романсов. На слух подбираю, конечно, не ручаясь за правильность аккомпанемента. Просит наиграть арию Шемаханской царицы. Основную мелодию в ней сопровождать легко, но колоратурную часть?.. Нина просит чуть снизить тональность и неожиданно начинает петь. И как петь!

У нее сильное и нежное лирическое сопрано, она им свободно владеет, поет — с большим чувством. Стараюсь аккомпанировать едва-едва, а во время колоратурных переливов вообще смолкаю, чтобы не «мазать». Мелодия зазывная, томительная, манящая, переливы сверкают, серебристые, как этот снег на вершинах. Но Нина вдруг прерывает пение, закашливается и в слезах бросается на грудь подошедшему Энгелю. Мы, несколько человек, очарованные ее пением, растеряны, не знаем, в чем дело. Владимир Александрович долго утешает ее и провожает всхлипывающую домой.

Наутро он мне рассказывает, что Нина — студентка консерватории по классу пения, что врачи запретили ей продолжать курс из-за туберкулеза. Она надеялась, что поправится в Красной Поляне. Вчерашнее пение было пробой, и теперь Нина в отчаянии. Да, слишком сыр для туберкулезников здешний климат. Недаром легочный санаторий, организованный в Охотничьем домике, просуществовал совсем недолго, а затем его заменили домом отдыха для вполне здоровых людей.

Меня увозит с последней группой экскурсионный автобус. Энгель и Нина стоят, подняв руки в прощальном приветствии.

Побежденный ли я уезжаю? Да, я побежден, потому что не побывал ни на Кардываче, ни на Рице. Но я побежден и в другом смысле, покорен Красной Поляной и теперь навсегда ее почитатель. Я, конечно, еще приеду сюда и побываю на самых далеких и недоступных озерах. Я буду еще победителем!

ВЕДАТЬ СВОЙ КРАЙ

МАРШРУТ В ПРОШЛОЕ

СБЫВШИЙСЯ СОН

Весна 1934 года. Своим чередом катилась московская жизнь. Как далекий сон, лишь изредка вспоминалась Поляна, недолюбленная, недоосмотренная, не показавшая мне лучшего — своих дальних озер, но уже и тем, что она приоткрыла, навсегда милая сердцу.

Учусь в Москве. Занимаюсь вещами, совсем далекими от гор и туризма. Не буду называть специальность, которой меня обучали, ибо не хочу ее очернить. В ней немало хорошего, и для многих она станет судьбой, главным в жизни. Но есть великое дело — призвание. И лучшая из специальностей, не совпавшая с призванием, может оказаться далекой, неувлекательной — а значит, и работа неплодотворной.

На свой факультет я поступал без призвания. Словно гипнозу, поддался традиции, что сразу же после школы следует поступать в вуз, неважно в какой. А оказывается, гораздо важнее, чтобы жизненный опыт подсказал, какое избрать поприще — тогда оно увлечет, захватит, позволит забыть о гранях между работой и остальной жизнью.

Нашему курсу «повезло». В связи с решительной реорганизацией института желающим предоставили возможность переменить специальность. Выбор будущего опять становился моим собственным делом.

А куда влекло? В литературу? Но о чем мог писать недоучившийся студент, еще вовсе не знавший жизни?

Неопределенность тяготила. Было стыдно перед родителями, перед друзьями. И совсем неожиданно произошло такое, что все стало ясным. Я не боюсь показаться смешным и расскажу все, как было. Решение пришло... во сне! Да, во сне, и при этом без какой бы то ни было мистики и суеверных примет.

Мне приснилась ... Красная Поляна!

В думах о неведомом будущем я долго не мог уснуть. Каким же отдыхом после этого было увидеть себя в мягкой, милой зеленой Поляне, с добрым Ангелом, с порогами Мзымты и Сланцами, с необъятными кругозорами Ачишко: я вновь там работал, куда-то кого-то водил, увлекал, спорил с Хустом, искал заблудившихся...

Просыпаюсь, как будто омытый в светлой реке. Я счастлив, я побывал дома. Ведь это моя Поляна, где я нужен, полезен, где стольким могу помочь!

Как все стало ясно. Куда я стремился, какие еще призванья себе внушал, если именно там мое основное место, мой путь, моя судьба...

Немедленно напишу Ангелю — наверное, за полтора года меня не забыл.

И один добрый вечер открываю концерт с краснополянским штемпелем. Энгель зачислил меня на должность... методиста турбазы, что было даже повышением. Решено, еду.

Но теперь я уже не наивный романтик, пустившийся в путь с чемоданчиком и в разваливающихся туфлях. Обзавожусь и горными ботинками, и рюкзаком, и котелком, и компасом. Покупаю листы подробной карты Кавказа, изучаю их так усердно, что копирую дециметрами почти наизусть.

ПОДАРЕННАЯ ПТИЧКА

В Ленинской библиотеке с жадностью накидываюсь на краеведческую литературу, на старые путеводители по Красной Поляне. Сколько, оказывается, о ней написано! Проглатываю статьи по ботанике, по геологии, целую книжку о кровельных сланцах. В конце каждой статьи новый список источников — новые нити к еще неизвестным мне книгам и старинным газетам.

Розыски источников — это тоже творчество, своего рода исследование!

Уже с первых шагов узнаю важные сведения, которые, видимо, не были известны руководителям экскурсий в Красной Поляне. Разве не интересно, например, называть туристам забытое ныне черкесское имя Красной Поляны — Кбаадэ? Или — как можно пройти мимо того, что окончание всей Кавказской войны было ознаменовано соединением нескольких русских отрядов именно здесь, на Красной Поляне!

Находя факт за фактом, уличал я и себя и коллег в упущениях и в прямых ошибках. Как лихо связывала Клеопатра Васильевна название села Медовеевка с богатствами меда в долине реки Чвижепсе! А оказалось, что медодеями, или медозюями, назывались абазинские (черкесско-абхазские) племена, заселявшие прежде район нынешней Красной Поляны и соседние долины. Сомнительным выглядел и перевод названия «Мзымта» как «бешеная». На старинных картах, в статьях и реляциях писали: «Мдзимта», «Мидзимта», «Мезюмта»¹ и, наконец, «Медзюмта». Последнее так близко подводило к имени тех же медозюев, что возникало предположение, не от них ли и надо вести родословную имени «Мзымта»². Было ясно, что «бешеная» здесь совсем ни при чем.

Я почувствовал, как втягиваюсь в настоящую исследовательскую работу — пусть пока только в розыски и изучение первоисточников. Даже находясь в Москве, я вживался во все новые подробности истории края, мысленно путешествовал по еще не пройденным маршрутам, обогащался научными представлениями о растительности и животных, о заповеднике, об экономике. Конечно, все это должен знать краевед...

Какой радостью было найти данные о первом посещении русским человеком Красной Поляны! Допотопный комплект «Русского вестника» за 1864 год содержал захватывающе интересные «Записки кавказского офицера», скромно подписанные буквой «Т». Под этой литерой скрывал свое имя русский разведчик барон Торнау. Переодевшись горцем, он сумел проникнуть в са-

¹ Карта поручика Родионова, 1838 год.

² А в одном из античных источников не Мзымта ли упоминалась среди черноморских рек под названием Мидзигон, сквозь которое тоже как бы «просвечивают» медозюи? Византийский посол Земарх, возвращавшийся от турок, называл в числе горцев Западного Кавказа неких мизимиан — это тоже созвучно с медозюями.

мое сердце причерноморской Черкесии и побывал на Красной Поляне еще в 1835 году.

Энгель знакомил нас только с отдельными страницами прошлого Красной Поляны. Теперь же передо мной было столько первоисточников, последовательно разворачивалась вся цепь событий, и становилось ясно, что эпизоды, рискованные Энгелем, были лишь малым всплеском в истории присоединения Черноморского Кавказа к России, а сама эта история — лишь отдельным звеном среди целой эпохи гроз и трагедий, какую была вся Кавказская война. Шел великий исторический процесс — вековая борьба растущей России с султанской Турцией. Крепла русская мощь в соперничестве с могучими державами Запада, которые тоже были не прочь утвердиться на лазурных берегах Черноморья, но пока что воевали «чужими руками», лишь подстрекая Турцию и горцев на борьбу с Россией.

Еще при Иоанне Грозном присоединялась к России значительная часть Адыгей и родственная черкесам Кабарда. Защиты у русских от опустошительных нашествий турок и персов просили грузины и армяне... В то же время Турция цинично спекулировала на стремлении горцев к национальной независимости и подстрекала их к сопротивлению, в сущности, превращая целые народы в пешки на шахматной доске своей борьбы с Россией.

«Может ли Европа видеть равнодушно, как Черное море географически делается русским», — писали в западноевропейских газетах.

В годы, когда я читал обо всем этом, еще и сами историки лишь робко начинали говорить, что присоединение Кавказа к России имело прогрессивное значение. Но такие мысли рождались сами при знакомстве с подлинными материалами о ходе событий.

За шесть лет перед походом Торнау, в 1829 году, был заключен Адрианопольский мир между Россией и Турцией. Проиграв очередную войну, Турция вынуждена была среди прочих потерь отказаться от «прав и претензий» на черноморские владения, хотя по-настоящему этими землями она никогда и не владела. Россия получила юридические основания укрепляться на побережье севернее Сухум-Кале¹, уже занятого русскими в начале XIX века.

Горцы северо-западного Кавказа этого права признать не хотели. Они и береговые крепости турок терпели с трудом, дани султану почти не платили.

Известна многозначительная беседа, которую вел с шапсугским старшиной русский генерал Раевский. Он объяснял шапсугу, что султан подарил горцев русским. Шапсуг гордо ответил:

— А! Теперь понимаю.— И показал на севшую поблизости птичку.— Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее.

— Султан не владел нами и не мог нас уступить,— говорили причерноморские черкесы.

Русская армия развернула операции, как в те времена выражались, «по усмирению собственных подданных». Правда, главные события еще долго происходили на востоке, где бушевала война с Шамилем. Но турецкие контрабандисты старались подвозить горцам оружие через «не усмиренное» Черноморское побережье. Русские приступили к действиям и на западе. Решено было создать вдоль Черного моря Береговую линию крепостей. А мес-

¹ Для ряда абхазских названий лишь недавно установлено написание, соответствующее их правильному местному произношению: Гагра, Сухуми. В описываемые же времена общепринято было говорить и писать «Гагры», «Сухум»; «Кале» по-турецки означало крепость.

Адыгейские и черкесско-абхазские (абазинские) племена Причерноморья

та были дики, глухи, не изучены. Дремучие леса, лианные дебри, непролазные заросли кустарников, кручи, бездорожье. Выходить к морю со стороны суши еще нечего было и думать. Решили действовать с моря.

В июле 1830 года русская эскадра высадила десант у Гагринского карниза, а в ближайшие два года были основаны две крепости на севере. Уже эти первые шаги русских по завоеванию побережья натолкнулись на сопротивление причерноморских горцев. Особую воинственность проявляло племя убыхов, жившее по рекам Хамыш (теперешняя Хоста), Сочипсы и Шахе. Эта воинственность была не случайна. Убыхи получали большие выгоды от своего приморского положения и слыли у черкесов первыми торговцами с Турцией. Русские крепости были прямой угрозой этой торговле.

Убыхи... Стараюсь представить себе этих людей, говоривших на совсем особом языке, отличном от черкесских и ныне исчезнувшем с лица земли. Черные бороды... Остроконечные шапки... Статные фигуры, тонкие «осиные» талии. Идеалом считалось, если под поясом убыха, легшего на бок, могла пробежать кошка.

Нужно ли все это знать краснополянскому краеведу? Да, ибо наиболее частыми соратниками убыхов были краснополянские медозюи.

Трудна и страшна была жизнь в изолированных крепостях Берёговой линии. Назначение сюда расценивали как верную смерть. Солдат и офицеров отовсюду сторожили черкесские пули. Людей мучила малярия¹. Подвоз пита-

¹ Русские укрепления располагались в подножии гористого побережья, у заболоченных речных дельт, на единственно ровных площадках, где горцы никогда не селились, а имели

нии и подкреплений был возможен только с моря и всегда сопровождался вооруженными стычками. Не удивительно ли, что даже стены некоторых крепостей строились из известняка, привозимого... морем из Керчи, а ведь кругом строительного камня было хоть отбавляй! Часто приходилось отражать и крупные набеги черкесов.

ТОРНАУ ИДЕТ В ПОЛЯНУ

Вот в такое-то время и было решено отправить в глубь Черкесии лазутчика для разведки местности. Выбор пал на барона Торнау, находчивого и храброго офицера.

Уже перед началом своего предприятия Торнау собрал множество сведений о землях и племенах, среди которых ему предстояло пройти, в том числе о краснополянских черкесах. Торнау знал, что ачипсоу¹, айбога² и чужгуча «на верховьях Мдзимты, Псоу и Мцы» (вероятно, Мацесты), а также Псхо (теперь Псху) были известны под общим именем медовеев. Жителей в «Медовеевке» Торнау ожидал встретить не более десяти тысяч³. Вот что писал он о старых краснополянцах:

«Дороги были в то время небезопасны. Между Бомборами и Сухумом помнялись нередко разбойники из Псхо и Ачипсоу, двух независимых абазинских обществ, занимавших высокие горы около источников Бзыба и Мдзимты... Трудно было уберечься от них, тем более, что все выгоды находились на их стороне. Спрятанные в чаще, они выжидали путешественников по открытой дороге, пролегавшей между морем и густым лесом, убивали их из своей засады и грабили, не подвергаясь сами большой опасности».

Пройти из Гагринской крепости на более северную часть побережья по карнизу Железных ворот, который простреливался постами джигетов, было немислимо. Торнау решил зайти в Черкесию с севера. Он перевалил из Абхазии в бассейн Кубани, подкупил на Малой Лабе черкесского (шахгиреевского) князя Карамурзина, и тот согласился провести его в costume горца к морю. В это время у Карамурзина гостили два медовеевских черкеса — девяностолетний старик Масрадук Маршаний со своим семидесятилетним сыном Сефербеем. Их тоже посвятили в тайну похода Торнау, как связанных кровной дружбой с Карамурзиным. Конечно, от такой огласки риск похода возрастал.

Наивные медовеевские старшины считали даже выгодным познакомиться переодетого русского офицера со своими неприступными полянами. Они были уверены в их недосыгаемости и полагали, что русские, увидев своими глазами, какой неуязвимой будет оборона горцев в этой местности, навсегда потеряют охоту завоевывать их край.

Когда Торнау уже спускался с перевала к Ачипсоу и отдыхал у огромного бука, он совершил первый в этих местах грех «цивилизованного» европейца — вырезал ножом на коре свое имя.

только торговые склады у пристаней. Аулы их размещались выше и дальше от моря, в незараженных малярией местах.

¹ В других источниках также ачипсоу, ачипсху. Не отсюда ли и нынешнее Ачипсе? А турецкий путешественник Эвлиа эффенди, проехавший в 1641 году по Черноморью, упоминает среди «буйных мужей» Западного Кавказа живущее по Мзымте племя а х ч и с ы. Это пока древнейшее из найденных письменных свидетельств о людях бывлой Красной Поляны.

² Айбога — старинное произношение Айбги. Стало быть, и Айбга вопреки Клеопатре Васильевне совсем не означало «красавица».

³ Торнау пишет еще об одиннадцати тысячах джигетов, живших между Гаграми и Хостой, и о десяти тысячах саша — в этом слове слышится современное Сочи.

— Зачем это делать, — оказал ему старший черкес. — Никто не прочтет твоей подписи. Веки пройдут, прежде чем русские сумеют увидеть ее на этом месте¹.

Торнау хорошо понял всю важность пересеченного им водораздела. Он пишет, что на север отсюда «вытекает Малая Лаба, а на юг — Мдзимта»².

Вполне опознается в описании Торнау Бзерпинский карниз, который так поражает идущих с севера панорамой южного склона Кавказа, внезапно разворачивающегося под ногами. Спуск к Ачипсоу показался Торнау крутым и во многих местах топким. Что же, топких мест на тропе при спуске с Псеашхо к Ачипсе и сегодня достаточно.

КРАСНАЯ ПОЛЯНА В 1835 ГОДУ

Не драгоценно ли для краснополянского краеведа было найти, прочитать и запомнить следующие строки из описаний Торнау:

«Кавказ богат красотами природы, но я помню мало мест, которые могли бы равняться по живописному виду с долиною Мдзимты. Пролетая на расстоянии 35-ти верст от Главного хребта до гребня Черных гор (так Торнау называет хребет Ахцу. — Ю.Е.), идущего параллельно морскому берегу, она ограничивается с двух сторон рядами высоких неприступных скал, закрывающих Ачипсоу с севера и с юга. В этой глубокой котловине течет быстрая Мдзимта, образующая бесчисленное множество водопадов. По обе стороны реки раскиданы купы домов и хижин, окруженных темной зеленью садов, виноградниками, посевами кукурузы, проса, пшеницы и свежими бархатными лугами. По мере удаления от берегов постройки и обработанные участки заменяются вековым лесом, который окаймляет бока гор, упирающихся в красноватые зубчатые скалы. Через отрог Черных гор, перегораживающих реке путь к морю, она прорывается в тесные скалистые ворота, образующие неприступный проход со стороны юго-запада». (Это первое упоминание об ущелье Ахцу. — Ю.Е.)

Торнау пишет далее, что медовеи «не богаты скотом, мало имеют пахотной земли, но зато пользуются изобилием фруктов: персиков, абрикосов, груш, яблок, превосходящих величиною и сочностью все подобные плоды, какие можно встречать на берегу Черного моря. Горы покрыты каштановыми деревьями, дающими пропитание большей части бедного населения, у которого очень часто недостает пшеницы и кукурузы. Жители сушат каштаны на зиму и, разварив их потом в воде, едят с маслом или молоком. В Ачипсоу имеется отличный мед, добываемый от горных пчел, гнездящихся в расселинах скал. Этот мед очень душист, бел, тверд, почти как песочный сахар, и весьма дорого ценится турками, от которых медовеевцы выменивают необходимые им ткани исключительно на мед, воск и девушек».

Так ярко и разносторонне поведал нам Торнау и о внешнем облике тогдашних полей и о быте населявших их людей. Упоминание о славе краснополянских девушек тоже не случайно. Немало строк посвящает Торнау поразив-

¹ История показала, что эти «века» длились 29 лет. Но, читая о пути Мало-Лабинского отряда, спустившегося на Красную Поляну в 1864 году через тот же перевал, я тщетно искал упоминания о том, что подпись Торнау попала на глаза русским.

² Теперь мы и об этом говорим точнее: из-под перевала Псеашхо рождаются лишь приток Малой Лабы — Уруштен и еще более мелкие притоки Мзымты — речки Пслух и Бзерпи.

9. Ф.Ф. Торнау

шей его красоте черкешенок Ачипсоу. Вот один из отрывков:

«Слав лошадей, мы вошли в кунахскую, в которой слуги суетились, расстилая для нас ковры, подушки, и разводили на очаге огонь. В этом отдаленном уголке гор существовал еще патриархальный обычай, по которому дочь хозяина обязана умыть ноги странников. Когда мы уселись на приготовленных для нас местах, в кунахскую вошла молодая девушка с полотенцем в руках, за которой служанка несла таз и кувшин с водой. В то мгновение, когда она остановилась передо мною, кто-то бросил в огонь сухого хворосту, и яркий свет, разлившийся по кунахской, озарил девушку с ног до головы. Никогда я не встречал подобной изумительной красоты, никогда не видал подобных глаз, лица и стана. Я смешался, забыл, что мне надо де-

лать, и только глядел на нее. Она покраснела, улыбнулась и, молча наклонившись к моим ногам, налила на них воды, покрыла полотенцем и пошла к другому исполнять свою гостеприимную обязанность. Между тем свет становился слабее, и она скрылась в дверях тихо, плавно, подобно видению».

Может быть, это смешно и ни к чему: не все ли равно, какими красавицами были исчезнувшие теперь горянки? Но и эти строки Торнау меня удивительно трогали. Именно такими красивыми должны были быть люди в Красной Поляне.

Впрочем, женщины Ачипсоу, по мнению Торнау, были гораздо красивее мужчин. Их мужья и женихи почему-то не славились ни внешней ловкостью, ни гордой осанкой, обычно столь свойственной черкесам... Зато они в избытке обладали другими качествами. Об этом Торнау пишет:

«Погода была прекрасная, и все Ачипсоу дышало миром и спокойствием. Медовеевцы действительно пользовались этими благами, мало известными в других частях Кавказа, благодаря неприступному месту, которое они занимали; но зато они сами нередко отнимали у других покой, спускались к морю в Абхазию и на северную сторону гор грабить каждого встречного. Пользуясь между горцами репутацией отъявленных разбойников, они за пределами своих крепких гор находились во всегдашней опасности быть перебитыми без всякой жалости. За день до нашего приезда привезли в Ачипсоу тела четырех убитых медовеевцев»¹.

Мзымту переодетый барон переехал по висячему мосту, который был с большим искусством устроен «из жердей, досок и виноградной лозы, стяну-

¹ Любопытно, что Торнау, при столь подробном описании долины, занятой черкесами-ачипсоу, ни разу не упоминает названия главной поляны Кбаадэ, которое называют все позднейшие авторы. Может быть, это потому, что резиденция его хозяев могла располагаться выше, на нынешних Эстонских полянах?

Поход Торнау (1835) через район будущей Красной Поляны (Ачипсоу, Кбаадэ)

той веревками». Подобных мостов Торнау насчитал пять пешеходных и два вьючных. Не мешало бы сегодняшним краснополянцам догнать кое в чем и черкесов — мостов через Мзымту у Красной Поляны сейчас гораздо меньше!

Из долины Чужипсы лазутчик перевалил «высокую каменистую гору» — очевидно, хребет Ахцу. Затем «по совершенно удобной дороге», по широкой лесистой долине Мцы (Мацесты), Торнау вышел к морю и от устья этой долины за полчаса дошел берегом до Сочипсы, затем повернул обратно, к Гаграм.

Опасный рейд кончался. Офицер миновал будущий Адлер, где жил тогда некий Аред-бей¹. Хитрее всего оказалось в черкесской одежде пройти по неприступному Гагринскому карнизу.

За восемьсот сажен от крепости по одетому в горское платье барону русские пальнули ядром. С отчаянным риском, лепясь по едва заметным уступам, Торнау достиг-таки крепости и, только назвав себя, был торжественно встречен соотечественниками².

Какого же можно еще желать первоисточника, как не записей первого свидетеля, умного и зоркого, при этом талантливом литератора, который тай-

¹ Отсюда Аред-ляр — одно из первоначальных названий Адлер. Эвлиа эффенди в 1641 году писал о живущем у устья Мзымты племени Арт и называл пристань этого племени Артлар. Видимо, одно из этих названий генералы из русских немцев впоследствии изменили на немецкий лад и получилось Адлер, что по-немецки означает «орел».

² После этого Торнау осуществил еще одно подобное путешествие, уже вне района Красной Поляны. Оно окончилось двухлетним пленом и освобождением. Описание обоих походов в подлиннике читается как увлекательный роман.

но прошел по еще непобежденному Черноморью, так внимательно ко всему приглядывался, так ярко сумел обо всем рассказать!

Сведения, полученные Торнау, на многое раскрыли глаза командованию русских. Оно решило форсировать завершение Береговой линии. В ближайшие годы — с 1836-го по 1838-й — все побережье было унижено русскими крепостями. В них протекла каторжная солдатская жизнь с лихорадками, недоеданием и непрестанными стычками с неприятелем.

*

...Дни, вечера запоем в библиотеке. Какой океан событий, фактов, свидетельств! И невозможно ограничить свои интересы одной Красной Поляной! Все время ее судьба оказывается в зависимости от судеб соседних мест, от хода всей Кавказской войны и — даже более того — от очередных событий мировой истории.

Казалось, какое отношение к этим местам имела, скажем, Крымская война 1853-1856 годов? Было так привычно связывать ее в своих представлениях только с героической обороной Севастополя. Но ведь и Береговая линия Черноморья оказалась на линии фронта! Турецкие десанты высаживались у Сухума, англо-французские — на Тамани. Блокированные противником с моря, береговые укрепления русских были полностью изолированы. Поэтому командование приняло тяжелое, но единственно правильное решение: снять Береговую линию, как ни дорого она стоила России. Все укрепления от Гагр до Новороссийска были взорваны и покинуты русскими. Перестала существовать и эта видимость стратегического окружения горцев. «Подаренная птичка» — причерноморская Черкесия — стала прямой союзницей султанской Турции и англо-французских захватчиков.

183. I.

ЗВЕЗДНЫЙ ПОХОД

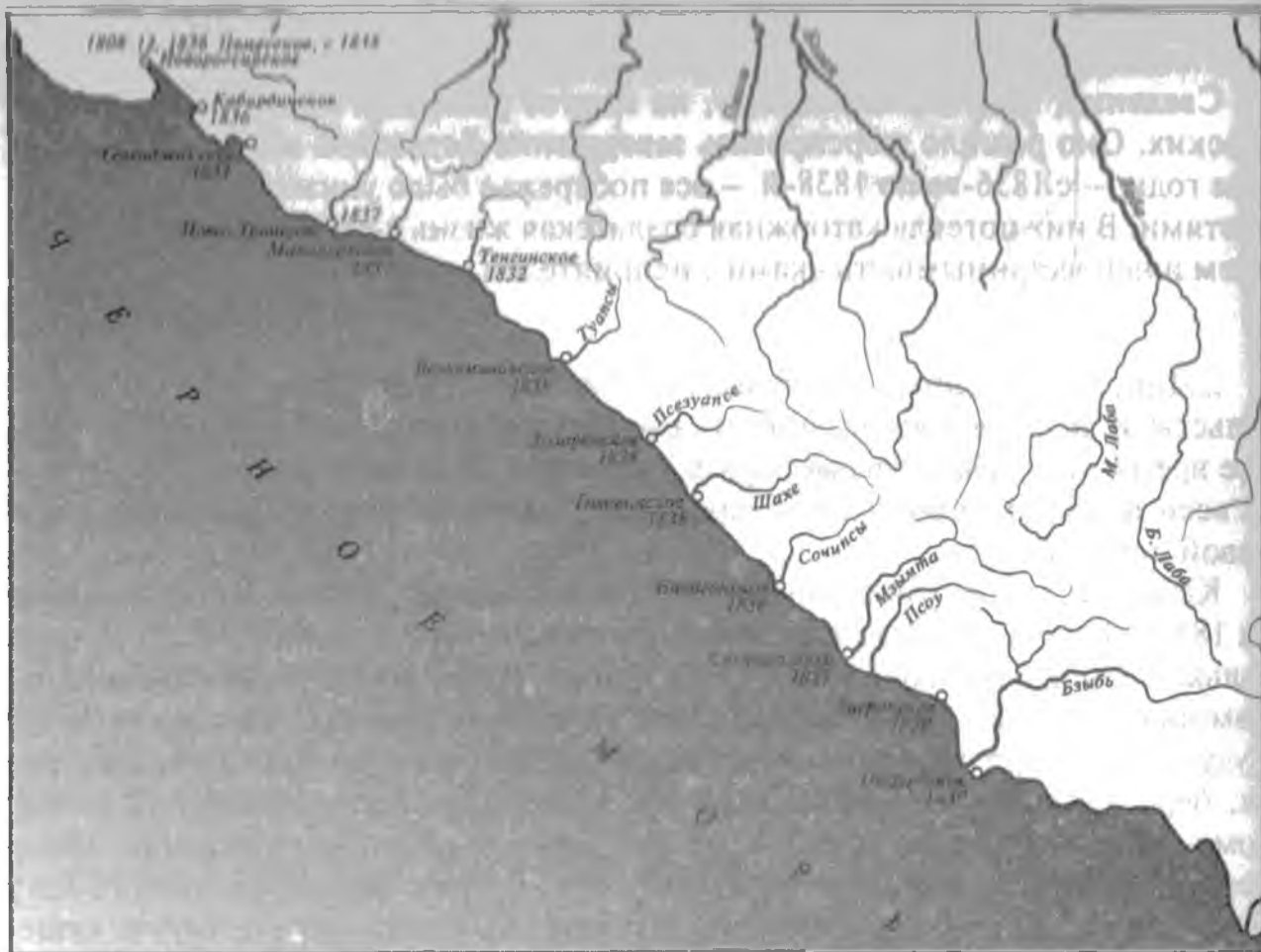
После окончания Крымской войны русские бросили основные силы на борьбу с Шамилем. Но не забывали и о Западе. Царские войска вновь заняли оставленную на время Абхазию.

Наряду с укреплениями в долинах насаждались казачьи станицы. Офицеры любили повторять пословицу: «Укрепление — камень, буря может свалить его; станица — растение, она пускает глубокие корни». Живя у самой линии фронта с семьями, казаки обороняли и родных, и хозяйство.

Уже в это время главнокомандующий князь Барятинский поставил целью выселение горцев из горно-лесных районов Западного Кавказа. Переселяемым предоставлялись «в вечное владение» обширные степные земли на Кубани. Но именно в эти годы, как неудержимая эпидемия, распространилась по Западному Кавказу турецкая пропаганда. Турция не скупилась на посулы, увещевала горцев не приносить покорности русским, не выселяться на равнины и на крайний случай предлагала свое «гостеприимство».

«Турция вам родная мать, она вас не даст в обиду, вы найдете в ней вторую родину, мусульманский рай», — уговаривали горцев, боровшихся с Россией, турецкие агенты.

В 1859 году пал Шамиль. С покорением Востока на Запад было брошено большое количество войск. Многие черкесские племена — бжедухи, темиргоевцы, значительная часть абадзехов — не поддались турецкой пропаганде

*Укрепления русской Береговой линии (1830 — 1854).
У названий поставлены даты основания укреплений*

и согласились расселиться по прикубанским раздольям. Действовал и пример прадедов, ценивших дружбу с Россией больше «турецкой любви», и пример восточных соседей — верхних черкесов и кабардинцев, давно уже сражавшихся в Кавказской войне на стороне России. Но причерноморские горцы, и прежде всего убыхи, продолжали верить могущественной, по их мнению, Турции. Они считали, что ее слушались и Англия и Франция, приходившие бить русских не иначе как по приказу турецкого султана...

В октябре 1863 года русские заняли Гойтх — перевал в горах на подступах к Туапсе — и в марте следующего года вышли к морю. 6 апреля 1864 года они подошли к остаткам бывшего форта Навагинского и основали на его месте пост Сочи, вскоре переименованный в Даховский (в честь отряда, взявшего этот пункт). А 13 апреля принесли свою покорность и старшины ахчипсовцев с верховьев Мзымты, хотя на их поляны русские еще не проникали. Русское командование не очень верило в искренность этого изъявления покорности и докладывало наместнику Кавказа, великому князю Михаилу:

«Влиятельнейшие из убыхских фамилий со своими подвластными... перешли на берег, уничтожив сами свои аулы. Джигеты по своей слабости и по близкому соседству с нами без помощи убыхов не могут оказать никакого сопротивления. Только жители Ахчипсху и Псху, занимающие труднодоступные ущелья по верховьям Мзымты и Бзыби, по своей дикости и в надежде на недоступность местности, может быть, еще будут пытаться отстаивать свои трущобы. Но так как численность этих племен не достигает и 1000 семейств, то сопротивление их едва ли будет продолжительным».

1. Вид на вершины Аибги из Красной Поляны

2. Пихтарник на Аибге

3. Вид на хребет Ачишхо из Красной Поляны. В центре — Волчьи Зубы

4. Озеро Зеркальное и гора Чугуш (3238 м)

5. Хребет Аибга

6. Пик III — высшая точка Аибги (2462 м)

7. Озерная долина Дзитаку

8. Гора Псеашхо и ледник Холодный

9. Вид с вершины Северного Псеашхо на долину реки Холодной

10. Гора Псеашхо. Ледник Мраморный

11. Массив Псеашхо. Вид с хребта Аибга.

- 1. Бзерпинский карниз. 2. Западный Псеашхо (2899 м) 3. Южный Псеашхо (3251 м)
4. Сахарный Псеашхо (3189 м) 5. Пик Кожевникова (3070 м)*

12. Пик Игольчатый (2936 м) в массиве Псеашхо

13. Гора Цахвоа (3346 м)

14. Гора Скалистая (3156 м)

Казалось бы, ясно. Положение не требовало сколько-нибудь больших военных усилий. Однако Михаилу не терпелось закончить Кавказскую войну более эффектно, чем принятием капитуляции каких-то джигетов. Поэтому под предлогом очищения края «даже и от мелких хищников» Михаил приказал войскам «продолжать предположенные прежде движения с двух сторон: из Кубанской области через Главный хребет в верховья рек Мзымты и Бзыби и навстречу им из Кутаисского генерал-губернаторства, от устья этих рек».

Эти «предположенные прежде движения» намечены были еще на рубеже 1864 года, когда многие племена горцев были в силе, когда активизировались «транезундский комитет помощи черкесам» и засылаемые им авантюристы. В изменившейся обстановке это движение четырех отрядов к будущей Красной Поляне — своего рода «звездный поход», как теперь называют массовые походы туристов, сходящиеся по радиусам к одной точке, — было не более как театрализованной — и, конечно, не дешевой — демонстрацией.

Со стороны северного склона к Поляне двинулись войска генерала Граббе.

Надо знать, что такое Псеашхо в мае, чтобы оценить, как нелегко было отряду из шести батальонов пехоты, двух сотен казаков и сотни милиции при двух горных орудиях пройти здесь во второй половине мая.

В это время вся долина Уруштена загромождена лавинами, а описанный еще Торнау Бзерпинский карниз исчезает, превращаясь в обледеневшую стенку градусов до шестидесяти крутизны.

21 мая на склонах хребта Алоус отряд Граббе имел перестрелку с группой горцев и потерял убитыми двух солдат и проводника. А затем, пройдя через сплошные снега перевала, 24 мая первым из всех отрядов спустился в долины Ахчипсоу, на поляну Кбаадэ.

Ахчипсовцы не ждали русских со стороны снежных гор и, не оказав сопротивления, подтвердили принесенную еще 13 апреля покорность. А с дальнего юга 22 апреля выступил другой отряд, вверенный генерал-майору Шатилову¹. Две недели он строил вьючную тропу вдоль Гагринского карниза — от Гагр до реки Псоу.

7 мая Шатилов повел свой отряд вверх по Псоу. Горцы преградили дорогу в теснине завалами и 20 мая начали сбрасывать с вышележащих круч на русский отряд огромные камни и бревна. Этой неожиданной «бомбардировкой» были убиты двенадцать солдат и один офицер, да еще четыре офицера и семьдесят «нижних чинов» ранены.

Лишь помощь соседнего отряда, который внезапно ударил в тыл айбгинцев, заставила их в панике разбежаться.

«Очистив» от выселяющихся горцев всю долину, отряд Шатилова перевалил через Айбгинский хребет и в тот же день появился на Кбаадэ.

Приказание двигаться к Красной Поляне получил и Даховский отряд генерала Геймана. Четыре батальона, сотня казаков и сотня милиции при двух орудиях прошли вверх по реке Сочи к урочищу Ац, перевалили через хребет Ахцу, спустились на Чвижепсе и 31 мая также прибыли на поляну Кбаадэ.

Как ни бесцельна с военной точки зрения была эта громоздкая демонстрация, на разрозненные кучки горцев она, конечно, произвела ошеломляющее впечатление. Рушился миф о неприступности полян: и с северо-востока, со снегов Главного хребта, и с юга — с Айбги, и с запада — через лесистые отроги Ачишхо на поляну Кбаадэ спускались русские армии!

¹ Отряд Шатилова насчитывал 27 рот пехоты, сотню милиции и 4 горных орудия. Этот отряд называли Псхувским, так как название реки Псоу часто произносилось как Псху.

Движение русских отрядов к поляне Кбаадэ в 1864 году
(даты занятия пунктов даны по новому стилю)

Оставался еще последний, четвертый, так называемый Ахчипсхувский отряд. Он был отправлен из Кутаисского генерал-губернаторства под командованием генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского в качестве своего рода свиты самого наместника¹.

Отряд погрузился в Сухуме и был высажен на берег в Адлере к сдавшимся джигетам. Пройдя вверх по Мзымте несколько километров, стали лагерем у селения Ахштырь перед нижней тесниной Мзымты. 18 мая сюда прибыл и Михаил, но двигаться дальше отказался: дорога была недостаточно комфортабельна².

К 28 мая наместник добрался до входа в ущелье Ахцу, а затем по вновь сооруженной тропе³ над тесниной преодолел и хребет Ахцу. Лишь 1 июня последний отряд прибыл на поляну Кбаадэ.

¹ «Свита» была порядочной и состояла из восьми батальонов пехоты, четырех сотен пешей милиции и сотни иррегулярного полка при четырех горных орудиях.

² Именно в эти дни Ахчипсхувский отряд помог войсками соседнему отряду Шатилова.

³ У А.А. Старка, одного из первых сочинских краеведов, забавно написано, что это тропа, по которой не только прошла пехота, кавалерия и горные орудия, но сумел проехать и сам великий князь Михаил Николаевич.

Этот день на Красной Поляне был полон хлопот. Войска, разместившиеся кое-как, перераспределялись по большой поляне и разбивали свои лагеря, чтобы в центре осталось просторное место для ставки главнокомандующего, для молебствия и для парада. Солдаты сносили и сжигали остатки последних черкесских строений. Было ясно, что готовится высокопраздничный обряд. Воины, поотвыкшие от больших смотров, чистились, одевались, сутились...

Наступило 2 июня 1864 года — день, который было намечено провозгласить торжественной датой окончания всей Кавказской войны. Хмуро встретили своих гостей в этот день будущая Красная Поляна. Глухие тучи закрыли горы, словно вершинам Псеашхо и Аибги нелегко было видеть это торжество победителей.

И все же поляна была хороша. Сколько войск вместила она — а выглядела широкой, просторной. Посередине ее гордо возвышались две высокие вековые пихты — таких здесь теперь нет и в помине. Под сенью этих некогда священных пихт и расположилась ставка главнокомандующего. Здесь стояли великий князь, шесть генералов, офицеры.

Вокруг среди пестреющих цветами лужаек виднелись могилы черкесов: тесанные из камня памятники и тщательно сделанные надгробные павильоны...

Западный фас каре занял Даховский отряд, север — Мало-Лабинский, восток — Псхувский, юг — Ахчипсхувский. Аналой помещался в середине на высоком кургане. В центре же были выстроены георгиевские кавалеры.

Пробили молитву. Все обнажили головы. Лишь невольные зрители — еще не успевшие выселиться черкесы-ахчипсовцы — стояли в своих высоких папах. Раздалось пение «Тебе Бога хвалим». Прогрохотали и откликнулись раскатами эха в ближних горах залпы орудийного салюта. Священники совершили окропление батальонов, вознесли благодарность Богу за окончание кровопролитной войны. К концу молебствия проглянуло солнце, что было принято за доброе предзнаменование.

Церемониальный марш прошел коряво и суетливо. Многие солдаты устали от горных переходов, болели, были измучены малярией, так что молодцеватостью не отличались. После смотра и изъявления благодарности войскам Михаил Николаевич подписал следующее донесение своему августейшему брату:

«Имею счастье поздравить Ваше Величество с окончанием славной Кавказской войны. Отныне не остается ни одного не покоренного племени. Вчера сосредоточились здесь отряды князя Мирского, генерал-майора Шатилова, генерал-майора Геймана и генерал-майора Граббе. Сегодня отслужено благодарственное молебствие в присутствии всех отрядов. Войска в блестящем виде и совсем не болеют. За все время последних движений потери не превышают ста человек. Михаил. 21 мая 1864 года¹, Ахчипсоу».

Итак, поляна Кбаадэ стала историческим местом. Как пишет в 1882 г. А.А. Старк, «в воспоминание этого счастливого события, образованному на месте молебствия небольшому селению по просьбе командиров всех собрав-

¹ Датировано по старому стилю.

10. Старая открытка. 1910 год

шихся в Кбаадэ отрядов, великий князь Михаил Николаевич дал наименование Романовск». Позднее, 19 июня 1898 года это название было восстановлено и высочайше утверждено.

Еще один из старейших краеведов Черноморья Пантюхов писал в газете «Кавказ» о том, что поляну Кбаадэ русские тогда же называли Царской Полянкой.

Когда же ее стали впервые называть Красной? Тот же А. А. Старк, посетивший Поляну первый раз еще в 1871 году и заставший на ней поселение женатых солдат, а также лишь одну из двух гигантских пихт, еще не жаловался на «осквернение» имени Романовска; но когда он пришел сюда через одиннадцать лет, в 1882 году, его верноподданническому негодованию не было пределов. К этому времени на Поляне уже обосновались греки — переселенцы из Ставропольщины. Старк извергает громы и молнии на греков — и за то, что они срубили вековую пихту, украшавшую всю Поляну, «чтобы надрать из нее драни для своих жалких избушек», и в особенности за то, что они не стали применять названия «Романовск». Старк клопочет:

«...великая честь, выпавшая на долю этого селения, честь именоваться фамилией своих государей, у него отобрана! И кем же? Какими-то ободранными полутурками-полугреками, самовольно здесь поселившимися и самовольно же переименовавшими это историческое название в Красную Поляну. И под этим, ничего не говорящим нашему самосознанию именем местность слывет и ныне».

Ворчливый Старк раздражен, что и после высочайшего утверждения города Романовска в 1898 году «иноземцы продолжают торжествовать, и даже правительственные почта и телеграф именуются «Красная Поляна». Удивительно!»

Происходило это потому, что в черте не возникшего еще города Романовска продолжал существовать поселок Красная Поляна, зарегистрированный во всех официальных инстанциях.

Мертворожденный «Романовск» так и не привился, и «ничего не говорящее» уху Старки название «Красная Поляна» прижилось прочно, произносится легко, с любовью всеми жителями поселка, и радости видеть, что название всегда будет неотрывно от этого замечательного места.

Старк негодовал не только по поводу восстановления старочеркесских ипшней населенных пунктов («Даховск обратился в Сочи, Святодуховск и Адлер... Просто позор!»): Он писал:

«Каждый топограф, землемер и турист стремятся разыскать точные, по их мнению, названия рек и гор. Зачем и ради какой славы? И вот к чему эти розыски приводят: каждая гора и река имеют помногу диких названий и ни одного русского. Нугай-Гус¹ моряков обратился в Шугус, а на последних изданиях пятиверстки появилось новое название Чугуш, а некоторые черкесские ипштухи называют его еще Абаго, Тыбга и Дзитаку², а следовало бы ее назвать горой Александра II, а другую — горой Михаила, а третью — горой святых Константина и Елены»³.

Ехать дальше, как говорится, некуда! Какое счастье, что «топографы, землемеры и туристы», обруганные Старком, все же «силовились разыскать точные названия» и что краснополянские горы обошлись без императорских, великокняжеских и святых имен!

*

Огромной эпопеей развернулась передо мной борьба за Западный Кавказ. Более полувека лилась здесь кровь. Более полувека свободолюбивые горцы пытались отстоять свою независимость — и не отстояли. Но их поражение было вместе с тем и поражением нескольких соседних и дальних держав — любителей «воевать чужими руками», использовавших борьбу горцев в своих корыстных целях.

Россия овладела Кавказом. Конечно, это было завоевание, и завоевателем оказалась страна с самодержавным строем. Но в то же время, хоть и дорогой ценой, горы были избавлены от угрозы завоевания турками и персами, от перспектив прямого или косвенного порабощения державами Запада.

Факты, с которыми я знакомился в библиотеке, изучая историю Красной Поляны, почему-то не упоминались ни в одном путеводителе, не встречались мне и в других новых книгах о побережье. Возможно, что черноморским краеоведам и не все это было известно. А разве не интересно людям, знакомящимся с Красной Поляной, представить себе, какие драматические события разворачивались здесь не в таком уж далеком прошлом?

Ведь именно вокруг Поляны концентрически сужалось кольцо всех этих событий, начиная с бедствий Береговой линии и похода Торнау и кончая встречей на ней четырех армий. Начало одного из важнейших этапов многолетней войны и ее завершение связаны с именем Красной Поляны.

Я углублялся в материалы, и у меня в голове складывались все новые и новые планы моих будущих бесед с туристами. Я пойду на Псеашхо и расскажу

¹ Нугай-Гус морских карт — это, видимо, искаженное название соседней с Чугушом вершины Ногай-Куш («ногайские пастбища». На более поздних картах это название искажено еще забавнее: получилось «гора Нагой Кошки»).

² Абаго, Тыбга, Дзитаку — все это существующие и ныне названия больших соседних с Чугушом вершин. Старк напрасно относит их к Чугушу.

³ День 21 мая по старому стилю — день молебствия на поляне Кбаадэ — совпал с церковным праздником святых Константина и Елены.

ны, что это — нуть Тернау, что здесь проходил Мало-Лабинский отряд на поляну Кбиадэ. Что долина Псоу — место последнего сопротивления горцев Шатилову, а имя Чугуш — предмет монархических возмущений Старш. И все горы вокруг — арена эпических событий прошлого...

Сначала я изучал пространство Западного Кавказа. Теперь он предстал передо мной еще в одном измерении — во времени — и стал еще ближе, понятнее. Разве не более дорогими становятся все эти лучезарные пляжи Черноморья, все кручи, леса, реки, когда знаешь его прошлое? Не только для меня. И другие посетители этого края, познав минувшее, будут лишь сильнее ценить и любить его землю.

*Пройти все тропы — и чащах, в глубях лет,
Всю высь и даль запомнить и обречь.
Срастись с землей, понять в ней каждый шаг.
И — И ощутить, и чтить как свой обет: род — род,
Я сам — земли родной глаза и память.*

П Р И Р У Ч Е Н И Е Х Р Е Б Т А А Ч И Ш Х О

ПЕРВЫЕ ОСЕЧКИ

Сочи на этот раз оживленнее: леса строек, рытвины и котлованы, спрямляется береговое шоссе, создается комфортабельная автострада. И снова автобус в Поляну — но теперь я гляжу на весь путь по-хозяйски: знаю названия селений — Первинка, Молдовка, Казачий Брод. Знаю, что не случайно шоссе изгибается левее на водораздельный кряж: это объезд нижнего ущелья Мзымты — Ахштырской теснины. Вон она, эта дикая поперечная расселина в первой от моря продольной горной гряде. А жаль, что шоссе прошло не по ней — туристы увидели бы уголок, по красоте мало уступающий Ахцу!

Радуюсь, что легко опознаю на местности многое из того, о чем читал в книгах или изучал по картам.

Вот под пологом леса мелькают узенькие деревца с кремово-розоватыми стволами и мелкокожистой листвой. Это самшит, знаменитая «кавказская пальма». Тороплюсь рассказать об этом соседям — по виду туристам, едущим к нам на турбазу, — удобный случай показать им уже в пути то, о чем завтра придется упоминать в беседе на базе.

— Самшит узок и мелок не потому, что хил. Медленность роста возмещается редкой твердостью и прочностью его древесины. Он так тяжел, что тонет в воде. Из самшита изготавливают подшивники, ткацкие челноки, клише... Больше пяти миллионов пудов самшитовой древесины было вывезено из Абхазии за границу в царское время всего за полвека...

У петли перед подъемом к Голицынке шофер останавливает автобус и предлагает прогуляться. Я рад и смущен: меня уже принимают за экскурсовода, а я этой тропки не знаю. По счастью, все вокруг так зелено, так ново, что все лишь любуются и ни о чем не спрашивают. Мой престиж сохранен.

Метров двести тропы, и мы над обрывами Ахштырской расселины.

Известняковые кручи, где-то под ногами неведомые пещеры. Излучины Мзымты видны вплоть до моря. Какая прелесть в двух шагах от торной дороги! А многие в автомобилях мчат мимо и не знают об этом. Как просто было бы подвести шоссе к самому обрыву.

Перед въездом в Ахцу находится новый повод выступить в роли гида: слева от нас остаются развалины Свято-Троицкого монастыря. К рассказу об этом прислушиваются не только туристы, но и другие пассажиры, видимо, местные жители. Возможно, и они не все знают, что монастырь основан в 1902 году

стиривфонским отцом Маркином. Он поселил здесь, недалеко от недавно построенной дороги человек тридцать монахов. Монастыри всегда строились на новых землях и были не только духовными центрами, но имели и оборонное значение. Дорога прокладывалась к месту, где предполагалось создание царского курорта Романовска. Царская резиденция в Красной Поляне так и не образовалась, а монастырь остался, как остались в Поляне многие люди, строившие дорогу. Монахи обживали новое место, обрабатывали землю, разводили сады, устраивали пасеки. Со временем, из-за войн и революций, монастырская жизнь заглохла и монастырь закрылся.

Но вот и ущелье. Как приятно говорить о его природе и истории, когда находишься вместе со слушателями в самой теснине! За рассказами о строительстве дороги ловлю себя на том, что не сразу замечаю новую для меня июньскую красоту и свежесть ущелья — зелень на его кручах буквально облита белой пеной цветущего жасмина.

Кто-то из пассажиров показывает вверх на отвесы:

— Вон, вон!

Что там? Где? Говорят о каких-то ломах. Да, я тоже читал, что на скалах на большой высоте над шоссе рабочими были оставлены два лома. Одни авторы утверждали, что это было сделано напоказ: дескать, вот над какой высью и кручей люди трудились. По другим объяснениям, ломы остались в скалах потому, что рабочие сорвались в пропасть.

Я это помню, но — первый конфуз — на быстром ходу машины сам не могу рассмотреть ломов. Где уж показывать их спутникам! Зато скоро туннель, и я повторяю рассказы Энгеля о фостиковском походе и о схватке в ущелье Ахцу. Ведь именно здесь у памятника и липы-плахи разыгралась трагедия гибели двадцати восьми красноармейцев.

Неожиданно местный житель, сидящий рядом с шофером, словно обливает меня ушатом холодной воды.

— Неправильно, товарищ, ты говоришь. Хвостиков не только с Псеашхо шел, а двумя перевалами сразу — часть с Псеашхо, а часть с Аишха. У него было двадцать тысяч, а в Поляне стоял только батальон красных, да и у того первую заставу — целую роту — белые захватили в Эстонке. И неверно, что от

11. Старая открытка. Начало века

Полыны до ущелья без боя отступили. У Девичьих Слез¹ дали бой. Второй бой дали у Кепши, тут много потеряли пленными. Никакого обхода с предательством не было. Просто белые часть перестреляли за туннелем, а часть порубили выше туннеля — на липе. И было их не двадцать восемь, а тридцать семь человек, а спасся тридцать восьмой, Гусев. Он к нам на Кепшу приполз, мы его лечили и прятали.

Это уже поужа, чем не заметить двух ломов.

Я сконфуженно бормочу благодарность, пытаюсь узнать фамилию неожиданного оппонента, ссылаюсь, что черпал сведения из рукописи краеведа Берсенева. Но житель Кепши даже не удостоивает меня ответом.

Избегая вперед, скажу, что вечером я поведал об этом казусе Энгелю, и он меня успокоил: по его мнению, в цифрах опровергавший, быть может, и был прав, что же касается предательства, то, вероятно, не случайно именно житель Кепши отрицал его: там могут жить люди, связанные с этим делом и до сих пор заметающие следы. Но все это я узнал лишь вечером; а пока — каково сидеть, поперхнувшись, не раскрывая рта, и не говорить соседям ни о том, что просхали эту самую Кепшу, ни о Девичьих Слезах (их показывает сам шофер), ни даже о Греческом мостике...

Временами в просветах между ближними лесными хребтами появляются высокие горы. Среди них я узнаю лишь трапецию и пирамиду Псеашхо — они, как и осенью, сверкают снегами. А что это за гора с плоской луговой вершиной высовывается справа? Меня спрашивают, но я не знаю. Обращаются еще к одному местному жителю (опровергший меня пассажир сошел в Кепше). Этот уверенно и даже несколько пренебрежительно говорит:

— То Аибга.

Что? Эта тупая лысая вершина — Аибга? Пятиглавая краснополянская красавица? Не смею ни возразить, ни высказать недоверие. А вдруг и действительно отсюда Аибга выглядит так неказисто?

Нет, даже хорошо, что столькими неудачами встречает меня сегодня Поляна! Новичку, еще так мало знающему район, грозила опасность зазнаться, удовлетвориться дешевыми успехами Клеопатры Васильевны. А нужно еще многому учиться, разузнавать, сопоставлять.

И кто бы он ни был, сегодняшней критик из местных жителей, нужно использовать и такой источник сведений об истории края.

СОБИНОВСКАЯ БАШНЯ

Энгель встречает меня деловой, озабоченный и буквально забрасывает рекомендациями и поручениями. Его база в прорыве, прошлогодние экскурсионды разбежались.

Нет и славной Нины — она переехала куда-то в Ростов, и Энгель потерял ее из виду.

Обязанности методиста: вести вступительные беседы, организовывать дальние походы самостоятельных туристов, управлять штатом экскурсоводов (которых нет!) и проводников, пополнять туркабинет коллекциями, схемами, описаниями маршрутов...

¹ «Девичьими слезами» здесь давно уже окрестили ажурный струйчатый водопад, брызжущий с обрыва на шоссе неподалеку от Греческого мостика.

12. Л.В. Собинов

артисту Собинову. Ее так и называли «Собиновка».

Что ж, это мне по душе. Только не буду ли я ежедневно прикован к базе, и не выйдет ли так, что опять не придется увидеть ни Кардывача, ни Рицы? И как справляться без таких ботаников, как водивший меня на Ачишхо Георгий Владимирович или Кожевников? Кто будет сопровождать группы на Ачишхо? Фемистокл, у которого «дальше никакой красота нет»? Разве можно допустить, чтобы люди недополучали стольких удовольствий, ходили, не обогащаясь знаниями? Нет. База должна работать с прежней славой.

Между делом решаю вопрос, где мне жить. Хотелось поселиться на даче «Чайка», но теперь она уже не принадлежит турбазе. Дачу заняла контора изыскателей Гидроэлектропроекта (строительство электростанции на Мзымте становилось реальностью).

Мне давно нравилась трехэтажная белая дача с черной готической крышей, когда-то принадлежавшая

13. Собиновка

Неликий артист побывал в Красной Поляне незадолго перед первой мировой войной и поллюбил этот уголок. В 1914-1915 годах и была выстроена для него эта поэтическая вилла с башней. Подобно Охотничьему дворцу, она прилепилась, как на балконе, в выемке крутого склона на отроге Ачишхо. Можно представить себе, как красиво и свободно мог литься голос певца с террасной дачи над тихой Поляной...

Но Энгель берет комнатки Собиновки на случай приезда каких-либо почетных гостей. Впрочем, у дачи есть еще башня, образующая, в сущности, ее четвертый этаж.

Прошу у Энгеля разрешения жить в этой чудесной скворечнице. Он улыбается:

— Голубчик, но ведь там нет двери. Башня не запирается.

— Да так ли для меня это важно?

Поднимаюсь по деревянной лесенке. Просторная комната с окнами на все четыре стороны. Четыре окна — четыре дивных картины. Там сияют еще не стаявшими снегами Аишхи, тут Аибга, рядом вся Поляна и вид вниз по Мзымте к Ахцу. Это же наслаждение жить здесь, в полном смысле слова над Красной Поляной!

Переехал и чудесно зажил в башне без дверей и замков. И никто не обидел меня, не обманул... Только облака навещали Собиновку без спроса. Сколько раз, просыпаясь на рассвете, когда Поляну охватывало прилегшее в долине на ночь облачко, я ловил руками космы тумана, заглядывавшие прямо в окна и падавшие росой на подушку.

КОЛЬЦЕВЫЕ МАРШРУТЫ

Первое, что мне захотелось изменить в прежней туристической практике, — это все прогулочные маршруты превратить в кольцевые.

На пути туда и обратно туристы не должны ни километра идти по одной и той же дороге. Отправляясь на экскурсии по ближайшим маршрутам, включаю в поиски троп самих подопечных. Веду их на Греческий мостик, а при возвращении, не скрывая, что сам недавно в этих местах, приглашаю свернуть на какую-нибудь тропку, чтобы разведать новый, более интересный путь.

Нередко мои спутники так увлекались поисками, что чувствовали себя чуть ли не землепроходцами, прокладывающими пути в неведомых странах, хотя все это и происходило в ближайших окрестностях Красной Поляны.

Почему мы водили на Греческий мостик и туда и обратно по пыльному шоссе? Ведь от «Чайки» можно спускаться живописной тропкой вдоль Бешенки. Эта своенравная речонка пенится, над ней смыкаются купы деревьев, образуя зеленый туннель. Путь на километр короче, а насколько приятнее! И как хороши еще одни пороги на Мзымте, там, где вода Бешенки, словно прыгивая с трамплина, образует устьевые каскады!

А экскурсия по самой Красной Поляне? Энгель любил заканчивать ее выше «Чайки», на кругозоре у дачи Кулаковка. Но водил он экскурсантов к этому кругозору улицами. А насколько живее, интереснее другой путь! От базы — по Дворцовому ручью. За школой мост через Бешенку, и уже вне поселка — чудесная карнизная дорога по лесистому склону отрога Ачишхо. С нее хороши и виды Красной Поляны и панорама Псеашхо. И совсем не заметен подъем. Спускаясь с кругозора к «Чайке», туристы всегда удивляются, что успели так высоко подняться.

С одной из групп устроились болесдаальный поиск по той же верхней косо-горной дороге, но не спускаясь к Кулаковке. Это старинная, вероятно еще черкесская, дорога на Мелонсеику. Держим путь к обособленной лесистой вершинке, что видна прямо из поселки. На маковке лес прорублен, и там установлен геодезистами триангуляционный знак. С седловины, обособившей вершинку, открывается долина речки Монашки, сестры нашей Бешенки. Все поймут, если и безымянную вершину с вышкой назвать горкой Монашкой.

На седловине бросаем торную дорогу и сворачиваем влево по хребтику. Пять минут хода по устлавшей гребень прошлогодней листве, и мы у треноги — именно такой широкий обзор и нужен геодезистам.

Как на ладони лежит вдалеке Красная Поляна. Вырос, словно вознесся, ансамбль обоих Псеашхо и луговых Аишха. А от всех пирамид Аибги осталась лишь одна, передняя, — это «торец» многоглавого хребта. Верх правой части пирамиды безлесный, светло-зеленый. Так вот какую лысую гору мы видели из автобуса! Хорошо, что я не оспаривал тогда пассажира, правильно назвавшего ее Аибгой.

Надо развить особую пространственную память и стереометрическое воображение, чтобы предугадывать, как может меняться облик одного и того же хребта, если смотреть на него с разных сторон. Луга, видные справа на Аибге, — это, видимо, уже тыльная сторона горы по отношению к Красной Поляне.

Милая горка Монашка! Как я люблю этот ясный кругозор! Не мною он найден, расчистили его геодезисты. Но оценка его «полезности» для туристов — моя, и радость сотен людей, которые будут посещать его в последующие годы, всегда будет в какой-то мере и моей радостью. К тому же ведь это вершина, хоть маленькая, а все-таки вершина. Она доступна туристам любого возраста. Пожилые и даже сердечно больные люди пройдут сюда без труда и смогут испытать наслаждение — находиться на д Красной Поляной, хотя бы на такой небольшой высоте.

Как бы посмотрев на себя со стороны, я вдруг ощутил себя... коллекционером!

Мало ли что любят коллекционировать люди — марки, спичечные коробки, монеты. В детстве я коллекционировал трамвайные билеты, потом более полезные предметы — растения, репродукции картин, портреты. А разве не правомерно «коллекционирование» не писанных маслом, а реально существующих живописных пейзажей? И разве не обязан я знать наперечет все панорамные точки, откуда так же хорошо или еще лучше видна любимившаяся мне Поляна?

С плеча у Хомяковки... С Чайкинского кругозора под Кулаковкой... С Южного кругозора у метеостанции... Теперь с горки Монашки... Растет моя коллекция драгоценных, не втиснутых ни в какие рамки ландшафтов! И эта коллекция — не в подвалах скупого рыцаря и не у спекулянта для перепродажи. Вся она — людям, чтобы больше видели, лучше знали, полнее наслаждались. Как, наверное, хороша Красная Поляна при взгляде с Аибги? Не знать, не видеть такой картины — ведь это же растрата радости! Нет, я побываю на всех окружающих высотах, учту все бельведеры (бельведер — прекрасный вид), создам исчерпывающую их коллекцию и помогу тысячам туристов, не меньше чем устроитель художественного музея своим посетителям.

Без троп, хватаясь за стволы деревьев, спускаемся с вершины Монашки по направлению к Мзымте. Неплохая тренировка для туристов перед большими

14. Ю.К. Ефремов у одного из корпусов турбазы. 1934 г.

подъемами. Здесь можно испытать людей на отсев. Тех, кто запишит на этом спуске, не следует брать с собой и на Ачишхо.

На ногах съезжаем вниз по склону вместе с оползнями прошлогодней листвы. У некоторых ноги дрожат, приходится подавать руку — видимо, им не участвовать в восхождении на Ачишхо. Вскоре «сваливаемся» на карнизную тропку, которая выбегает к площадке над страшным отвесом. Мы оказались высоко над шоссе (слышим гудки машин). В бездне под нами Мзымта и Греческий мостик. Вот и еще один эффектный пейзаж для моей коллекции.

Теперь уж без тропы не спустишься. Подчиняемся тропке, и вскоре она выводит нас в обход отвеса к знакомому изгибу шоссе.

Итак, разведан большой круговой маршрут по окрестностям Красной Поляны. Часть его — от базы к Охотничьему дворцу и спуск в Поляну — известна мне еще с первого сезона. Теперь я знаю, что его стоит продлить: путь к горке Монашке, спуск в лоб к Греческому мостику и возврат в поселок по Бешенке. Большой путь. Старикам он, пожалуй, не под силу, а молодые туристы прошагают по нему с удовольствием.

Как приятно сознавать, что теперь не я подчинен ранее разработанным маршрутам, а сам намечаю, — совершенствую, сам варьирую и комбинирую их!

На базу прибывают так называемые радиальные туристы. У них путевки на десять дней, чтобы совершать экскурсии по радиусам от базы. Но многие из них рассматривают базу как дом отдыха и не собираются ни в какие походы. Так напомним им, что они все же туристы! Ведь даже самым малоподвижным из них доступны такие близкие и несложные маршруты.

Пробую отправлять в подобные прогулки туристов одних, без сопровождения, дав им лишь беглые наброски — кроки пути. Первые же такие попытки привели к прекрасным результатам. Люди возвращались не только довольные

виденным, но и гордые тем, что самостоятельно ориентировались в пути. Это пошло за собой далеко идущие последствия.

Легкие азбучные маршруты заразили людей туризмом. После первого самостоятельного путешествия они обычно просили дать им кроки других направлений. Раззадоренные первыми успехами, решались с чертежами в руках идти даже на Ачишхо и Псеашхо.

ЗАОЧНЫЙ ГИД

Я почувствовал, что, инструктируя таким образом самостоятельно идущие группы, могу и один, без экскурсоводов, справиться с множеством туристов.

Заочное вождение экскурсий! Это было что-то новое и с первых же шагов приносило неплохие плоды. Попробую посылать людей и выше в горы. Если, не имея никакого опыта, нахожу дорогу в горах я сам, то почему ее не найдут проинструктированные мною туристы? Ведь они будут смотреть на все как бы моими глазами!

Сказано — сделано! При первом же в этом сезоне подъеме на еще седой от раннелетнего снега Ачишхо начинаю глазомерную съемку тропы. Слежу за приметам и ориентирами, за всем, что может смутить экскурсантов. Моя собственная неопытность в туризме, пожалуй, даже помогает мне легко представить себе их сомнения. После моста через Бешенку следует держаться правых троп. Наношу на чертеж два опасных развилка, Сосновую скалу, жердочки двух переправ через Бешенку. Изображаю все извивы тропы, прослеживаю все спрямления. Вот и первый карниз с широким видом на Аибгу, Ахаг и Поляну. Так и пишу на схеме: вид на Ахаг. Полянка с камнем, лес «с лебедиными шеями»... На верхних полянах правые тропы, особенно заманчивые на спуске. Здесь ставлю запретительный знак: не сворачивать — ведь я еще и сам не знаю, куда они ведут. Озерцо, метеостанция. Наношу на чертеж кругозоры. Почему они не имеют названий? Нужно навести порядок в хозяйстве! Договариваюсь с метеорологами (живут какие-то новые старички супруги), что будем впредь именовать обе их вершинки Северным и Южным кругозорами. У Южного подписываю: вид на Аибгу, Поляну и море; у Северного — на Чугуш и на Фишт с Оштенем...

Чертеж готов! На обратном пути проверяю себя, кое-что поправляю. Завтра с таким же листком в руках пушу сюда первую группу туристов.

Вечером, несмотря на усталость, облюбовываю симпатичную супружескую пару, уже ходившую со мною с Монашки по трудному спуску, и уговариваю их идти на Ачишхо без сопровождения. Наизусть черчу кроки, предупреждаю о запрещенных развилках, и туристы, вначале было колебавшиеся, соглашаются. Им сообщены и имена вершин, и названия деревьев и кустарников, и сведения о лавинах. Я буду как бы незримо сопровождать людей в пути и даже заочно обогащать путешественников познавательным материалом.

Выписываю у Энгеля продукты (он сначала сомневается — отпускать ли? — приходится и его уговаривать), заказываю кухне оставить на вечер обед, выставляю пропуск в заповедник, утром сам бужу, тороплю и не без волнения отправляю супругов в путь.

День провожу за оборудованием туркабинета: прибываю плитки из сланца, пишу плакат с перечнем экскурсионных объектов, составляю глазомерный

план Красной Поляны с триссами ближних маршрутов, и мысль то и дело устремляется к людям, которые никогда не бывали в горах и идут по заповедному лесу на высокий хребет с одной моей бумажкой в руках. Найдут ли? Вернутся ли? Не случится ли чего с ними? День ясный, и даже по вечно мокрому Ачишхо ползает только разрозненные перемежающиеся облака.

На шумной веранде столовой ужин. За столами только что приехавшая группа радиальников, уже знающая, что двое отпущены в горы без проводника, с одним чертежиком. И когда появляются эти двое — веселые, бодрые, сияющие от полученных впечатлений, всем становится ясно — это они, с Ачишхо. На веранде вспыхивают аплодисменты.

Путешественники тут же рассказывают, что видели, где шли.

— Как все совпадало с планом! Нас как за руку провели, — говорили они, — мы все поняли, все увидели.

Результат превзошел мои ожидания. Радиальники, которые еще сегодня считали, что приехали на десять дней в «дом отдыха» и не помышляли ни о каких восхождениях, выражают бурное желание завтра же отправиться на Ачишхо и, конечно, самостоятельно.

Наутро группа уходит. Я снова волнуюсь: тогда было двое, а сейчас в горах без проводника сразу пятнадцать человек! Но вечером все повторяется. За ужином очередная партия приехавших видит, как пятнадцать туристов возвращаются с Ачишхо с песней и — везет же людям — сообщают, что только что на спуске повстречали медведя!

На базе создается особая атмосфера: прибывающие сами тянутся в горы, и вскоре я чувствую, что непозволительно мало знаю. Гости того и гляди требуют кроки и на другие хребты. Значит, скорее искать, разведывать новые тропы!

УРОК НЕДОЗВОЛЕННОГО

Прежде всего надо закончить покорение Ачишхо — ведь и на этом ближайшем хребте я знаю всего один стандартный маршрут.

В конце июня поднимаюсь на Ачишхо с группой экскурсоводов из Сочи. Собратья по работе — с ними надо делиться всем, что знаешь. Привез их сам Лев Николаевич Берсенев, сочинский краевед. Это участник Гражданской войны (все тело в убедительных шрамах), друг Николая Островского. Берсеневский труд о Поляне я читал в позапрошлом году еще в рукописи, а год назад он вышел отдельной книжкой. Теперь сам автор присутствует на моей беседе о Поляне, слушает с интересом и недоверием: много нового, такого, чего не знают сочинские краеведы.

Берсенев старый охотник. Не удивительно поэтому, что он указывает мне на некоторые неточности в моем рассказе о животных заповедника. Поправляет кое-что в сообщаемых мной сведениях о Гражданской войне на Кавказе — ведь он живой свидетель и участник этих событий. Но по истории Черкесии, и особенно поляны Кбаадэ, мне есть что возразить на его замечания. Спорим прямо при слушателях — сочинским экскурсоводам это тоже полезно. Показываю свои конспекты статей Торнау, Духовского, Старка. Берсенев набрасывается на них, жадно делает выписки...

Утро хмурое, и значительная часть прибывших уклоняется от похода. Иду с немногими. У Берсенева далеко зашедший туберкулез, этот человек уже отходил по высоким горам.

15. Экскурсия на Ачишхо

Теперь, когда в памяти больше тридцати подъемов на Ачишхо, трудно вспомнить, при каком восхождении что случалось, какая была погода, сколько радостей приносили кругозоры, как портили или как украшали их облака, наконец, какие когда были спутники. А спутники бывали разные: то восторженные, восприимчивые к окружающей их красоте, то угрюмые, раздосадованные тем, что полезли «на эту проклятую гору». Чаше так думали «туристы поневоле»: под видом путевок в дом отдыха людей премировали путевками на радиальные маршруты турбаз. Общий дух восхождений заражал и таких «туристов», но бывало, что премированный шел вместе с другими в горы, пыхтя и кряхтя, а на привалах отдувался и ворчал:

— Вот это наградили! Самим бы им такую премию!

Бывали туристы и такого узкоспортивного склада, которых интересовали только километраж, метраж, темп ходьбы и которые были безразличны к достоинствам пейзажей и к загадкам природы. Такими оказались и некоторые гости-экскурсоводы. Мой план разведывать с ними вместе новые тропы их совсем не увлек. Невольно думалось: какие же они краеведы? Чем они могут заинтересовать, увлечь своих экскурсантов, если сами ничем не интересуются, ничему не удивляются? Механизированные манекены со счетчиками метража на ногах. Пришлось опять ограничиться той же дорогой. Нам не повезло — на гребне стлался туман. К счастью, большинство спутников решило уже от метеостанции вернуться на базу, и я лишь с тремя более живыми и интересующимися ребятами пошел дальше. Ведь водопады хороши и в тумане.

Упорство наше было вознаграждено. Водопады в начале лета полноводны и шумны. Полюбовались нижними каскадами, поднимаемся к вышележащей ступени.

Рушащаяся пенная вода — как она бодрит, как поднимает настроение, снимает усталость. Хочется что-то совершить, куда-то подняться, чего-то достичь...

Оставляю спутников над обрывом, ведущим к нижним водопадам, и беру на подъем по покатоному снежнику — захотелось взобраться хоть немного по-

16. В.А. Энгель и Л.Н. Берсенов в туркабинете

выше. Снег плотный, ячеистый — из ячеек получается что-то вроде ступенек. Но дальше склон становится круче, шагаю менее уверенно и, наконец, взглянув вниз, чувствую, что мне страшно даже стоять, а что падать с такой высоты и вовсе не годится. Снежник идет мимо стоящих сбоку спутников и выходит внизу прямо на уступ, с которого свергается нижний водопад. Понимаю, что сделал ошибку: полез без охранения по такому крутому снегу. У альпинистов это наверняка возбраняется. Полез, забыв свое же правило: прежде, чем влезать на склон, оцени, можно ли с него слезть!

Сделал попытку спуститься шага на три — нет, не могу. Ноги дрожат, скользят, совсем как у моих недавних подопечных на тренировочном спуске с Монашки. Спутники снизу видят, что я замешкался, и весело кричат:

— Скатывайся прямо к нам!

Легко им говорить «скатывайся». От крутизны кружится голова, а обрыв, которым заканчивается снежник, не обещает ничего хорошего: никакой лыжник не захочет прыгнуть с такого трамплина. Но получается так, что буквально через несколько секунд после повторного приглашения «скатиться» я поскользнулся и упал на бок. Беспомощно царапаю руками жесткий бугорчатый снег и чувствую, что уже качусь ногами вниз, увлекаемый неодолимой силой, — пять, десять, пятнадцать метров — все быстрее, быстрее. Надо удержаться во что бы то ни стало! Прижимаюсь локтем к снегу, но это плотный зернистый фирн, шершавый, как наждак, он до боли обжигает кожу. Сейчас я стремительно промчусь мимо моих спутников, стоящих рядом со снежником. Но они, цепочкой держась за руки, выбегают на снег, и один из них, при-

17. Ю.К. Ефремов с туристами на Ачишхо

держиваемый другими, падает на меня, больно прижимая тело к обледеневшему фирну. Встаю пошатываясь, спутники смеются, но я лишь напряженно улыбаюсь. Рукава у меня засучены. Правая рука от кисти до локтя — сплошная ссадина, горит, как ошпаренная.

Товарищи, оказывается, даже не знали, что я упал нечаянно. Им показалось, что просто я сразу исполнил их приглашение «скатиться», и они, спокойно страхуя друг друга, перехватили меня «в полете», после того как я промчался уже около тридцати метров. Правда, темп моего падения напугал и их самих. Но только теперь по моим ссадинам они увидели, что дело было нешуточное.

Я не удержался и прошел вниз по уже более пологому снежнику к водопадному обрыву, где фирн оканчивался. Отвес метров в сорок был головокружителен. Меня даже замутило от запоздалого страха. Имею ли я право посылать туристов одних в горы, если еще сам способен делать подобные глупости?

АЧИШХО С ЦЕЙЛОНОМ

К веранде турбазы подошел по-полевому просто и собранно одетый человек с обветренно-загорелым мужественным лицом и отрекомендовался:

— Профессор Пузанов, зоолог. Только что пересек заповедник по Главному маршруту. Лошадей и груз оставил у конторы Южного отдела, а остановиться хотел бы у вас на базе.

Я был еще достаточно далек от естественных интуиций и неслышающих ими авторитетов. Поэтому и не предполагал, что передо мною один из виднейших зоогеографов страны, известный путешественник, по книгам которого мне предстоит учиться. С нормальным гостеприимством дежурного «хозяина гостиницы» я «обслужил» гостя рядом советов, отвел в регистра-туру, представил Энгелю, проводил в отдельную комнату на Собиновке и на прощание даже предложил свои консультации по району. Профессор деликатно отказался, но зато согласился участвовать в ближайшем подъеме на Ачишхо.

На этот раз мне повезло. Ивану Ивановичу Пузанову хотелось провести на гребне хребта ночь, чтобы затем располагать целым днем для коллекционирования птиц на горных лугах (право «научного отстрела» было дано ему заповедником).

Вышли после обеда, когда гора уже нахлобучила на свои лбы густейшие облака. Я уверенно обещал профессору, что к вечеру тучи уйдут и мы будем вознаграждены панорамами заката... Правда, я и сам еще не был вечером на Ачишхо, но знал, что так обычно бывает, а значит, должно быть и в этот раз. С нами шел юноша-коллектор, стрелявший зоологу птиц, и еще один турист, по фамилии Петюнин, сухой и постный блондин в пенсне, назвавший себя преподавателем географии.

Уже вскоре после Сосновой скалы мы погрузились в скользкий туман. Ни одна панорама не открыла нас на подъеме. Петюнин начал ворчать, зачем и для чего мы идем. На полянке с камнем я накрепко все свои способности, чтобы поярче рассказать, как замечательна при ясной погоде открывающаяся отсюда перспектива. Петюнин несколько раз вступал со мною в спор, заявляя, что высотные зоны леса должны сменять одна другую не на тех отметках, которые называл я, а на тех, которые он запомнил из учебника. Профессор вступился за меня и пояснил, что цифры высот зон могут меняться на различных склонах — на южных, на припеке, подниматься выше, а на северных, теневых, спускаться ниже. Петюнин начал возражать и профессору, сварливо доказывая ему какими-то примерами из Альп и Гималаев, какова должна быть природа на Кавказе.

Я в те дни был еще далек и от страноведения, так что не мог судить, насколько справедливые вещи высказывал о столь дальних горах наш спутник: помню только, что Иван Иванович Пузанов очень терпеливо выслушивал нотации Петюнина и лишь изредка мягко ему возражал, про Альпы и Гималаи, в частности.

О, как тоскливо и утомительно лезть в этой сырости — кажется, поневоле и не так разворчишься. Вот и верхние поляны с озерцами, вот метеостанция — а уже наступает вечер, без намека на закатные краски и панорамы, и туман в сумерках становится особенно тягостным, угнетающим, беспросветным.

Я просто в отчаянии, что мой чудесный Ачишхо, а с ним и я сам так скомпрометированы, и все еще пытаюсь внушить спутникам, как в действительности хорошо на этом хребте... Но тут не удерживается от ворчливой фразы и Иван Иванович:

— Все вы, экскурсоводы, такие — вас только и слушай. На какую вершину ни пойдешь — всегда так же вот красно обещают, а приходишь — и не видать ничего. Довелось мне на Цейлоне на Адамов пик подниматься, там тоже гиды были, сулили-сулили панорамы самые волшебные, а пришли и сидели вот

и таком же тумане, как этот... Только представьте, как это обидно, Адамов пик — ведь один же раз в жизни...

— Растерянный от неожиданности, спрашиваю:
— Это правда? Вы сами были на Цейлоне? (Надо вспомнить, какими небывалыми казались в тридцатых годах зарубежные экспедиции наших натуралистов, да еще в такие невероятные страны, как Цейлон.)

Уже совсем стемнело, когда облака стали исчезать, и нас наградила за все наше терпение дивная звездная ночь. Иван Иванович не захотел ночевать в здании метеостанции, и мы разложили костерок неподалеку от Северного кругозора.

Тут только я узнал, в каких дальних странах бывал этот человек. Как о простом и реальном рассказывал он о Малакке и Японии, Китае и Сингапуре, об Аравии и Египте, о своем путешествии в Судан.

— О такой провинции, как Европа, я уже и не говорю. Для натуралиста ее столицы и комфортабельные дороги с отелями давали несравненно меньше, чем эти азиатские и африканские страны.

Поучавший нас Петюнин, поняв наконец неуместность своих нравоучений, пожаловался на холод и отправился спать под крышу метеостанции. Мы остались с Иваном Ивановичем и его коллектором втроем у пылающего костра. Как сказки Шехерезады, звучали рассказы профессора о роскоши экваториальной природы, о ее лианах и пальмах, обезьянах и крокодилах. А для меня чудом был сам человек, который видел все это, реальный, живой путешественник (до того путешественники были для меня только книжными персонажами).

С особенным волнением Иван Иванович рассказал о прославленной талипотовой пальме Цейлона, о чудо-дереве, раз в жизни цветущем и после этого умирающем. С каким-то смущением профессор добавил:

— Об этом у меня даже стихи написаны... И он прочитал свой сонет о «красе всех пальм цейлонских — талипоте».

— Так, значит, вы еще и поэт!

Этот человек все более выросал в моих глазах. Какое же это счастье столько объездить и так сочетать в себе страсть к науке, путешествиям и искусству... Столько видеть и уметь об этом поведать людям! Иван Иванович рассказал, что писать стихи начал поздно, но с большим увлечением, что решающее влияние на него оказал в этом отношении крымский поэт Волошин...

Долго, долго, чуть не до рассвета просидели мы у костра, читая друг другу стихи — и свои и чужие.

В остром холоде ночи весело трещал костерок, разрывая тьму. Небо сияло мириадами искр, пылью Млечного Пути, крупными гвоздями ковша Медведицы... По двум передним «гвоздям» легко отыскивалась Полярная звезда. Глядя на нее, Иван Иванович сказал:

— А на Цейлоне она лежит на самом горизонте, так что из-за дымки ее и не разглядишь...

Этот человек видел места, где даже небо, наше северное небо, как бы опрокинуто набок, так что и Полярная звезда, над полюсом красующаяся в зените, укладывается на горизонт... Значит, реальные, достижимы и не просто формально занимают место в учебниках эти несбыточно далекие страны...

Наутро, взбодренные холодом, проснав всего каких-нибудь три-четыре часа, мы чувствовали себя окрыленными, сильными, легкими на подъем. А холодная ночь у костра с рассказами о жарких странах и пальмах, со стихами Волошина и самого Пузанова уже сейчас становилась словно приснившейся, невероятной.

Петюнин, ночевавший под крышей, вышел, чертыхаясь и ворча. Он и в комнате не мог спать, ему было одновременно и холодно и душно. Утро в горах. Мое первое утро на гребне хребта. Сколько в нем обновляющей свежести! Как чсканны все грани вершин, как росисты луга, каким безграничным выглядит вставшее, кажется, выше всякого горизонта, море... Позавтракав у костра, идем к водопадам. Берсенев меня еще на базе раздражил рассказом о том, что, переночевав на метеостанции, можно успеть обойти Ачишхо вкрутую, с заходом на главную его вершину и со спуском через западную часть хребта, мимо так называемых Греческих балаганов. Теперь это можно было осуществить.

Уже через час мы были у водопадов и начали подниматься левее верхних каскадов. Коварный снежник, по которому я когда-то падал, оставили справа от себя — нашли в рододендронах подобие тропки и вскоре вышли над водопадными отвесами. Оказалось, что мы попали еще не на самый верхний этаж ступенчатых верховьев Ачипсе. Новая пологая ступень ее днища была ограждена сзади столь же крутой стеной отвесов. С них речка низвергалась еще одним водопадом. Значит, две группы водопадов, которые я посещал до сих пор, нужно считать не нижними и верхними, а нижними и средними, верхним же можно называть только этот одинокий каскад.

Так начались открытия. Не будем бояться этого громкого слова. Конечно, и знал, что окружающие горы давно открыты, нанесены на подробные карты. Даже на дореволюционной одноверстке, наверное, можно отыскать и пересчитать все эти водопадные уступы.

И все же здесь начинались мои собственные поиски, открытия для себя, которые я старался скорее превратить в радость для других. Каждый пик, кругозор, водопад, самостоятельно мною найденный или хотя бы только оцененный в качестве туристского объекта, был награждающей находкой, вырастал в своей ценности, приносил счастье мне и обещал приносить его многим...

На площадке ниже каскада почему-то стоит палатка. В ней два медовеевских пастуха, рядом стадо овец. Оказывается, на этой окраине заповедника разрешен выпас.

Ачишхо и в прошлом служил для выпаса скота медовеевцев и даже назывался у черкесов «Медозюи-Кушх» (пастбище медозюев).

Поднимаемся еще на одну ступень. Над одиноким каскадом расположен кругостенный амфитеатр с плоским днищем и осыпями под скалистыми склонами. Вознесенная к небу скальная чаша — мир таинственного уединения, торжественного и сурового. В конце июня цирк был еще весь полон снега. Снежки несколькими полотнищами спускались к «арене» цирка по склонам, сходясь на ней в едином снежном пятне. Отсюда и рождается Ачипсе. С днища чаши совсем нетрудно подняться на зубцы главных вершин Ачишхо. Жаль только, что вокруг них уже толкутся космы рождающихся туманов.

Где же мы находимся? Пожалуй, можно попробовать определиться по вершинам хребта. Перед нами глыбная по отношению к Красной Поляне сторона Ачишхо. Значит, видимые из Поляны зубцы этого хребта можно пересчитать отсюда в обратном порядке.

Вот перед нами Зуб, он кажется вторым слева, если смотреть из Поляны. Правее него для нас та вершина, что выглядит из Поляны самой левой. Но разве это вершина? Это же плечевидный выступ, а хребет уходит под прямым углом, удаляясь от Красной Поляны, и при этом продолжает еще подниматься. Следовательно, из Поляны и не видна главная вершина Ачишхо, она спрятана сзади за этим плечом! А мы-то снизу показывали левую горку как вершину!

Хорошо, что я в этом вовремя разобрался. Иначе не знаю, выбрались ли бы мы благополучно из своего кругового рейда.

Взбираемся на гребень. Внизу впереди уже сплошные облака, но ощущение высоты и вероятной огромности кругозора остается. Под нами страшные отвесы, зловеще уходящие в густую толчею клочьев тумана. Осторожно шагаем вдоль обрыва.

Но что это? Слева отвес, а справа от наших ног зияет глубокая длинная трещина всего сантиметров сорок шириной. Значит... Значит, весь этот край хребта, как говорят геоморфологи, отседает вдоль трещины и вот-вот оборвется многотонной глыбищей. Скорее от края! Ведь наши шаги могут оказаться тем малым толчком, который только и нужен, чтобы висящая глыба оторвалась. Насколько же надо быть внимательным! Какие неожиданные опасности подстерегают туриста высоко в горах!

Над гребнем визгливо кричат черные птицы — альпийские галки. Время от времени раздаются выстрелы: коллектор добывает Ивану Ивановичу птиц — не только галок, но и горных тетеревов, выпархивающих из-под ног.

Легко поднимаемся на угловое колено хребта. Отсюда к уже упомянутой невидной из Красной Поляны вершине ведет участок гребня, такой пологий, что, кажется, по нему можно проехать на велосипеде. Впрочем, такое ощущение длится недолго. Ближе к пику на гребне начинается что-то странное: какой чудак наташил сюда столько камней? На высшей части гребня крупные камни лежат валом, грудками, словно их кто-то нарочно нагромоздил здесь друг на друга. И даже вершина неожиданно оказывается такою же кучей камней!

Иван Иванович поясняет, что именно так выглядят гребневые россыпи, то есть остатки самых стойких горных пород, уцелевших от разрушения. А более податливые, некогда связывавшие их частицы вымыты дождями, выдуты ветрами, унесены вниз по склонам. Значит, эти камни ниоткуда сюда не втащены! Это руины самой, в прошлом более высокой вершины, самого гребня. Хребет увенчан собственными развалинами!

Мы на вершине Ачишхо. Пусть туман скрывает дали — радует и чисто спортивное достижение: ведь мы не на каких-то буграх у метеостанции, куда обычно ходят туристы, а на самой макушке хребта!

Теперь предстояло выбирать спуск. Туманное месиво выглядело зловеще: как в нем нащупать тропу? Как обезопасить себя от внезапного выхода над обрывами? Спутники уже вознамерились было брать прямо с вершины на спуск, но я обеспокоился, что тогда мы выйдем не к Бешенке, а к Монашке или, что еще хуже, к Чвижепсе — ведь и ее истоки начинаются где-то тут же, у вершин Ачишхо.

Энгель рассказывал о туристах, решивших спуститься с Ачинхо без тропы: увидели внизу речку, да и предположили, что здесь каждая струя воды выедет в Мзымте. А речка-то оказалась Ачипсе, с руслом, лишенным троп, заваленная древоломом. Петлю в два десятка километров делает эта речка по непроходимым дебрям, прежде чем впасть в Мзымту у Сланцевого рудника. Поминались заблудившиеся немало. Лишь на третьи сутки их, голодных и оборванных, обнаружили в среднем течении Ачипсе наблюдатели заповедника, посланные на поиски. Четыре года спустя я сам пройду этот путь без троп, изучая речные террасы, и пойму, что значит «спуститься по первой попавшейся речке». А тогда, в 1934 году, налицо были только неопытность, предостережение Энгеля да воспоминание о блужданиях краснолицего позапрошлой осенью...

Итак, ни в коем случае не спускаться с первого попавшегося склона. Обострившимся (от ответственности, что ли?) пространственным чувством ощущаю, что нам нужно вернуться к плечу главной вершины, видимому из Поляны. Крупно шагаем по «велосипедному» гребню. Вот и плечо (гребень резко поворачивает влево к отседающей глыбище и Зубу). Стараюсь представить контур гребня, спускающегося по диагонали к горизонту, — линию, видную из Поляны. Надо держаться самого «конька» хребта, чтобы обойти страшные откосы, зияющие слева. Ныржаем в зловещий мутный туман.

Спуск без троп градусов под тридцать крутизны. Скользим, то и дело съезжаем, хватаясь за колючки. Неожиданно выясняется, что ворчливый Петюнин не способен без нашей помощи сделать ни шагу дальше. У него боязнь пространства, и он не может спускаться. Бедняга и не знал за собою этого недостатка, когда решался лезть в гору. Вдвоем с Иваном Ивановичем чуть не под руки стаскиваем его шаг за шагом по травянистому склону, сами едва удерживаясь на ногах.

Цветущий луг с анемонами и примулами не радуется — сейчас он только мокр, скользок и неудобен для ходьбы. Но вот и коровьи следы. На такие кручи ходят пастись коровы? Пользуемся этим, чтобы подбодрить спутника. Он дрожит и сердится — боится, что мы заблудились, и от этого становится еще менее уверенным в себе. Мы понимаем, что это психоз, а ему не объяснишь.

Терпеливо, сотню за сотней метров сбрасываем высоту. Пожалуй, пора уже брать левее? Прислушаемся, что это за звон. В густом молоке тумана что-то позвякивает влево и внизу от нас. Да это же колокольчики коров! Там стадо, а значит, близко и балаганы. Решительнее ныряем в зловещую муть. Минут через десять оказываемся у скалистого «когтя», который торчит на спускающемся коньке хребта. На седловине под Когтем развалины каменного коша, и тут же рядом, как привидение, выступает из тумана побрякивающая бубенчиком корова. Милая, путеводная ты наша звезда!

От развалин, конечно, есть уже тропка. Метров на триста под нами слышен лай собак и мычание коров. Еще полчаса мучаемся с Петюниным и входим в поселок из драночных домиков — это и есть Греческие балаганы. Спускаясь, мы пересекли границу заповедника — она проходит как раз через Коготь.

Станный жилой нагорный мир: дымят очаги, пахнет жареным луком, свежими сырами. И удивительно много людей. Видно, тут обитают совсем не одни пастухи. У хижин сидят покуривающие старики и занятые шитьем и вязаньем старухи, копошится детвора... Тихие скучноватые будни среди какого-то

библейского умиротворения и, пожалуй, библейской же архаичности. Жители балаганов принимают нас почтительно — знают, что отыскать путь с вершины в тумане — дело не легкое.

Устраиваем привал, прежде всего чтобы успокоить и привести в равновесие Петюнина. Расспрашиваем жителей, чем они тут заняты. Узнаем, что палят и доят коров, делают сыр, бьют масло.

— Для чего же у вас тут столько народу?

— А это для нас вроде курорта. Старики и дети на перевал, как на дачу, ни все лето жить из Поляны переезжают. Отдыхать хорошо, воздух хороший.

— На какой перевал?

— Вот на этот.

Поселок стоял среди крутого склона на чуть более пологом уступе, и я не сразу понял, что русское слово «перевал» греки употребляют вовсе не в настоящем его значении. Для них это не перевальная точка дороги через хребет, а синоним любого пастбища, будь оно хоть на круче.

Дальше нас ведет сама выючная тропа, где Петюнин шагает уже храбрее и даже решается спрямлять зигзаги. За какой-нибудь час выходим к сухому руслу притока Бешенки и вдоль него на уже знакомую мне главную дорогу Ачишхо. Психоз у Петюнина полностью прекратился — с нами идет вполне здоровый, лишь немного смущенный человек.

На базе рапортую Энгелю и Берсеневу, что круговой маршрут по Ачишхо пройден. Конечно, этот путь для однодневного похода труден, да и при ночлеге в горах доступен только более тренированным и умеющим ориентироваться туристам. У меня возникает поспешное заключение: если мы даже в тумане сумели найти спуск с вершины — насколько же проще спуститься с нее в ясную погоду, имея в руках кроки!

Профессор Пузанов вскоре уезжает, побывав еще (увы, уже без меня) на Аибге. Разве мог бы я поверить тогда, что через четверть века я буду счастлив послать Ивану Ивановичу свою книжку с описанием моего собственного путешествия на Цейлон!

ТРОПА ХМЕЛЕВСКОГО

Я давно, еще со времени блужданий краснолицего, слышал, что на склонах Аибги существует большой красивый водопад. Надо было его разыскать, что я и делал не раз при возвращении с очередными группами со Сланцевого рудника. Из первого поиска вернулся смущенный. Тропы отыскивались и терялись, а водопада не было. Зато с Аибги великолепно просматривались склоны противоположащего Ачишхо и прорезающая их долина Мельничного ручья. Спокойный лесистый хребет, не внушавший никаких опасений, в верховьях этого ручья вдруг обрывался большой грядой скал. Вот ведь над какими утесами рискуешь оказаться, спускаясь без тропы!

Неожиданно это наблюдение вскоре пригодилось. В один из ближайших вечеров работников базы срочно вызвали местные власти. В маленьком доме отдыха, приютившемся высоко над Красной Поляной, пропал один из отдыхающих. Ушел куда-то утром и не вернулся. На его поиски брошены были наблюдатели заповедника, лесники, проводники и охотники. Из Сочи вызвали машину со служебными собаками.

Сидим с Энгелем и Берсеновым у председателя поселкового совета под яртой. Вот откуда гость вышел. Наверное, тоже пошел прогуляться «в горку». По кручам, сквозь густые кусты и лианы добрался до гребня, а гребень ленивый — никаких панорам. Начал спускаться и вот тут-то...

И вот тут-то я чувствую, что мне открывается простой геометрический закон: человек, спускающийся без тропы, невольно стремится идти вниз по склону к ближайшему тальвегу (руслу). Тратить силы на подъем от дна лощины уже не хочется, и человек продолжает двигаться, подчиняясь руслу. А если оно ступенчато, перемежается с водопадными уступами? Тогда путешественник неминуемо повиснет над водопадами, а при попытке спуститься с них рискует разбиться или искалечиться.

Передо мною ясно встают виденные недавно отвесы в верховьях Мельничного ручья. К его же долине обращен склон, на котором уютно укрылся дом отдыха — невидная из Красной Поляны дача, бывшая Наумовка. Да, гость мог пойти и до гребня, а на спуске любой из отвершков долины Мельничного ручья должен был привести пропавшего именно к этим отвесам.

Энгель молчит в нерешительности. Берсенева же такое предположение кажется убедительным, и именно сюда решают бросить основные силы ищущих. А я получаю задание подняться на Ачишхо и там с одним из метеорологов вести поиски сверху, с Эстонских полян. Досадно, что попадаю не на главное направление, но в этом есть и выигрыш: попутно я познакомлюсь с восточной частью хребта, с новым вариантом кругового маршрута по Ачишхо.

Со мной вызвались идти два молодых туриста. Быстро получаем продукты и медикаменты (мало ли в каком состоянии можно встретить пропавшего?) и, невзирая на вечернее время, идем на хребет. Ответственность задания придает силы, и мы поднимаемся к метеостанции за два с половиной часа вместо обычных четырех. В сумерках осматриваем ближайшие к станции участки. Тут уж пришлось и покричать — в нарушение правил заповедника.

Мой второй вечер в горах. Но на этот раз нигде ни облачка. Во всю свою неизмеримую даль распласталась панорама. Меркнут глубины долин, а вершины еще продолжают сиять, словно сами излучают лиловый и розовый свет. Четкой чертой отделяется от неба море.

Переночевали у метеорологов. В три часа утра были уже на ногах. Наскоро перекусили и двинулись в путь. Нас охватил жгучий холод рассветных сумерек. Задание гласило: пройти до Эстонских полян, отыскать начало тропы, спускающейся прямо к Красной Поляне — к участку Хмелевского, и по пути при помощи поперечных прочесов просмотреть местность на километр влево от тропы.

С каким удовольствием на этот раз я пошел новой тропой — от соблазна сбиться на ее развилки сам столько раз предостерегал туристов. Вскоре все ветвления слились в одну большую тропу, промеченную «солнышками» — красными пятнами на зарубках (так в заповеднике метят экскурсионные пути, но этот почему-то был забыт проводниками).

Перелесками из гнутых буков, мимо невзрачных болотистых озерца и через ребристый скальный гребешок тропа вывела на привольные поляны, место, где когда-то были выпасы скота из Эстонки.

Кругозор с этих полян наградил нас всею ослепительностью солнечного восхода. При закате поочередно гасли, а теперь одна за другой вспыхивали в лучах солнца сначала самые высокие, потом более низкие вершины, а остатки мрака все глубже заползали в складки долин.

Луга пострели копром примул, гонциан и причудливых белых подснежников¹ с длинными вычурно шпигутыми лепестками, желто-коричневыми у сердцевинки. А вот и еще цветок, не встречавшийся раньше: коричнево-лиловый бокальчик (виданное ли дело — коричневые цветы!), и все лепестки в бурых и желтых крапинках. Рябой цветок за это и прозван рябчиком. Пожалуй, приятнее латинское его название: фритиллярия.

Под уступом лугового плато нам открылось безымянное озеро, скромное, осененное ветвями совсем русских березок. Уголок, словно чудом перенесенный сюда с далекого севера, из аксаковских, из тургеневских мест. Отсюда, ответвляясь от тропы с «солнышками», и идет тропа на участок Хмелевского, одного из первых исследователей флоры и климата Красной Поляны. Будет справедливо назвать этим именем и озеро и тропу.

Теперь все внимание поискам.

Начало тропы, ныряющей с луговины на спуск в лес, находим по зарубке на опушке. Аукаемся, всматриваемся в следы. Иногда делаем петли влево, прочесывая лес.

Пологая дорожка неожиданно выводит к обрыву — невольно замираем. Не столько от его крутизны, сколько от глубины долины и прелести вида на совсем близкую, прямо у ног легшую Красную Поляну. Как до нее отсюда близко — не семь, а каких-нибудь три километра. Я уже уверен, что и Эстонские поляны, и поэтическое озерцо Хмелевского, и, наконец, эта осыпь с лучшим из всех мне известных видов Красной Поляны — все это великолепные узловые точки будущего краткого кругового маршрута по Ачишхо.

Прощаемся с осыпью, пересекаем ручей, текущий к Бешенке, и начинаем крутой спуск по буковому лесу. Тропа завалена прошлогодней листвой, но ноги ее сами чувствуют. Местами помогают и заплывшие старые зарубки на стволах бука (здесь без «солнышек»). Делаем еще несколько петель влево, ломаясь лесом без троп. Аукаемся — откликов нет.

Путь утомительный. Слишком прямолинейно, по самому коньку круто снижающегося отрога, проложена тропа. А подниматься здесь и еще того тяжелей. Рекомендовать такую трассу можно только для спуска.

Идем, все время ощущая под собою кручи — и справа и слева. Справа еще тенистый мир долины Бешенки, слева — другой мир — напоенные солнечным воздухом склоны, обращенные к Дворцовому ручью. На гребне начинают преобладать заросли крупной кавказской черники, дубняк и азалия — совсем как на спуске от дворца к Санаторной улице. Такая растительность обычна для нижних частей отрогов... Поселок все ближе, его присутствие уже чувствуется внизу впереди. Найти пропавшего больше нет шансов. Торопимся к базе узнать, не нужна ли наша помощь на каких-либо других направлениях.

Незадолго перед концом пути спуск нас дарит прощальным сюрпризом: на одном из плечей хребтика лес расступается, и перед нами открывается еще один, в моей коллекции, вероятно, уже десятый, вид Красной Поляны сверху. Как хорошо Поляна вписывается в рамы окружающих гор! Откровенная, доверчивая — вот я, вся на виду, любуйся мной!

¹ Этот цветок называется эритрониумом, а по-русски совсем прозаично — песьим зубом; впрочем, это буквальный перевод прежнего латинского названия растения *Erythronium dens canis*, где «дэнс канис» и означает «зуб пса». Теперь этот вид эритрониума называется *caucasicum*, то есть просто кавказским.

Эти пинорамы хороши не только как завершение кольцевого маршрута. Если, на кругозор Хмелевского, можно послать людей и в отдельные пропущенные.

Пот и старая дача этого профессора. Как ловко! Спуститься с Ачишхо не было то к Сосновой скале, от которой нужно еще пять-шесть километров топать «транзитным шагом», а прямо в поселок! Радость отыскания новой тропы несколько возмещает досаду от того, что поиски безрезультатны.

На базе нас встречает улыбающийся Энгель. Пропавший найден. И где же как раз там, где мы предположили! Нашел его наш проводник Димитрий. Все было, как и догадывались. Выйдя утром, гость, пожилой человек, с упорством карабкался вверх, воюя с кустарниками. Вскоре он с горечью почувствовал, что сердце сдает, что по таким горам он не ходок, и решил спускаться. Неумолимая геометрия склонов привела его к тальвегу первой же ближней долины. А долины впадали одна в другую, в них появились ручьи, пришлось балансировать на скользких камнях. Несколько раз, не удержавшись, он падал в ледяную воду. Наконец на пределе усталости, мокрый, голодный, он вышел над страшными отвесами верховьев Мельничного ручья. Страдалец собрал последние силы и заставил себя вскарабкаться обратно, метров на сто выше отвеса. Здесь он сел на упавшем стволе, держась рукою за один из сучьев, и решил сидеть, никуда больше не двигаясь. Он просидел так остаток дня и всю ночь, люто холодную. Димитрий обнаружил его лишь на рассвете.

Проводник рассказал, что уже вечером вышел на след пропавшего гостя, но искать помешала тьма. Переспав у костра, Димитрий с двумя подручными двинулся дальше по следу, пока, наконец, не заметил сидящего, уже ко всему безучастного человека. Дали ему глотнуть воды, вина, он встряхнулся, все понял и со слезами на глазах начал благодарить спасителей. Его свели вниз под руки...

Энгель внимательно выслушал мой рассказ о «кольцевании» ачишхинского маршрута по тропе Хмелевского и, пожалуй, впервые сказал мне теплые ободряющие слова: на него произвела впечатление самая возможность диагноза — где мог человек заблудиться и где его надо искать. Да и сам я ощутил в себе признаки неведомой прежде «пространственной зоркости».

Потребность ориентироваться в горах стала превращаться в способность, словно я обзавелся неким внутренним компасом. Только умение Димитрия читать следы человека в лесном бездорожье еще казалось мне непостижимой магией.

КОЛЬЦО АЛЕНЫ

И все-таки любая удача чревата головокружением от успехов. Ощувив в себе умение ориентироваться и ориентировать других в горах, я, что называется, закусил удила и, конечно, сразу же «перехватил».

В день большого наплыва туристов мне пришлось в голову отправить на Ачишхо две самостоятельные группы сразу по обоим недавно разведанным круговым маршрутам. Хребет оплетался двумя петлями в один прием! Группам было предложено сообща подняться к метеостанции и пройти к водопадам. После этого одна из них должна была вернуться к метеостанции, на спуске держаться левых троп и у поляны с озером Хмелевского отыскать крутую тропу с осыпным кругозором, чтобы спуститься в Поляну в тот же день. Дру-

гая же группа, всего из трех человек, взяв с собой одеяла и продукты на полтора суток, получили совет подняться от подножия на вершину Ачишхо, полюбоваться, как солнце садится за море (увидеть это мне и самому еще не удавалось), и к темноте спуститься к Греческим балаганам. В них заночевать. Утром, если захочется, вновь побродить по вершинам и примерно к обеду спуститься на турбазу.

Я же в свою очередь на день возвращения этой группы наметил свой кольцевой маршрут по Ачишхо, но во встречном направлении: с подъемом к балаганам и со спуском от метеостанции. Я рассчитывал, что, выйдя пораньше, мы еще застанем группу завтракающей в балаганах. Тут-то и можно будет взять их с собой к вершине, все им рассказать и показать.

Заметнее всего в этой группе была женщина по имени Елена, именовавшая себя Аленой, очевидно, считая, что такое имя прибавляет ей очарования. Кокетливо и самоуверенно она выслушала все рекомендации и запреты, объявила, что ее спутники, двое мужчин, будут беспрекословно подчинены ей (те не возражали), и тройка двинулась в путь. Им было рассказано все, что нужно. И о трех ступенях водопадов; и о палатке медовеевских пастухов; и о том, как нельзя спускаться с вершины и как надо дойти до плеча и сползать к Когтю. За эту группу я был спокоен. Однодневная же внушала мне опасения: консультацию туристы этой группы слушали растерянно. Боялись, что не найдут поворот к озеру и начало тропы к осыпи. Но все же в поход они отправились.

День проходит в лекциях вновь прибывшим туристам, в суете, в получении пропусков и продуктов на завтрашний «большой круговой Ачишхо». Непонятно, где и как простужаюсь и впервые в Красной Поляне ощущаю, что мне не по себе. Острый кашель, тяжелая голова...

К ужину возвращаются однодневные ачишхинцы. «Малый круговой» с тропой Хмелевского пройден туристами самостоятельно! Спуск понравился, от панорамы с осыпи в восторге. Значит, теперь я уже ни одну группу не отправлю на Ачишхо челноком, взад-вперед по одной и той же дороге. Как минимум, будет спуск по тропе Хмелевского! А как максимум — завтра я еще разведу, не проще ли вариант не со спуском, а с подъемом через Греческие балаганы.

Утром встаю угнетенный. Кашель усилился, голова болит. Вероятно, даже небольшой жар. Но неужели из-за этого я откажусь от маршрута? Ведь не так часто Ангель отпускает меня наверх. К тому же болезнь можно перебороть, как говорят, путем «клинического» лечения — по принципу «клин клином»...

Выхожу с группой в пятнадцать туристов. На подъеме вдоль Бешенки держусь в прошлом запретной левой тропы. Подъем к балаганам оказывается скучным и тем более долгим, что сам я иду с трудом: у меня жар, сердце колотится вдвое сильнее обычного. Вынужден останавливаться чаще, чем всегда. Да и туристы скучают. Как ни упоителен пронизанный солнцем и легким шумом высокоствольный лес, но и он надоедает при таком утомительном подъеме.

Почти четыре часа подъема. Группу Алены не встретили. Очевидно, после ночлега в балаганах они ушли обратно к вершине. Вот наконец и балаганы. Спрашиваем у пастухов:

- Ночевали туристы?
- Какие туристы? Не знаем, никто не ночевал.
- Как никто?

В груди словно что обрывается. Значит, першины они не спускались. Но вчера же был совсем ясный вечер! Неужели не нашли биатлантов? Нет, наверняка, просто вернулись на метеостанцию. И я тоже. Балаганщики бундидомы!

Все же нетреножен. Тороплю спутника и форсирую подъем к вершине. Сердце бьет барабаном, дыхания не успокоить.

Вот и Коготь с остатками балагана, и крутой луговой подъем. С интересом смотрю в ясную погоду на путь, по которому выбирал спуск в густой мути обликон. Оказывается, удачно выбрал: и левее и правее скальные кручи.

Туристы меня обгоняют — нет даже сил их остановить. Ничего, дальше першины не уйдут.

На пике сажусь в изнеможении. Тщетно пытаюсь найти хоть какие-нибудь следы пребывания пропавших. Ни конфетной бумажки на снегу, ни окурка. Блюли строгие правила заповедника. Не видно ли чего на траве? Эх, нет со мною Дмитрия. Что увидит такой следопыт, как я, в этой траве?

Осматриваю все вокруг — нет ли каких троп, которые могли соблазнить незадачливых путешественников? Нет, троп не видно. Далеко внизу, в долине Чвижепсе, такой же глубокой, как краснополянская, белеют крохотные домики. Это впервые я вижу деревню Медовеевку — наследницу былых медозюев. Не туда же угораздило спускаться Алену? Сбегаем в цирк. В гортани першит, сердце неистовствует даже на спуске. Обходим уступ верхнего водопада.

Но что это? Где водопад? Есть уступ, а водопад исчез. Очевидно, растаял питавший его снежник, и теперь Ачипсе начинается ниже, чем раньше! Не это ли было причиной того, что туристы сбились? А вот и еще одна новость: нет палатки пастухов, о которой я им говорил. Вместо палатки голые козлы. Остатки костра, дырявый котелок с недоеденной кашей — все давнишнее. Вот где ошибка! Разве можно ориентировать людей на такие непостоянные признаки? Ведь это же все равно, что советовать повернуть направо от коровы с колокольчиком...

К шести вечера приходим к метеорологам. Группа Алены — они ее помнят — сюда не возвращалась. Старик метеоролог, услышав о новом исчезновении людей, говорит:

— Беспокойная у вас работенка. Нам наверху спокойней.

Обещает с утра пройти за водопады, туда перебрались медовеевские пастухи — может, они видели злополучную тройку.

По графику нам полагался ночлег на метеостанции. Так и надо было бы сделать, чтобы утром всей группой отправиться на поиск. Но ведь на базе, быть может, еще и не хватились пропавших. Это тоже моя оплошность: впредь надо строго регистрировать подобные группы и объявлять всей базе контрольный срок их возвращения. А могло быть и так, что пропавшие какими-нибудь путями спустились уже в Поляну без троп? Решаем в тот же вечер вернуться на базу. К темноте достигаем Сосновой скалы, а дальше идем в сплошной тьме — ноги вернее, чем глаза, распознают дорогу к поселку.

Взбудораженный и совсем больной (никакое «клиническое лечение» не помогло) являюсь с повинной к Энгелю. Здесь уже спохватились, но были растеряны: где искать? Собираем «военный совет» у Берсенева. Говорю о маршруте пропавших и об участке, на котором они исчезли. Повторяется уже известная мне картина — мобилизация охотников и проводников. На этот раз мы все сходимся на том, что заблудившихся качнуло к Медовеевке, на неизвестную мне сторону Ачишхо. В деревню звонят по телефону, мобилизуют жителей.

Врч, присутствующий на совете коснувшись рукою моего лба, заявляет:
— Э, батенька, да у нас под сорок. Ни в какие поиски мы нас не пустим.
Немедленно в постель.

С утра Ачишхо прочесывают с запада — от Медовеевки и с юга — с Бешенки. Наблюдатели заповедника проверяют Ачипсе.

Лежу в своей башне и лишь изредка получаю сообщения с фронта поисков. К вечеру возвращаются группы, обшарившие Бешенку, безрезультатно. Наутро от метеостанции пришли наблюдатели, проверявшие среднее течение Ачипсе, на их направлении тоже никаких следов. А ведь начались уже четвертые сутки со времени ухода людей в маршрут.

В регистратуре звонит телефон. Говорит Медовеевка. Пропавшие разысканы одним из лесников. Люди здоровы, хотя и измучены. Сегодня их к нам привезут.

Отлегло от сердца — и мне сразу становится лучше: меньше болит голова и укрощается кашель.

К вечеру на таратайке, предоставленной поселковым советом, героев привозят. Похудели, осунулись, оборвались. Встречавших особенно удивили их босые ноги в болячках и при этом почему-то восторженный, прямо-таки торжествующий вид. Я-то ждал от них упреков, претензий, негодования — плохо проинструктировал, не предостерег... А они накидываются... с благодарностями!

Вся беда началась, как я и полагал, с исчезновения водопада и палатки. Они к этому моменту уже настолько прониклись уверенностью в безошибочности путеводной схемы, что не могли допустить и мысли о ее возможной неточности. Увидав, что нет ни водопада, ни палатки, туристы приняли всю вину на себя:

— Значит, мы уже сбились.

— Так видели же вы козлы, след костра?

— Мало ли что видели. Мы считали, что кроки, до сих пор такие точные, не могут соврать. Ну и полезли в растерянности на первый же попавшийся хребет.

— Но ведь на этот хребет полагалось лезть и согласно схеме!

— Нет, мы уже потеряли всякое доверие и уважение к себе. Решили добираться домой как придется. Увидели с вершины домики — ну, к ним и пошли. Думали, конечно, что это Красная Поляна. Ох, если бы вы только знали, как мы там лезли, как висели над скалами! А по ночам было жутко — медведей боялись, забирались ночевать на самые крутые утесы.

Словом, опять повторилось все как по-писаному. Та же геометрия склонов спустила их в первый попавшийся тальвег, а затем спуск по скользкому руслу, падения с водопадных уступов, продиранье через кусты и лианы. В первую же ночь ухитрились потерять одеяла, свалив с какой-то скалы рюкзак, в котором они лежали. Слезить за ним не нашли в себе сил. Один из спутников Алёны растер ноги и оставил где-то в трущобах новехонькие сапоги. У остальных обувь тоже разлетелась на вторые-третьи сутки. Голодали (паек был взят только на полтора суток), питались травами и сырыми грибами. Несколько раз делали попытки подняться обратно, но вскоре попадали в соседнюю лощину. Она соблазняла легким спуском, а затем вновь приводила к обрывам.

Уже не помнят как, но вдруг вышли к кукурузному полю и лесной сторожке. Обессиленные, заснули в ней на полу; в таком виде и были найдены лесником.

Истинно, что сейчас все перенесенное вспоминают в самом радужном свете и с хорошим чувством юмора. Алена даже просит меня ни больше ни меньше повторить, обязательно повторить их путь. Благодарки за пожертвование и говорю, что его с удовольствием исполнят местные папуасы: новые сапоги и три одеяла для них достаточная приманка. Шучу насчет своей «рыцарской» шляпки встретить группу Алены в горах.

Вот видите, насколько меня потрясло ваше исчезновение? Я даже слег...

Наутро Алена и оба ее спутника заходят ко мне проститься. Снова яростно благодарят. В книгу отзывов они накатали такой гимн собственному походу, что теперь у Энгеля не поднимется рука меня наказывать. Да ведь дело и не в выговоре. Я достаточно наказан и проучен всем пережитым, но — что самое главное — не разубежден в правоте основной идеи. Я буду и впредь рассылать туристов одних по окрестным горам. Буду делать это еще осторожнее, инструктировать с еще большей дотошностью. Научусь предусматривать и предотвращать возможные казусы. Но посылать буду!

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОЛОДОСТИ

Однажды, посоветовавшись с врачом, я решил поднять на Ачишхо группу пожилых, пятидесятилетних туристов. Бережно, словно за руку, вел я эту команду. Вышли с рассветом, часто присаживались. Восемь часов занял подъем к метеостанции — почти вдвое больше обычного, но это был тихий, без напряжения, подъем людей с утомленными сердцами, отягощенных полнотой, людей, которым, казалось, давно противопоказаны подобные удовольствия.

И вот мы на Южном кругозоре: радость, что достигли такой высоты, что под ногами глубина, столько воздуха, что распахнулись такие дали, что синева ниже горизонта — это слившееся с небом море... У меня на глазах молодели лица спутников, разглаживались морщины! Если бы измерить, что убавил и что возрождал такой поход в их усталых сердцах...

Неделю спустя на базе появилась веселая и дружная самодеятельная группа — несколько немолодых мужчин и женщин. Лица их светятся какою-то особенной радостью. Держатся эти люди свободно, непринужденно, как у себя дома, не идут ни на какие консультации, а вечером уже получают продукты. Что же, сам Энгель их консультировал, что ли?

— Владимир Александрович, куда это они?

— На Аибгу.

— Сами? Без проводника?

— Они и так все знают. Это «старые» краснополянцы.

Подхожу знакомиться. Неохотно отвечают, опасаются, что пристану к ним с советами и запретами. Но я только спрашиваю, я сам хотел бы слышать их советы.

Да, им есть что рассказать. Они этой же самой группой двадцать лет назад, в 1914 году, молодые и сильные, поднялись на Аибгу и хоть провели на ней всего два дня — пронесли с собою воспоминание об этой радости через два десятилетия. Все эти годы лелеяли мечту — вновь и в том же составе пройти на Аибгу. Решили — и сделали. Утром я их провожаю. Под вечер с тревогой думаю о них — по Аибге скачут молнии и раскатывается гром короткой грозы.

На следующий день к вечеру туристы возвращаются озаренные, счастливые. Гроза? Она их даже обрадовала, ведь двадцать лет назад тоже была такая.

Да, они совершили путешествие в свою молодость. Чуть иронично шутят, что горы стали несколько выше и путь к ней удлинился.

За ужином я выспрашиваю у них, что они помнят о Красной Поляне? Таким ли был Греческий мостик? Как называлась гостиница?

Наутро я тепло прощаюсь с этой славной шестеркой пожилых, но деятельных и светлых людей и прошу навещать Поляну чаще, чем раз в двадцать лет. Они уезжают, а я невольно задумываюсь. Как дальше сложится моя жизнь? Кем я буду? Останусь ли в Красной Поляне, или у меня появятся какие-нибудь новые цели и планы? Ну что ж! Как бы ни было, а я тоже приду к Поляне, подобно этим старым ее друзьям. И так же пойду в горы, не прося ничьих советов, и для меня это возвращение, наверно, тоже будет подлинным возвращением в молодость.

СТАРИКИ

Как важны для краеведа встречи с живыми свидетелями прошлого, даже вот с такими, приезжими. А ведь есть старожилы, местные жители, которые, конечно, знают и помнят значительно больше.

Выясняю, кто жив из греков, переселившихся в Поляну в 1878 году. Называют фамилии Ксандиновых, Фанаиловых, Халаичевых, Карибовых. Обхожу их дома. Многие участники переселения уже умерли. В двух семьях нахожу ветхозаветных старцев, почти впавших в детство и позабывших русский язык. Представители следующего поколения кое-что помнят со слов отцов и сообщают мне интересные сведения.

Действительно, ставропольские греки узнали о Красной Поляне от своих сородичей, живших в Турции, куда переселились краснополянские ахчипсовцы. Но было это задолго до Русско-турецкой войны 1878 года. Учитель Тахчиди уверяет, что первые ходоки греков — три человека¹ — разведали Поляну еще в 1867 году. Упоминает при этом, что ходоки застали еще стычки русских солдат с остатками горцев². Поляна грекам понравилась, и на ней первыми поселились семь семейств, всего 42 человека.

Подобные же интервью беру у стариков эстонских поселков. Семидесятилетний эстонец Ян Нахкур оказывается и памятьвым и словоохотливым, хорошо говорит по-русски. Я едва успеваю записывать его неукротимые воспоминания.

— Отец приехал на Кавказ из Лифляндии, там у помещика работал. Приехал своей повозкой. В Ставропольской губернии поселились у станицы Подгорной. Там плохая вода. Через пять лет переехали на Марух. Но тут беспокойно было. Жили как в военном лагере — поджоги, грабежи. Бросили мы это место и уехали в Калмыцкую степь, поселились на Маныче в землянках. Трудный был климат — за восемь лет четыре года засушливых. Лишь редкие годы собирали большой урожай. Тут и дошла до нас слава о Красной Поляне.

Послали мы туда трех ходоков — им места понравились. Сады какие, фрукты сами в рот падали. А лугов! А лесу! А зверя!

Обратились к сочинскому окружному начальнику за разрешением переселиться, а потом, не дождавшись разрешения, взяли да сами и переехали. Шли

¹ Другие свидетели убеждали меня, что ходоков было семеро.

² Убедительное показание. Действительно, партизанское сопротивление горцев из племени хакучи продолжалось на Западном Кавказе именно до 1867 года.

и выхитными лошадьми через перевал Аишхи. Путь был тяжелый, заросший. Останавливались, чинили дорогу и двигались дальше...

Ушло сочинское начальство, что мы поселились, приехало нас гнать. Путало отсутствием транспорта, голодом. Но их упростили и приступили к ра-корченкам. На месте Первой Эстонки поставили сперва только балаганы...

Рассказывая, старик сообщал множество подробностей — почему была продана лошадь, сколько рублей не хватало на покупку ружья. Ему тогда было 11 года — был здоровый и крепкий, «черта не боялся, греков, турок, имеретин персбирывал».

— Пошел первый раз на охоту — сразу трех медведей встретил, двух убил и похвал. Однажды вчетвером уснули в дозоре, медведь подошел, обнюхал нас и не тронул. Просыпаюсь — слышу над ухом сопит. Притворился, что сплю, а у самого сердце сжалось — ну, думаю, конец. Нет, ушел... А в другой раз устроили навес на деревьях да и заснули, свесивши ноги. Просыпаюсь — за ноги кто-то задел. Оглянулся — медведь, подбирает под нами рассыпавшиеся с навеса сливы...

Охотиться не умели. Приспособился я ветер чують, с подветра к зверю подходить, так греки-соседи меня за то колдуном объявили — они тогда тоже в охоте не понимали. А зверя было множество. Помню, был день, когда я уловил девять медведей!

Слушаю эстонца без недоверия, это не тартареновские басни. Старк в своих записях тоже говорит об обилии зверя в лесах тогдашней Красной Поляны.

— С греками жили мирно, только объясняться было трудно: ни по-эстонски, ни по-русски греки тогда не понимали. Вместе ходили через горы за хлебом — то на Псебай¹, то в Адлер. Дорога была опасная, несколько раз лошадей губили.

Кем только не работал молодой эстонец! Две недели в адлерской харчевне ремонтировал гармоники. Потом по пяти рублей с десятины косил сено. Корчевал леса, а плугов, лопат, инструмента не было. Еще пустовали земли и на берегу, но туда не ехали, боялись малярии. Решили из гор ни за что не уезжать. Занялись свиноводством, получили хорошие урожаи картошки.

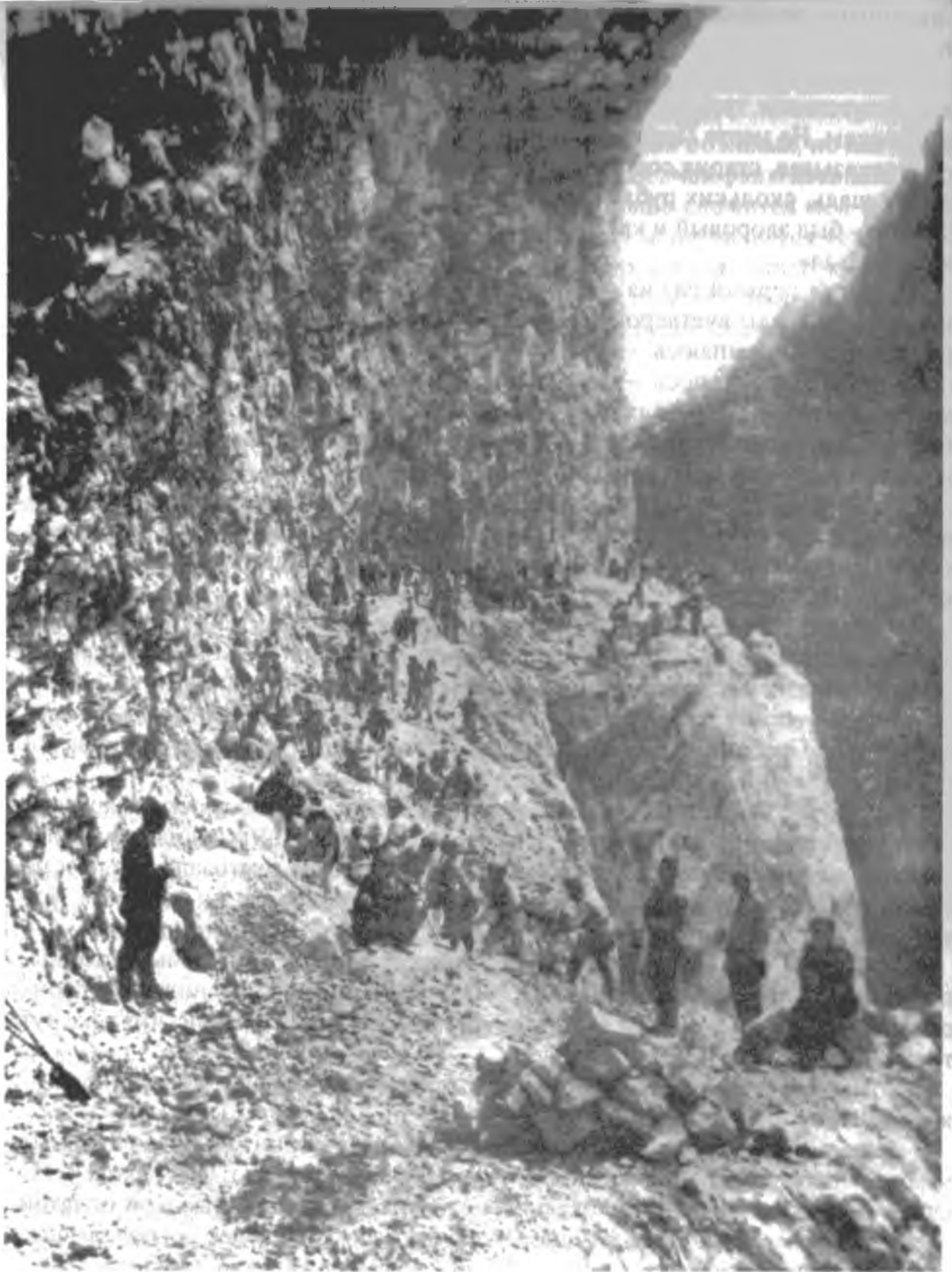
— А потом пришли к нам инженеры строить шоссе. Тогда мы, эстонцы, первыми прошли сквозь ущелье по самой реке по заданию инженера Константинова. Греки удивлялись — они еще от черкесов слышали, что река тут течет будто бы сквозь гору, туннелем.

Ян Нахкур очень гордился тем, что был одним из главных советников инженера Константинова.

«Мягкие» части дороги строили русские. На строительство скальных участков собралось много пришедших турков — до полутора тысяч человек. Их считали умельцами по части скальных работ и привлекали высокой оплатой — по восьмидесяти копеек за день. Около пятидесяти человек погибло в ущелье при взрывах.

— С постройкой дороги настала новая жизнь. Начали делать себе телеги. А то ведь наши дети не видели колеса! Начали груши сушить, орехи заготавливать, купцам продавать, хлеба стало много. С царской фермы на берегу купили себе коров швейцарской породы. Деревья для садов закупили на Сочинской опытной станции. В девяносто девятом году построили школу, а в одиннадцатом году — клуб.

¹ Станица Псебайская на северном склоне Кавказа в долине Малой Лабы.

18. Турки на строительстве краснополянского шоссе в ущелье Ахчу. 1897 год

Спрашиваю, откуда же средства брались? Оказывается, при хорошем хозяйстве гектар сада давал доход до двух тысяч рублей.

О более поздних годах старик рассказывает скомканно. Видимо, тут его смущает политика: в 1920 году часть уехала в буржуазную тогда Эстонию, да и среди оставшихся не все сразу приняли Советскую власть. Остро проходила

коллективизации. Стреляли в нового учителя, потом пытались его отравить и отменить за то, что разоблачал случаи вхоты и лесу на колхозных спинах (тех охотников, которые специально пасутся в горах и «дружат» с дикими кабанами — чем не повод для браконьеров пристрелить вместо дикой домашнюю свинку?). Но вот три года тому назад...

В эти годы одиннадцать хозяйств было раскулачено, в том числе и хозяйства двух поселян, в прошлом белых стражников. Весной тридцатого года был как бы отлив, в колхозе осталось всего двадцать восемь хозяйств. А сейчас опять почти все в коллективе, и «Эдази» работает хорошо.

Новые записи, новые факты, все пополняющиеся страницы истории края.

ЕЩЕ ВЕТЕРАН

Шаги по лестнице — на башню кто-то поднимается. Знакомый голос:

— Если двери нет, то куда же прикажете стучать?

Входит высокий красивый смеющийся мужчина. Он тяжело дышит, и это всего только от подъема на Собиновку.

— Александр Владимирович, здравствуйте, как я вам рад!

Это Кожевников, ботаник, знакомый мне по 1932 году. Тогда я застал самый конец его работы, о которой все вокруг говорили с большим уважением. Заложенные им опытные участки находились и на Ачишхо и на Аибге. Для систематических наблюдений он ежедневно поднимался то на один, то на другой хребет. Богатырская сила чувствовалась во всей его крепкой высокой фигуре, в веселых глазах. Этой горной выносливостью он как бы предупреждал недоумение, которое могло кое у кого возникнуть — дескать, как же, такой молодец-мужчина и вдруг занят цветочками, травками...

Но это был настоящий полевой, экспедиционный работник. Как он ходил! Рассказывали, что тренировкой Кожевников сумел довести время подъема на Ачишхо до двух часов (вместо моих четырех), а за пять часов легко восходил на Аибгу.

Не давая ему раскрыть рта, накидываюсь на него с расспросами — кому же, как не ему, проконсультировать создаваемый в туркабинете гербарный плакат о высотных зонах? Он, конечно, согласен. Когда же я высказываю пожелание вместе с ним «сбегать» на какую-нибудь «горку», он на глазах потухает, мрачнеет и упавшим голосом говорит:

— Я очень рад, что вас встретил. Мне было бы больно застать Красную Поляну без любящего хозяйского глаза. Экскурсионное дело и туркабинет должны быть в надежных и, главное, неравнодушных руках...

Я смутился, не понимая, для чего такие торжественные слова. Но он продолжал проще и прямее:

— Одно мне только хочется вам посоветовать: берегите свои силы, не надорвитесь. Учтите мой горький опыт — я банкрот. Ходить в горах таким темпом, как я, непростительно. Теперь я больной, неизлечимый сердечнобольной. Сейчас я удрал от врачей, запрещавших мне ехать на юг. Я не мог не приехать в Красную Поляну. И вот счастлив уже тем, что вижу Аибгу с высоты вашей Собиновки. Выше мне все и, кажется, уже навсегда недоступно.

Если бы это говорил не цветущий тридцатилетний красавец, и то подобная исповедь могла бы потрясти. Я не знал, что сказать. Хорошо, что Кожевников сам перевел разговор на другую тему.

Осторожно спросил меня о планах — собираюсь ли продолжить образовательные. Мне было трудно ответить на это. Я чувствовал, что работа, которой я отдаюсь целиком, исподволь подводит меня к моей будущей специальности. Но к какой? Историка? Природооведа? Геолога? Может быть, краеведа? Но ведь такой профессии нет. А правильно ли, что нет?

— Вероятно, географа, — подсказывает Кожевников. Я растерянно моргаю.

Конечно, я знал, что были и есть на свете географы, в их числе и знаменитые. Но не представлял себе, что могут быть факультеты, выпускающие географов — специалистов по исследованию разных стран. Кожевников рассказал мне, что такие факультеты существуют.

Он в тот же вечер уехал. Перед отъездом прошел в туркабинет, похвалил плакат с гербарием высотных зон, сделал несколько поправок в латинских названиях. Мы простились с намерением обязательно встречаться в Москве.

Через год я, не веря себе, прочитал в газетах о смерти молодого талантливого ученого А.В. Кожевникова. Его сердце не вынесло какой-то несложной операции. Горы последний и решительный раз напомнили о себе.

Значит, не шутки все эти запреты врачей, все эти рекомендации Марии Павловны Преображенской, запомнившиеся мне еще с детских лет, о режиме дыхания на подъеме. И, значит, не забавы ради так медленно, с частыми остановками, ходят в горах на подъем альпинисты — это я видел на экранах кино. Есть законы гор, которые нельзя нарушать. Расчет за нарушения приходит короткий и неумолимый.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТУРИСТСКОЙ РАБОТЕ

Благословение Кожевникова придало мне сил. Вооружившись клеем, ножницами и тушью, я с помощью двух туристов, склонных к ботанике, быстро закончил огромный — в целую стену — плакат-гербарий «Высотные зоны природы Западного Кавказа».

Это была как бы таблица из нескольких горизонтальных рядов с засушенными образцами растений, наклеенными по этим рядам в виде аппликаций. Каждый ряд соответствовал определенной высотной зоне. Под растениями были по-русски и по-латыни подписаны их названия, а слева нанесена вертикальная рейка со шкалой высот.

Против нижней полосы стояло «до 1000 м» — здесь были прикреплены ветви дуба, граба, каштана, самшита. Выше следовали бук и пихта с набором вечнозеленых кустарников. Отдельный ярус с высотами 1700-2300 метров заняло субальпийское высокоотравье. Здесь было особенно трудно разместить целые растения: они так велики, что их стебли и корни залезали не в свой ряд, как мы ни старались расположить их косо и убористо. В предпоследнем ряду сверху красовалась низкотравная альпика: крупноцветные карлики — синие генцианы, лиловые с желтым анютины глазки, лилово-коричневые рябчики, подснежники — эритрониумы. Наконец верхний ряд — скальная флора, тоже растения-гномы, но лепящиеся в трещинах скал — камнеломки, близкая к тундровой кавказская дриада, лишайники.

Предвкушаю, насколько убедительнее будут звучать в наших лекциях слова о высотной зональности, когда их можно будет иллюстрировать подлинными образцами флоры.

Кабинет украсили не только растения, но и кроки маршрутов, которые я вычерчивал нечерными. На схемах были проставлены и данные о километраже, нанесенные шагомером, и цифры высот, которые я усердно измерял aneroidом, высотомером, и хронометраж пути на подъемах и спусках — его я тоже тщательно вел при каждом походе.

Все чертежи были сделаны так, чтобы люди могли отправляться в путь сами точно, без проводника, и даже не получая консультации методиста.

На схеме Ачишхо еще не была нанесена одна тропа: с пригребневых Эстонских полей на Эстонку. Значит, в ближайший поход на этот хребет надо будет пройти и по ней.

Так и делаю. Тропа давно нехоженная, запущенная, перевитая колючими ветвями ежевики. Азалии запленили весь гребень хребта. Только красные пятна на зарубках — «солнышки» — помогают отыскивать теряющийся то и дело след тропки. Местами и «солнышки» погасли, заплыли какой-то плесенью, и кое-где терялись и сами зарубки. Приходилось соображать: а как бы я сам тут трассировал путь?

Шли долго, тропа оказалась длинной, однообразной. Некоторые спутники стали ворчать. Но я все же был рад, что прошел ее, — теперь я знаю, что водить по ней экскурсии не стоит. На схеме так и будет написано: путь скучный.

А может быть, это уже пресыщенность, и я излишне требователен? Путь по массивному гребню, ощущение глубины справа и слева, сознание, что за деревьями, чуть они расступятся, можно увидеть далекие пики... Перенесись я из Москвы прямо на этот хребет, в буковый лес с дурманно пахучей азалией и папоротниковыми полянами, — разве это не было бы радостью? А тут иду и бракую — проявляется профессиональная разборчивость.

Уже недалеко от подошвы тропа с «солнышками» подходит к развилке. Мы идем вправо, вниз к Эстонке, а «солнышки» уводят влево — ага, знаю, это к нарзану на Ачипсе, где мне еще надлежит побывать. И хотя я там не был, как не был и на медовеевских склонах Ачишхо, я чувствую, что хорошо знаю весь этот хребет, вижу его в целом, с каждой морщиной и пазухой. Ачишхо превратился для меня как бы в огромное ручное животное, на котором я могу ездить верхом, могу чесать ему за ухом, в гриве.

Мой хороший, родной Ачишхо!

Мне и этого было мало. Хотелось, чтобы на маршрутах были заметные, но не портящие пейзажа указатели, стрелки, надписи. Пусть только в трудных для ориентировки местах.

Пробую писать такие метки масляной краской на сланцевых плитках. Во время ближайших экскурсий приколачиваю их к стволам, закрепляю в щелях заметных скал. «Родник 200 м налево», «Держаться правых троп», «К водопадам направо». Подобные указания успокоят туристов, подтвердят им, что они на верном пути.

Это предприятие неожиданно встречает чье-то сопротивление. Кто-то умышленно палками сбил, расколочил половину развешенных мною плиток. А кое-где нарочно повернули стрелки вокруг гвоздя, чтобы они заведомо указывали не туда, куда нужно! Неужели это местные жители, пытающиеся сохранить свою монополию проводников?

Как бы там ни было, пришлось отступить от своей затеи, признать ее преждевременной. Надо метить тропы какими-то более капитальными знаками.

Ну что ж, есть и другие возможности помочь людям и пути. Я вынешиваю и туркибинете плакат — своеобразный кодекс туриста на маршруте. В нем уже значатся такие, добытые не всегда сладким опытом, пункты:

Прежде чем избираться на обрыв, подумай, можно ли с него спуститься.

При спуске по незнакомому склону избегай тальвегов, русел. Придерживайся гребней отрогов.

Не сбрасывай камней с вершин и склонов. Внизу могут оказаться невидимые для тебя люди и скот.

Не ходи в горах в одиночку даже по знакомым дорогам. Случайное падение и ушиб, растяжение, вывих могут оказаться роковыми при отсутствии помощи.

Заботило меня и другое: не слишком ли назойливо в лекциях и на экскурсиях навязываю я моим подопечным свои мнения и вкусы? Не утомляет ли их моя увлеченность и восторженность? Ведь многим из них милее сдержанная прелесть среднерусской природы, а театрализованные щедроты юга их оглушают.

Как же быть пропагандисту именно этой экзотики? Какие умеренные слова найти о природе, если эта природа самая богатая и сложная в нашей стране? Как быть, если приходится совсем не из ложного пафоса употреблять такие громкие слова, как «грандиозность», «щедрость», «могущество», «роскошь»? Ведь так легко объявить их высокопарными литературными штампами! Сколько нужно умения и такта, чтобы не опошлить этих высоких оценок.

Есть и еще одна трудность: рассказ в экскурсии органически совмещается с показом, и нужно уметь умолчать о том, что видно и без «переводчика».

Работать, работать. Исследовать новые тропы, накапливать факты о прошлом и настоящем. Учиться рассказу и показу. Оттачивать формулировки, их логику, последовательность и, быть может... написать в итоге этой работы книгу о Красной Поляне!

Немолчный горных вод напев.

Омытость листьев, четкость линий.

Два облака внизу в долине

Лежат, проснуться не успевают...

ЕЩЕ НА ДВУХ ХРЕБТАХ

ПОДЪЕМ НА АИБГУ

Восхождение на Аибгу... Если даже невзрачный Ачишхо заключал в себе столько хорошего, какие же впечатления сулила эта многовершинная гора, даже снизу прекрасная! Почему так долго не удавалось побывать на ней? Обычный путь на Ачишхо в оба конца занимал день. На Аибгу же полагалось ходить с ночлегом — не кожевниковским же темпом взбегать на нее за пять часов! А вырваться с базы, переполненной туристами, на два и, если на Псеашхо, то на целых три дня — было нелегким делом. Я давно, но безуспешно просил Ангеля о таком походе. Наконец желанный маршрут осуществился.

Шли через Греческий мостик, поднимаясь далеко в обход пятиглавого массива. Видная еще в одном повороте Красная Поляна прощалась с нами белыми домиками. В пяти минутах хода в сторону от тропы по гребню хребтика в кустах прячется остаток старинной стены, выложенной из камня. Находим ее без труда. Вот они, развалины еще одной дочеркесской крепости, когда-то, быть может в средние века, караулившей подступы к какому-то поселку — предшественнику Красной Поляны. Кому был нужен этот путь? Генуэзцам?

В подъеме на Аибгу много монотонного, мало ориентиров. Тропа беспорядочная, сырая, а то и с грязью по колено. И как это удерживается столько влаги на таких кручах! Беспокоят частые развилки — как их запомнить? Не беда, разветвившиеся тропы вскоре опять сливаются — это просто спрямления, протоптанные скотом.

На Аибгу в этот раз шли какие-то безразличные люди, среди которых выделялась только одна бойкая басовитая толстушка лет двадцати восьми, учительница, бурно выражавшая свои восторги.

Никто и не думал шутить над ее преждевременной и явно болезненной полнотой, но она сама с несколько шутовским позерством сосредоточивала на ней всеобщее внимание.

— Куда меня понесло с такой кубатурой?

Еще внизу на мой вопрос, не вредно ли будет восхождение для ее, вероятно, не вполне здорового сердца, она ответила:

— Вы нам в лекции говорили, что йоркширская в гору не взберется. А я вот вам докажу, что и при своих габаритах всех ваших худых красавиц переплуну!

Она сообщила, что ее зовут Тонечкой, но мы дружно переименовали спутницу в Тонночку.

Выше крутого подъема над речкой Бэо появились первые пихты. На Ачишхо пихт нет, и я впервые вижу их вблизи. Иссини темная зелень, под пологом широких ветвей лилово-коричневый полумрак. Не без опасения перебираю хвоинки: отличу ли елку от пихты? Хвоинки оказываются плоскими, лаково-кожистыми, неколючими. По длине они раздвоены срединным желобком. Шишки тоже не как у елей. Кажется, не осрамлюсь и с елкой не спутаю.

Гиганты пихты, сколько им лет? Лежат поверженные стволы — надо их измерить, хотя бы шагами. Десять, двадцать, сорок... На шестьдесят метров поднималась вверх, как колонна, хвойная красавица, рухнувшая наконец от старости. Местами великанши легли поперек тропы. Видно, когда-то их стволы, преградившие путь, пропиливали или прорубали. А иногда руки до этого не доходили. Тогда и вьючные кони и скот вынуждены были протаптывать обходные петли по кручам, обычно скользким, мокрым от сочащихся родников.

Тонночка, оказывается, равнодушна к растениям. Несмотря на одышку, она то и дело громко спрашивает:

— А это что за цветок? А это что вьется?

Во весь голос восхищается она красотой лиловых цветов понтийского рододендрона. И, наконец, вопрошает совсем неожиданное:

— А почему на этой пихте ягоды?

Смущаюсь и становлюсь в тупик. Перед нами совсем маленькая пихточка. Только ствол у нее красноватый да хвоинки светлее и мягче, а по форме такие же, с желобком. Почему же на этой пихте ягоды вместо шишек? К счастью, быстро догадываюсь: ведь это тис, красное дерево! Как коварно похожа его хвоя на пихтовую!

Ловлю себя на том, что не могу определить нашего положения на Аибге. Где мы находимся? В каком месте по отношению к видимым из Красной Поляны пирамидам?

Каждое скользкое место оглашалось воплями Тонночки. Идущие по соседству с нею мужчины подавали ей руки, подбадривали, успокаивали.

Как досадно, что она так громогласна, так беззастенчиво нарушает торжественную лесную тишину.

Утомительный надоевший подъем неожиданно подводит к уютному поселку, раскинувшемуся на лесной прогалине. Поляной такое место не назовешь: на скальном грунте не осталось ни травинки — настолько все выбито скотом. Фанерные и драночные хибарки, как и на Ачишхо. На нас для порядка лают большие собаки. Первые балаганы стоят на торной сквозной тропе, поэтому посторонние гости не очень волнуют псов. У пастухов покупаем и пьем острое, хмельное на вкус, кислое молоко.

Троп вокруг столько, сколько заблагорассудилось их протоптать коровам... Впрочем, одна из троп, берущая правее «вполгоры», косогором, — более торная. Это вьючный тракт южного склона Аибги, сообщающий между собою его пастушеские поселки. Тропа идет совсем близко к верхней границе леса.

Вот как мы высоко, а ощущение открытости, так радовавшее на Ачишхо, все еще не наступает. Значит, дело не в разреженном воздухе — не хватает радующих панорам.

Сквозь облака, окутавшие тропу, видно, что временами лес прерывается, — мы пересекаем высокотравные субальпийские поляны, с них должны были бы открыться далекие виды! Но из тумана лишь призрачно высятся готические вершины пихт, и в тумане же бездонно тонут их уходящие под склон стволы.

Идали корчит гром, и искоре нас смачивает крупным беглым дождем.

Впереди раздается лай, на нас мчатся из мглы огромные мохнатые, похожие на медведей, овчарки. Туристы испуганно останавливаются, слышится крик: «Стойте на месте!»

Но Тонночка не выдерживает и пускается в бегство. Ее нагоняет огромный пес и на ходу вырывает со спины большой кусок платья. Басистый вопль пострадавшей обескураживает пса, а через секунду его уже отгоняет палкой выпешанший откуда ни возьмись пастух.

Из тумана выплывает несколько балаганов, прилепившихся на ступенях крутого склона. Ищем в них защиты от возобновившегося дождя. Защищаем булавками прореху на Тонночкиной спине. В центре балагана горит очаг. Людно, тесно. Готовности принять нас на ночлег хозяева не выказывают, говорят, что дальше на тропе есть еще Вторые и Третьи балаганы. Именно в Третьих нам рекомендуют ночевать.

Первые балаганы — мы в них пили молоко. Вторые — ждут нас впереди. А в которых же по номеру балаганах мы находимся? Судя по ответам, такой вопрос перед хозяевами не возникал. Помечаю балаганы на схеме и ставлю на них номер: «Полуторные». Иначе запутаются любые туристы.

Дождь приостановился, но все равно быстро вымокает. Нас кропит своим душем каждая субальпийская травка в человеческий рост высотой. Идем лугами, оставив границу леса где-то внизу справа, в тумане.

Местами крупные массивы облачной мути начинают редеть и как бы раздвигаться. Между ними темнеют зияющие провалы — там видна далекая лесная глубина, и впервые рождается ощущение набранной нами огромной высоты. Становится легче идти, поднялось настроение. Тучи смещаются, сменяют друг друга, словно кто-то их месит. Вот в разрыве облаков промелькнули крохотные домики и петли реки. Это Псоу. Значит, мы идем по тыльной относительно Красной Поляны стороне Аибги, то есть еще где-то внизу мы обогнули этот хребет.

Облачное месиво уплотняется, оседает, оно уже под нами. Слева открылись крутые луговые склоны Аибги — какая она отсюда монотонная! Где ее пирамиды? Это те самые однообразные скаты, которые видны с шоссе из автобуса и с вершины Монашки, когда смотришь в торец хребту.

Облака прижимаются все ниже, и вдруг над ними возникает дивно вознесенная, царящая над миром раздвоенная вершина. Ее склонов, предгорий, корней не видно. Она одна в небе над серо-белым морем ворочающихся облаков, как ковчег над потопом, как божество! Это Ахаг, видный и с Ачишхо. Как он здесь приблизился, как вырос!

Картины меняются со сказочной быстротой. На самой оборудованной сцене не сумели бы так быстро сдвигать декорации. Облака опускаются, тело Ахага растет, это уже шатер, а вот и целый хребет Кацирха, над которым он гордо вознес голову. А за Ахагом граненая Арабика, несравненно более близкая, чем при взгляде с Ачишхо. Грозные, нагроможденные «Гагринские Альпы»...

Шагаем бодро, возбужденные открывшимся величием. Вечернее солнце обострило тени, окрасило вершины в розоватые тона. Даже Тонночка приоткрыла рот, то ли деморализованная нападением пса, то ли под впечатлением развернувшихся картин.

Слева остался поселок Иторых балаганов. Тропа берет правее к следующей группе хибарок, расположенной на мысовидном отроге. У этих, по низшику Третьих балаганов на нас опять устремляются огромные белые собаки, каждая в лапаше телят. Кричу группе: **пиды!** Хлопнула как выстрелом.

— Стойте! Ни с места!

Мы безоружны — палок и альпенштоков я никогда не беру и туристам не советовал.

Пока четыре пса атаковали меня с фронта, стоять на месте было избавлением. Но вот они начинают окружать нас. Не понимая, что делаю, размахиваю руками и с громким криком «Пошли вон сейчас же!» бросаюсь вперед на псов. Собаки, словно почувствовав хозяйский окрик, поджали хвосты и растерянно ретировались — куда девалось их львиное величие? Минуты через две они возобновили атаку, но были вторично отброшены моим окриком, а тут уже появились и спасители — пастухи из балаганов, укротившие своих стражей.

Пожалуй, такую «психическую атаку» в подобных ситуациях надо применять и впредь. Ловлю себя на том, что мне было очень приятно вырасти в глазах туристов в такого избавителя. Знали бы они, что я просто со страху кинулся на рыкающих зверюг!

Приветливые имеретины радушно приглашают нас на ночь. На их очаге греем себе чай, завариваем кашу, разогреваем мясные консервы. Быстро темнеет, на глубокое черное небо высыпают острые звезды. Становится холодно. Укладываемся на нары, плотно-плотно друг к другу, чтобы было теплее.

НА ВЕРШИНАХ АИБГИ

Утро обжигает холодом и светом. Спокойны дальние хребты. Голубоватым воздухом полна долина Псоу. На ее дне, словно прилегшие переночевать, покоятся два облака — остатки вчерашних туч. Они растают, как только дно долины будет прогрето солнцем.

— Троп к вершине много, — говорят имеретины.

Да, пожалуй, даже слишком много. Весь тыльный луговой склон Аибги буквально исчерчен горизонтальными коровьими тропами. И понятно, почему. Не хочется пасущимся коровам ни набирать лишнюю, ни терять набранную высоту.

Вот и возникают вдоль склона горизонтальные тропки, так что он становится похожим на ступенчатую модель-горку, пособие для изучения топографических горизонталей.

Пересекаем «коровью топографию» поперек, пользуясь тропками, как ступеньками лестницы, а где их нет — скользим по траве и пытаемся хвататься руками за нее — при этом то и дело в ладони впиваются колючки.

Рядом со мной тяжело пытит Тонночка. Она словно преобразилась — ни слов, ни криков: ее совершенно опьянили цветы. Кругом красиво и крупно цветет высокотравье. Синие и лиловые акониты и дельфиниумы, золотистые, как подсолнухи, девясилы. Особенно густы и чисты от колючек травы на кручах, недостижимых для выпаса. Тут красуется и главное чудо высокотравных субальпийских лугов — ядовитая для скота лилия монадельфум — царственное растение в человеческий рост высотой. На каждом несколько цветов-рупоров благородного и нежного кремово-желтого цвета. В них покоятся

ни сильных ножных бирхитиетые черно-лиловые тычинки. В глубоких раструпках сверкают бриллианты росы. От лилий исходит дурманящий, сильный, как у магнолии, запах. Такая красавица могла бы быть гордостью любого парка.

Рядом с лилиями встречаются исполинские зонтичные борщевники — эти достигают и полутора человеческих ростов. Что, если притащить с собою такого гиганта целым в туркабинет и весь его ствол засушить, поставить в углу? Будет живая иллюстрация мощи субальпики!

Выше травы мельче, но ковер их гуще, в нем сияют уже знакомые мне по Ачишхо астранции и рябчики, белоснежные или с чуть розовым отсветом венерицы — анемоны; задорно пестреют первоцветы — примулы; золотыми, как у наших купальниц, но мохнатореснитчатыми чашечками сияет сон-трава. А вот и синие бокальчики более крупных, чем на Ачишхо, генциан.

И совсем уже недалеко от вершины — вычурный лиловый цветок с изогнутыми вывернутыми лепестками. Это водосбор, аквилегия — таким тоже могли бы гордиться садовые клумбы. За пазухой каждого лепестка искрятся капли росы.

Все устали. Временами советую:

— Меньше пыхтеть, раскачиваться, хвататься за склон руками — все это утомляет. Мягче, пружиннее шаг — пусть устают только мышцы ног, это легче для сердца.

Скоро, скоро вершина.

Хочется, чтобы подход к вершине выглядел торжественно, чтобы у ее подножия все изменилось и сама она высилась бы над неким цоколем, словно памятник на пьедестале. Но на Аибге ничего подобного нет. Вверх уходил все тот же крутой, градусов до сорока, однообразный луговой склон — никаких тебе пьедесталов. Он заканчивался совсем невдалеке, и над ним было только небо, но в это не верилось: уже не раз на подъеме случалось так, что видишь край вершины, думаешь, конец подъема, гребень, а взойдешь — всего лишь плечевой перегиб склона от крутого к пологому, и верхний «край» опять дразнит тебя вон там наверху, впереди...

Всему, однако, бывает конец. Все тот же косой склон прерывается страшными пропастями — словно от целого хребта кто-то ножом откромсал добрую его половину. При всей долгожданности выход на гребень — полная неожиданность. Да, выше нас теперь только синее небо. Но ниже, но дальше...

Метров на двести под отвесом расположилась огромная циркообразная чаша — кресловина с вертикальными стенами и привольным луговым дном, на середине которого лежат обширные, еще недотаявшие снежники. Дно цирка — балкон над следующим ярусом круч. Создается ощущение полета всего этого горного мира над лежащими внизу долинами.

К северу от Аибги в новом повороте развернулся Главный Кавказский хребет — такие обманчиво близкие здесь пирамидальные и трапещиевидные вершины Псеашхо. У них непривычный вид. Все приобрело новую глубину, и за Трапещией и за Сахарной головкой пристроились, образуя ощеренные вверх пики, новые, раньше нам не видные пики. Отошел на задний план так поражающий с Ачишхо великан Чугуш, но зато яснее стала видна пильчатая цепь неведомых крутостенных пиков правее, между Чугушом и Псеашхо — она кажется фантастическим, неприступным царством.

Какая награда за испытанное напряжение! Словно у гор торжество, словно в нашу честь выстроилось на параде все это воинство снеговых и скальных пиков.

Ачишхо ближе к более высоким заснеженным частям Главного хребта, чем Ачишхо, и поэтому с нее особенно удобно, словно с белых шап, любоваться этими громадами.

А вот и Ачишхо. Теперь он похож на пологий караван. Зубцы его краснополянского отрога, такие отчетливые и внушительные, если смотреть на них из поселка, отсюда кажутся незначительными деталями на фоне больших расплывчатых хребтин.

Пересчитываю вершины Ачишхо. Узнаю наши кругозоры, Эстонские поляны и хребтик с троюю Хмелевского. Вон серое пятнышко под гребнем — осыпь. А это что за точка? Да это же домик. Метеостанция! Она видна нам через добрую дюжину километров.

Нельзя считать, что знаешь хребет, пока не осмотришь его со стороны. Только теперь Ачишхо стал нам виден весь, со всеми отрогами и пазами, знакомый и добрый. Немало уточнений придется внести в казавшиеся такими точными кроки!

Непонятно было одно: почему мы не видим Красной Поляны? Значит, мы на какой-то вершине, невидной из поселка.

Рядом высится еще пик, кажется, даже большей высоты, чем тот, на который мы взобрались. Чтобы перебраться на него, спускаемся по пологому гребешку к седловине и лезем круто вверх по каменистому гребню. Думали, вот и вершина... ан нет, второстепенный ложный зубец, то, что альпинисты выразительно называют жандармом (он караулит главную вершину).

Но вот и вершина. Под нами второй, столь же огромный и заснеженный цирк. Пожалуй, что-то подобное я видел в верховьях Ачипсе, только здесь все суворее и грандиознее.

Два смежных цирка, оба над северным склоном Аибги. Их разделяет отрог, увенчанный обособленной крутосклонной вершиной с полого округлым верхом. Гора как толстая светло-зеленая шишка. Между шишкой и нашим пиком привольная седловина — даже удивительно, почему тут так выглажен, словно вылизан, рельеф. Через седловину из одного цирка в другой бежит тропка.

Итак, мы на втором, высшем пике. Но и отсюда не видим Красной Поляны. Значит, и эта вершина не из тех, что видны прямо из поселка.

На продолжении главного гребня видим еще один, более низкий пик. Для полноты коллекции перебираемся и на него, минуя соседнюю седловину. К нему подводит совсем пологий гребень — почти избегаем по нему и... и вот награда: долгожданная Красная Поляна видна в глубине Мзымтинской долины, еще под одним огромным цирком. Она лежит в обрамлении зеленых гор и диких отвесов, сияет ясная, близкая, можно пересчитать все домики, опознать все улицы. Вон турбаза и белый столбик — Собиновка...

Предстоит возвращение. Спускаю прямо в Поляну, какой она ни выглядит близкой, мы не знаем. Поэтому идем южным, обращенным совсем не к Мзымте, склоном на торную вьючную тропу.

Спускаемся, скользя по траве. Такой способ уже знаком мне по круговому маршруту на Ачишхо с профессором Пузановым. Тонночку, взяв у нее на время букеты, спускают под руки двое мужчин.

Напившись молока в Полуторных балаганах, возвращаемся уже знакомой нам грязной лесной тропой.

Вот я и побывал на Аибге. Первым своим подъемом на эту давно манившую гору я, пожалуй, в равной мере и очарован и разочарован. Восхищен цве-

тами и далями, театральным раскрытием облачных занавесов над Псоу, страшными цирками северных склонов. Разочарован однообразием и утомительностью подъема, нечеткостью ориентиров.

Шагая вниз по улицам поселка, оглядываюсь на Аибгу. Со стыдом признаю себе, что и теперь не представляю, в какой части хребта мы побывали. Хорошо еще, что никто не спросил...

Приносим в Поляну роскошные букеты лилий, анемон, генциан. Пышный сноп цветов несет ликующая Тонночка. Я приволок исполинский борщевник — нес на плече, как зонтик, целое травяное дерево. Раза три на спуске встретились поднимающиеся к балаганам греки. Они кричали мне:

— Худая трава! Брось, будет плохо!

Действительно, пахла она противно, одуряюще. Но донес до Поляны, и ничего не случилось. Ни головной боли, ни тошноты. Только к вечеру на руках и плечах выступили большие коричнево-красные пятна — отравление кожи? Пятна держались около месяца, хотя руки и не болели. Предостерегавшие все-таки были правы.

При ближайшем же подъеме на Ачишхо с пристрастием рассмотрим Аибгу. Только теперь понимаю, как построен ее гребень. Почти все величавые пирамиды, видимые снизу, оказываются совсем не вершинами, а лишь плечевыми уступами на мощных отрогах.

Два пика, на которых мы побывали сначала, действительно не видны из Поляны. Всего главных вершин у Аибги три. Из Красной Поляны видна только ближняя из них, а на нашем пути она была третьей, именно с нее-то мы и увидели Поляну. Вернее впредь числить ее Первым пиком Аибги.

От каждого пика Аибга посылает к Мзымте по отрогу, а Первый пик — даже два крыжа, Эстонский и Краснополянский. Между отрогами, в верховьях каждого из ручьев, стремящихся к Мзымте, вознесены лугово-скальные цирки. Под Первым пиком — между только что названными ветвями — распахнул свои просторы Первый цирк Аибги. Между Первым и Вторым пиками, а значит, между Эстонским и следующим отрогами, — Второй цирк. Еще восточнее Третий — его мы видели с Третьего пика, а дальше — Четвертый, Пятый — вплоть до Агепсты...

Такая нумерация совершенно необходима, чтобы консультировать туристов и знать, где их искать, если они вдруг заблудятся.

Постигаю еще один секрет. Из Красной Поляны и от Сланцев хорошо видна мрачная вершина — Черная Пирамида. Оказалось, она поднимается лишь на отроге Второго пика Аибги.

Так это ее я видел сверху — похожую на толстую светло-зеленую шишку! Надо же так удивительно меняться очертаниям...

А видимо, это закономерно: у всей Аибги южные склоны луговые, покатые, а северные скалистые. Вот и у этой отдельной вершины на север оскалились утесы, а на юг улыбаются луговые скаты.

В ОДИНОЧКУ

Еще два года назад в день исчезновения краснолицего я слышал, что на Аибгу, кроме круговой греческой тропы, ведут две другие: одна через водопад, вторая — лобовая, кратчайшая, построенная известным в старой Красной Поляне турком Османом (он спускал по этой тропе дранку и тес для строительства дач неосуществленного Романовска).

Османова тропа нашлась не сразу, а когда нашли ее — разочаровала: как ни краток был по ней путь прямо от Первых балаганов через Краснополянский отрог Аибги со спуском к Мзымте против самой Поляны, но повторять его не хотелось — не было кругозоров. Единственное, что порадовало перед спуском — еще один, при этом чуть ли не лучший, вид на Красную Поляну. Он открывался с главного плеча этого отрога, с того самого плеча, которое снизу, из поселка, выглядит как самостоятельная вершина, как ближайшая пирамида Аибги.

Тем более хотелось отыскать путь через водопад. Моста у Красной Поляны через Мзымту в те дни еще не было. Искали тропу к водопаду от Второй Эстонки. То заходили в тупик к заброшенным драночным разработкам, то тропа исчезала в переплетенном колючими лианами древоломе (лес рухнул под ударами лавины, которая низверглась сюда с обрывов Краснополянского отрога Аибги. Огромный — кубометров на двадцать — каменище лежал поверх поверженных стволов пихт — значит, он грохнулся совсем недавно)...

Сурово хмурились пихты. Празднично блестящие листья вечнозеленых лиственниц и падубов. Перед нами встали совсем лиловые склоны. Это были крупными фиолетовыми цветками неприхотливые чащи понтийского рододендрона — в отличие от его стелющегося казачьего сородича, обитателя горных луговин — здесь это кустарник в человеческий рост высотой.

Мучительно долго карабкались мы по скользкому руслу ручья, куда наконец спустились из дебрей...

Упорство вознаграждено. Впереди усилился шум. Вскоре он перешел в несмолкающий грохот. И вот перед нами буро-каменная стена, с которой рунится, рыча и брызгая, долгожданный Аибгинский водопад. Узкий, белый, как привидение. Можно было ненасытно смотреть на повторяющиеся — и все-таки всякий раз неповторимые — сочетания струй, на радужные веера брызг, слушать неровно пульсирующий рокот. Цель достигнута — и словно не было усталости.

На обратном пути нащупали тропу, которая сначала забиралась по левому берегу выше водопада и лишь потом шла под уклон вниз по мохистым камням, среди вечнозеленого падуба, в обход древолома и озеровидной лесной лужи. Ура! Путь на Аибгу через водопад найден. Это вам не нудная Османова тропа. Его надо разведать вплоть до вершины. Проводники подтверждают, что к водопаду можно спуститься от Первого пика.

Почему я спросил только про спуск? Не поинтересовался, где же начинается подъем от водопада? Ведь никаких признаков тропы, ведущей от него вверх, не было!

Еще раз иду на Аибгу коровьей тропой, ночью в Полуторных балаганах. Группа оказалась ворчливая, и участвовать в поисках новой тропы не пожелал никто. В исследовательском азарте принимаю непозволительное решение, противоречащее мною же созданным кодексам: решаю спуститься по неведомой тропе в одиночку. Договариваюсь с пастухами, идущими в Поляну, что они проводят группу назад, в поселок, и уже на Первом пике расстаюсь с подопечными.

Один в горах... Острое чувство огромного и к тому же запретного удовольствия. Красная Поляна видна внизу — улочка к улочке, такая доступная и манящая, что, кажется, сбегу — и за полчаса будешь там. Но иду гребнем, удерживаясь от прямого спуска по осыпи, прикрытой луговыми травами: вспоминаю, что проводники советовали мне идти сначала «па хребта». Лишь с седловины между Первым пиком и Краснополянским отрогом вправо ныряет тропка, ведущая в Первый цирк. Вот она пробралась по еле видимым карнизикам крутого склона и зигзагами вывела на травянистое дно огромного амфитеатра.

Цирк... Какой это уединенный, обособленный мир. Легкой пирамидой встал надо мною Первый пик. На его вершине я только что прощался со спутниками. Слева вздымаются отвесные стены Краснополянского отрога, справа скалистый Эстонский отрог. А между ними — подобное арене — днище цирка, балконом повисшее над неведомыми кручами и изрезанное оврагами на мысовидные фестоны. В овраги устремляются ручьи из недотаявших снежников.

Тропка резво бежит вниз по пышным лугам среди водосборов и лилий. На более низкой пологой площадке замечаю среди трав инородное пятно: так выглядят места около прежних пастушеских кошей, лишенные естественной растительности и заросшие сорняками. Вот и развалины балагана.

Утесы обоих отрогов сходятся книзу, замыкая ущелье. На их крутых гребнях черные зубчатые силуэты пихт, а между гребнями в дымке влажного солнечного воздуха висит далекий, но огромный призрачно ледистый Чугуш. Здесь и зимой и весной неистовствуют лавины, поэтому лог или безлесен, или занят криволесьем. Спускаюсь к самому руслу. Признаки тропы как-то сразу пропали среди ровных гравийных участков. Прохожу полсотни, сотни метров — удобства кончаются. Где же тропа? Проявляю непростительное легкомыслие. Пять минут назад я стоял на тропе. Значит, нужно было вернуться, любой ценой нащупать продолжение дороги, хотя бы она повела на подъем. Я же двинулся руслом, то есть совершил ошибку, типичную для самых неопытных туристов.

Утесы слева и справа сближаются, они неминуемо пересекут полосами стойких пород дно долины, и поток заиграет на них водопадами. Что за гипноз этот спуск? Вместо того чтобы вернуться на сто-двести метров, лезу вперед, скользя по все более крутому руслу, и, только когда оно уходит из-под ног, обрываясь водопадными ступенями, задумываюсь. Неужели тропа была тупиковая и пробита коровами только до границы леса? Тогда придется подниматься обратно на гребень! Или она идет рядом, но выше, по кручам левого берега? Беру левее, попадаю в непролазное криволесье, подтягиваюсь и спускаюсь на руках — тропы нет как нет. Решаю спускаться параллельно ручью, не снижаясь к его предательски скользкому ступенчатому руслу.

Ломлюсь через гнутые буки и рододендрон, разгибаю упрямящиеся кривые стволы. Такой спуск тяжелее подъема. Лишь там, где кусты пригнуты вниз по скату, двигаться чуть легче. Я скольжу по стволам и ветвям, съезжаю по ним то сидя, то верхом. Трещат брюки, на рубашке появляются дыры. Думал ли я, что повторю злоключения краснолицего?

Как странно, что та же природа, те же кусты и пихтарник, запахи, краски, когда ты один, приобретают новые оттенки, и восприятие всего этого обостряется. Отчего это? То ли потому, что не с кем делиться своими впечатлениями? Или потому что, как ни храбрись, а не уйдешь от сосущего чувства тревоги: ведь стоит подвернуть или вывихнуть ногу — и ты становишься беспомощным — поползи-ка отсюда на четвереньках!

Заросли такие густые, что, наверно, никакой зверь здесь не пройдет. Однако на первой же прогалине вижу кучу медвежьего помета, совсем еще теплого. Миша посторонился, услышав треск моих шагов? В такой ситуации я предпочел бы отложить столь долгожданное свидание.

Сколько раз я с успехом применял в своих лекциях ловкую формулу Клеопатры Васильевны об исходе встреч со зверем:

«Турист убегает в одну сторону, медведь в другую».

Повторение этой остроты вызывало оживление самой безучастной аудитории. Но мне приходила на память и другая формула, принадлежащая знаменитому полярнику Амундсену, касавшаяся, правда, белых медведей:

«Я хорошо знаю, что полярный медведь человека не трогает, но я никогда не бываю уверен, знает ли это медведь».

Воевать с криволесьем в одиночку еще изнурительнее, чем когда идешь в компании. Сучья пружинят, бьют. При спутниках выругаешься, так хоть сосед посочувствует. А тут некому и пожаловаться на неудачу. Споткнулся, ушиб коленку — и возникает такое беспомощное чувство обиды...

Лезу по гнутым ветвям, спускаюсь на руках, держась за сучья и отыскивая ногами опоры внизу, — еще метр, еще два метра... Вот снова повис, шарю ногами — пусто, нет ничего. Взглянул вниз и похолодел, только судорожное вцепился в ветви. Отнес! С силой подтягиваюсь обратно. Низу обрыв метров в двадцать. Сквозь кусты видно, что как раз по этому скальному перепаду низвергается пенными каскадами ручей. Я уже порядочно изнурен и даже деморализован. Выйду ли? Вдруг заночую, будут искать...

Добираюсь вдоль края отвеса до прорезающей его расщелины, так называемого кулуара, направленного вниз по склону. Изысканное театральное слово мало подходит для этой дикой трущобы, но так принято у альпинистов. Спускаюсь по кулуару, цепляясь подчас за травинки: бывает психологически нелегко ухватиться и за соломинку, чтобы сохранить равновесие.

Впереди просвет, совсем рядом ревет ручей. Сбегаю по крутой лошине и ошалело оглядываюсь: справа сверху рушится во всем великолепии мой старый знакомый, милый Аибгинский водопад! Ведь это все равно что дома, пусть впереди еще обход древолома и добрых шестьсот метров спуска, но это уже тропа — знакомая, своя, родная!

Как он хорош, а сегодня особенно хорош, мой добрый друг, водопад!

И все же стою, озадаченный. Я промерил собственными ногами весь левый берег долины и не нашел тропы. Куда она могла скрыться? Вдруг осеняет догадка. Не перешла ли эта тропа на правый берег ручья, после того как несколько десятков метров она бежала прямо по его каменистому руслу? Было очень просто не заметить, как она юркнула в траву, вот я и продолжал шагать руслом, пока не вышел к отвесам. Но где же эта тропа выводит к водопаду?

Обшариваю правый берег от самого водопадного уступа. Спускаюсь вдоль ручья метров на пятьдесят — и вот долгожданная примета! На огромном стволе большая зарубка — именно отсюда, гораздо ниже водопада, вверх по правому (по течению) склону ведет старинная торная тропа, меченная зарубками и росписями эстонцев на стволах. Как я рисковал, а она шла рядом, по соседнему склону... Неладный же я следопыт!

Пусть сегодня я не пройду по этой тропе (я слишком измучен), но теперь я знаю, что подъем на Аибгу через водопад во много раз красочнее и разнообразнее подъема по скотоводческой тропе через Греческий мостик. Только так, только в этом направлении и надо водить экскурсии в кольцевой маршрут по Аибге!

ЛЮЛЬКА

Час крупным шагом по тропе, и я у Мзымты. Эх, если бы прямо вброд и на турбазу! Но июльская река мощна, а я уже достаточно измотан, без спутников рисковать с переправой не дело.

Вспоминаю, что ниже по Мзымте против поселка натянут металлический трос, по которому с берега на берег ездит корзиночка для перевозки пассажиров — ее называют люлькой. Мне еще не приходилось пользоваться этой переправой.

Вот и трос. Высокие столбы-стояки, на которые намотан железный канат дюймового сечения. Радость сменяется разочарованием: люлька оказывается на противоположном берегу, а там ни души. Неужели идти в обход? И вдруг озорная мысль. У меня совсем новый рюкзак, из грубого, пожалуй, даже слишком тяжелого и прочного брезента, с широкими лямками из толстых ремней. Не заменит ли он мне люльку?

Провую ремни, разглядываю толстые нитки, которыми кожа пришита к брезенту, и решаюсь. Расстегиваю пряжки, перекидываю оба ремня через трос и вновь застегиваю. «Люлька» готова. Подтягиваюсь к тросу на руки и просовываю ноги между ляжками. Вот я и «в седле». Ремни так прилегают к металлу под грузом тела, что двигаться оказывается вовсе не просто: приходится подтягиваться на одной руке, а другой поочередно передвигать ослабевающие ляжки.

За один прием отвоевываешь всего каких-нибудь десять сантиметров. А ширина Мзымты не меньше полусотни метров. Выдержу ли? Ведь я уже изнурен трудным спуском.

Вишу верхом на брезентовом мешке и дециметр за дециметром продвигаюсь вперед. Ладони горят — так больно впиваются в них плетения троса.

Прибрежные нестрашные участки русла кончились. В полутора метрах подо мною беснуется порожистая Мзымта, горбы камней заставляют воду пенисто кипеть. Теперь нельзя допускать и мысли о падении в эту стремнину.

Хорошо в настоящей люльке: она на своем ролике пролетает почти до половины реки, как бы под уклон по провисающему тросу, и лишь вторую половину пути приходится «выбирать» ее на подъем. А на рюкзаке до середины с разгона не докатишься. Трос провис с первых же метров, и нужно все время преодолевать подъем.

Сколько я уже прополз? Пятнадцать? Восемнадцать метров? Уже кончаются силы, а я даже не на середине реки.

Отдыхаю, покачиваюсь. С независимым видом разглядываю воду: дугообразные водоскаты, веера, головокружительная, манящая струя стрежня...

Надо двигаться дальше. Подтягиваюсь на левой руке, правой передвигаю ослабевающие ляжки. Смещаю одну... Сейчас вторая. Но где же она? Как? Где вторая ляжка, второй ремень? Значит, я вишу на одном, последнем ремне!

Холодею от ужаса, впиваюсь обеими руками в трос. Что же произошло? Дрожа от напряжения, повисаю на одной руке, а другой вылавливаю висящую, как плеть, ляжку.

Ощупываю ее конец и понимаю все, что случилось. Когда я оценивал прочность рюкзака, я не осмотрел места скрепления пряжек с ремнями. А они-то и подвели. Не швы, не ремни, а сами металлические скобы, которыми кожа сочленена с металлом. Скобы, рассчитанные на двухпудовый вес рюкзака, оказались слишком слабыми, чтобы выдержать груз четырехпудового тела. И именно скобы начали разгибаться. Одна разогнулась скорее, с нее-то и соскочила ременная петля. А вторая? Лихорадочно ощупываю вторую и с ужасом обнаруживаю, что она тоже подалась. Значит, и на оставшуюся ляжку никакой надежды. Подо мною бешеная вода, теперь она кажется еще более пенистой, злой и зеленой. Впереди больше половины жгучего режущего троса — я не вынесу этой казни, этой пронзительной боли в ладонях, этого перенапряжения мышц! Скорее назад, к более близкому берегу — на одних руках, не доверяя оставшейся ляжке, лишь изредка чуть приседая на рюкзак, чтобы дать секундную передышку немеющим мышцам.

Мучительно долгое приближение к суше. Как жжет ладони! Вот уже метра три до берега... Что-то со струнным треском рвется — разогнулась скоба второй ляжки, — и я, пожалуй даже с облегчением, падаю на бок в прибрежную, уже не страшную, говорливо журчащую воду. Добегаю до берега по воде (здесь по колено) и, обессиленный, валяюсь. Меня бьет дрожь от перенесенного вол-

нения. Но что это с руками? Обе согнуты в локтях и точно скошаны столбняком. Судорога. От боли хочется кричать. Пытюсь разогнуть локти — они не поднимаются. Лишь постепенно, преодолевая боль, отвоенынак у судорог сантиметр за сантиметром. Наконец руки снова становятся моими. Могу выжать брюки и злополучный, чуть не погубивший меня рюкзак. Как же я не подумал об этих каверзных скобах?

С ненавистью гляжу на трос и неприступную люльку. Сейчас мне не мила и любимая Мзымта и даже веселая тропка, по которой приходится идти три километра до Греческого мостика, а потом еще три с лишним обратно по противоположному берегу.

На базе меня ждут уже начавшие волноваться туристы. Они никак не ожидали, что я явлюсь настолько позже их. Удивлены, что я такой мокрый и измученный.

Сплю эту ночь тяжело, все тело болит, на руках выступили кровяные мозоли. Трижды мерещится кошмар: то вишу в кустах над отвесом, то на тросе над порогами Мзымты.

К ПСЕАШХО

Теперь дело было за Псеашхо. Этот хребет замыкал собою третью сторону краснополянского амфитеатра. Обычный туристский маршрут туда вел не к вершинам, а к так называемому Холодному лагерю — пустому сарайчику, где туристы укрывались от ледяных ветров и ненастья. После ночлега в этом лагере, в тридцати километрах от Поляны, — путь на ледник.

Группа сложилась пестрая. Солидный профессор, литературовед Тимофей Иванович, мечтательный бухгалтер Петр Петрович и пара голубков-молодоженов, для которых было все равно куда идти, они не глядели ни на пихты, ни на ледники — им хватало друг друга. Вьюки сопровождал рабочий Михаил Челлаков — краснополянский грек.

Путь вел через Сланцы. От рудничного поселка взяли круто в гору. Навьюченная лошадь безукоризненно выбирала самые длинные и пологие зигзаги — так ей легче сохранять равновесие.

Разнообразие в долгий подъем внесли лишь два родничка — путь к одному из них в сторону от тропы заботливо показывала дощечка с надписью. Буковый лес, казавшийся торжественным парком, сменился могучим пихтарником, который одевал склоны хребта Псекохо вплоть до самого гребня.

Впрочем, слово «гребень» мало подходило пологому водоразделу хребта, на который мы наконец выбрались. На высотах в полтора километра нас встретили мягко округлые покатоности, тропа пошла совсем горизонтально, позволила отдышаться.

Миновали субальпийскую поляну — зеленый круг из высоких трав, окаймленный строгим пихтовым лесом. На кроки нанес надпись «Пихтовая поляна».

Как ни полог был водораздел, а все же чувствовалось, что и слева и справа скаты, и за лесом скрыт огромный простор — как всегда, это приподнимало настроение. Но тут же встречалось и такое, что утомляло и раздражало.

Отдельные повышения плоского гребня тропа, чтобы избежать лишних подъемов, огибала по косогору, подрезая обрывчиками склон. Из этих обрывчиков сочились неистощимые слезы — грунтовая вода расквашивала почву

Главный Кавказский хребет со стороны Красной Поляны

в жидкую грязь. Какою же сыростью напоен этот лес, если даже у самого водораздела почва насыщена влагой, как губка!

Недаром на топкость этой тропы жаловался еще Торнау. Видно, и в его времена тут приходилось так же хвататься за стволы и ветки, чтобы не угодить в хлюпающее месиво. Но нам-то хорошо — в крайнем случае, мы просто лезем на стенку, в обход слякотных участков. А каково лошади? Ведь вся тропа — чередование скользких порошков и поперечных выбоин — следов конских копыт. В каждой выбоине лужа или чавкающая грязь по колено. Лошадь с мучительным напряжением вытаскивает из нее ноги.

Пологий путь кончился, а даже крутой подъем криволесьем порадовал: стало по крайней мере сухо. Поднялись метров на триста, и лес стал редеть. Все более обширные секторы далекого горизонта стали открываться, не заслоняемые деревьями. Наконец, последние кусты под нами — и мы на дивном, кажется, всеобъемлющем кругозоре.

Глубоко, в почти двадцатикилометровой дали голубеет дно долины Мзымты с белыми точками домиков Поляны. А что творится правее Чугуша? Первозданный хаос, черные, грубо иззубренные хребты, страшные кручи. Думается, в этом грозном лабиринте и не разберешься. На переднем плане привольные и спокойные луговые склоны горы Перевальной — они хорошо видны и из Красной Поляны. Но можно ли было предположить, что совсем рядом с ними скрываются такие умопомрачительные трупщобы?

Нелепой, некрасивой выглядела отсюда Аибга — скоплением тупых шишек. А как вытянулся Аибгинский хребет к востоку! Как манила к себе ставшая ближе верхняя часть долины Мзымты с великолепной, над всем царящей пирамидой Агепсты! Мой будущий путь к Кардывачу...

Тропа забирает левее по скальной выемке в крутом склоне лугового хребта. Наверное, зимой здесь не пройдешь. Недаром Торнау писал:

«Эта тесная и опасная дорога служит для медовеевцев лучшею защитой с северной стороны...»

Все выше, выше. Судя по высотеомеру, уже две... две тысячи сто... Вот и перебрали. Две тысячи его пятьдесят метров! Как же так? Ведь отметка перевала Псеашхо на карте всего 2010 метров. Конечно, нужно внести в отсчеты высотомера поправку на разность давлений — за время нашего пути произошли обильные изменения погоды. Но неужели разница так значительна?

Перевал разочаровывает. За ним не открывается никакой ошеломляющей панорамы. Спускаемся на широкое луговое плато. Торнау называл его равниной, огороженной со всех сторон остроконечными скалами. Действительно, гребни гор, окружающих плато, круты и скалисты.

Вокруг пестреют луга. Сколько здесь бархатно-лиловых и ярко-желтых анютиных глазок! Крупные, как на клумбах. А ими здесь усыпаны целые гектары.

По плато струится ручей. Читаем жестяную дощечку на столбике, поставленном заповедником: «р. Бзерпи». Какое ласковое название. Но что же это? Рядом речка Бзерпи относится к бассейну Мзымты, к южной покатости Главного хребта. Значит, преодоленный нами перевал был не на Главном хребте, а на передовом его выступе. И, следовательно, это не перевал Псеашхо!

Идем по широкой долине. Тропу пересекают десятки ручейков, к каждому хочется наклониться и прильнуть. Вот текущие в Бзерпи. А чуть дальше, за совсем неприметным водоразделом, текут уже не навстречу нам, а по пути к нам. Значит, именно тут, на совсем плоском месте, мы миновали перевал Псеашхо? Недаром еще зоркий Торнау писал:

«Эта равнина, *неприметно склоняясь* с одной стороны на северо-восток, другой на юго-запад, образовывала перелом местности» (курсив Ю.Е.).

Вправо открывается узкая крутосклонная долина, уводящая глубоко вниз. В нее устремляются и все ручейки. В ее вырезе на минуту одна за другой появляются из-за отрогов гордые пирамиды Псеашхо — наконец-то можно понять, где мы находимся по отношению к ним. Долина тесная, неприветливая. Далеко в глубине она сворачивает вправо. Спрашиваю проводника, что это за речка? Отвечает — Пслух.

Пслух? Но ведь Пслух тоже приток Мзымты! Что же это за наваждение такое? Выходит, мы не прошли перевала? Да, теперь мы идем навстречу левым истокам Пслуха.

Мы уже устали, да еще угнетало сознание, что перевал Псеашхо все еще где-то впереди. Понуро шагая, мы даже не заметили, как все в той же ровной долине появились ручьи, направляющиеся на север, опять по пути с нами. А это означало, что мы все-таки миновали заветную точку.

Да, перевал оказался действительно незаурядным. Здесь не было гребня, который преграждал бы наш путь, а шла единая поперек всего водораздела пологая и широкая долина (конечно, «долина» здесь все же точнее, чем «равнина»). И перевальная точка лежала тут совсем не на гребне, а на еле видной выпуклости дна этой плоской долины. Ручьи по ней растекались в противоположные стороны. Перевал не седловинного, а долинного типа! Понятно, что с него не открылось никаких далей.

Левее тропы у подножия крутого склона стыло мрачное темно-зеленое озеро. Торнау насчитал здесь даже несколько «бездонных» озер. Горное озеро! Казалось бы, рвануться к нему, заглянуть бы в его строгую глубь. Нет,

¹ Теперь этот Бзерпинский карниз с перевальчиками называют Медвежьими воротами.

усталость брала свое, проводник торопил — уже близился вечер, — и мы уныло шагали, подчиняясь пологой тропе, по монотонному коридору долины Уруштена среди корявых стволов клена и совсем северных полярных березок.

Впоследствии мне пришлось провести в этой долине десятки чудесных дней, среди которых были всякие — и солнечные и грозные. Очарованный ее зеленью и цветами, ее целительным воздухом, я не раз с улыбкой вспоминал, какой неуютной, непривлекательной показалась она мне при первом знакомстве.

Тропа берет правее. В Уруштен впадает крупный приток, мы поворачиваем в его широкую долину и невольно вздрагиваем. Уже не легкой пирамидой, а вздыбившейся громадой черных скал встает перед нами в верховьях этой долины страшный Псеашхо — с него пахнуло ледящим ветром. Сверху отвесы обрезаны почти ровной линией горизонтального гребня — гора и отсюда напоминала трапецию, только более широкую, чем со стороны Красной Поляны. Под верхними отвесами разметались белые полосы снега. В некоторых, наиболее крутых местах в снегу виднелись трещины, голубеющие в изломе. Это ледник, первый в краснополянском районе ледник, который я вижу вблизи¹. Из его нижнего конца и вытекает серой струйкой правый приток Уруштена. Питаемый ледником, этот приток гораздо многоводнее, чем сам Уруштен, сочащийся из пустопорожней перевальной долины.

Переходим приток по кладке. На земле лежит — очевидно, сваленный лавинами — столбик с надписью «р. Холодная». Лошадь неохотно преодолевает вброд ее ледяные и бурные воды. Несколько десятков метров подъема — и мы у пустыющей избушки, выстроенной на плече отрога, который спускается к устью реки. Это и есть лагерь Холодный.

НОЧЬ В ХОЛОДНОМ ЛАГЕРЕ

Радует остановке. Развьючиваем лошадь и надеваем на себя привезенные во вьюке теплые вещи. В лагере пусто и неуютно. Правда, на лавочке лежат спички, соль, пакетик с сухарями и пучок сухих щепок — растопки — хороший пример туристской взаимопомощи на случай, если люди придут в дождь и останутся без продуктов. Но даже это не умилило. В лагере не было хотя бы примитивных нар, очаг, занимающий углубление в центре пола, топился по-черному, стены исписаны бездарными надписями. Ощущаю приступ ворчливой пассивности и желание быть на кого-то в претензии.

Размагнитилась вся компания. Нахохлились новобранцы — сели и ждут, что будет дальше. Уткнул голову в колени совсем замученный пожилой профессор. Бухгалтер увлекся чтением настенных изречений — этого занятия хватило бы на два часа. Не сознавая, что поступаю совсем неладно, я тоже уселся на скамейку, где лежали спички, и застыл в блаженном оцепенении. Тридцать километров горного пути в день — не пустяк.

Ночлеги на Аибге? Но там приходишь в обитаемые балаганы, к горящему очагу, ночуешь на нарах, на мягких кошмах, ни о чем не заботишься... А тут? Тут ничего нет!

Челаков развьючил лошадь и с недоумением сказал:

¹ Лишь позже нам удалось выяснить, что белое пятно на левой трапедии Псеашхо, видимое прямо из Красной Поляны, это тоже ледник — Пслухский.

-- Что же ны сели? Я же не успею один идроп нятаскать и воды принести. А постели делать не будете?

Глядим на проводника с не меньшим недоумением. Запши дрова? Зачем шиш? Какие еще постели?

Великая лень души и тела охватила нас.

Но нет, мы не лентяи, мы герои, готовые съесть свой сухой паек всухомяту, не разжигая очага и ничего не варя; готовые спать прямо на голых холодных досках лагерного пола. Мы же туристы, нам все нипочем, мы все вытерпим, перенесем, вот мы какие!..

Обескураженный Челаков уходит. Я вспоминаю все же о своих обязанностях, лезу в мешок с едой и начинаю делить сухой паек. Но продуктов, пригодных для закуски без варки, совсем немного: банка консервов, хлеб да грудинка. Остальное — крупы, кусок свежего мяса, немного овощей — требовало кулинарии. Разрезал хлеб и грудинку, роздал сахар... Угрюмо поели, оставив порцию и проводнику. Он явился с охапкой хвороста для костра и снова исчез, ни этот раз с чайником в руках, недружелюбно взглянув на всю компанию.

Мы уже доедали, давясь, свои сухие бутерброды с пересоленной грудинкой, когда Челаков притащил воды, раздул маленький костерок и укрепил чайник над огнем на двух рогульках и палке. Дым от очага заставил закашляться и прослезиться, но каким теплом повеяло от огня в этом неудобном холодном сарае! И разве не упоителен сейчас будет глоток горячего чая? Только тут мелькнула смутившая мысль: а обязан ли проводник нас обслуживать подобным образом? Разве он меньше устал, чем мы?

Встал и вышел на улицу. Сумерки быстро сгущались. Потускневший и мрачный, дышащий холодом, высился всем фронтом своих обрывов Псеашхо. А ведь когда мы подходили, на нем только начинали светиться закатные краски. Значит... Значит, просидев в сарае, мы непростительно прозевали весь закат на Псеашхо, может быть, то главное, ради чего сюда вообще стоило идти! Да что же это такое! Можно ли так раскисать и опускаться? Ведь я же обязан задавать тон. Не мудрено, что так распаялась и вся «армия».

Вхожу в сарай. У проводника уже закипает полный чайник. Он щедро заваривает его чуть ли не полупачкой чая и угощает нас всех. Кружки жгутся. Хлеб уже съеден, а только теперь приходит настоящая радость ужина.

Профессор произносит роковую фразу:

— Знаете что? Вряд ли мы завтра пойдем на этот ледник. У меня хватит сил только на то, чтобы вернуться. Предлагаю поэтому не растягивать продукты на три дня, давайте еще хлеба и грудинки.

Коллеги поддерживают. Была не была, роздано по второй порции хлеба и закуски. С горячим чаем это кажется волшебным яством.

Челаков снова исчез. Через пятнадцать минут он явился с охапкой травы и мягких веток и предложил нам постелить свои одеяла на эти «матрасы». Может быть, он и прав, так заботясь о комфорте?

Перед сном выхожу еще раз на воздух. Жгучий холод. Мы словно на дне черной бездны. Вокруг темные, почти невидимые скаты хребтов, небо усыпано пронзительно яркими звездами, а впереди, в верховьях Холодной, встает освещенный скрытой от нас луной Псеашхо с едва белеющим разметавшимся призраком ледника.

Какое огромное, никогда прежде не испытанное чувство торжественной чистоты и величия природы! Неужели ежедневно и еженощно царствует здесь

эти победительная красота, никому невидимая, но вырывающаяся ничьих по-
торгов!

У Залезию на ночь в свой мешок, сшитый из байкового одеяла. Лагерь оправдывает свое название — он действительно холодный. Челаков, по-моему, вообще не спит — он всю ночь поддерживает огонь в очаге и поочередно грет то спину, то бок, то грудь и руки. Беспокойная и мучительно длинная ночь вздохов, кряхтенья... Забываюсь, вероятно, уже на рассвете.

Утром Тимофей Иванович, встав раньше всех, вместе с Челаковым варит нам вкусную кашу, поджаривает мясо и кипятит чай. Горячий завтрак возвращает силы и бодрость. Неужели группа все-таки не захочет идти на ледник?

Профессор непреклонен, новобранцы тоже, бухгалтер колеблется. И когда я решаю отпустить туристов вместе с Челаковым обратно, Петр Петрович соглашается идти со мной на разведку к леднику.

Проводник вьючит лошадь, нам оставляют наши одеяльца и остатки хлеба, грудинки и сахара. Мы идем на ледник!

СКАЛЬНЫЙ ЗАМОК

От кладки через Холодную идем лугами левого берега вверх по ее широкой долине, вступая в новый, неведомый мир. Как хорошо, что нас только двое. Может быть, сегодня нам покажутся наконец и заповедные звери, о которых я уже столько рассказывал туристам, хотя сам еще не встречал ни единого...

Проводник предупреждал: не подниматься к нижнему краю ледника — он часто рождает обвалы. Выполняем это напутствие и от развалин старого коша берем направо по тропке в лесок.

На противоположном скате долины реки Холодной показалось нечто диковинное. Из середины зеленого лугового склона горы вырывался мощный поток. Он клокочущей белой диагональю пересекал склон и тут же, через несколько десятков метров, впадал в Холодную. Я еще не знал тогда, что перед нами исток целой реки. Да, это настоящая река, вырвавшаяся из пещер и туннелей, которые прорыты подземными водами в толщах мрамора. Во Франции такие выходы подземных рек называют воклюзами.

Назовем свой воклюз Мраморным водопадом.

Тропка вильнула и неожиданно вывела нас из мелколесья на большую поляну, заваленную огромными камнями. Каменная поляна. По ней весело скачет ручей — левый приток Холодной. А прямо над поляной со стороны Псеашхо громоздится невидный до этого отрог — грозный, диковинной архитектуры замок с тремя крутостенными башнями. Центральная выше, боковые пониже. Скальный Замок!

Куда же идти? Вправо вверх, по притоку Холодной? Но ведь он течет откуда-то сбоку, совсем не из виденного нами ледника. Перейдя ручей, пробираемся косогором под Заком левее.

Троп больше нет. Приходится подтягиваться на руках, цепляясь за кусты рододендронов. Кустарник преодолен, и перед нами высятся похожие на железнодорожные, сложенные из остроугольного щебня насыпи. Взбираемся на одну из них и обнаруживаем, что нижний конец ледника лежит под нами, а насыпь, на которой мы стоим, сопровождает боковой край льда непрерывным валом. Вспоминаю из школьной географии, что подобные насыпи называются моренами.

Проходим по морене до места, где легко спуститься прямо на лед. Впереди крутая часть ледника с лабиринтом синеватых трещин. Мария Павловна Преображенская называли расстрескавшиеся участки ледопадами. Она же предостерегала: по ледникам без альпинистского снаряжения не ходить!

Поэтому к ледопаду приближаться не рискуем. Лучше подняться вдоль края ледника, как можно выше в обход Скального Замка.

Идем. Лед сменяется питающими его полями слежавшегося зернистого снега — это фирн. Дышится легко и свободно: кажется, сейчас нам доступны любые вершины.

Мы поднялись уже высоко. Всего на полкилометра возвышаются над нами отнесы главных вершин Псеашхо. И вдруг оказывается, что Замок, оставшийся справа, отделен от стены пиков большой седловиной, на которую, словно всадник в седле, посажен ледник. Башня Скального Замка — лишь передняя лука этого седла.

Одну «ногу» ледник спускает по эту сторону Замка, к центральному истоку Холодной. Другую «ногу» — второй язык того же ледника — мы до сих пор не могли видеть, потому что она переброшена по ту сторону Замка. Видимо, из второго языка и течет пенистый ручей Каменной поляны. Как соблазнительно спуститься по этому языку, чтобы выйти на Каменную поляну вкруговую! Но приходится сдерживаться: мало ли на какие кручи можно нарваться при спуске по неизвестному леднику! Лучше в следующий раз разведать подъем сюда от Каменной поляны вверх по ручью. А сейчас — как же не попытаться пролезть прямо по гребешку к шпилям Замка?

Гребень острый, скалистый. То, что издали выглядело небольшими зубчиками, оказывается утесами метров по пять-десять высотой — не через каждый из них перелезешь. А кое-где и не пройти по лезвию; садимся на гребень верхом и передвигаемся вдоль по нему, отталкиваясь руками. Где хребет шире, на нем такие же, как на Ачишхо, нагромождения остаточных глыб — руины бывшего гребня.

Высотомер показывает 2800 метров. Наконец мы на вершине Скального Замка, того грандиозного «сооружения», которое так недавно подавляло нас своим величием. Это было там, внизу, на Каменной поляне. А отсюда и ее огромные каменюки кажутся игрушечными кубиками.

Значит, есть довольно простые пути и на такие пики, которые поначалу могут показаться неприступными! Мы обошли Замок с тыла и оказались на пике без особого труда и риска. Неплохой урок выбора пути к вершинам!

Осторожно спускаемся вдоль края ледника, но, пытаясь сократить путь, легкомысленно заходим на широкую щебневую осыпь. Вдруг и ниже и выше нас камни приходят в движение. Мы попадаем под град разбуженного нами же камнепада. Перебегаем оставшуюся часть коварного щебневого плаща и, лишь встав на твердый грунт, с тревогой наблюдаем, как мимо нас еще минут десять проносятся грохочущие камни.

Вдруг Петр Петрович отрывисто говорит:

— Смотрите! Туры!

Где туры? Мне давно пора замечать их первому, самому. Шарю глазами по снегам, по черным скалам — все кажется необитаемым.

— Петр Петрович, ну где же?!

— Да вон же, на леднике! Пониже той скалы. Вон черненькие прыгают. Вроде как точки.

Черненькие точечки! А я думал увидеть крупных бурых козлов, где-нибудь здесь, рядом. Всмотриваюсь и наконец вижу: вот они, силуэтики, перебегающие по снегу к скалам.

Мои первые дикие звери в заповеднике! Не разрешены ны этой подвижной осыпи, они бы и не объявились. А теперь туры, испугнувшись нами, сами оказались на осыпи, и едва держащийся щебень с грохотом сыплется из-под их копыт.

Как же зорко надо вглядываться в эти склоны!

Сейчас туры видны маленькими желтоватыми личинками на темно-сером фоне скал. Скольких зверей я, наверное, не замечал на таких же расстояниях?

Живые туры — лучшая награда за все трудности вчерашнего маршрута и холодную полубессонную ночь.

Что стоит после этого померзнуть еще одну ночь в лагере, что нам еще тридцать километров обратного пути по грязи, под дождем, без кругозоров! Можно вытерпеть и впятеро больше в расплату за виденное, за вершину Замка, за долгожданную встречу с турами!

АИБГИАДА

Шумное напряженное лето. Турбаза перегружена. Выручают ставшие теперь массовыми походы групп в горы без проводников. Спокойно посылаю людей и на Ачишхо, и на Аибгу, и даже на Псеашхо. Уже десятки групп проходили эти маршруты благополучно. Их подробные рассказы позволяли давать следующим партиям туристов еще более исчерпывающие инструкции. Теперь ежедневно в горах ночует то двадцать, то тридцать человек — значит, освобождаются резервные койки, куда можно приткнуть хоть на одну ночь туристов, «приваливающих» сверх плана.

Но однажды наступает такой день «пик», когда вся база — дачи, балконы и палатки — оказывается занятой, а Энгелю утром звонят из Сочи и сообщают о скором прибытии еще четырех автобусов со сверхплановыми туристами.

Владимир Александрович в смущении. Когда сверх нормы прибывали один-два туриста, он уступал свою комнату, сам спал в кресле в конторе. Но куда девать восемьдесят человек? Зовет меня, спрашивает:

— Скажи, сколько у нас сегодня ночует в горах?

— Сегодня мало, Владимир Александрович. Всего двенадцать человек.

— Ай-ай-ай, как же нам быть? Тогда вот что. Уговори на сегодня пойти на Аибгу с ночлегом человек этак семьдесят. А? Иначе некуда разместить пополнение. Вербуй народ, а я распоряджусь насчет продуктов.

Я не скрываю сомнений. Такую большую группу надо вести руководителю. Ее нельзя пустить по чертежику! Кроме того, уже поздно, мы не вышли с утра...

Туристы огорошены предложением, ломающим ранее намеченные планы. Сулим золотые горы: закат на вершине, солнечный блик в море, все прелести водопадов и лилий, вид на Абхазию, теплые одеяла, вкусный ужин... Нам настолько верят, что группа набирается быстро. Запись, как только достигнута нужная цифра — семьдесят, прекращаем.

Фемистокл выучит двух лошадей, одну теплыми вещами, другую продуктами, и выходит по скотопроегонной тропе через Греческий мостик. А мы решаем подниматься «романтической» тропой через водопад, чтобы проводить

никит с вершины и спуститься прямо к Полоторным балагиям. Там Феми-стокл подготовит ночлег.

Семьдесят человек в сборе — это целая толпа. На одного руководителя даже не при альпинистском, а при горно-лесном маршруте — это слишком много. Я еще не знал, что это недопустимо много. Народ растягивается по дороге, экскурсовод перестает ощущать группу, особенно отстающих, напрягает голос: внимание большой толпы сильнее рассеивается, легче возникают группировки, становящиеся «в оппозицию» к гиду.

Однако обстоятельства заставили меня вести именно такую армию. Подбадриваю спутников как могу. Расчетливо задаю темп, чтобы сразу не утомить их. Лезем в обход завала. Отдыхаем у струй Аибгинского водопада.

Расписываю мощь лавин. На пути вдоль верхних водопадов рассказываю, как висел над этими отвесами при поисках тропы. Когда же нас обступает замкнутый таинственный мир цирка, а платья и прически девушек украшаются раструбами субальпийских лилий, кажется, уже не может быть оснований для плохого настроения. Погода безукоризненная, облака едва коснулись вершин.

Стоп! По цепи передают, что среди отстающих не все ладно — ссорятся какие-то супруги. Нашли место и время для семейных сцен! Прошу передать в конец колонны, что приглашаю означенную пару занять место рядом с собою. Чета подчиняется, и вскоре ко мне подходят круглолицый самодовольный брюнет по имени Адам — его почему-то все называют Адамчик — и его спутница — она тоже носит ласкательное имя — Эммочка. Это миловидная блондинка, довольно хрупкого сложения, с капризной мордочкой.

Пытаюсь шутками исправить их настроение, но они раздражены и не поддаются. Видимо, там, в конце колонны, уже действовала «противоэкскурсоводческая» оппозиция.

Вместе с этой парой с конца в голову колонны перемещаются еще три молодых человека: остролицый подвижный Ашот, спортивного вида Иосиф и добродушный белобрысый Ваня. Вся эта тройка, как вскоре выясняется, оказывает внимание Эммочке, а та, капризная, отыгрывается на муженьке: «Мне трет ногу, забей гвоздь». «Достань цветок». «Ты опять не забил гвоздь». «Ты забил не тот гвоздь». И так далее без конца.

Мы уже выходим на гребень. Сейчас должна открыться панорама Абхазии. Но даже головокружительного карнизика, на котором ей к лицу было бы попищать, Эммочка не заметила, занятая упреками мужу.

— Дай мне платок. Куда ты его вечно прячешь?

— Постыдись давать мне такую грязь. Я давала тебе чистый платок.

...Теперь и панорама Абхазии будет с этим гарниром!

Вышли на гребень. Общее «ах!» Люди захлебываются открывшимися просторами. Средство столь сильно действующее, что «выключается» даже Эммочка. Нам с гребня хорошо видно, как змейкой поднимается растянувшаяся колонна. Пересчитываю людей — все налицо, никто не отстал. Дождемся всех на вершине.

Дальние панорамы с Первого пика — надо ли их описывать? И повторяются они в своей грандиозности, и вечно новы и неповторимы — то чеканно ясные, то в уборе из белых облаков, то в хмурых грозовых тучах. А сейчас все решал закат, закат при ясном небе.

Солнце, если смотреть с Аибги, садится прямо в море, и до горизонта с такой высоты около полуторасти километров. Водная гладь истнет далекой голубой стеной, и кажется, что высота этой стены тоже превышает два километра — как и высота вершины, с которой мы смотрим. И во всю высь вздыбившейся глади моря бежит, горит, ликует исполинский блик — сверкающая река солнечной дорожки. Она кажется выпуклой, словно заходит за горизонт, и создается впечатление, что мы воочию видим сферичность Земли. Картина приобретает поистине космическое величие.

Солнце все ближе к горизонту. Дорожка из огненно-оранжевой превращается в пурпуровую, дробится на куски. На пунцовый диск все легче смотреть.

Вот он коснулся своего багряного отблеска в море и на несколько мгновений превратился в фантастическую вазу на широкой подставке. Миг — и ваза пропадает: диск начал прятаться за горизонт и теперь подрезан снизу. Все замолкает, словно присутствуют при великом таинстве.

Светило тонет неправдоподобно быстро. Вот оно превратилось в пылающий абажур, а потом — в скромную тюбетейку, в малый ломтик-скобочку...

— Смотрите зорче, не мелькнет ли зеленый луч!

Последняя долька солнца скрывается, поглощенная морем. Зеленый луч не мелькнул, не удостоились. Исчезает солнечная полоса с моря. Поминутно меркнут и меняются краски на вершинах более высоких гор. Вот-вот скроются последние зайчики розовых бликов со снегов Псеашхо.

Стоять бы и стоять на вершине, однако тревожно задувает холодный вечерний ветер. Солнце на юге падает под горизонт круто, поэтому смеркается гораздо быстрее, чем на севере. Надо спешить к ночлегу — к крову, к воде, к топливу. Спуск займет всего полчаса, к темноте успеем.

Собрав на пике всю группу, устремляюсь вниз по крутосклонному лугу без тропы, выбирая ступенчатые, менее скалистые участки. Советую держать интервал шагов в десять, чтобы не угощать идущих впереди случайно сорвавшимися камнями. Беру правее, ведь слева склон пересечен несколькими ярусами скалистых уступов.

Спустившись метров на сто, получаю по цепи донесение, что двое — конечно, Адамчик и Эммочка — не могут ступить и шага с вершины, что Эммочка в истерике, а с Адамчиком плохо.

— Кто-нибудь с ними остался?

— Нет, все ее кавалеры впереди.

Как быть? Предстоит пройти еще четыреста метров лугового спуска. Мимо большой вьючной тропы люди не проскочат, но все-таки неприятно, что к месту ночлега группа будет подходить вразброд. Однако раздумывать некогда. Если на вершине остались люди, надо прежде всего помочь им. Вдруг кому-нибудь из них действительно плохо? И как это я позабыл в самом начале спуска поставить этих Адама и Еву в голову колонны под свой надзор.

Как ни устал, поворачиваю назад. Торопясь, а значит, и нарушая все нормы дыхания, набираю высоту, руками подтягиваюсь за траву. Подбодрил нескольких встреченных отстающих, советовал не брать левее. Задыхаюсь, пульс бешеный.

Вот и вершина. Уже смеркло. Перед самым пиком сидят, обнявшись, двое, мерзнущие от холодного вечернего ветра. Рыдающая Эммочка конвульсивно бьется в объятиях растерянного мужа. Увидав меня, мгновенно успокаивается и злорадно говорит:

— А, вот и вы! Вот и полюбуйтесь на свои горы. Вот — не может шагу ступить. Кто, Адам?

Ну да, но и я тоже не могу. Мы оба ни можем. Голова кружится, мы свалимся и эту вашу Абхазию. Ой, что же нам делать!

Решительно говорю:

— Ну, хватит рыданий. Давайте ваши руки, и я вас сведу. Никуда вы не упадете!

Тьма сгущается. Пробую вести их раздельно. Беру за руку Эммочку, даже немножко цыкаю на нее. Слушается и с дрожью все-таки проходит десяток метров. Сажаю ее, возвращаюсь за Адамчиком и с ужасом вижу, что у мужа настоящий психоз. Ярко выраженная боязнь пространства, страх высоты. Он, как и когда-то Петюнин в походе с профессором Пузановым, не замечая этой болезни, шел вверх, но дрожит при одном взгляде вниз. Ташу его за руку, заставляю опереться на мою руку, обнимаю за талию, того гляди взвалю на себя, как куль, уговариваю, словно ребенка, пытаюсь отвлечь разговором — ни какую.

Что делать? Остаться с ними? Но там, глядя на ночь, сползают по склону без троп без малого семьдесят человек, усталые, уже раздраженные случившимся.

Стаскиваю с себя лыжную куртку и приказываю Эмме ее надеть. Обиженно подчиняется. Решаю оставить их вдвоем на вершине, спуститься к группе, организовать ужин, а затем, хотя бы среди ночи, вернуться сюда с фуфайками, одеялами и продуктами.

Оттаскиваю обоих на менее крутое место, усаживаю и говорю, что отправляюсь за помощью.

— Вас, Эмма, назначаю старшей, Адам должен подчиняться. Приказываю обоим никуда с этого места не двигаться ни в одиночку, ни вдвоем.

— Ни в коем случае не вздумайте спускаться в темноте к ночлегу — разобьетесь, погибнете. Часа через три принесем вам еду и теплые вещи.

Решительный тон действует, а обязанности «старшей» вынуждают Эмму прекратить причитания. В их положении так мало можно предпринять, что я не особенно беспокоюсь — вряд ли Эмма в чем-нибудь злоупотребит своей «властью».

Со словами «до скорого свидания» оставляю супругов одних на ночной вершине Аибги. Кажется, никогда еще я не «сыпался», не «рушился» с такой быстротой вниз по луговому склону. В темноте даже менее страшно, чем днем, — не так ощутима крутизна, не видны и грозящие мелкие неприятности. Несколько раз съезжаю по пять-десять метров сидя, хватаясь руками за траву, иногда нарочно, но иногда и произвольно. Вскоре обгоняю еще продолжающих спускаться отставших туристов — они судорожно цепляются друг за друга, за стебли, уже изрядно деморализованы — ведь темно, страшно... Хорошо, что застряли немногие.

Вот и тропа. Балаганы легко опознаются по лаю собак. Сколько псам беспокойства! С гор в полной тьме продолжают спускаться все новые «волны» туристов.

Подхожу к балагану, сталкиваюсь с группой возмущенных и недоумевающих людей: никакого ночлега нет, лошадей нет, все прошли дальше. Куда? Ко Вторым балаганам!

Час от часу не легче! Что за фантазия пришла в голову неладному Фемистоклу? Ведь ясно же было сказано, где нас ждать!

Кто мог подумать, что он перепутает номера балаганов? А туда еще дни километра — получится пути даже днем.

Народ возмущен и угнетен. Говорят, что многие уже пошли по тропе. Подбираю отставших. Освещаю карманным электрофонариком тропу, ослепляю разъяренных псов, которые не выносят прожекторного луча и смущенно ретируются!

Прошли с полкилометра и слышим, что слева доносятся еще какие-то крики, ауканье. Неужели и там застряли туристы? Ведь левее по спуску много скал! Вот голоса явно над нами. Откликаемся, зовем к себе. Сверху слышны проклятия горам, туризму, экскурсоводам и всему на свете.

Оставляю спутников на тропе («Никуда без меня не двигайтесь») и лезу по траве наверх. Ага, здесь лощинка с ручьем. Ну, конечно, попали в тальвег и теперь спотыкаются о камни. За руку по одному вывожу туристов из лощины на склон. Почему взяли левее? Увидели, что спустившиеся первыми идут по тропе налево, ну и сами полезли влево косогором. Вышли над скалами, падали, обцарапались.

С одного из поворотов мы и сами прямо с тропы видим огонь. Костер горит на опушке, правее тропы. Оттуда нам что-то кричат. Во Вторых балаганах истошно заливаются собаки. Впереди неожиданно возникает человек — это Иосиф, он вышел навстречу, чтобы сопровождать отставших с тропы к лагерю.

— А много ли еще людей наверху?

— Человек пять, их ведет Ашот вместе с пастухами.

Действительно, вскоре слышна армянская речь (этим летом на Вторых балаганах стояли пастухи одного из армянских колхозов Черноморья), и к нам присоединяется последняя пятерка заблудившихся. Тут же и трое юношей — колхозные пастухи, которые помогли Ашоту и отставшим.

— Как же это вы взяли так влево?

— А чего? Увидели костер и пошли.

Пастухи говорят, что свели людей с самых крутых скал над Вторыми балаганами в полной темноте.

Подходим к лагерю. Пылает большой костер, на нем закипает котел с будущей кашей. В группе нашлись и костровые и кашевары. Ваня вскрывает ножом мясные консервы. В свете костра появляются два хлопца, принесшие воду.

— А что же Фемистокл?

— Поди уговори этого тьюфяка! Ничего делать не хочет, говорит, свое сделал. На Полуторных балаганах он с кем-то в ссоре, а на Вторых у него друзья, вот он сюда и пропорол.

Сообщаю товарищам об обстановке на вершине. Решаем идти туда через час.

Ваня рассказывает, какую картину он застал на облюбованном Фемистоклом месте. Сидело уже человек тридцать туристов — злые, усталые. Чем больше группа, тем сильнее иждивенческие настроения! Ведь придет три-пять человек — и ясно, что один — по воду, другой — за костер. Здесь — никто. Одни претензии: а почему ничего не приготовлено?

Ваня с Иосифом молодцы. Пристыдили нескольких дюжих дядей, отправили их по дрова, сами распалили костер, при его свете распаковали мешки с одеялами, фуфайками и продуктами, раздали теплые вещи. Достали котлы, отправили парней за водой. Потом Иосиф и Ашот ушли встречать отставших.

До сих пор часть туристов в скандальном настроении — заявляют, что не сомкнули глаз всю ночь! Сами не сомкнули — значит и другим не дадут. При по-

Моши двух-трех фриз выключю пяток возмутителей спокойствия. Беру из котла одну из пыляющих коряг, прошу Ванку захватить с собою часть топлива и отхожу с этим хозяйством метров за пятьдесят, за большую пихту. Там разжигаю новый костер, после чего приглашаю туда самых больших ворчунов. Они подчиняются, что и требовалось. Пусть точат и портят настроение только друг другу. Остальные сразу облегченно вздохнули.

Раздана по мискам каша, разлито по кружкам кофе со сгущенным молоком. Народ с аппетитом ужинает. Относим пищу и в «изолятор» к скептикам.

Обращаюсь к обитателям главного лагеря с речью: «Товарищи! Вы сейчас крепко заснете — вы заслужили хороший отдых, а мы уже завтра попросим у вас прощения за неприятности и неудобства, в которых мы, сотрудники турбазы, конечно, виноваты. Но сейчас не до этого. Наверху остались люди. Им нужна помощь. Они мерзнут на ледяном ветру на вершине без теплого платья и без еды. Надо им принести и то и другое. Мне одному трудно будет, ведь завтра надо спустить больного (товарищи, там не каприз, человек действительно болен). Поэтому приглашаю с собою трех мужчин — кто вызовется добровольно?»

Из группы решительно вышли трое — конечно, Иосиф, Ашот и Иван. Что ж, с этими не страшно полезть куда и когда угодно.

Надо оставить кого-то дежурным.

Дежурные... Ага, вон, сидящие в «изоляторе». Они же обещали не спать всю ночь. Подхожу к ним. Двое из них уже закутались в одеяла и благополучно всхрапывают. Не надолго хватило пороха! Но самые махровые ворчуны упрямо бодрствуют. Вот они-то мне и нужны.

— Друзья! Мы вчетвером уходим на вершину, на помощь больному. Группе в шестьдесят с лишним человек нужно обеспечить спокойный отдых. А утром организовать завтрак из остатков продуктов. Назначаю вас троих дежурными — пользуюсь вашим обещанием не спать. Присмотрите за порядком, с восходом солнца организуйте подъем.

В сущности это был тот же прием, что и на вершине с Эммой. Главные занодиды беспорядка оказывались начальством, при этом в самый безвредный период, когда все спят. Для них это было и формой переключения нервной энергии и льстило самолюбию — вон что им доверили! А по существу, и что самое важное, предотвращало с их стороны дальнейшее смакование бед. Дежурные вступили в свои права.

Пусть все эти сцены — и приготовление ужина, и кормление, и укладывание спать — стоили Адаму и Эмме лишнего часа холода и голода на вершине, зато мы покидали бивак уверенные, что с группой ничего не случится.

НА ВЕРШИНУ НОЧЬЮ

Вышли тропой к Полуторным балаганам. Сначала мигали фонариком, а потом оказалось, что глаза притерпелись к кромешной тьме, а ноги сами почти безошибочно чувствуют тропу. Всего раза три сбились на двух километрах пути к балаганам. На нас свитеры, за спиной одеяла, свои и наших вершинных отшельников. У Иосифа термос с горячим кофе, миска с кашей, хлеб.

Все выше по огромной черной горе, по высокой траве, по круче, где и днем-то не всюду пройдешь. Ответственность, что ли, прибавляет уверенно-

сти. Идем ночью на вершину Аибги — еще полдня назад я считал бы такое предприятие безумием!

Корова тропка давно кончилась. Подтягиваемся на руках, держась за траву, иногда напарываемся на колючки. Не выйти бы мимо вершины к северным обрывам гребня — кто ведаст, как они выглядят в такой тьме?

Вот трава становится мягче — в ней меньше колючек и чемерицы. Чистота субальпийского луга — признак близости вершины. Да и поднимаемся мы уже больше часа. Пробую аукнуться:

— А-дам-чик! А друзья втроем:

— Эм-моч-ка!

Отклика нет. А ну-ка вчетвером, еще раз:

— Эм-моч-ка!

Сверху из кромешной тьмы доносится жиденький мужской голос:

— Мы здесь.

Еще пятнадцать минут подъема.

Ищу несчастных лучом фонарика. Вот они — так и сидят под самой вершиной, прижавшись друг к другу, нахохлившись, как птицы.

— Добрая ночь, вот и мы.

Адам, заикаясь от озноба, произносит:

— Вот уж мы не ддумали, не вверили, что вы ппридете.

— Иосиф, давайте им скорее горячий кофе.

Они уже надели фуфайки и запеленались в свои одеяла.

Больные, освещаемые лучом фонарика, живо уплетают ужин и, вдохновленные нашим ночным подъемом, изъявляют готовность чуть ли не сейчас же спускаться. Э, нет, не пойдет. В такой тьме я не рискнул бы низвергаться с этих скатов и в одиночку, а не то что с Адамчиком на буксире.

Надо попытаться вздремнуть до рассвета. Но где? Круча такая, что, заснув, можно сорваться. Может быть, на самом пике ровнее?

Буквально несколько шагов, и мы на вершине. Но высунулись лишь на одно мгновение, настолько силен и порывист оказался там ледяной северный ветер. И все же сознание, что мы хоть миг постояли ночью на самом пике, что больше ощутили, чем увидели, черные бездны отвесов под ногами, — это сознание стало теперь навсегда нашим достоянием.

— Ну, а сейчас спокойной ночи!

Укладываемся прямо на склоне, соорудив из камней и грунта опоры подошвам. Впрочем, на круче в тридцать градусов никакая опора не держит, ползешь вместе с ней вниз. Но мы так устали, что ухитряемся вздремывать и в этом подвешенном состоянии. До рассвета часа три полусна — съезжаем, подтягиваемся повыше, снова сползаем...

Не будем говорить и о том, как нам было «тепло» при ночном ветре без палаток на высоте в два с половиной километра.

Рассвет. Рассвет, видимый с большой горной вершины, с моей любимой Аибги.

Проснуться над еще дремлющей Абхазией, ловить блики солнца сначала на самых больших, а потом на все более низких горах, любоваться облаками, прикорнувшими на днищах долин, — великая награда за перенесенные трудности.

Веселым, нарочито спортивным голосом кричу:

— Подъем!

Все быстро вскакивают.

— Теперь марш завтракать к общему лагерю! Адам, советую нам зажмуриться и довериться нам. Ведь мы тут и ночью прошли. Значит, стыдно бояться при свете!

Адамчика справа и слева берут под руки Ашот и Иван. Мы с Иосифом крепко держим под руки Эмму. Она было пикнула:

— Ой, как же я...

Резко отвечаю:

— Ничего, дойдете! Слушайтесь нас.

Наши руки оказались настолько устойчивой опорой, что Эммочка быстро освоила приемы травяного спуска. Она шла легко, местами даже прыгала — хотелось же ей продемонстрировать, что она может быть изящна, как серна.

Адамчик пытался напомнить о своем недомогании, но компаньоны служили ему такими отличными костылями, что скоро и он понял — спуск не угрожает особыми опасностями. Сначала Адам действительно зажмурился, но потом начал робко приоткрывать глаза и посматривать вниз.

От Полуторных балаганов супруги быстро, уже своим ходом дошли до лагеря. Здесь пылал костер, кипел кофе, варилась каша, народ просыпался, ежился от холода, бегал к ледяному ручью умываться. Настроение у большинства было отличное. Адамчик и Эммочка без капли смущения давали интервью о своем самочувствии на вершине и ощущали себя именинниками.

Позавтракали, погуляли по окрестным лугам и пошли на спуск. В голову колонны ставлю обоих горе-героев под надежным конвоем друзей. Адама даже на тропе страхуем при спуске — боязнь пространства и тут напоминает о себе.

В одном месте замечаю, что, увлекшись, сбился на незнакомую мне левую тропу — вероятно, заброшенный зигзаг. Спихнулся сразу же. Резко останавливаюсь и говорю:

— Ой, простите, сбился.

Эммочка бледнеет и испуганно произносит:

— Что? Сбился? Ах, мне плохо!

Ее головка кокетливо ложится на плечо к конвоирующему Иосифу. Много я читывал о женских обмороках, но такой откровенной симуляции еще не видел. Подбегаю к ней и дергаю за руку:

— Ничего вам не плохо, вон тропа!

— А, что? Тропа? Ну хорошо.

...На турбазе Энгель благодарит туристов за помощь. Делюсь с ним своими переживаниями и решительно заявляю, что впредь таких экспериментов делать не буду. На одного экскурсовода должно быть не больше пятнадцати туристов. Да и проводник с вьюками должен быть надежнее и умнее.

Оставшиеся три дня своего пребывания на турбазе Адамчик и Эммочка провели в обстановке нарастающего интереса к их особам. Они не ходили больше ни в какие маршруты, красовались в ослепительных туалетах, давали интервью, фотографировались с вновь приехавшими. У них уже начала складываться какая-то собственная версия, новая трактовка событий и оценка в них своей роли и заслуг...

Через пять лет они мне встретились в Москве и трогательно рассказали, как они ночью «спускались с вершины в пропасть».

*Здесь горы видят. Их глаза —
Озер немая бирюза.*

К ОЗЕРАМ

ЗАОЧНАЯ ЛЮБОВЬ

Методист турбазы, — а где я бываю?

Ачишхо, Аибга, Псеашхо, снова Ачишхо — и совсем потерянный счет Сланцам, Греческим мостикам и Охотничьим дворцам. Может быть, и я не чувствовал бы такой ограниченности этого круга маршрутов, если бы то и дело не консультировал все новые группы, уходившие — без меня! — на горные озера, на Кардывач и Рицу.

Не побывав на них сам, я все-таки посылал туда людей. Как это было возможно? Во-первых, я изучил все, что были, материалы об этом маршруте. Во-вторых, получал от туристов, уже совершивших путешествие, письма с подробными описаниями пути и рекомендациями: зайти к Энгельмановскому нарзану, искать мост через Лашипсе справа в кустах, обойти вокруг Кардывача.

Вот и изучил весь маршрут заочно: знал километраж, темпы, в каких балаганах вкуснее мацони и добрее собаки. Было известно, что лошади с вьюком до Рицы не доходят, что, выйдя к Рице, не надо и пытаться пройти вдоль ее крутых берегов: следует вызвать лодку с метеостанции. Кричать бесполезно — домик от устья Лашипсе не виден и голоса не слышно. Надо разжигать костер. Метеоролог выезжает ловить форель, видит огонь и подъезжает за туристами. Знал я также, что путь от Рицы до Гагр нелегок и ведет через два больших перевала.

Начиняемые этими сведениями, группы шли и шли к манящим озерам, а я все оставался и оставался в Поляне.

В один прекрасный день на турбазе появилась необычная группа из шести немолодых и очень представительных мужчин. Прекрасно одетые, в выюженых костюмах, отнюдь не приспособленных к трудным походам, при галстуках, в необычайных по тем временам роговых очках с прямоугольными стеклами. У каждого по два фотоаппарата, по большому биноклю, анероиды, эклиметры, буссоли — пять ремней вперекрест...

Перед нами была экспедиция института по проектированию курортов, учреждения, которое сокращенно именовалось не совсем обнадеживающе — Гипрокур. Цель экспедиции — ознакомиться с трассой для будущей туристской автомагистрали от Красной Поляны через Кардывач и Рицу на Гагры, запланировать оборудование этой трассы гостиницами, приютами...

...Экспедиция! Само это слово своей романтикой манило бы и безотносительно к целям. А тут такие вдохновляющие задачи! Украсить побережье, сделать доступными его горные кручи для сотен тысяч людей...

19. Научная экспедиция на Большой Рице в 1936 г.

Как много увидят эти проектировщики! Будущее любимого края зависит теперь от их фантазии, знаний, вкуса...

С жаром и... ревностью консультирую их. При всей своей неопытности в туризме кажусь им бывалым скитальцем и нужным человеком. Они просят Энгеля отпустить меня с ними, но август — месяц пик, на базе тьма народу, и старик не может остаться на целую неделю один без методиста. Обещает освободить меня для похода на Рицу в сентябре.

В сентябре! А тем временем экспедиция состоится, остановит свой выбор неведомо на чем... С ними пойдет проводник Димитрий, а для возврата лошадей от Аватхары — Фемистокл.

Было тихое солнечное утро, когда гипрокуровцы с обреченными лицами, неуверенно, видимо впервые в жизни, воссели на коней, утратив при этом всякую представительность. Под звуки фортепьянного марша, несущиеся с веранды, караван тронулся в путь.

Промелькнула в очередных делах и малых походах неделя. Дни шли разные, в том числе и дождливые. Часто вспоминал, где-то сейчас мокнет, что-то делает экспедиция? Добиться толку от вернувшегося с лошадьми Фемистокла было трудно: «Шли и шли, ехали и ехали».

Вскоре возвратился и Димитрий. Улыбаясь рассказывал:

— Замучился я с ними. А сами они еще больше замучились. Седлами себе в первый же день так мозоли набили, что ни сидеть, ни ходить не могли. На Кардываче дождь, вымокли, перемерзли, коньяком отогревались. От Кардывача больше пешком шли, на Карантинной поляне по болотам опять ноги промочили, один чуть не заплакал. А когда лошадей отпустили, по Лашипсе с рюкзаками пошли — задыхались даже на спуске — больные сердца у всех. Перессорились, друг друга ругали, меня ругали...

— Ну, а работали они все-таки? Измеряли, записывали?

— Я, конечно, не все понимаю, но мне кажется, ничего они не работали. Один фотограф у них много снимал. А зато, знаешь, как нам повезло? Теперь

от Риши не надо больше ходить через переналы, как раньше. От озера прямо вниз по Юпшаре тропу проложили, мосты построили. И мы первые по этой тропе прошли.

Димитрий меняется в лице, словно касаясь чего-то волнующе-торжественного, и необычно прочувствованно говорит:

— Ты знаешь, Юрий. Я в этих горах вырос, привык к ним. Иногда удивляюсь, чему туристы радуются, когда кругом все обыкновенно. А тут и меня поразило. Такого красивого ущелья, как Юпшара, я еще не видел. Ты его обязательно погляди.

Подобное признание значило немало. Я знал, что Димитрий выделялся среди проводников и памятью, и той внутренней культурой, которая позволяла ему давать пояснения туристам на уровне не ниже иного экскурсовода. И вот теперь он сумел так взволнованно рассказать о новой, небывалой красоте, о ее особом значении среди привычной и неувидяющей живописности!

Так в моей жизни прибавилась еще одна мечта — Юпшара.

ОБЕЗЬЯНЬЯ ТРОПКА

Лишь в середине сентября Энгель отпускает меня на семь дней в маршрут на Кардывач и Рицу. Он понимает, что это будет не прогулка, он уже знает цену глазомерным съемкам и хронометражу маршрутов.

Компаньонов себе не выбираешь, радуешься, что нашлись попутчики. Кто они? Молодой инженер Всеволод — шатен, вид спортивный. Симпатичная сероглазая стриженная блондинка Лена в защитной гимнастерке, брюках и тубетейке. Она моих лет, а уже аспирантка университета, биолог. Держится подкупающе просто, не напоказ. Мрачноватый корреспондент ленинградской газеты Гоша с унылой женой Сюзей (от имени Сюзанна, крайне не подходившего этому невзрачному и обиженному на весь свет существу). Пятый — проводник, грек Юра Георгиади, при лошади.

Вышли хмурым утром. Горы в низко надвинутых облачных шапках. Дождь начался, едва мы миновали Сланцевый рудник. Супруги нахмурились и скинули, но сразу же выяснилось, что мы с Всеволодом и Леной образуем неунывающую часть группы, и пессимистов это сдерживало.

В одном месте проводник уходит с лошадей вверх по зигзагообразной тропе, преодолевающей небольшой — метров двести — отрог; мы же идем берегом Мзымты по ясной тропке, которая взбирается всего на десяток метров над водой и... обрывается у крутого откоса. На нем видны подобия ступенек, наклонных и скользких, и прямо из грунта выступают обнаженные размывом горизонтальные корни деревьев, словно перекладыны лестницы.

Надо показывать пример. Приседаю, хватаюсь за грязный пружинящий корень и, вытягиваясь на нем, спускаю ноги в поисках приступки. Затем перехватываю руками следующий книзу корень. Смотреть вниз неприятно, того и гляди закружится голова, а надо и взглядом нащупывать очередные ступеньки.

Легко и уверенно спустились Лена и Всеволод. А Гоша с Сюзей вступили в затяжной спор — кому лезть первым. Гоша доказывал, что первой должна лезть жена — покинуть ее наверху одну ему не позволяет этика. А Сюзя настаивала, чтобы первым лез Гоша, подавал бы ей руку и поддерживал бы ее. Пришлось карабкаться к ней навстречу и заменить собой Гошу в качестве

стражающей подпорки. Спина дрожала, как осенний лист. Чем менее решительно она ступала на мокрые уступчики, тем сильнее скользили ноги.

К общему удивлению, пожалуй, даже больше, чем она, на этой «лестнице» дрожал Гоша. Его тоже пришлось встречать, ловить за шиколотки и прижимать ему башмаки к грунту.

Спущенные таким образом супруги вместо благодарности разворчались в мой адрес: сотрудник турбазы, а повел живых людей по такой обезьяньей тропке!..

«Обезьянья тропка»... Это выразительно. Пожалуй, так и отметим это место на чертеже.

Как важно пройти весь маршрут самому! От Дмитрия я об этой каверзной тропке не слышал. В письмах туристов лишь раз было шутовское упоминание о несении какого-то толстяка на корнях. А ведь при плохой погоде и на таком пустяковом месте могут быть аварии.

НАРЗАНЫ

Мост через Пслух. Давно ли под Псеашхо я видел жалкие истоки этой реки, сочащиеся из перевальных болотцев? А сейчас это вздутая дождем, хмуро рычущая порожистая река, полная кофейно-пенистой жижи.

За небольшим хребтиком поселок из балаганов. Высотомер показывает 650 метров над морем. Для пастухов это слишком низко. В лесной зоне на такой высоте не бывает обширных пастбищ. Оказывается, это народный курорт — курорт на углекисло-щелочном источнике. Пятнадцать фанерно-драночных шалашей, в них дымят очаги, на нарах сидят и лежат старики, старухи, люди средних лет. Многие пришли издалека, с побережья, — жалуются на печень, на желудок. Все они верят в чудодейственность «нарзана». Воду пьют, в ней же купаются. На костре накаляют большой камень, бултыхают в корыто, и он нагревает воду. Парятся в нестерпимо горячей ванне. Источник сочится рядом. Дебит его скромненький, но на небольшой поселок воды хватает. Достаем кружки и пьем. Вода типа боржома, в меру газированная.

Переждать ли дождь в балаганах? По мнению хозяев, ненастье затяжное. Всухомятку перекусив, решаем двигаться вперед.

Утомительный скользкий подъем выводит на поляны с высокой травой и одичавшими грушевыми деревьями. Это Грушевая поляна — одно из самых верхних черкесских аулищ: высота здесь более тысячи метров над морем.

До сих пор нас поливало сверху, а в траве полян мы сразу же промокли с головы до ног. Башмаки так хлюпали, что можно было шагать вброд через любой ручей, не ища сухих переправ.

Тропа повела косогором, вверх по долине Мзымты, но высоко — метров триста-четыреста над рекой. Упрямо, даже под дождем, веду записи в почти раскисшем блокноте, вычерчиваю путь на кроки, записываю измерения.

Как, наверное, хороша эта тропа в ясный день: за Мзымтой должны проступать сквозь лес дальние вершины Аибги, а может быть, уже и Агепсты? Но видим только морозящую муть. Надоедливо чередуются мелкие подъемы, спуски, броды. Час, два, четыре...

Наконец шум Мзымты приблизился. Проводник показал на тропку, юркнувшую вправо — к знаменитому Энгельмановскому нарзану, который раньше даже прозван был Царским за высокое содержание газа и щедрый дебит.

20. Ю.К. Ефремов у нарзанного источника

Уговариваю товарищей, как мы ни устали, зайти к источнику. Гоша с Сюзей предпочли шагать за проводником не сворачивая. Мы же втроем идем к источнику.

У стремительных мутных вод Мзымты ржавые камни с железистыми натеками от минеральной воды. В небольшой ямке кипит энергичный ключ, и в его воде разбегаются серебристые пузырьки углекислоты. Пьем из ладоней, каждый закашливается от бьющего в нос и в легкие газа. Да, это не пслухская водичка. Недаром Энгельмановский нарзан когда-то так славился.

Мне доводилось читать, что камни вокруг источника бывают засыпаны трупами насекомых, задохнувшихся в углекислом газе, который заполняет впадинку. При нас ничего подобного не было: может быть, смыл дождь? Возвращаемся на тропу. Лес расступился и дал место пастбищам, раскинувшимся во всю ширину дна просторной долины Мзымты.

Вот она какая, Энгельманова поляна!¹ Мы ее видим ненастную, а с нее должны открыться совсем новые горы...

У длинных строений молочной фермы эстонского колхоза пасется наша уже развьюченная лошадь. Скота вокруг не видно, он сейчас выше — на Тихой речке. На ферме всего двое жильцов. Нас гостеприимно встречают, приглашают к очагу, показывают место на сеновале для ночлега.

В накрытых клеенками выюках вещи остались сухими. В считанные минуты Всеволод и Лена достают фуфайки и запасные штаны, надевают сухую одежду и весело выжимают намокшую. Стараюсь не отставать от них и через пять минут чувствую себя согревшимся и взбодренным. Лена, никого не спрашивая, уже укрепляет над очагом кастрюлю с водой для супа, а Всеволод раз-

¹ Названа так по имени землемера Энгельмана.

Дуннет рядом второй коверок, натягивает над ним веревки. Развешиваем мокрые вещи. Скоро от них повалили клубы пара. Рисовый суп с мясными консервами — такой густой, что ложка стоит, — кажется нам чудом кулинарии. Утопим хозяев, а от них получим кружок влажного самодельного сыра.

У очага сидят нахохлившись супруги. Они пришли сюда за полчаса до нас, но все еще не сняли с себя мокрую одежду. Когда мы пришли, они спешно, неухомятку, что-то дожевывали и смущенно прятали бумажки из-под шоколада. Мы уже устроились спать на ароматном сеновале, а они только теперь решились переодеться. Сушить вещи вообще не захотели: «Зачем, когда завтра все равно все промокнет?»

Ночью не раз просыпаюсь от ворчливого шепота: все спят, только эти двое вертятся с боку на бок и точат друг друга за неудобства ночлега.

Невольно сопоставляю поведение двух своих новых друзей, видимо, бывалых туристов, их находчивость, непринужденную веселость с поведением... не только Гоши и Сюзи, но и со своим собственным в недавнем походе на Псе-ншо. Теперь я вижу, как можно и нужно делать радостными даже ненастные походы.

НАСТОЯЩЕЕ ГОРНОЕ ОЗЕРО

*Мир опрокинут, сломан надвое
Бездонной емкостью зеркал.*

Утро пасмурное, но облака реже, разрозненнее. Идем по высокотравью и, хотя дождь почти закончился, намокаем снизу по пояс, двигаясь в высокой мокрой траве: логика Гоши торжествует?

Среди пересекаемых нами ручьев выделяется один — белопенный, удивительно круто падающий — его воды скачут, грохочут камнями. На мой вопрос о названии ручья Георгиади отвечает:

— Сумасшедшая речка¹.

Поляны, перелески. Вот место недавно разобранных балаганов. Пастухи недаром снимаются с горных пастбищ в начале сентября — знают, что тут их может застать снег.

Мокро, холодно, но уже километров через десять награда: вылившиеся на нас облака исчезают, как волшебные занавесы в «Синей птице», — и вот он перед нами, парад гор в верховьях Мзымты — ослепительный, сверкающий.

Георгиади прозаически роняет:

— Нас дождик мочил, а на горах снег выпал.

Ну, конечно, это же новый снег, такой же пронзительной белизны, какую я видел позапрошлой осенью. Сейчас в слепящее серебро оделись вовсе неведомые мне вершины и ближе всех громада Агепсты с ледником Хымс-Анёкё, распластанным по ее склону, как шкура белого медведя.

Мы на большой поляне. Здесь Мзымта сливается из двух истоков. Видный нам справа (а по течению он левый) — течет из-под горы Ацетуки и называется Азмыш². А видный левее (по течению он правый) — это и есть собственно

¹ Ее старинное название — Ариеш.

² По-разному называет эту речку разноплеменное население Черноморья — абхазы, эстонцы, греки, имеретины, армяне — Азмыш, Бзыч, Мзымта-Мзыч, Адзмыш, а в труде А.Л. Рейнгарда она же по недоразумению названа Лаишпсе.

Мзымте. В ее истоках сплошной скалистый барьер из белоснежных вершин — каким же сокровищем должно оказаться притаившееся под ними горное озеро?

К устью Азмыча мы завтра вернемся с Кардывача, так как именно отсюда ведет тропа на Ахукдарский перевал к Анатхарс. Услышав об этом, Гоша спрашивает:

— А стоит ли заходить на Кардывач? Заночевали бы прямо здесь — дюжины километров экономии!

Для чего же тащится с нами этот человек? Чего он хочет от путешествия, если, находясь всего в шести километрах от одной из главных целей нашего похода, может думать о том, чтобы на Кардывач даже не взглянуть?! Конечно, протестуем. Сюзя и та его не поддерживает — наверное, из духа противоречия...

В высокой траве то и дело раздаются шуршание — какие-то существа, выбравшиеся после ненастья на тропу погреться на солнышке, уступают нам дорогу. Георгиади уверяет, что это змеи и, словно в подтверждение своих слов, неожиданно останавливает лошадь, наклоняется и с размаху грохает во что-то камнем. Второй удар, третий. Подбегаем и видим извивающееся тело яркой змеи с разможенной головой. По спине вместо зигзага, свойственного обычным гадюкам, бежит полоса оранжевых ромбов. Это знаменитая красная кавказская гадюка — гадюка Казнакова. Я уже не раз рассказывал туристам, что от ее укусов погибает немало скота. Животные гибнут не столько от общего отравления, сколько от отека дыхательных путей.

Георгиади стоит над поверженной гадиной в позе Георгия Победоносца и рассказывает известные ему случаи смертельных укусов. Гоша и Сюзя в ужасе спрашивают, как же теперь быть... Он успокоительно отвечает:

— На вас змея сама не нападет, она уходит. Вы слышите, они нам дорогу дают? Не надо им только на хвосты наступать.

— А за что же они коров кусают?

— А корова их мордой тычет, когда траву ест, — вот змея и защищается.

Не утешить ли Гошу и Сюзя, что их никто не укусит в лицо?

Все ближе грозные кручи, образующие амфитеатр. На дне чаши и должно прятаться озеро. Лес уцелел только на склонах, не подверженных лавинам, а такие склоны тут встречаются редко. Под ногами появляется выпавший вчера и еще не стаявший снег.

Тропа подводит к совсем тихой и маленькой Мзымте. Рядом ее исток. Идем вброд, не разуваясь — ноги все равно мокры. В ледяной воде новорожденной реки их обожгло и заломило. А впереди уже видна полоса неправдоподобно резкого синего цвета, ни на что окружающее не похожая, словно испускающая самостоятельный свет. Бегом к этой сини! Замираем, очарованные, подавленные.

Глубина, тишина, прозрачность. Синева самодовлеющая, неведомо откуда берущаяся, заставляющая голубеть серые камни на дне. Синева, усугубленная белизной прибрежных полей, покрытых снегом.

Местами к воде склоняются кусты и деревья. С гор струятся нити водопадов. На той стороне водоема виден бурный поток, впадающий в Кардывач из глубокой долины. Этот поток сразу же хочется назвать Верхней Мзымтой. Его долина неподалеку от озера скрывается за кручами горы, которую Георгиади назвал Лююбом.

Гляжу на карту и перестаю понимать. Ничего похожего на долину Верхней Мзымты на карте нет. Прямо от Лююба на юго-восток вплотную к Кардывачу

показан сплошной, ничем не прерываемый фронт скалистых круч. Мы же видим, что и этом барьере есть брешь — глубокая, изгибающаяся верховьями на север долина Верхней Мзымты!

Мокрые, притопынием на нестаявшем снегу. Но разве превозможешь такой обжигающий холод.

И у Всеволода и у Лены, когда они смотрят на Кардывач, удивительно голубеют серые глаза. Георгиади даже не торопится развьючивать лошадь. Застыли и Гоша с Сюзей — вот уже десять минут они, такие же иззябшие, как и мы, стоят, прикованные к таинственной бирюзе. Стоят и — это надо оценить! — не точат, не попрекают друг друга. Наверное, Гоша понимает теперь абсурдность своего предложения — не заходить на Кардывач...

В те годы на озере существовал сарайчик — «лагерь» заповедника (позднее его разрушило лавиной). Здесь пришлось все делать самим — не было ни пылавшего очага, ни запаса воды. В числе прочих «нарядов» прозвучал и такой:

— Гоше и Сюзе — за топливом!

Они покорно исполнили повинность.

Снова костер, варка, выжимание и сушка одежды, ночь в холодном приюте у почерневшего озера. Это был первый вечер и первая ночь, когда никто не ворчал.

ЗАГАДОЧНЫЙ СЛЕД

В дальнейший путь мы решили отправиться после полудня — ведь от Аватхары нас отделяло всего восемнадцать километров. А с утра можно было осматривать Кардывач. Однако выяснилось, что Сюзя пересушила туфли, они скрючились и трут ноги. А Гоша пропек над очагом до дыр свои штаны. Взаимные упреки супругов заняли у них всю первую половину дня. Поэтому идем вокруг озера только втроем, с Всеволодом и Леной.

В полевой сумке со мною путешествуют и кое-какие записи, среди них конспекты статей инженера Сергеева и Евгении Морозовой о Кардываче. Верхнюю Мзымту эти авторы упоминают, но не называют. Есть намеки и на неточность карт. Скалистая громада, высящаяся над озером с северо-востока, называется Цындышха. На карте имя отсутствует. С востока вздымается массив Кардывач — узел, в котором к Главному хребту примыкает Ахукдарская перемычка — водораздел Мзымты и Бзыби. С северо-запада поднимается Люоб. Все это гиганты по три тысячи метров высотой и выше (а зеркало озера лежит на уровне 1860 метров). Только на юге встает более низкий (два с половиной километра), похожий на каравай, луговой массив с лесистым нижним склоном. Сергеев называет этот массив Кутехеку. Где-то через него есть прямой путь на Аватхару.

Уже на пути вокруг озера мы увидели на снегу крупный человеческий след. Кто-то шел по направлению к Верхней Мзымте. А мы-то думали, что мы здесь одни. Но кого же еще и что заставляет шагать по таким снегам?

Пытаясь разгадать тайну, обошли озеро справа и оказались на противоположном его берегу. Прямо за озером встала Агепста, и в водной глади опрокинулась вся ее громада с белой кошмой ледника в центре.

А что если немного подняться по заснеженному склону? Дорога сырая и скользкая, но мы вознаграждены.

Как важно увидеть красивое место сверху, обнять его единым взглядом! Кардывач под нами — вот он, весь виден: стеклянный пятиугольник с немно-

го плавающимся в озере лесистым мыском. Как странно позеленела и потускнела, стала задумчиво-матовой его зеркальная гладь. Тихий исток Мзымты. Ровный далекий шум водопадов. Близки молодых снегов. Осторожно спускаемся. Под снегом таятся коварные острые камни. Падать нельзя. Хвататься руками за траву неприятно — на ней рыхлый и мокрый снег. Местами он, осыпаясь, образует игрушечные лавинки: налету нарастают большие шары — совсем как при зимних мальчишеских играх.

У Верхней Мзымты мы снова встречаем свежий след. Человек совсем недавно, не позднее сегодняшнего утра, прошел один вверх по долине. Кто это? Охотник? Но ведь на территории заповедника не должно быть охотников! Спускаемся к озеру, не теряя следа. Посмотрим, откуда он ведет. Это уже интересно: совсем не то, что читать о следопытах в книжках. Шаг за шагом по берегу. След исчез. Отыскиваем его в стороне от берега неподалеку от вдавшегося в озеро мыска с ручьем. След спускается к воде прямо с горы из кустов. Следовательно, он ведет со стороны Абхазии, с Кутехеку...

Я слышал, что заповедник вынужден бороться с браконьерами, но в душе как-то не верил: думалось, кто же станет нарушать закон, чтобы добыть какого-то тура... Но след был реален и шел с незаповедной территории. Да, наверное, это и был браконьер.

У БУДУЩЕГО КУРОРТА

Возвращаемся к устью Азмыча — здесь еще один брод через Мзымту. Держимся левых троп, чтобы не уйти к болотам Азмыча под Ацетуку. Но и тут болот достаточно. Наши ноги третий день мокры, а болота Карантинной поляны¹ после дождей покрылись непросыхающими лужами.

Ахукдарский перевал, превышающий две тысячи метров, был тоже под снегом. Отсюда открылась вся долина Мзымты и бастионы ее левобережья от пирамид Ацетуки до «шишек» краснополянской Аибги. Все это снежное, блистательное...

На лице Гоши растерянное восхищение — он впервые на высоком панорамном пункте.

А впереди? Новый мир хребтов, искрящихся снегами. Глыбы Аджары на Главном хребте. Изолированный конус Анчхо. Под ним еще один перевал на продолжении старой Сухумской тропы, ведущей через легендарную долину Псху. Рядом множество неведомых гор — все это бассейн Бзыби. В нем где-то правее таится загадочная Рица...

Но лучшее внизу. Прямо у ног, в обрамлении пихтовых склонов лежит перед нами приветливая луговая долина Аватхары — цель дневного перехода. Как приятно спускаться в этот зеленый уют с мокрых снежных гребней!

Крутой недолгий спуск криволесьем и лесом — и вот уже одна за другой светлые травянистые поляны, каждая манит встать на ней лагерем, задержаться надолго. Правее за речкой Аватхарой, подобный пслухскому, народный курорт — поселок из балаганов. Здесь из-под земли бьет аватхарская «живая во-

¹ Здесь в старину существовал карантинный пост, наблюдавший за передвижениями стад на границе России с Абхазией. Ахукдарский перевал назывался в те времена Сухумским. Теперь это название отмерло; в Сухуми тут никто не ходит.

21. У минерального источника на Аватхаре

да», целительный боржом. Его уже успешно испробовали на желудках больных в прибрежных санаториях. Воду туда привозили вьюками в бутылках по далеким тропам.

В поселке смешение языков: абхазы, армяне, греки. Реку все называют по-разному: одни — Аватхара, Аватгара, другие — Уатхара, Одохара и Вадагара. На карте стоит совсем нелепое «Ават-Гора» — результат явной опечатки. Еще больше разночтений у названия перевала и пика Анчо. Одни его называют коротко «Чхо», другие «Ачха», а кто-то произносит это название настолько в нос, что оно напоминает громкое чихание.

Чтобы подойти к поселку и источнику, нужно пересечь Аватхару по кладке шириною в одно бревно. Это возмущает Гошу и Сюзю, и они с негодованием отказываются заходить к источнику.

— Боржом мы пили и в киосках.

Переходим реку одни и выпиваем по кружке кисловатой газированной воды. Спрашиваю первого встречного старика, помогает ли лечение?

— Помогает, хорошо помогает.

— От каких же болезней?

— Против всего помогает. Против сердца помогает, против желудка помогает.

Неподалеку от источника колода, прикрытая буркой, из-под которой пробивается пар. Всеволод заглядывает под бурку и смущенно отходит: там сидит голый старик, принимающий горячую целебную ванну. Воду в корыте здесь нагревают так же, как и на Пслухе, — накаленными камнями.

Оглядываю долину. Уют, приволье. Гипрокуровцы должны были бы запланировать здесь новую здравницу. Как будет выглядеть в будущем долина Аватхары, превращенная в курортную местность? Где пройдет шоссе? Как

22. Зарубка с надписью экспедиции Евгении Морозовой

встанут коттеджи, ванное здание? Наверное, вот здесь, под пихтами: лес высокоствольный — значит, лавин тут не бывает!...

Впереди за сужением долины шумит более крупная река. Это Лашипсе.

Ночуем под пихтами у костра. Снова сушим обувь, промоченную еще в снегах перевала.

В ДЕБРЯХ ЛАШИПСЕ

От устья Аватхары Георгиади с лошадей отправляется назад.

Тропа вдоль Лашипсе изобилует такими кручами, что вьюкам здесь не пройти. Видно, что никто ее не трассировал, провели как попало, напролом. Пересекаем множество ручьев — обувь снова мокра.

Теперь мы сами навьючены всеми пожитками. Увесистые рюкзаки напоминают о себе и когда перелезаешь через упавшие стволы пихт и когда подтягиваешься на руках при подъеме на скользкие взлобки. Уже не один час длится этот утомительный путь.

На большом буке огромная зарубка, и на ней следы старинной каллиграфической надписи. Часть ее уже заплывла корой, и можно прочитать только обрывки слов:

*«едиция К.К.Г.
вьючную т
Рица
Б».*

На коре различима заплывшая дата: 1913, VII. Конечно, нехорошо расписываться на коре. Но это была запись экспедиции о постройке тропы — своего рода мемориальная доска. Мы как бы принимаем эстафету у людей, которые с топорами и пилами прорубали здесь двадцать один год назад первую тропу через дебри, у людей, которые уже тогда стремились к Рице, любили и изучали эту природу.

¹ Об этом скороспелом и наивном заключении, которое позднее сделали и строители курорта, я еще с горечью вспомню двадцать лет спустя.

Что означает «К. К. Г.»? Вспоминаю, что встречал и в библиографиях упоминание о «Записках Крымско-Кавказского горного клуба». При сокращении это название и дает «К. К. Г. К.». Последнее «К», вероятно, заросло корой.

В суженной части долины седая от пены Лашипсе бесится на порогах. Лес становится реже, а дно долины ровнее. Прогалины заполнены чащами рослых папоротников, «листья» которых — вайи — так огромны, что могут укрыть и пешехода и всадника.

Всем бы хороша долина Лашипсе: могучи ее древние леса; взгляд уходит и пенит, если хочешь увидеть верхушку пихты; густ подлесок с глянцевою темно-зеленой листвой. Только нет ни одной площадки с широким обзором — ни на ближние кручи, ни на дальние дали. А когда выходишь на папоротниковые поляны, то и вовсе с головою ныряешь в них, как в зеленые озера, — не видишь ничего, кроме колышущихся опахал, а в небо глядишь, словно из подводного мира.

Озеро открылось совсем неожиданно, темно-зеленое, гордо-спокойное. Предугадать его существование можно было только по тишине впереди — все время шумевшая справа от нас Лашипсе здесь, словно захлебнувшись водами Рицы, смолкала.

РИЦА

*И снова чудится и снится,
И никакие сны не лгут,
И островерхих пихт ресницы
Немое око стерегут.*

Мы на Рице. Долгожданное свершилось. Рюкзаки сброшены, и мы в оцепенении смотрим на открывшуюся нам черно-зеленую гладь. Как она отличается от откровенно синего Кардывача! Как непроходимо круты ее лесистые, поросшие пихтами берега! Склоны под сорок-пятьдесят, а то и под семьдесят градусов обрываются прямо в воду. Из озера вдоль берегов торчат пни и коряги — что это? Затопленный при образовании озера лес? Не только кипучая Лашипсе захлебнулась озерной водой. Вся долина затоплена озером, словно подпруженная, ушла под его воды со всеми своими скатами и кручами и затаилась там, на невидимом дне, как сказочный Китеж...

Отмелое побережье лишь там, где пойма Лашипсе упирается в озеро. Вот даже крохотный пляжик. На сыром гравийном грунте шагают пятерни округлых следов — медведь приходил на водопой.

Безлюдье, тишина. Мир совершенно новых красок, запахов, звуков. Еле всплескивается у уреза воды бахромка легкой ряби. Нет-нет и стрельнет что-то среди глади, и по воде расходится круг — это играет форель.

Переглядываемся и невольно улыбаемся. Какие мы счастливые и как мы сейчас благодарны один другому. Усталые, с мокрыми выше колен ногами, уже начинающие знобко дрожать, как мы награждены сейчас за дни нелегкой дороги, за дожди и снега. У Лены, когда она смотрит на Рицу, совсем не серые и не голубые, а зеленые, немножко русалочьи глаза...

Первое оцепенение кончилось. Теперь за костер, чтобы вызвать лодку.

В самой левой части поймы видно постоянное место сигнального огня, а под ближайшими пихтами — лагерные «плацкарты». Здесь ночуют те, кто не дождался лодки.

Взглянув на карту. На ней картина еще невероятнее, чем на Кардышине. Солнце клонится к западу, и нам видна через все озеро полоса закатного блика. Значит, Рица простирается с востока на запад. Почему же на карте она вытянута строго по меридиану?

Не прошло и часа, как в дальней части озера показалась лодочка с одиноким гребцом. К берегу причалил вооруженный охотничьим ружьем пожилой абхаз, неожиданно отрекомендовавшийся «комендантом озера».

Лодка с трудом вместила нашу группу. Всеволод сел на весла, и началось совсем новое удовольствие — скользить по зеленой глади, по отражениям дремуче-лесистых гор, следя за меняющимися очертаниями прибрежных круч. Сразу же справа открылась крутосклонная лощина с пенистым ручьем, падающим к Рице каскадами.

Вдоль берегов были видны новые и новые пни, торчащие прямо из воды. Хозяин лодки, имя его Диго, говорит, что не все они коренятся в дне. Есть и стволы, свалившиеся в воду при обвалах: они как бы поставлены на якорь грузом грунта и камней на их корнях.

Тихо всплескивают весла. Какая баркарола передаст это упоение, этот отдых?

Плывем близко-близко к северному берегу озера. Вдруг Диго вскидывает ружье, прицеливается в сторону лесного склона и стреляет, когда мы еще ничего не успели различить. У устья следующего ручья что-то метнулось в кустах. Подгребаем к берегу. Диго выскакивает и бегом устремляется в чащу. Через две минуты он появляется с еще продолжающей вздрагивать серной на плечах. Он кидает тушу в лодку и без того уже предельно нагруженную. Рога-тую головку, из которой хлещет кровь, опускает в воду, и теперь за лодкой тянется красный след.

Какою глушью встретила нас Рица! Серны и медведи ходят на водопой... Выстрел Диго прозвучал резким диссонансом в этой тишине. Больно было видеть умирающее животное. Сказочно замкнутый мир Рицы так соответствовал понятию «заповедник», казалось таким естественным, что человек обязан обеспечить неприкосновенность этой природы. Потом мы узнали, что Рицынский заповедник на бумаге уже существовал. Однако мы видели, как соблюдал эту «заповедность» сам лодочник-комендант.

На западе открылась совсем неожиданная картина. Нам стал виден противоположный конец озера, к которому примыкала более светлая по сравнению с пихтовой зелень соснового леса. А над Сосновой рощей высился страшный отвес — огромная двугорбая гора, ее словно топором обрубил по фасаду, обращенному к озеру. Ничего похожего на нее не было на всем Западном Кавказе. Сколько сотен метров в этой пепельно-серой стене? Над отвесом правой горбины виднелось наклонное плато, белое от молодого снега. На гребне левого горба торчал пальцевидный останец.

— Смотрите-ка, гора показывает кукиш: поди-ка влезь, — шутит впервые проявляющий склонность к юмору Гоша.

— Как называется вершина?

— Пшегишхва, — отвечает Диго. — А вон то — Ацетаква¹.

Из-за ближайшего справа мыса показывается целая гряда гор, блестящих белизною. Они высятся над Рицей с севера. Горы тоже покрыты молодыми снегами. В устье еще одной долины появляется окруженный высокими пихта-

¹ Абхазское произношение имеющегося на картах названия Ацетука.

ми домих метеостанции. На ней уже не один год обитают метеорологи-супруги Новопокровские, Николай Васильевич и Ольга Петровна.

МЕТЕОРОЛОГИ

Кто они? Вдвоем на дивном озере (Диго бывает здесь лишь изредка). Представлялась некая романтическая идиллия. Наверное, обрадуются нам — ведь не так часто бывают у них люди...

Однако, когда лодка причалила к домику метеостанции, нас никто не встретил. Из-за ближайших деревьев послышались звуки пилы; оба жителя Рицы распиливали огромную, недавно поваленную пихту.

Положив рюкзаки у домика, пошли к ним поздороваться. Как раз в это время метеорологи перестали пилить, и Николай Васильевич, взглянув на часы, заторопился — ему надо было спешить к приборам — наступал срок вечерних наблюдений.

Перед нами был просто одетый пожилой человек, бритый, с небольшими усиками и чуть отекающими щеками. Легче всего его было бы представить в бухгалтерском кресле. Он лишь сухоовато кивнул в ответ на наше приветствие. Не менее сдержанно поздоровалась с нами и жена, пожилая, худая женщина. Она взялась за лежавший тут же топор и начала с большой сноровкой обрубать ветви с верхнего, необчищенного еще конца пихты. Было видно, что такая работа для нее вполне привычна.

Всеволод первым догадался помочь ей.

— Ольга Петровна, — имя мы знали уже от Диго, — давайте мы вам подсобим!

Она с недоверием взглянула на него и улыбнулась:

— Буду очень рада.

Беремся с Всеволодом за пилу и дорезаем ствол, от него отваливается двухобхватная колода. Лена отобрала у хозяйки топор и взялась за очистку верхушки.

Вот с какой романтикой связано житье этой четы на уединенном озере: сами валят лес, сами его пилят-рубят, складывают в штабеля на долгую снежную зиму, живут по несколько месяцев вовсе отрезанные от мира (Диго покинет их в конце октября и вернется в мае)¹. Сами себе и пекари, и повара, и доктора. Почему-то нет радио — это уже от головотяпства начальников метеосети: могли бы раскошелиться на аккумуляторы.

Идем к домику. На крыльце сидят Гоша и Сюзя и недовольно произносят:

— Ну что же они нас не устраивают?

Ольга Петровна, пока мы допиливали, успела уже сказать нам, что их достаточно часто посещают туристы, и можно было понять, что гости порядком надоели метеорологам. Приходят усталые, требовательные, точно явились в гостиницу. В словах хозяйки прозвучало раздражение.

— Влезают и в нашу комнату, и в нашу душу, точно мы здесь выставлены напоказ, как дикие звери.

Действительно, ведь это рядовые служащие на нелегком посту и, может быть, без всякой потребности в актерском самопоказе. А их допекают вопросами: «А где вы спите?» «А как вы варите?» «А бывает ли у вас грипп?»

¹ Впрочем, в апреле 1934 года их навестила группа смелых туристов-лыжников.

23. Так выглядела метеостанция на Рице в 1936 году

И это помимо естественного круга географических вопросов, которые любой турист все равно задает, если ему не читают обзорной лекции. Без этого не обходимся и мы. Но вернувшийся с площадки Николай Васильевич уже почувствовал в моих вопросах профессиональный интерес краеведа — поэтому отвечает охотно.

Мы приглашены к топящейся печке, и вскоре Всеволод с Леной угощают и гостей и хозяев вкусным ужином и крепким чаем.

Проверяю, не врет ли мой высотомер? Расхождение с приборами Рицы пустяшное. В чем же дело, почему он показывает давление, свойственное высоте в девятьсот с лишним метров, а на карте у Рицы показана отметка всего около пятисот? К озеру спускаются пихты — это тоже признак того, что уровень озера в действительности намного выше.

Николай Васильевич смеется.

— Вы еще не знаете о нашей беде. Непостижимое дело — как и кто наносил на карту наше озеро. Оно сдвинуто с места на несколько километров вниз по Лашипсе, вытянуто вместо широтного в меридиональном направлении и к тому же потеряло четыреста метров высоты. Либо топографы были пьяны, либо вообще наносили Рицу по расспросным данным. Ведь об этом знали еще до революции, писали в печати.

— В печати? Где? — В своих поисках я еще не сталкивался ни с какими материалами о Рице.

— Ну, как же. Была тут в 1913 году экспедиция Крымско-Кавказского горного клуба (сразу вспоминаю надпись на зарубке). Руководила ею Евгения Морозова. Ее-то статья о Рице и напечатана в журнале «Землеведение» за 1914 год. Там приложена и исправленная карта озера, и об ошибках старой съемки сказано.

...«Землеведение». Впервые слышу это название. Какое хорошее слово! «Ведать Землю»... До сих пор я чувствовал себя краеведом Красной Поляны, «ведал» совсем маленький край. Сейчас этот край стал расширяться, я почув-

стивил потребность видеть и Рицу, и Апатхару, и Юпшару. А какая захватывающая мечта — видеть Землю!

Милая неизвестная мне Евгения Морозова — она старше двадцати лет назад стремилась на совсем неизвестные тогда озера Кардывач и Рицу, изучала их, исправляла карты, печатала о них статьи.

Спрашиваю Николая Васильевича:

— Успели ли вы пройти по Юпшаре?

— Нет еще, только слышал, что это ущелье замечательной красоты. Раньше редкий охотник дерзал по нему пролезть до половины — и то лишь в малую воду. Прямой короткий обход над ущельем знает один Диго — там так трудно идти, что мы и не пробовали. А теперь у нас будет совсем другая жизнь, летом, конечно (на зиму будем все равно отрезаны). Теперь до Бзыби всего двадцать два километра — без единого перевала. Это совсем не то, что сюда мы шли — с вьюками, через тяжелые хребты, через Эпир на Хырке, по Геге...

— А сколько же километров по Бзыби до Гагр?

— Девятнадцать уже готового шоссе до Калдахвар, а там по береговому шоссе подсадит любая попутная. Да и по Бзыби лесовозные машины подвезут. Сейчас мы за один день можем оказаться в Гаграх.

Меня осеняет превосходная мысль. Наш маршрут рассчитан на шесть дней, а завтра всего лишь пятый. К морю можно выйти за день. Неужели мы не заслужили дневку на Рице?

Всеволод и Лена радостно соглашаются, а Гоша и Сюзя смущены и испуганы. Они так надеялись, что завтра же окунутся в море, выйдут «из этих гор»...

Просим у хозяев разрешения передневать, они охотно соглашаются, а Гошу и Сюзя вызывается прихватить с собою Диго — он завтра уходит по Юпшаре на Бзыбь. Диго угощает нас шашлыком из только что убитой серны.

РОЖДЕНИЕ РИЦЫ

Как жаль, что в таком путешествии вообще приходится спать. Ведь неповторимо, невозстановимо каждое утраченное мгновение.

Проспал ночную Рицу. А она ли не хороша, не загадочна? А какие на ней рассветы?

Диго будит спутников рано. Николай Васильевич уже на ногах, у приборов. Говорит нам:

— Поезжайте-ка к истоку Юпшары, да попробуйте пройти через Сосновую рощу к Малой Рице.

— К Малой?

— Да, есть тут еще одно озеро. Я на нем и сам еще не был, дорога трудная, и между наблюдениями туда-обратно не уложиться. Но те, кто там побывал, приходят очарованные.

— А как искать это озеро?

На карте западнее Рицы действительно показано крохотное безымянное озерцо. Но этому нельзя верить — на карте и Большая Рица стоит не на месте. Метеоролог рассказывает, что знает. Идти нужно Сосновой рощей по монашеской тропе, меченой крестами на стволах (еще не так давно на Рице жили монахи). Потом брать правее, вверх... Ну, там и озеро.

Инструкция расплывчатая. Но разве теперь утерпишь?

Быстро проглатываем чай и грузимся в лодку. Диго волочит с собой на продажу мясо убитой серны.

Николай Васильевич едет с ними, чтобы вернуться с лодкой.

Снова слушаем молчание зеленого озера, нарушаемое мерными всплесками весел.

Круги от этих всплесков иногда пересекаются кругами от играющей рыбы.

По пути метеоролог рассказывает нам о предположении Евгении Морозовой по поводу происхождения Рицы.

— Впрочем, лучше начать со сказок. А сказку нам расскажет Диго.

Старый абхаз с готовностью выкладывает легенду. От многократного повтора она ему, видимо, приелась, поэтому он немногословен. Русской речью владеет неплохо, хотя и говорит с акцентом.

— Озера прежде не было. Была просто река. Лашипсе текла. Здесь вдова жила. Рицха звали. Бедная вдова, много детей. Голодная была, дети голодные. Пошла к богатому князю, украла хлеба. Князь заметил, вдову поймал, больно побил. Вдове стыдно, и дети голодные. Она как закричит — ругать стала князя, сильно ругала.

— Прокляла,— подсказывает Николай Васильевич.

— Да, да — прокляла. Так громко прокляла, что затряслась земля, раскололась Пшегишхва на две части. Одна половина обвалилась и задавила князя. И богатый дом завалила. А река уперлась в камни — и вот сделалось озеро.

Теперь снова включается Николай Васильевич.

— И знаете, что самое интересное? Что выводы Евгении Морозовой, а она географ, очень близки к этой сказке. Есть и еще несколько вариантов легенды, в том числе с романами и изменами, но и в них говорится об обвале горы, иногда о провале и образовании озера на глазах у человека. Морозова так и пишет в своей статье, что гора обвалилась и запрудила долину. Озеро накопилось перед запрудой. Затопленные стволы торчат до сих пор.

Слушаю все это как откровение. Конечно, приходилось и читать и слышать о горных катастрофах. Умом понималось, что долины прорезаны реками, а горы как-то подняты при помощи складок или взбросов... Все это было книжно, нереально. А тут воочию виден результат великой катастрофы. Действительно, нет половины горы — она рухнула, поверженная проклятием вдовы, как говорит легенда. И то, что именно здесь возникло такое чудо-озеро, не имеющее подобий за сотни километров вокруг, оказывалось тоже следствием исключительности катастрофы...

Близится берег. Через Юпшару легко перейти: ее исток из озера с поверхности забит стволами деревьев, вынесенных сюда через Рицу.

— А потом Юпшара и вовсе играет в прятки,— говорит метеоролог.— Вода ее исчезает в промоинах и километра два течет под землей. Можете сходить и туда. К вечеру вернетесь — кричите. С этого конца озера голос нам слышен, да и видно неплохо.

Гоша и Сюзя уже впряглись в рюкзаки. Прощаемся с ними по-хорошему. Все же они стали лучше за наш путь, на Рице уже не ссорились. Да и кто теперь будет нам «оттенять» наше счастье?

Прощаемся и с Диго. Трое уходят по тропе вдоль Юпшары, а мы, тоже трое, переходим Юпшару по плотно закупорившим ее исток бревнам.

НА ПОИСКИ МАЛОЙ РИЦЫ

Тропка ведет на подъем, извиваясь между огромными известняковыми глыбами. Попадаются заплывшие смолою зарубки в виде крестов — их делали

монахи. Изменился самий воздух — он здесь ароматный, густой, осизаемый. Нас окружают уже не пихты, а высокие солнечные сосны — кто же еще, кроме сосен, мог ужиться на этом безводном нагромождении ноздренатых глыб, рупущих когда-то с Пшегищны? Сомнения нет, мы идем по обвальному хаосу. Камни разные — есть с чемодан, а есть и с двухэтажный дом. Уже полторы сотни метров под нами, и сквозь редкие стволы сосен внизу различается матовая гладь малахитовой Рицы. Еще одно подтверждение завета: на каждое любимое место надо посмотреть сверху.

Присматриваемся к соснам — какой у них странный вид. Все боковые ветви почему-то дугообразно загнуты вниз, а каждая ветвь в отдельности закручена вдоль своей оси, как штопор. Упавшие ветки, валяющиеся под ногами, скручены так, точно их жгутом выжимали прачки...

Тропа забирает вправо, круто на подъем, уводя с хаосных камней на коренной хребет, поросший пихтами. Какое же озеро на хребте? Нет, надо держаться левее, ближе к соснам. Но левее уже нет тропы. Начинается отнюдь не безопасная гимнастика: прыгаем с глыбы на глыбу, продираемся через кустарники. Камни настолько оголены, щербаты, оскалены, что упасть — значит, разбить голову, поломать руки-ноги. Лезем час, другой — нет и намека на озеро. Всеволод залезает на сосну, но и с высоты не может понять, где прячется Малая Рица.

Берем правее. У стыка известнякового хаоса с крутым склоном коренного хребта, поросшего пихтами, встречаем несколько бессточных западинок метров по тридцать-сорок в поперечнике. Может быть, в такой и лежит озеро?

Предположение, точно на смех, подтверждается. В одной из впадин покоится полузагнившая и лишь немного не успевшая пересохнуть лужа. Какой мрачный юморист посмел назвать ее Малой Рицей!

Издеваясь друг над другом, подходим к воде. Часть лужи исчезла недавно, и на еще сыром грунте видны сочные, словно вылепленные, следы медвежьих лап. Бедный миша! Среди окружающих обвальных глыб такое безводье, что приходится дорожить и подобным прокисшим водопоем.

Всеволод выбирает место, где особенно отчетливо отпечатаны лапы медведя, и ставит между следами свою ногу в большом горном ботинке, подбитом шипами. Затем отходит в сторону и фотографирует свой след среди медвежьих. Как весело будет показывать и рассказывать:

— Смотрите-ка, стоял медведь, а я под него ногу поставил!

Нам это кажется остроумным, и мы весело смеемся. Надо же хоть чем-нибудь утешаться.

Съедаем около этого «озера» небольшой захваченный с собою завтрак. Да-с, нужно было быть немалыми чудаками, чтобы драгоценную дневку на долгожданной Рице променять на поиски этой лужи.

Ломимся обратно через кусты, карабкаемся по глыбам. Часа через полтора выходим на монашескую тропу. Мы снова на Рице.

На мой громкий крик из домика, хорошо видного от истока Юпшары, к лодке выходит Николай Васильевич. Подплывая, он спрашивает нас прямо с лодки:

— Ну, как, нашли Малую Рицу?

Смущенно улыбаясь, отвечаем, что нашли, но что вряд ли следовало этим заниматься.

— Почему же так?

— Да что с нее взять — грязная лужа!

Николай Васильевич смущается, словно это он виноват в неудаче.

— Нет, товарищи. Вы, видимо, где-то не там были. Ведь Милля Рица — большое озеро, говорят, голубое, а шириною чуть не с полкилометра.

Можно ли было нас сильнее смутить? Большое лазурное озеро. И мы его не нашли. Фотографировали медвежьи следы у какой-то лужи!

Метеоролог несколько раз закидывает удочки и вылавливает чудесных рыбок — сереньких, с розовыми крапинками на боках.

Ужинаем бархатно-нежной форелью.

Искать второе озеро у нас уже нет времени — срок моей отлучки с турбазы истекает.

ПО ЮПШАРЕ

Как выразительны бывают названия: Юпшара! Вслушайтесь в шарящий шорох этого слова. И запомните его — так называются река и ущелье, которое достойно соперничать с величайшими теснинами Кавказа.

Еще так недавно мало кто знал о Юпшаре! Чтобы проникнуть в нее, пришлось построить тропу с двадцатью четырьмя мостами: девятнадцать на Юпшаре и пять на Геге.

Входим в ущелье. Огромная серая скальная стена слегка раздалась тесным расщепом, точно ее рассادили ударом топора. По обе стороны реки взметываются вверх призрачно-серые отвесы высотой по нескольку сотен метров. Коридор при такой крутизне стен удивительно извилист. Кажется, будто вот замкнется изгиб, не найти уже выхода, и реке не вырваться отсюда к морю иначе как через туннель. Но за каждым тупиком открывается новый поворот, и снова есть брешь, в которую можно устремиться воде.

Как ни странно, запоминается не мрачная каменистая пропасть, а пышная буйная зелень. Деревья ютятся на каждом уступе, укореняются в каждой трещине на самых страшных отвесах. Тут и готические силуэты темно-зеленых елей и пихт, и кущи более светлых буков, грабов, дубов и каштанов. А на дне льнувшие к влаге ольхи и заросли папоротника в человеческий рост.

Девственной свежестью напоена вся природа. Свежестью и вместе с тем глубокой древностью. Точно в музее, сохранились тут потомки деревьев, живших в давно прошедшие времена третичного периода и переждавших под защитой кавказских хребтов невзгоды последовавших ледниковых эпох. Вот допотопные даже по виду тисы с лоснящейся неколючей хвоей и ветхозаветный самшит с мелкими овальными кожистыми листочками. Вот маленькие рускусы, или иглицы, с ягодками, нелепо растущими на тыльной стороне «листьев» (ботаники вынуждены поэтому считать такие листовидные пластинки не листьями, а лишь расширениями боковых веток стебля).

Повсюду блестит, словно глазированной, листва подлеска. Плети плюща свисают праздничными гирляндами со скал, купаясь в реке, то взбираются на деревья. Обвивая стволы, плющ преобразует их в могучие колонны, как бы созданные из одних трепещущих вечнозеленых листьев, — колонны блеска, мерцания, ликования. Местами плющ выстилает сплошными глянцевыми коврами мшистые скалы.

Тропа ведет нас по дну теснины, куда только на два-три часа в день заглядывает солнце. Здесь таится главное богатство Юпшары — самшитовый лес. Он похож на заколдованное подводное царство — так велика замшелость

трихующей подпорки. Связь дрожала, как осиновый лист. Чем менее решительно она ступала на мокрые уступчики, тем сильнее скользили ноги.

К общему удивлению, пожалуй, даже больше, чем она, на этой «лестнице» прожал Гоша. Его тоже пришлось встречать, ловить за щиколотки и прижимать ему башмаки к грунту.

Спущенные таким образом супруги вместо благодарности разворчались и мой адрес: сотрудник турбазы, а повел живых людей по такой обезьяньей тропке!..

«Обезьянья тропка»... Это выразительно. Пожалуй, так и отметим это место на чертеже.

Как важно пройти весь маршрут самому! От Димитрия я об этой каверзной тропке не слышал. В письмах туристов лишь раз было шутливое упоминание о писании какого-то толстяка на корнях. А ведь при плохой погоде и на таком шестяковом месте могут быть аварии.

НАРЗАНЫ

Мост через Пслух. Давно ли под Псеашхо я видел жалкие истоки этой реки, сочащиеся из перевальных болотцев? А сейчас это вздутая дождем, хмуро рычащая порожистая река, полная кофейно-пенистой жижи.

За небольшим хребтиком поселок из балаганов. Высотомер показывает 650 метров над морем. Для пастухов это слишком низко. В лесной зоне на такой высоте не бывает обширных пастбищ. Оказывается, это народный курорт — курорт на углекисло-щелочном источнике. Пятнадцать фанерно-драночных шалашей, в них дымят очаги, на нарах сидят и лежат старики, старухи, люди средних лет. Многие пришли издалека, с побережья, — жалуются на печень, на желудок. Все они верят в чудодейственность «нарзана». Воду пьют, в ней же купаются. На костре накаляют большой камень, бултыхают в корыто, и он нагревает воду. Парятся в нестерпимо горячей ванне. Источник сочится рядом. Дебит его скромненький, но на небольшой поселок воды хватает. Достаем кружки и пьем. Вода типа боржома, в меру газированная.

Переждать ли дождь в балаганах? По мнению хозяев, ненастье затяжное. Всухомятку перекусив, решаем двигаться вперед.

Утомительный скользкий подъем выводит на поляны с высокой травой и одичавшими грушевыми деревьями. Это Грушевая поляна — одно из самых верхних черкесских аулищ: высота здесь более тысячи метров над морем.

До сих пор нас поливало сверху, а в траве полян мы сразу же промокли с головы до ног. Башмаки так хлюпали, что можно было шагать вброд через любой ручей, не ища сухих переправ.

Тропа повела косогором, вверх по долине Мзымты, но высоко — метров триста-четырееста над рекой. Упрямо, даже под дождем, веду записи в почти раскисшем блокноте, вычерчиваю путь на кроки, записываю измерения.

Как, наверное, хороша эта тропа в ясный день: за Мзымтой должны проступать сквозь лес дальние вершины Аибги, а может быть, уже и Агепсты? Но видим только морозящую муть. Надоедливо чередуются мелкие подъемы, спуски, броды. Час, два, четыре...

Наконец шум Мзымты приблизился. Проводник показал на тропку, юркнувшую вправо — к знаменитому Энгельмановскому нарзану, который раньше даже прозван был Царским за высокое содержание газа и щедрый дебит.

20. Ю.К. Ефремов у нарзанного источника

Уговариваю товарищей, как мы ни устали, зайти к источнику. Гоша с Сюзей предпочли шагать за проводником не сворачивая. Мы же втроем идем к источнику.

У стремительных мутных вод Мзымты ржавые камни с железистыми натеками от минеральной воды. В небольшой ямке кипит энергичный ключ, и в его воде разбегаются серебристые пузырьки углекислоты. Пьем из ладоней, каждый закашливается от бьющего в нос и в легкие газа. Да, это не пслухская водичка. Недаром Энгельмановский нарзан когда-то так славился.

Мне доводилось читать, что камни вокруг источника бывают засыпаны трупами насекомых, задохнувшихся в углекислом газе, который заполняет впадинку. При нас ничего подобного не было: может быть, смыл дождь? Возвращаемся на тропу. Лес расступился и дал место пастбищам, раскинувшимся во всю ширину дна просторной долины Мзымты.

Вот она такая, Энгельманова поляна!¹ Мы ее видим ненастную, а с нее должны открыться совсем новые горы...

У длинных строений молочной фермы эстонского колхоза пасется наша уже развьюченная лошадь. Скота вокруг не видно, он сейчас выше — на Тихой речке. На ферме всего двое жильцов. Нас гостеприимно встречают, приглашают к очагу, показывают место на сеновале для ночлега.

В накрытых клеенками вьюках вещи остались сухими. В считанные минуты Всеволод и Лена достают фуфайки и запасные штаны, надевают сухую одежду и весело выжимают намокшую. Стараюсь не отставать от них и через пять минут чувствую себя согрешшимся и взбодренным. Лена, никого не спрашивая, уже укрепляет над очагом кастрюлю с водой для супа, а Всеволод раз-

¹ Названа так по имени землемера Энгельмана.

дунает рядом второй костерок, натягивает над ним перенки. Разнешиваем мокрые вещи. Скоро от них повалили клубы пара. Рисовый суп с мясными консервами — такой густой, что ложка стоит, — кажется нам чудом кулинарии. Утошаем хозяев, а от них получаем кружок влажного самодельного сыра.¹

У очага сидят нахохлившиеся супруги. Они пришли сюда за полчаса до нас, но все еще не сняли с себя мокрую одежду. Когда мы пришли, они спешно, всухомятку, что-то дожевывали и смущенно прятали бумажки из-под шоколада. Мы уже устроились спать на ароматном сеновале, а они только теперь решили переодеться. Сушить вещи вообще не захотели: «Зачем, когда завтра все равно все промокнет?»

Ночью не раз просыпаюсь от ворчливого шепота: все спят, только эти двое вертятся с боку на бок и точат друг друга за неудобства ночлега.

Невольно сопоставляю поведение двух своих новых друзей, видимо, бывших туристов, их находчивость, непринужденную веселость с поведением... не только Гоши и Сюзи, но и со своим собственным в недавнем походе на Псеишо. Теперь я вижу, как можно и нужно делать радостными даже ненастные походы.

НАСТОЯЩЕЕ ГОРНОЕ ОЗЕРО

*Мир опрокинут, сломан надвое
Бездонной емкостью зеркал.*

Утро пасмурное, но облака реже, разрозненнее. Идем по высокотравью и, хотя дождь почти закончился, намокаем снизу по пояс, двигаясь в высокой мокрой траве: логика Гоши торжествует?

Среди пересекаемых нами ручьев выделяется один — белопенный, удивительно круто падающий — его воды скачут, грохочут камнями. На мой вопрос о названии ручья Георгиади отвечает:

— Сумасшедшая речка¹.

Поляны, перелески. Вот место недавно разобранных балаганов. Пастухи недаром снимаются с горных пастбищ в начале сентября — знают, что тут их может застать снег.

Мокро, холодно, но уже километров через десять награда: вылившиеся на нас облака исчезают, как волшебные занавесы в «Синей птице», — и вот он перед нами, парад гор в верховьях Мзымты — ослепительный, сверкающий.

Георгиади прозаически роняет:

— Нас дождик мочил, а на горах снег выпал.

Ну, конечно, это же новый снег, такой же пронзительной белизны, какую я видел позапрошлой осенью. Сейчас в слепящее серебро оделись вовсе небольшие мне вершины и ближе всех громада Агепсты с ледником Хымс-Анёкё, распластанным по ее склону, как шкура белого медведя.

Мы на большой поляне. Здесь Мзымта сливается из двух истоков. Видный нам справа (а по течению он левый) — течет из-под горы Ацетуки и называется Азмыш². А видный левее (по течению он правый) — это и есть собственно

¹ Ее старинное название — Ариеш.

² По-разному называет эту речку разноплеменное население Черноморья — абхазы, эстонцы, греки, имеретины, армяне — Азмыш, Бзыч, Мзымта-Мзыч, Адзмыш, а в труде А.Л. Рейнгарда она же по недоразумению названа Лаишпсе.

Мзымта. В ее истоках сплошной скалистый барьер из белоснежных першин — каким же сокровищем должно оказаться притаившееся под ними горное озеро?

К устью Мзымты мы запрямимся с Кардывача, так как именно отсюда ведет тропа на Ахукдарский перевал к Аватхаре. Услышав об этом, Гоша спрашивает:

— А стоит ли заходить на Кардывач? Заночевали бы прямо здесь — дюжины километров экономии!

Для чего же тащится с нами этот человек? Чего он хочет от путешествия, если, находясь всего в шести километрах от одной из главных целей нашего похода, может думать о том, чтобы на Кардывач даже не взглянуть?! Конечно, протестуем. Сюзя и та его не поддерживает — наверное, из духа противоречия...

В высокой траве то и дело раздаются шуршание — какие-то существа, выбравшиеся после ненастья на тропу погреться на солнышке, уступают нам дорогу. Георгиади уверяет, что это змеи и, словно в подтверждение своих слов, неожиданно останавливает лошадь, наклоняется и с размаху грохает во что-то камнем. Второй удар, третий. Подбегаем и видим извивающееся тело яркой змеи с разможенной головой. По спине вместо зигзага, свойственного обычным гадюкам, бежит полоса оранжевых ромбов. Это знаменитая красная кавказская гадюка — гадюка Кознакова. Я уже не раз рассказывал туристам, что от ее укусов погибает немало скота. Животные гибнут не столько от общего отравления, сколько от отека дыхательных путей.

Георгиади стоит над поверженной гадиной в позе Георгия Победоносца и рассказывает известные ему случаи смертельных укусов. Гоша и Сюзя в ужасе спрашивают, как же теперь быть... Он успокоительно отвечает:

— На вас змея сама не нападет, она уходит. Вы слышите, они нам дорогу дают? Не надо им только на хвосты наступать.

— А за что же они коров кусают?

— А корова их мордой тычет, когда траву ест, — вот змея и защищается.

Не утешить ли Гошу и Сюзя, что их никто не укусит в лицо?

Все ближе грозные кручи, образующие амфитеатр. На дне чаши и должно прятаться озеро. Лес уцелел только на склонах, не подверженных лавинам, а такие склоны тут встречаются редко. Под ногами появляется выпавший вчера и еще не стаявший снег.

Тропа подводит к совсем тихой и маленькой Мзымте. Рядом ее исток. Идем вброд, не разуваясь — ноги все равно мокры. В ледяной воде новорожденной реки их обожгло и заломило. А впереди уже видна полоса неправдоподобно резкого синего цвета, ни на что окружающее не похожая, словно испускающая самостоятельный свет. Бегом к этой сини! Замираем, очарованные, подавленные.

Глубина, тишина, прозрачность. Синева самодовлеющая, неведомо откуда берущаяся, заставляющая голубеть серые камни на дне. Синева, усугубленная белизной прибрежных полей, покрытых снегом.

Местами к воде склоняются кусты и деревья. С гор струятся нити водопадов. На той стороне водоема виден бурный поток, впадающий в Кардывач из глубокой долины. Этот поток сразу же хочется назвать Верхней Мзымтой. Его долина неподалеку от озера скрывается за кручами горы, которую Георгиади назвал Лююбом.

Гляжу на карту и перестаю понимать. Ничего похожего на долину Верхней Мзымты на карте нет. Прямо от Лююба на юго-восток вплотную к Кардывачу

показан сплошной, ничем не прерываемый фронт скалистых круч. Мы же видим, что и этом барьере есть брешь — глубокая, изгибающаяся верховьями на север долина Верхней Мзымты!

Мокрые, притопываем на нестаявшем снегу. Но разве превозможешь такой обжигающий холод.

И у Всеволода и у Лены, когда они смотрят на Кардывач, удивительно голубеют серые глаза. Георгиади даже не торопится развьючивать лошадь. Забыли и Гоша с Сюзей — вот уже десять минут они, такие же иззябшие, как и мы, стоят, прикованные к таинственной бирюзе. Стоят и — это надо оценить! — не точат, не попрекают друг друга. Наверное, Гоша понимает теперь абсурдность своего предложения — не заходить на Кардывач...

В те годы на озере существовал сарайчик — «лагерь» заповедника (позднее его разрушило лавиной). Здесь пришлось все делать самим — не было ни пыльного очага, ни запаса воды. В числе прочих «нарядов» прозвучал и такой:

— Гоше и Сюзее — за топливом!

Они покорно исполнили повинность.

Снова костер, варка, выжимание и сушка одежды, ночь в холодном приюте у почерневшего озера. Это был первый вечер и первая ночь, когда никто не норчал.

ЗАГАДОЧНЫЙ СЛЕД

В дальнейший путь мы решили отправиться после полудня — ведь от Аватхары нас отделяло всего восемнадцать километров. А с утра можно было осматривать Кардывач. Однако выяснилось, что Сюзья пересушила туфли, они скрючились и трут ноги. А Гоша пропек над очагом до дыр свои штаны. Взаимные упреки супругов заняли у них всю первую половину дня. Поэтому идем вокруг озера только втроем, с Всеволодом и Леной.

В полевой сумке со мною путешествуют и кое-какие записи, среди них конспекты статей инженера Сергеева и Евгении Морозовой о Кардываче. Верхнюю Мзымту эти авторы упоминают, но не называют. Есть намеки и на неточность карт. Скалистая громада, высящаяся над озером с северо-востока, называется Цындышха. На карте имя отсутствует. С востока вздымается массив Кардывач — узел, в котором к Главному хребту примыкает Ахукдарская перемычка — водораздел Мзымты и Бзыби. С северо-запада поднимается Люоб. Все это гиганты по три тысячи метров высотой и выше (а зеркало озера лежит на уровне 1860 метров). Только на юге встает более низкий (два с половиной километра), похожий на каравай, луговой массив с лесистым нижним склоном. Сергеев называет этот массив Кутехеку. Где-то через него есть прямой путь на Аватхару.

Уже на пути вокруг озера мы увидели на снегу крупный человеческий след. Кто-то шел по направлению к Верхней Мзымте. А мы-то думали, что мы здесь одни. Но кого же еще и что заставляет шагать по таким снегам?

Пытаясь разгадать тайну, обошли озеро справа и оказались на противоположном его берегу. Прямо за озером встала Агепста, и в водной глади опрокинулась вся ее громада с белой кошмой ледника в центре.

А что если немного подняться по заснеженному склону? Дорога сырая и скользкая, но мы вознаграждены.

Как важно увидеть красивое место сверху, обнять его единым взглядом! Кардывач под нами — вот он, весь виден: стеклянный пятиугольник с немно-

го идущимся к озеру лесистым мыском. Как странно позеленели и потускнели, стала задумчиво-матовой его зеркальная гладь. Тихий исток Мзымты. Ровный далекий шум водопадов. Белизна молодых снегов. Осторожно спускаемся. Под снегом таятся коварные острые камни. Падать нельзя. Хвататься руками за траву неприятно — на ней рыхлый и мокрый снег. Местами он, осыпаясь, образует игрушечные лавинки: налету нарастают большие шары — совсем как при зимних мальчишеских играх.

У Верхней Мзымты мы снова встречаем свежий след. Человек совсем недавно, не позднее сегодняшнего утра, прошел один вверх по долине. Кто это? Охотник? Но ведь на территории заповедника не должно быть охотников! Спускаемся к озеру, не теряя следа. Посмотрим, откуда он ведет. Это уже интересно: совсем не то, что читать о следопытах в книжках. Шаг за шагом по берегу. След исчез. Отыскиваем его в стороне от берега неподалеку от вдаввшегося в озеро мыска с ручьем. След спускается к воде прямо с горы из кустов. Следовательно, он ведет со стороны Абхазии, с Кутехеку...

Я слышал, что заповедник вынужден бороться с браконьерами, но в душе как-то не верил: думалось, кто же станет нарушать закон, чтобы добыть какого-то тура... Но след был реален и шел с незаповедной территории. Да, наверное, это и был браконьер.

У БУДУЩЕГО КУРОРТА

Возвращаемся к устью Азмыча — здесь еще один брод через Мзымту. Держимся левых троп, чтобы не уйти к болотам Азмыча под Ацетуку. Но и тут болот достаточно. Наши ноги третий день мокры, а болота Карантинной поляны¹ после дождей покрылись непросыхающими лужами.

Ахукдарский перевал, превышающий две тысячи метров, был тоже под снегом. Отсюда открылась вся долина Мзымты и бастионы ее левобережья от пирамид Ацетуки до «шишек» краснополянской Аибги. Все это снежное, блистательное...

На лице Гоши растерянное восхищение — он впервые на высоком панорамном пункте.

А впереди? Новый мир хребтов, искрящихся снегами. Глыбы Аджары на Главном хребте. Изолированный конус Анчхо. Под ним еще один перевал на продолжении старой Сухумской тропы, ведущей через легендарную долину Псху. Рядом множество неведомых гор — все это бассейн Бзыби. В нем где-то правее таится загадочная Рица...

Но лучшее внизу. Прямо у ног, в обрамлении пихтовых склонов лежит перед нами приветливая луговая долина Аватхары — цель дневного перехода. Как приятно спускаться в этот зеленый уют с мокрых снежных гребней!

Крутой недолгий спуск криволесьем и лесом — и вот уже одна за другой светлые травянистые поляны, каждая манит встать на ней лагерем, задержаться надолго. Правее за речкой Аватхарой, подобный пслухскому, народный курорт — поселок из балаганов. Здесь из-под земли бьет аватхарская «живая во-

¹ Здесь в старину существовал карантинный пост, наблюдавший за передвижениями стад на границе России с Абхазией. Ахукдарский перевал назывался в те времена Сухумским. Теперь это название отмерло; в Сухуми тут никто не ходит.

21. У минерального источника на Аватхаре

да», целительный боржом. Его уже успешно испробовали на желудках больных в прибрежных санаториях. Воду туда привозили вьюками в бутылках по далеким тропам.

В поселке смешение языков: абхазы, армяне, греки. Реку все называют по-разному: одни — Аватхара, Аватгара, другие — Уатхара, Одохара и Вадагара. На карте стоит совсем нелепое «Ават-Гора» — результат явной опечатки. Еще больше разночтений у названия перевала и пика Анчхо. Одни его называют коротко «Чхо», другие «Ачха», а кто-то произносит это название настолько в нос, что оно напоминает громкое чихание.

Чтобы подойти к поселку и источнику, нужно пересечь Аватхару по кладке шириною в одно бревно. Это возмущает Гошу и Сюзю, и они с негодованием отказываются заходить к источнику.

— Боржом мы пили и в киосках.

Переходим реку одни и выпиваем по кружке кисловатой газированной воды. Спрашиваю первого встречного старика, помогает ли лечение?

— Помогает, хорошо помогает.

— От каких же болезней?

— Против всего помогает. Против сердца помогает, против желудка помогает.

Неподалеку от источника колода, прикрытая буркой, из-под которой пробивается пар. Всеволод заглядывает под бурку и смущенно отходит: там сидит голый старик, принимающий горячую целебную ванну. Воду в корыте здесь нагревают так же, как и на Пслухе, — накаливаемыми камнями.

Оглядываю долину. Уют, приволье. Гипрокуровцы должны были бы запланировать здесь новую здравницу. Как будет выглядеть в будущем долина Аватхары, превращенная в курортную местность? Где пройдет шоссе? Как

22. Зарубка с надписью экспедиции Евгении Морозовой

встанут коттеджи, ванное здание? Наверное, вот здесь, под пихтами: лес высокоствольный — значит, лавин тут не бывает!...

Впереди за сужением долины шумит более крупная река. Это Лашипсе.

Ночуем под пихтами у костра. Снова сушим обувь, промоченную еще в снегах перевала.

В ДЕБРЯХ ЛАШИПСЕ

От устья Аватхары Георгиади с лошадей отправляется назад.

Тропа вдоль Лашипсе изобилует такими кручами, что вьюкам здесь не пройти. Видно, что никто ее не трассировал, провели как попало, напролом. Пересекаем множество ручьев — обувь снова мокра.

Теперь мы сами навьючены всеми пожитками. Увесистые рюкзаки напоминают о себе и когда перелезаешь через упавшие стволы пихт и когда подтягиваешься на руках при подъеме на скользкие взлобки. Уже не один час длится этот утомительный путь.

На большом буке огромная зарубка, и на ней следы старинной каллиграфической надписи. Часть ее уже заплывла корой, и можно прочитать только обрывки слов:

*«едиция К.К.Г.
вьючную т
Рица
Б».*

На коре различима заплывшая дата: 1913, VII. Конечно, нехорошо расплываться на коре. Но это была запись экспедиции о постройке тропы — своего рода мемориальная доска. Мы как бы принимаем эстафету у людей, которые с топорами и пилами прорубали здесь двадцать один год назад первую тропу через дебри, у людей, которые уже тогда стремились к Рице, любили и изучали эту природу.

¹ Об этом скороспелом и наивном заключении, которое позднее сделали и строители курорта, я еще с горечью вспомню двадцать лет спустя.

Что означает «К. К. Г.»? Вспоминаю, что встречал в библиографиях упоминание о «Записках Крымско-Кавказского горного клуба». При сокращении это название и дает «К. К. Г. К.». Последнее «К», вероятно, заросло корой.

В суженной части долины седая от пены Лашипсе бесится на порогах. Лес становится реже, а дно долины ровнее. Прогалины заполнены чащами рослых папоротников, «листья» которых — вайи — так огромны, что могут укрыть и пешехода и всадника.

Всем бы хороша долина Лашипсе: могучи ее древние леса; взгляд уходит в лесит, если хочешь увидеть верхушку пихты; густ подлесок с глянцево-вечной зеленой листвой. Только нет ни одной площадки с широким обзором — ни на ближние кручи, ни на дальние дали. А когда выходишь на папоротниковые поляны, то и вовсе с головою ныряешь в них, как в зеленые озера, — не видишь ничего, кроме колышущихся опахал, а в небо глядишь, словно из подводного мира.

Озеро открылось совсем неожиданно, темно-зеленое, гордо-спокойное. Предугадать его существование можно было только по тишине впереди — все время шумевшая справа от нас Лашипсе здесь, словно захлебнувшись водами Рицы, смолкала.

РИЦА

*И снова чудится и снится,
И никакие сны не лгут,
И островерхих пихт ресницы
Немое око стерегут.*

Мы на Рице. Долгожданное свершилось. Рюкзаки сброшены, и мы в оцепенении смотрим на открывшуюся нам черно-зеленую гладь. Как она отличается от откровенно синего Кардывача! Как непроходимо круты ее лесистые, поросшие пихтами берега! Склоны под сорок-пятьдесят, а то и под семьдесят градусов обрываются прямо в воду. Из озера вдоль берегов торчат пни и коряги — что это? Затопленный при образовании озера лес? Не только кипучая Лашипсе захлебнулась озерной водой. Вся долина затоплена озером, словно подпруженная, ушла под его воды со всеми своими скатами и кручами и затаилась там, на невидимом дне, как сказочный Китеж...

Отмелое побережье лишь там, где пойма Лашипсе упирается в озеро. Вот даже крохотный пляжик. На сыром гравийном грунте шагают пятерни округлых следов — медведь приходил на водопой.

Безлюдье, тишина. Мир совершенно новых красок, запахов, звуков. Еле всплескивается у уреза воды бахромка легкой ряби. Нет-нет и стрельнет что-то среди глади, и по воде расходится круг — это играет форель.

Переглядываемся и невольно улыбаемся. Какие мы счастливые и как мы сейчас благодарны один другому. Усталые, с мокрыми выше колен ногами, уже начинающие знобко дрожать, как мы награждены сейчас за дни нелегкой дороги, за дожди и снега. У Лены, когда она смотрит на Рицу, совсем не серые и не голубые, а зеленые, немножко русалочьи глаза...

Первое оцепенение кончилось. Теперь за костер, чтобы вызвать лодку.

В самой левой части поймы видно постоянное место сигнального огня, а под ближайшими пихтами — лагерные «плацкарты». Здесь ночуют те, кто не дождался лодки.

Нематриваюсь в карту. На ней картина еще невероятнее, чем на Кардышине. Солнце клонится к западу, и нам видна через все озеро полоса закатного блика. Значит, Рица простирается с востока на запад. Почему же на карте она вытянута строго по меридиану?

Не прошло и часа, как в дальней части озера показалась лодочка с одиноким гребцом. К берегу причалил вооруженный охотничьим ружьем пожилой абхаз, неожиданно отрекомендовавшийся «комендантом озера».

Лодка с трудом вместила нашу группу. Всеволод сел на весла, и началось совсем новое удовольствие — скользить по зеленой глади, по отражениям дремуче-лесистых гор, следя за меняющимися очертаниями прибрежных круч. Сразу же справа открылась крутосклонная лощина с пенистым ручьем, падающим к Рице каскадами.

Вдоль берегов были видны новые и новые пни, торчащие прямо из воды. Хозяин лодки, имя его Диго, говорит, что не все они коренятся в дне. Есть и стволы, свалившиеся в воду при обвалах: они как бы поставлены на якорь грузом грунта и камней на их корнях.

Тихо всплескивают весла. Какая баркарола передаст это упоение, этот отдых?

Плывем близко-близко к северному берегу озера. Вдруг Диго вскидывает ружье, прицеливается в сторону лесного склона и стреляет, когда мы еще ничего не успели различить. У устья следующего ручья что-то метнулось в кустах. Подгребаем к берегу. Диго выскакивает и бегом устремляется в чащу. Через две минуты он появляется с еще продолжающей вздрагивать серной на плечах. Он кидает тушу в лодку и без того уже предельно нагруженную. Рогатую головку, из которой хлещет кровь, опускает в воду, и теперь за лодкой тянется красный след.

Какою глушью встретила нас Рица! Серны и медведи ходят на водопой... Выстрел Диго прозвучал резким диссонансом в этой тишине. Больно было видеть умирающее животное. Сказочно замкнутый мир Рицы так соответствовал понятию «заповедник», казалось таким естественным, что человек обязан обеспечить неприкосновенность этой природы. Потом мы узнали, что Рицынский заповедник на бумаге уже существовал. Однако мы видели, как соблюдал эту «заповедность» сам лодочник-комендант.

На западе открылась совсем неожиданная картина. Нам стал виден противоположный конец озера, к которому примыкала более светлая по сравнению с пихтовой зелень соснового леса. А над Сосновой рощей высился страшный отвес — огромная двугорбая гора, ее словно топором обрубили по фасаду, обращенному к озеру. Ничего похожего на нее не было на всем Западном Кавказе. Сколько сотен метров в этой пепельно-серой стене? Над отвесом правой горбины виднелось наклонное плато, белое от молодого снега. На гребне левого горба торчал пальцевидный останец.

— Смотрите-ка, гора показывает кукиш: поди-ка влезь, — шутит впервые проявляющий склонность к юмору Гоша.

— Как называется вершина?

— Пшегишхва, — отвечает Диго. — А вон то — Ацетаква¹.

Из-за ближайшего справа мыса показывается целая гряда гор, блещущих белизною. Они высятся над Рицей с севера. Горы тоже покрыты молодыми снегами. В устье еще одной долины появляется окруженный высокими пихта-

¹ Абхазское произношение имеющегося на картах названия Ацетука.

ши домик метеостанции. На ней уже не один год обитают метеорологи-супруги Новопокровские, Николай Васильевич и Ольга Петровна.

МЕТЕОРОЛОГИ

Кто они? Вдвоем на дивном озере (Диго бывает здесь лишь изредка). Представлялась некая романтическая идиллия. Наверное, обрадуются нам — ведь не так часто бывают у них люди...

Однако, когда лодка причалила к домику метеостанции, нас никто не встретил. Из-за ближайших деревьев послышались звуки пилы; оба жителя Риги распиливали огромную, недавно поваленную пихту.

Положив рюкзаки у домика, пошли к ним поздороваться. Как раз в это время метеорологи перестали пилить, и Николай Васильевич, взглянув на часы, заторопился — ему надо было спешить к приборам — наступал срок вечерних наблюдений.

Перед нами был просто одетый пожилой человек, бритый, с небольшими усиками и чуть отекающими щеками. Легче всего его было бы представить в бухгалтерском кресле. Он лишь сухо ватно кивнул в ответ на наше приветствие. Не менее сдержанно поздоровалась с нами и жена, пожилая, худая женщина. Она взялась за лежавший тут же топор и начала с большой сноровкой обрубать ветви с верхнего, необчищенного еще конца пихты. Было видно, что такая работа для нее вполне привычна.

Всеволод первым догадался помочь ей.

— Ольга Петровна, — имя мы знали уже от Диго, — давайте мы вам подсобим!

Она с недоверием взглянула на него и улыбнулась:

— Буду очень рада.

Беремся с Всеволодом за пилу и дорезаем ствол, от него отваливается двухобхватная колода. Лена отобрала у хозяйки топор и взялась за очистку верхушки.

Вот с какой романтикой связано житье этой четы на уединенном озере: сами валят лес, сами его пилят-рубят, складывают в штабеля на долгую снежную зиму, живут по нескольку месяцев вовсе отрезанные от мира (Диго покинет их в конце октября и вернется в мае)¹. Сами себе и пекари, и повара, и доктора. Почему-то нет радио — это уже от головотяпства начальников метеосети: могли бы раскошелиться на аккумуляторы.

Идем к домику. На крыльце сидят Гоша и Сюзя и недовольно произносят:

— Ну что же они нас не устраивают?

Ольга Петровна, пока мы допиливали, успела уже сказать нам, что их достаточно часто посещают туристы, и можно было понять, что гости порядком надоели метеорологам. Приходят усталые, требовательные, точно явились в гостиницу. В словах хозяйки прозвучало раздражение.

— Влезают и в нашу комнату, и в нашу душу, точно мы здесь выставлены напоказ, как дикие звери.

Действительно, ведь это рядовые служащие на нелегком посту и, может быть, без всякой потребности в актерском самопоказе. А их допекают вопросами: «А где вы спите?» «А как вы варите?» «А бывает ли у вас грипп?»

¹ Впрочем, в апреле 1934 года их навестила группа смелых туристов-лыжников.

23. Так выглядела метеостанция на Рице в 1936 году

И это помимо естественного круга географических вопросов, которые любой турист все равно задает, если ему не читают обзорной лекции. Без этого не обходимся и мы. Но вернувшийся с площадки Николай Васильевич уже почувствовал в моих вопросах профессиональный интерес краеведа — поэтому отвечает охотно.

Мы приглашены к топящейся печке, и вскоре Всеволод с Леной угощают и гостей и хозяев вкусным ужином и крепким чаем.

Проверяю, не врет ли мой высотомер? Расхождение с приборами Рицы пустяшное. В чем же дело, почему он показывает давление, свойственное высоте в девятьсот с лишним метров, а на карте у Рицы показана отметка всего около пятисот? К озеру спускаются пихты — это тоже признак того, что уровень озера в действительности намного выше.

Николай Васильевич смеется.

— Вы еще не знаете о нашей беде. Непостижимое дело — как и кто наносил на карту наше озеро. Оно сдвинуто с места на несколько километров вниз по Лашипсе, вытянуто вместо широтного в меридиональном направлении и к тому же потеряло четыреста метров высоты. Либо топографы были пьяны, либо вообще наносили Рицу по расспросным данным. Ведь об этом знали еще до революции, писали в печати.

— В печати? Где? — В своих поисках я еще не сталкивался ни с какими материалами о Рице.

— Ну, как же. Была тут в 1913 году экспедиция Крымско-Кавказского горного клуба (сразу вспоминаю надпись на зарубке). Руководила ею Евгения Морозова. Ее-то статья о Рице и напечатана в журнале «Землеведение» за 1914 год. Там приложена и исправленная карта озера, и об ошибках старой съемки сказано.

...«Землеведение». Впервые слышу это название. Какое хорошее слово! «Ведать Землю»... До сих пор я чувствовал себя краеведом Красной Поляны, «ведаль» совсем маленький край. Сейчас этот край стал расширяться, я почув-

отнюдь не потребность недать и Рицу, и Аплтиру, и Юпшару. А какая захватывающая мечта — нести Землю!

Милли неизвестная мне Евгения Морозова — она свыше двадцати лет назад стремилась на совсем неведомые тогда озера Кардынач и Рицу, изучала их, исправляла карты, печатала о них статьи.

Спрашиваю Николая Васильевича:

— Успели ли вы пройти по Юпшаре?

— Нет еще, только слышал, что это ущелье замечательной красоты. Раньше редкий охотник дерзал по нему пролезть до половины — и то лишь в малую воду. Прямой короткий обход над ущельем знает один Диго — там так трудно идти, что мы и не пробовали. А теперь у нас будет совсем другая жизнь, летом, конечно (на зиму будем все равно отрезаны). Теперь до Бзыби всего двадцать два километра — без единого перевала. Это совсем не то, что сюда мы шли — с вьюками, через тяжелые хребты, через Эпир на Хырке, по Геге...

— А сколько же километров по Бзыби до Гагр?

— Девятнадцать уже готового шоссе до Калдахвар, а там по береговому шоссе подсадит любая попутная. Да и по Бзыби лесовозные машины подвезут. Сейчас мы за один день можем оказаться в Гаграх.

Меня осеняет превосходная мысль. Наш маршрут рассчитан на шесть дней, а завтра всего лишь пятый. К морю можно выйти за день. Неужели мы не заслужили дневку на Рице?

Всеволод и Лена радостно соглашаются, а Гоша и Сюзя смущены и испуганы. Они так надеялись, что завтра же окунутся в море, выйдут «из этих гор»...

Просим у хозяев разрешения передневать, они охотно соглашаются, а Гошу и Сюзя вызывается прихватить с собою Диго — он завтра уходит по Юпшаре на Бзыбь. Диго угощает нас шашлыком из только что убитой серны.

РОЖДЕНИЕ РИЦЫ

Как жаль, что в таком путешествии вообще приходится спать. Ведь неповторимо, невозстановимо каждое утраченное мгновение.

Проспал ночную Рицу. А она ли не хороша, не загадочна? А какие на ней рассветы?

Диго будит спутников рано. Николай Васильевич уже на ногах, у приборов. Говорит нам:

— Поезжайте-ка к истоку Юпшары, да попробуйте пройти через Сосновую рощу к Малой Рице.

— К Малой?

— Да, есть тут еще одно озеро. Я на нем и сам еще не был, дорога трудная, и между наблюдениями туда-обратно не уложиться. Но те, кто там побывал, приходят очарованные.

— А как искать это озеро?

На карте западнее Рицы действительно показано крохотное безымянное озерцо. Но этому нельзя верить — на карте и Большая Рица стоит не на месте. Метеоролог рассказывает, что знает. Идти нужно Сосновой рощей по монашеской тропе, меченой крестами на стволах (еще не так давно на Рице жили монахи). Потом брать правее, кверху... Ну, там и озеро.

Инструкция расплывчатая. Но разве теперь утерпишь?

Быстро проглатываем чай и грузимся в лодку. Диго волочит с собой на продажу мясо убитой серны.

Николай Васильевич едет с нами, чтобы вернуться с лодкой.

Снова слушаем молчание зеленого озера, нарушаемое мерными всплесками весел.

Круги от этих всплесков иногда пересекаются кругами от играющей рыбы.

По пути метеоролог рассказывает нам о предположении Евгении Морозовой по поводу происхождения Рицы.

— Впрочем, лучше начать со сказок. А сказку нам расскажет Диго.

Старый абхаз с готовностью выкладывает легенду. От многократного повторения она ему, видимо, приелась, поэтому он немногословен. Русской речью владеет неплохо, хотя и говорит с акцентом.

— Озера прежде не было. Была просто река. Лашипсе текла. Здесь вдова жила. Рицха звали. Бедная вдова, много детей. Голодная была, дети голодные. Пошла к богатому князю, украла хлеба. Князь заметил, вдову поймал, больно побил. Вдове стыдно, и дети голодные. Она как закричит — ругать стала князя, сильно ругала.

— Прокляла, — подсказывает Николай Васильевич.

— Да, да — прокляла. Так громко прокляла, что затряслась земля, раскололась Пшегишхва на две части. Одна половина обвалилась и задавила князя. И богатый дом завалила. А река уперлась в камни — и вот сделалось озеро.

Теперь снова включается Николай Васильевич.

— И знаете, что самое интересное? Что выводы Евгении Морозовой, а она географ, очень близки к этой сказке. Есть и еще несколько вариантов легенды, в том числе с романами и изменами, но и в них говорится об обвале горы, иногда о провале и образовании озера на глазах у человека. Морозова так и пишет в своей статье, что гора обвалилась и запрудила долину. Озеро накопилось перед запрудой. Затопленные стволы торчат до сих пор.

Слушаю все это как откровение. Конечно, приходилось и читать и слышать о горных катастрофах. Умом понималось, что долины прорезаны реками, а горы как-то подняты при помощи складок или взбросов... Все это было книжно, нереально. А тут воочию виден результат великой катастрофы. Действительно, нет половины горы — она рухнула, поверженная проклятием вдовы, как говорит легенда. И то, что именно здесь возникло такое чудо-озеро, не имеющее подобий за сотни километров вокруг, оказывалось тоже следствием исключительности катастрофы...

Близится берег. Через Юпшару легко перейти: ее исток из озера с поверхности забит стволами деревьев, вынесенных сюда через Рицу.

— А потом Юпшара и вовсе играет в прятки, — говорит метеоролог. — Вода ее исчезает в промоинах и километра два течет под землей. Можете сходить и туда. К вечеру вернетесь — кричите. С этого конца озера голос нам слышен, да и видно неплохо.

Гоша и Сюзя уже впряглись в рюкзаки. Прощаемся с ними по-хорошему. Все же они стали лучше за наш путь, на Рице уже не ссорились. Да и кто теперь будет нам «оттенять» наше счастье?

Прощаемся и с Диго. Трое уходят по тропе вдоль Юпшары, а мы, тоже трое, переходим Юпшару по плотно закупорившим ее исток бревнам.

НА ПОИСКИ МАЛОЙ РИЦЫ

Тропка ведет на подъем, извиваясь между огромными известняковыми глыбами. Попадаются заплывшие смолою зарубки в виде крестов — их делали

монахи. Изменился самый воздух — он здесь ароматный, густой, осязаемый. Нас окружают уже не пихты, а высокие солнечные сосны — кто же еще, кроме нас, мог ужиться на этом безводном нагромождении поздrevатых глыб, рухнувших когда-то с Пшегишны? Сомнения нет, мы идем по обвальному хаосу. Камни разные — есть с чемодан, а есть и с двухэтажный дом. Уже полторы сотни метров под нами, и сквозь редкие стволы сосен внизу различается матовая гладь малахитовой Рицы. Еще одно подтверждение завета: на каждое любимое место надо посмотреть сверху.

Присматриваемся к соснам — какой у них странный вид. Все боковые ветви почему-то дугообразно загнуты вниз, а каждая ветвь в отдельности закручена вдоль своей оси, как штопор. Упавшие ветки, валяющиеся под ногами, скручены так, точно их жгутом выжимали прачки...

Тропа забирает вправо, круто на подъем, уводя с хаосных камней на коренной хребет, поросший пихтами. Какое же озеро на хребте? Нет, надо держаться левее, ближе к соснам. Но левее уже нет тропы. Начинается отнюдь не безопасная гимнастика: прыгаем с глыбы на глыбу, продираемся через кустарники. Камни настолько оголены, щербаты, оскалены, что упасть — значит, разбить голову, поломать руки-ноги. Лезем час, другой — нет и намека на озеро. Всеволод залезает на сосну, но и с высоты не может понять, где прячется Малая Рица.

Берем правее. У стыка известнякового хаоса с крутым склоном коренного хребта, поросшего пихтами, встречаем несколько бессточных западинок метров по тридцать-сорок в поперечнике. Может быть, в такой и лежит озеро?

Предположение, точно на смех, подтверждается. В одной из впадин покоится полузагнившая и лишь немного не успевшая пересохнуть лужа. Какой мрачный юморист посмел назвать ее Малой Рицей!

Издеваясь друг над другом, подходим к воде. Часть лужи исчезла недавно, и на еще сыром грунте видны сочные, словно вылепленные, следы медвежьих лап. Бедный миша! Среди окружающих обвальных глыб такое безводье, что приходится дорожить и подобным прокисшим водопоем.

Всеволод выбирает место, где особенно отчетливо отпечатаны лапы медведя, и ставит между следами свою ногу в большом горном ботинке, подбитом шипами. Затем отходит в сторону и фотографирует свой след среди медвежьих. Как весело будет показывать и рассказывать:

— Смотрите-ка, стоял медведь, а я под него ногу поставил!

Нам это кажется остроумным, и мы весело смеемся. Надо же хоть чем-нибудь утешаться.

Съедаем около этого «озера» небольшой захваченный с собою завтрак. Да-с, нужно было быть немалыми чудаками, чтобы драгоценную дневку на долгожданной Рице променять на поиски этой лужи.

Ломимся обратно через кусты, карабкаемся по глыбам. Часа через полтора выходим на монашескую тропу. Мы снова на Рице.

На мой громкий крик из домика, хорошо видного от истока Юпшары, к лодке выходит Николай Васильевич. Подплывая, он спрашивает нас прямо с лодки:

— Ну, как, нашли Малую Рицу?

Смущенно улыбаясь, отвечаем, что нашли, но что вряд ли следовало этим заниматься.

— Почему же так?

— Да что с нее изить — грязная лужа!

Николай Васильевич смущается, словно это он виноват в неудаче.

— Нет, товарищи. Вы, видимо, где-то не так были. Ведь Малая Ритца — большое озеро, говорят, голубое, а шириною чуть не с полкилометра.

Можно ли было нас сильнее смутить? Большое лазурное озеро. И мы его не нашли. Фотографировали медвежьи следы у какой-то лужи!..

Метеоролог несколько раз закидывает удочки и вылавливает чудесных рыбок — сереньких, с розовыми крапинками на боках.

Ужинаем бархатно-нежной форелью.

Искать второе озеро у нас уже нет времени — срок моей отлучки с турбазы истекает.

ПО ЮПШАРЕ

Как выразительны бывают названия: Юпшара! Вслушайтесь в шарящий шорох этого слова. И запомните его — так называются река и ущелье, которое достойно соперничать с величавейшими теснинами Кавказа.

Еще так недавно мало кто знал о Юпшаре! Чтобы проникнуть в нее, пришлось построить тропу с двадцатью четырьмя мостами: девятнадцать на Юпшаре и пять на Геге.

Входим в ущелье. Огромная серая скальная стена слегка раздалась тесным расщепом, точно ее рассادили ударом топора. По обе стороны реки взметываются вверх призрачно-серые отвесы высотой по несколько сотен метров. Коридор при такой крутизне стен удивительно извилист. Кажется, будто вот замкнется изгиб, не найти уже выхода, и реке не вырваться отсюда к морю иначе как через туннель. Но за каждым тупиком открывается новый поворот, и снова есть брешь, в которую можно устремиться воде.

Как ни странно, запоминается не мрачная каменистая пропасть, а пышная буйная зелень. Деревья ютятся на каждом уступе, укореняются в каждой трещине на самых страшных отвесах. Тут и готические силуэты темно-зеленых елей и пихт, и кущи более светлых буков, грабов, дубов и каштанов. А на дне льющиеся к влаге ольхи и заросли папоротника в человеческий рост.

Девственной свежестью напоена вся природа. Свежестью и вместе с тем глубокой древностью. Точно в музее, сохранились тут потомки деревьев, живших в давно прошедшие времена третичного периода и переждавших под защитой кавказских хребтов невзгоды последовавших ледниковых эпох. Вот допотопные даже по виду тисы с лоснящейся неколючей хвоей и ветхозаветный самшит с мелкими овальными кожистыми листочками. Вот маленькие рускусы, или иглицы, с ягодками, нелепо растущими на тыльной стороне «листьев» (ботаники вынуждены поэтому считать такие листовидные пластинки не листьями, а лишь расширениями боковых веток стебля).

Повсюду блестит, словно глазированная, листва подлеска. Плети плюща то свисают праздничными гирляндами со скал, купаясь в реке, то взбираются на деревья. Обвивая стволы, плющ преображает их в могучие колонны, как бы созданные из одних трепещущих вечнозеленых листьев, — колонны блеска, мерцания, ликования. Местами плющ выстилает сплошными гляцевыми коврами мшистые скалы.

Тропа ведет нас по дну теснины, куда только на два-три часа в день заглядывает солнце. Здесь таится главное богатство Юпшары — самшитовый лес. Он похож на заколдованное подводное царство — так велика замшелость

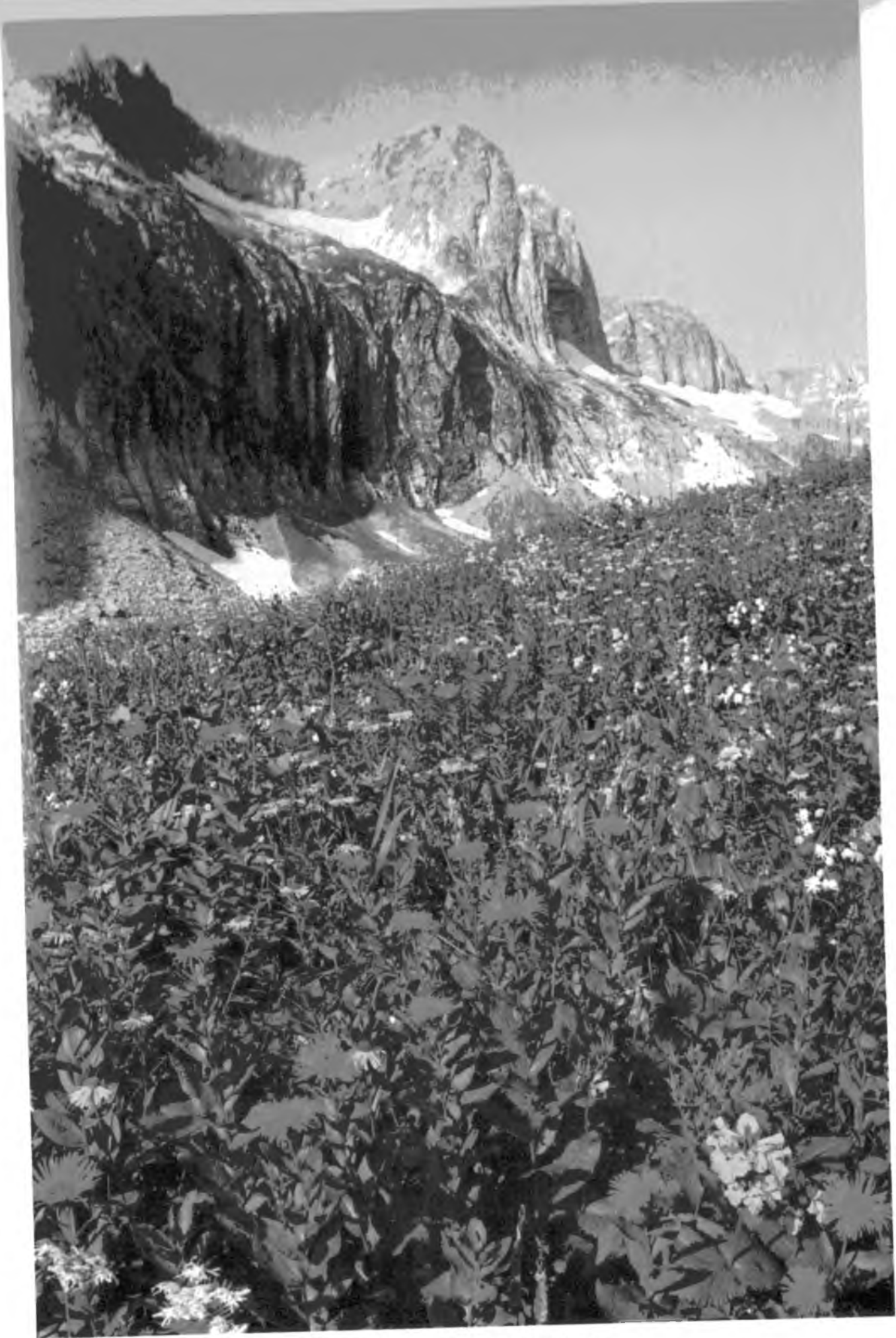
15. Река Уруштен

16. Гора Чугуш с юго-востока

17. Западнокавказский тур

18. Гора Аккара (2633 м)

19. Гора Агегста (3256 м) с северо-запада

20. Гора Агеста. Вид из долины реки Длинной

21. Гора Агеста. Вид из верховьев реки Псоу

22. Турьи Горы (2905 м)

23. Кавказский благородный олень

24. Озеро Кардывач. Вдали Агеста и Турьи Горы

25. Верхняя Мзымта и пик Смидовича (3140 м)

26. Гора Люб (2970 м), внизу — озеро Верхний Кардывач

*27. Долина Верхней Мзымты и озеро Средний Кардывач.
Вверху слева — гора Цындыша (3139 м), справа — гора Люб,
вдали — пик Кардывач Главный (3058 м)*

стилоном, так причудливо бородачатые ветви, увешанные серыми отрешеными лишайниками.

Мшистые деревья самшита — карлики по сравнению с рядом стоящими высокоствольными буками и грабами. И весь этот самшитовый ярус леса напоминает застывшее на миг шестные гномов...

Самою природой сохраненный самшитовый заповедник — ведь он не уступит богатством популярной Хостинской самшитовой роще! Как было бы важно предохранить его от расхищения. Самшита так мало осталось, так ретиво истребляли эту «кавказскую пальму», зарясь на бесценные качества ее древесины...

Что еще нас чарует в Юпшаре? Даже после прошедших ненастий, когда все реки мчатся мутные, точно помой, она удивительно ясна и лазурна. И неба-то почти не видно в ущелье, и отражаться-то голубому нечему, а река все голубеет и голубеет, точно изнутри излучает непонятно откуда берущийся свет. Не потому ли, что вся муть горных рек, питающих Юпшару, отстаивается в озере Рица? Или ей помогают подземные отстойники — озера в туннелях, по которым Юпшара блуждает на первых километрах своего течения? Ее воды находят себе новый выход из недр не в виде единого дружного истока, а разрозненными мощными ручьями. Вероятно, сюда же стекают через неведомые подземелья и воды Малой Рицы.

Вот самое узкое место ущелья — настоящий каменный мешок. Тропа и раньше не раз упиралась в отвесные берега, омываемые кипящей рекой, и всякий раз выручал очередной дощато-бревенчатый мостик, «животрепещущий», хлипкий, едва допускающий проход вьючной лошади. А тут и другой берег — тоже отвес, омываемый пенистой водой. И что же сделали? Построили мост... балконом вдоль ущелья, по одной его стороне. Такие балконные мостики — овринги — сооружают над пропастями Памира. Да и это настоящий овринг, только не над пропастью, а на дне пропасти, над самой рекой.

Идем подавленные обрушившейся на нас красотой. Природа здесь словно не знала меры, переборщила. Каждое место достойно того, чтобы остановиться и любоваться. Неужели, когда здесь проложат шоссе, люди будут «проскакивать» всю эту фантастику за полчаса?

Последний мост через Юпшару. Справа скачет каскадами мутная пенная Гега, в нее впадает прозрачно-голубая посланница Рицы. Под мостом гремит могучий порог. Юпшара словно рванулась на последнем уступе к своей старшей сестре, и образовался водоскат типа Мзымты под Греческим мостиком. Чудесный заключительный аккорд в поэме о Юпшаре...

Гега. Изменился цвет воды. Стали серее и угрюмее стены ущелья. Еще четыре раза перебросили нас с берега на берег шаткие мостики, а один опять оказался оврингом — лепился вдоль отвеса длинным балкончиком над рекой, и под ногами между жердями настила виднелась кипящая пена.

Утесы хмурые, насупившиеся, подавляющие величием. Может быть, мы уже устали и сами смотрим на мир менее жизнерадостно?

Нет, просто мы так часто останавливались в разных частях Юпшары, что и не заметили, как много это заняло времени. Наступали сумерки. Пока мы дошли до устья Геги, они стусились, и Бзыбь мы едва различили в темноте.

Ноги ощутили недавно построенное шоссе. На попутные машины не было и намека — работы закончились. Решили шагать, пока шагается.

Километров через пять перешли мостик. Справа от него больше почудился, чем «увиделся» странный бассейн, из которого под мостом шел сток прямо

Схема маршрута Красная Поляна — Кардывач — Рица:

1. Грушевая поляна. 2. Энгельманова поляна. 3. Хаосный хребет (Сосновая роща).
4. Сухая хаосная долина. 5. Черкесская поляна. 6. Нижне-Черкесская поляна

в Бзыбь. Мы и не поняли, что перед нами столь популярное ныне у курортников Черноморья Голубое озеро — выход подземной реки.

Взошла луна и осветила долину с извивающимся шоссе. Как мы ни были утомлены, — позади было сорок километров пути — завидев мост берегового шоссе, пошли быстрее. От Калдахвар первая же попутная машина подбросила нас к гагринской турбазе.

Будим методистку. Отрекомендовываюсь ее краснополянским коллегой, и нас принимают как добрых знакомых. Сюда приходило немало наших туристов, и гагринские экскурсоводы были в курсе многих событий, случившихся в Поляне. Наутро снабжаю турбазу подробными схемами пути на Юпшару, Рицу и Кардывач.

Выходим к морю. Обветренные, грязные, в горных башмачищах, с закопченными котелками, брякающими на ляжках рюкзаков. На нас с недоумением смотрят курортницы в пижамах. Это ли нас смутит? Они думают, что море — главная прелесть юга. А мы себя чувствуем приобщившимися к дру-

той — верховной, непокоряющей красоте — красоте гор и озер. Что по сравнению с нею и море, и весь этот субтропический шик, и курортный комфорт?

Вот и кончен мой первый, мой заветный поход к горным озерам. Он так насытил, так переполнил. Светлая хорошая дружба связала со спутниками. Прощаемся в Адлере. Они едут в Москву, а я возвращаюсь в Поляну.

Еду один вверх по Мзымте. Каким маленьким, домашним, уютным кажется мне ущелье Ахцу по сравнению с Юпшарой!

ОТКРЫТИЕ РИЦЫ

Сезон окончен. Я больше не нужен. Предлагают место экскурсовода в Сочи: ежедневно водить курортников по одному и тому же маршруту в Мацесту и на Агурские водопады. Но ведь я же могу большее — описывать, прокладывать новые маршруты... Такими качествами не дорожат. Не мудрено, что и Красной Поляне нет постоянного штата краеведов. Не очень-то удобно быть сезонником: летом экскурсовод, а зимой перебивайся как можешь.

Буду искать работу. И одновременно продолжу изучение краснополянского района, проштудирую всю имеющуюся литературу.

В Москве узнаю адрес Гипрокура и разыскиваю в нем рицынских путешественников. Встречают приветливо и делают неожиданное предложение.

— Видите ли, наша поездка была не совсем удачна. Погода, знаете, и прочее. А вы теперь сами прошли этот путь и, значит, можете нам помочь. Напишите, пожалуйста, для нашего института характеристику всего маршрута.

Смушен, но соглашаюсь. Обещана даже оплата — и за какую работу! За прославление любимого края.

Снова дни, вечера в Ленинской библиотеке...

Скорее за том «Землеведения», за статью Евгении Морозовой. С большой любовью пишет она о Рице, высказывает осторожные предположения. Небольшая карта — результат тщательных глазомерных съемок. Пейзаж Рицы совсем не изменился за двадцать один год. Прибавились только метеостанция да подведенная с Юпшары тропа.

Экспедиция двигалась по Лашипсе. Четыре дня прорубали тропу от устья Аватхары к Рице. Не мудрено, что это в действительности недлинное расстояние (12 километров) Морозова оценила в двадцать две — двадцать три версты. Двенадцать человек непрерывно работали кирками, топорами и пилами, чтобы провести лошадей¹.

Как и нас, Рица встретила Морозову тишиной и дикостью. Берег испещряли медвежьи и даже оленьи следы. В дельте Лашипсе раскинули палатки. Соорудили из пяти бревен плот, обнаружили маленький дощатый челнок, наверное, монашеский.

Впрочем, у Сатунина есть сведения и о других ранних обитателях Рицы. Этот зоолог пишет:

«Первый, кто имел на озере некоторую оседлость, был нашумевший в свое время разбойник Шульженко со своей шайкой. Он построил здесь хороший балаган и первую лодку».

¹ Прошедший здесь осенью того же 1913 года зоолог К.А. Сатунин утверждал, что экспедиция Морозовой не проложила новую, а «подновила и исправила старинную зверовую тропу, по которой изредка пробирались охотники».

Селились на Рице и пустынноики-монахи. Однако местные охотники, по словам Сатунина, «шарились на их ничтожные запасы кукурузы и пищенскую одежду и не раз обирали их донага».

Морозова произвела здесь первые измерения. Она определила по инсертиту высоту озера в 970 метров, наибольшую глубину в 54,5 сажени, а длину в 3,5 версты.

За год до похода Морозовой вышла статья А.Л. Рейнгарда о рельефе Западного Кавказа. Этот исследователь доходил до Аватхары, но на Рицу не проник. Исходя из неверной высоты и положения Рицы на карте, он заочно высказал предположение, что до Рицы должен был дотекать древний ледник. Морозова, побывав на Рице, решительно отвергла такую возможность: долина Лашипсе не несет на себе никаких следов древнего оледенения.

О морозовской гипотезе подпрудного происхождения Рицы я уже слышал. Но в ее статье наталкиваюсь и на другую догадку: «Очень возможно,— пишет она,— что вместе с обвалом произошло опускание части долины реки, так как даже современное дно озера на 117 метров ниже, чем долина за несколько верст от озера».

Сколько еще неизвестного! Сколько всего предстоит выяснить, исследовать!..

Продолжаю поиски. И вот радующая находка: ссылка на статью Евгении Морозовой об экскурсии в 1914 году на озеро... Малая Рица! Наконец-то я узнаю тайну этого озера!

Беру томик «Записок Крымско-Кавказского горного клуба», где помещена статья Морозовой. Здесь и фотографии: вот она, Малая Рица — большое, зеркальное, емкое озеро (со стыдом вспоминаю наше путешествие к луже!); на другой фотографии — вид с Пшегишхвы (с Пшегишхвы!) на Большую и Малую Рицу — на оба озера сразу! Молодцы морозовцы — они и туда забирались. Автор даже сравнивает, насколько синее Малая Рица по сравнению с Большой, зеленой. Это так ясно, когда видишь оба озера вместе.

Очерк написан любовно. Глушь... Кругом безводье. Малая Рица служит водопоем для бесчисленного количества зверей — ведь в округе воды больше ни капли. Подробно описаны и размеры, и удивительная глубина², и прозрачность (дно и диск белого блюдечка видны на глубине до восьми сажений), и интенсивная синева озера.

Высказаны и предположения о происхождении Малой Рицы (провал в известняках и подпруда обвалом Пшегишхвы). Значит, оба озера подпрудил один и тот же обвал! Но как найти Малую Рицу? Увы, в статье Морозовой об этом ни единого слова.

Журнал за журналом. Вот Рейнгард в 1914 году обрушивается на Морозову. Он пишет, что неверно понят, что он предположил только наличие конца древнего ледника в районе Рицы, но вывода о ледниковом происхождении самого озера не делал. Рейнгард не доверяет гипотезе о запрудном происхождении Большой Рицы — ведь обрыв Пшегишхвы находится слишком далеко от озера, вряд ли его обломки могли служить запрудой.

¹ По новейшим данным, высота зеркала Рицы 925 метров, глубина до 116 метров (есть устные сообщения, что недавно обнаружена глубина 131 метр), длина 2490 метров, ширина от 275 до 870 метров.

² По современным данным, длина Малой Рицы 234 метра, глубина до 80 метров, высота зеркала над уровнем моря 1248 метров.

А вот и ответ Морозовой Рейнгарду. Она убеждена в отсутствии ледниковых следов на уровне озера и уверена в его ширудном происхождении. Далеко от Рицы только обрыв Пшегишхвы, а хаос обломков подступает к западному берегу озера вплотную. Морозова говорит о целой долине «провального типа» и думает, что все пространство сухой долины и хаосного хребта — это провалившаяся часть Пшегишхвы.

Я с увлечением слежу за полемикой. Передо мной как живые встают эти люди, страстные, убежденные в своей правоте — они спорили, отстаивали свои взгляды, вновь ехали в изучаемые места, чтобы уточнять и доказывать...

Интересно, где теперь Морозова, ведь ей должно быть не больше пятидесяти лет.

Перелистываю следующие выпуски «Записок горного клуба» и вздрагиваю — на одной из страниц попадает портрет в траурной рамке и некролог: Евгения Михайловна Морозова-Попова. На меня смотрит милое молодое лицо, теплые глаза. В чем дело, почему такая ранняя смерть — всего двадцать восемь лет? В некрологе сказано, что она молодой географ, ассистентка Высших женских курсов в Одессе. Перечислены три ее экспедиции¹ и статьи, сказано о ее талантливости, многогранности. Путешественница хорошо рисовала. Ее ожидала будущность крупного кавказоведа. И все это пресекала катастрофа: Морозова погибла при аварии парохода «Меркурий», затонувшего вблизи Одессы 15 июня 1915 года.

Удручен этим сообщением, словно утратой близкого человека. Хочется хоть чем-то возместить потерю, увековечить память исследовательницы в названиях озер и вершин, продолжить начатое ею дело.

Но пока я продолжаю листать книги и журналы. Кто первый увидел Рицу? Где в печати появилось первое упоминание об этом озере?

На одной из старинных карт — еще времен конца Кавказской войны (1865 год) — показано, что из озера «Ришца» течет... Мзымта!.. Значит, автор карты знал, что Мзымта вытекает из какого-то озера, а кроме того, слышал, что существует озеро Рица.

Попались и такие карты, на которых Рица изображалась сначала при впадении Геги в Бзыбь, а потом Юпшары в Гегу.

На карте, приложенной к статье профессора Залесского² о минеральных водах Черноморья в 1898 году, виден фантастический огромный Кардывач, оторванный от Мзымты и отнесенный куда-то на хребет Кутехеку, и неверо-

24. Е.М. Морозова-Попова

¹ В 1912 году Ачишхо и Кардывач, в 1913 — Рица, в 1914 — Большая и Малая Рицы.

² С.И. Залесский в 1897 году ездил (еще до постройки шоссе) в Красную Поляну по трудной тропе, в обход ущелья Ахцу. Его сопровождали два студента, жена и пятилетняя дочь — это было своего рода подвигом, и пресса даже писала о мадам Залесской, как о «первой женщине в верховьях Мзымты», совершенно забывая не только о черкешенках, но и о населявших уже тогда Красную Поляну гречанках и эстонках. Красную Поляну Залесский называл селением Греческим или Переправным.

ятная «Юшара», при впадении которой в Гегу стоит Рица. На карте инженера Сергеева в «Горном журнале» за 1900 год Рица показана на Геге ниже устья Юшары. Видимо, обе карты составлялись по расспросным данным. В отчетах Кавказского военного округа в 1902 году печаталось, что «Юшара и Гега... сливаясь, образуют глубокое горное озеро Рица».

Давно отгремела Кавказская война. Уже довольно правильно были положены на карты остальные части Абхазии. А Рица все еще блуждала по меридианам и параллелям, появляясь на гипотетических схемах в самых непредвиденных местах.

У старого гагринского краеведа Дьячкова-Тарасова нахожу пересказ событий 1892 года. Для съемки Рицы выступил отряд из четырнадцати рабочих под начальством топографа Сосели. Вся густота и непролазность абхазских дебрей противостояли ему. Троп не было, а если и были, отряд о них не знал. Шли вверх по Бзыби, расчищая путь топорами. Лошадей провести не могли, все приборы и продукты тащили на себе. К концу пятого дня подошли к переправе через... каньон Бзыби! Полтора дня строили мост через преградившую путь пропасть пятисаженной ширины. Поднялись на хребет Ачибах. Видели все пункты, на которых прежде изображалась Рица. Озера в этих местах не было.

Длились изнурительные блуждания под непрекращавшимся ненастьем, в облаках. Иссякали взятые с собою продукты.

Если Сосели и видел Рицу, то именно так, как ее можно увидеть с лугов Ачибаха,— одну западную часть с заливом Псей и берегом Сосновой роши. Только отсюда озеро можно принять за меридионально вытянутый водоем. В то же время склоны дальнего Ацетукско-Агепстинского хребта изображены довольно правильно. Вероятно, Сосели видел весь южный фас этого хребта и разглядел долины всех речек, впадающих в Рицу. Он заставил их впадать в Лашипсе — ведь ему не были видны ни средняя, ни восточная части озера.

Пожалуй, только этим и можно объяснить такое искажение очертаний озера и его неправильное местоположение, которые мы видели на созданной тогда топографической карте.

Преодолев ущелье Геги, караван Сосели, проведший тридцать два дня под дождями, в довольно жалком виде спустился с Арабики на гагринское побережье...

Но неужели раньше, чем ошибку заметила Евгения Морозова, никто не сказал правильно о положении Рицы? Новые розыски дали возможность ответить и на этот вопрос. Рицу видели, о ней знали, о недостоверности карт

Сопоставление изображений Рицы на картах

25. Н. М. Альбов

писали. Еще в 1893 году с вершин Ацетуки («Алзипуко») озеро видел талантливый ботаник Альбов¹.

Он писал: «Большое лесное озеро Ридза, которое образует на своем течении река Лашипсе, находится по крайней мере на 15 верст выше (вверх по течению реки) места, где оно обозначено на картах. На это указывали работавшие в этих местах лесной таксатор Орехов и землемер Максимов».

Вот и еще неизвестные мне имена первоисследователей Рицы. Ну конечно же, они были, трудились — безвестные таксаторы, землемеры, ветеринары... Значит, знали Рицу, сигнализировали о ее неверном изображении на карте. И только неповоротливость топографического ведомства приводила к тому, что карта еще десятилетия оставалась неисправленной.

Кто первый сообщил о Малой Рице?

Был ли на ней кто-нибудь до Евгении Морозовой? Оказывается, да. Геолог Л.К. Конюшевский еще в начале 1913 года писал, что Большая и Малая Рица своим происхождением обязаны обвалам.

А вот «Землеведение» за 1927 год. Читаю в статье П.С. Панютина:

«Нет, кажется, ни одной местности на Западном Кавказе, а может быть, и вообще на Кавказе, где существующие пятиверстные карты давали бы столь искаженное изображение действительности. Другие листы постепенно изменялись и пополнялись последующими исследованиями, и лишь Гагринскому массиву не повезло: из года в год перепечатывается старая съемка, принадлежащая еще чуть ли не Сосели. Что же касается одноверстной карты (имеются и таковые), то это свободное творчество вольной фантазии не имеет никакого отношения к действительности».

«...Очень много ценных сведений, собранных топографической экспедицией Данилевского, таксаторами лесного отдела, инженерами, участвовавшими в многочисленных рекогносцировках, предпринимавшихся в 1913-1915 годах по инициативе бывшего принца Ольденбургского, безвозвратно утрачено во время Гражданской войны...»

Панютин горячо поддерживает Морозову в ее споре с Рейнгардом. Он тоже считает, что следов ледника на Рице не было и нет. Но запрудное происхождение озера и Панютин ставит под сомнение. Он не видит характерной плотинной преграды у истока Юпшары. Обломки, через которые прорывается Юпшара, спускаются не с Пшегишхвы, а с левого берега реки.

¹ Николай Михайлович Альбов — молодой исследователь, поэтически и вместе с тем с большой научной глубиной описавший горноколхидскую растительность Причерноморья. Позднее судьба забросила его в Южную Америку, где он оказался пионером изучения растительности Огненной Земли. Опубликованное им исследование этой страны считается классическим. Увлеченный любимой наукой, Альбов не шадил себя, надорвал здоровье и умер от чахотки в самом расцвете сил, в возрасте 31 года.

Вот и свежие вести с Рицы: «Зимовка на озере Рица» — гласит заметка в «Известиях» за 20 марта 1935 года. В ней сказано: «Несмотря на ... совсем небольшое расстояние от южного курорта, метеостанция на озере Рица по своей недоступности очень сходна с арктическими зимовками. С октября по май эта станция отрезана от внешнего мира снегами, совершенно засыпающими узкие горные тропы. Продовольствие и приборы завозятся сюда на выючных животных с осени.

Мягкая и малоснежная зима этого года дала возможность пробраться к озеру местным охотникам, которые одновременно выполнили и роль почтальонов.

В письме, полученном от зимовщиков, говорится об успешно проведенной за зиму научной работе. Зимовщики чувствуют себя превосходно, недостатка в продовольствии не ощущают.

Супруги Новопокровские имеют высшее образование. Николаю Васильевичу — 57 лет, а его жене — 52 года. На озере Рица они зимуют уже третий год».

В конце заметки неожиданно забавный абзац:

«Уже в этом году воды озера Рицы Абкурупр¹ будет вывозить на самолетах и применять их при лечении в одной из гагринских лечебниц».

Ай да репортер! Вместо «минеральных вод района Рицы» он, обмолвившись, обещает вывозить самолетами воды самой Рицы!

Но это из области анекдотов. Важнее факты. Книга курортолога А. Григолии, энтузиаста освоения курортных богатств Абхазии. Издана в 1934 году. Целая глава о Рице и Уатхаре (Аватхаре). Исправленная карта озера съемки 1932 года очень напоминает съемку Морозовой.

В книге Григолии звучат гимны климату и минеральным источникам Рицы и Аватхары. Приведены сведения об изучении действия аватхарских боржомов в Пятигорске на животных, а в гагринских санаториях — об удачных клинических исследованиях и благоприятном воздействии этих вод на людей. Упомянута экспедиция 1933 года под руководством инженера Огильви, обнаружившая еще двадцать два выхода боржомных вод. Как энергично, как разносторонне наука наступает на Рицу!

МАРШРУТ В БУДУЩЕЕ

Не без смущения принес я в Гипрокур машинопись на шестидесяти страницах. «Описание туристского маршрута Красная Поляна — Кардывач — Рица — Гагры» — значилось на обложке. В свою очередь прошу гипрокуровцев поделиться со мной своими проектными наметками. Почему-то смущение на важных лицах. Несколько комплиментов представленному очерку. И... новое предложение. Разработку принципов оборудования маршрута для туризма они просят выполнить... меня же!

Перелистываю несколько путеводителей по туристским путям Швейцарии, присматриваюсь к типам гостиниц, шале, приютов. Разрабатываю что-то вроде классификации «форм оборудования» маршрута.

Вместо гостиниц — турбазы. Обозначаю их на карте крупными звездами — они появляются на Энгельмановой поляне, у озера Кардывач, на Аватхаре, на Рице. Вдоль всего маршрута должно быть проложено шоссе, такое, чтобы и не испортить природу и сделать все красоты этих мест доступными сотням тысяч людей.

¹ Абхазское курортное управление.

Намечаю сеть «хижин», или приютов: квадратиками вдоль основного маршрута и в промежуточных точках, вроде устья Адыча или Пеллукского источника.

Конечно, есть еще по гиты и в «бесприютности» туристов, когда они тащат с собою палатки и ставят их в нетронутых человеком местах. Но разве испорчен пейзаж заповедника таким сарайчиком, как лагерь Холодный или «балаган» на Кардываче? А как удобно, особенно в ненастье, укрыться в специально для туристов построенном домике...

На некоторых кругозорных точках — например, в Сосновой роще над Рицей — можно соорудить скромные навесы, типа беседок, бревенчатые или грубокаменные, чтобы не портили девственных пейзажей, но давали укрытие от ненастья.

Переношусь на десяток лет вперед и мысленно создаю «Музей озера Рица». В нем будет рельефный макет озера с окрестностями, с зеркальным стеклом — водой, с обломом Пшегишхвы, с хаосом, с таинственной Малой Рицей. Будет набор карт с историей представлений о Рице, текст о походе Сосели. Витрина с книгами и статьями о Рице. Альбом с текстами всех легенд о Рице. Портреты — Альбов, видевший Рицу в 1893 году, Евгения Морозова — первая исследовательница Рицы. Можно продемонстрировать и нашу фотографию зарубки с текстом об этой экспедиции. Конечно, тут же схемы маршрутов от Рицы, набор фотографий, чучела животных, живопись, коллекции горных пород, спилы стволов...

А супруги Новопокровские — пионеры стационарного изучения климата Рицы? Разве они не достойны того, чтобы их портреты навсегда украсили стены Рицынского музея?

Наконец, еще одна мысль: соорудить на основных перевалах, кругозорах и вершинах ориентирные диски! Низкие цементированные тумбы с надписями на верхних торцах. В центре диска название и высота кругозора. А по окружности стрелки и названия всех вершин, видимых с данной точки. Просто, недорого, а как удобно туристам!

Испытываю ощущение совсем нового и непривычного счастья. Я не только описываю и воспеваю любимый край, но, быть может, помогу и его украшению, преобразованию.

Чертеж закончен, текст написан. Не сочтут ли его маниловскими мечтами? В Гипрокуре мне платят очередной гонорар, а затем подшивают к делу и это сочинение. Поможет ли оно когда-нибудь освоению Рицы? Или так и останется в фондах, и лишь формальная «галочка» заполнит пробел в ведомственном отчете?

ВЕСНОЮ НА РИЦУ

Что делать дальше? Припоминаю слова ботаника Кожевникова о географическом факультете. Не это ли моя дорога, моя судьба?

В феврале прохожу под Москвой курсы повышения квалификации методистов. Получаю от старых туристских работников ценные сведения о приемах экскурсионной работы — ведь до сих пор я был самоучкой.

Энгель пишет, что ждет меня прямо с курсов к себе на новый сезон, и просит завербовать кого-нибудь из слушателей в экскурсоводы. Разговариваю со многими, но соглашается поехать только один человек — симпатичная добрая женщина лет тридцати. Ее зовут Евгения Николаевна, но она просит называть ее просто Женей. Она увлеклась туристской работой, уже была экскурсоводом

в Карелии и на Алтае и на одно лето согласна поехать в Поляну. Я рид и этому — все-таки трудно было прошлым летом справиться одному.

Была и еще одна тайная мысль: я надеюсь поступить учиться. А Женя — у нее хорошая, чуткая душа — не сможет не полюбить Красную Поляну и не захочет бросить ее так быстро.

Перед отъездом на Кавказ иду в университет. Ради солидности я вооружен копиями своих статей для Гипрокура — разве это не география? Проректор — профессор Кадэк, оказывается, сам географ. Он изучающе осматривает меня и с улыбкой говорит:

— Хорошо, оставьте ваши документы. Может быть, к осени что-нибудь и сделаем.

В Сочи являемся к туристскому начальству и получаем неожиданное поручение: теперь же пройти на Рицу и договориться с метеорологами об обслуживании туристских групп помещением и консультациями. В мае на Рицу!

Я и до этого с удовольствием предвкушал, как буду обучать Женю, поделью с ней сведениями, опытом, покажу тропы, кругозоры. И вот этот показ начинается с лучшего: с Юпшары и Рицы!

Мы уже мчимся в кузове попутной машины по зеленой приветливой Бзыбской долине. Впервые вижу днем забавное Голубое озеро — выход подземной речки.

На Геге уже началось строительство шоссе. Договариваемся с производителями работ о беспрепятственном пропуске туристов, которые пойдут от Рицы к морю через район строительства. Обязуемся предупреждать людей о возможных опасностях: нужно подчиняться сигналам и не вторгаться в зоны взрывных работ.

Да, мы слышим, Гегу сотрясают взрывы. Строители прокладывают карнизные выемки в скалах, а в самом узком месте теснины решили пробивать туннель. Дорогу трассируют низом. Как быстро идет дело! Полгода назад тут была лишь тропа, а сейчас вдоль Геги уже на несколько километров проникают грузовики.

Исказило ли природу это вторжение человека? Если не считать бессмысленного вырубания самшита, пожалуй, нет. И люди и машины игрушечно малы по сравнению с ущельем и никак не в силах что-либо переменить в пропорциях окружающего величия...

Шоссе строится. Не начало ли это осуществления проектных наметок Гипрокура?

Гега мчится по ущелью мутная, мощная (в горах сейчас интенсивно тают снега). С интересом слежу за Женей — она не ожидала ничего подобного, мои обещания относилась за счет восторженности, а выходило, что действительность превосходит обещанное.

Вот и устье Юпшары. Отсюда мы вступили в еще не тронутое строителями царство. Юпшара, особенно по контрасту с мутной Гегой, еще и еще раз удивляла своей иссиня-прозрачной водой, отстоянной в озере и в безвестных подземных бассейнах.

Мы входили, а мне казалось, что я вводил Женю в мир Юпшары. Весенняя река была еще краше осенней, полноводнее и мощнее, особенно на устьевом пороге. Сквозь голубеющую воду неожиданно розовели камни. И праздничные плети плюща, и бороды пальмовых мхов, и шаткие мостики — все это было знакомо, но радовало новыми сочетаниями красок.

На влажном участке тропы замечаем многочисленные свежие следы лошадей. Впереди слышны крики, и нам навстречу выходит караван коней, навьюченных огромными связками пихтовой дранки. Кричат абхазские погонщики. Где же это они дерут шепу? Уж не на Рице ли?

Все глубже входим в ущелье. По одному из желобов между отвесами влево идет хорошо намятая крутая тропа. В прошлом году такой, вроде, не было. Именно по ней уходят вверх на юпшарские кручи следы дранщиков. А мы идем дальше вверх по ущелью, по совсем, видно, еще не хоженной в этом году тропе. Километр, два, три... Впрочем, в одном месте замечаем следы человека, прошедшего туда и обратно.

Впереди скала. Сейчас должен быть еще один мостик, иначе под отвесом не пройдешь. Выходим к реке и останавливаемся, смущенные. Моста нет, он снесен вешними водами. Юпшара клопочет, бурлит. Любоваться бы этим снежно-голубым кипением, но ведь оно не пускает нас к Рице!

Как быть? У нас топоров нет. Сооружать переправу мы не можем. Ведь мы рассчитывали к вечеру достичь озера и ночевать с комфортом у Новопокровских.

Близ отвеса над водой наклонено большое подрубленное дерево. Можно рискнуть пройти по его стволу за середину реки и там прыгнуть в воду — не в таком бурном месте. Так и делаем. Балансировать на гладком и скользком стволе бука очень трудно. Спутница хитрее меня — садится верхом на ствол и передвигается сидя. Зато ей хуже, когда встречаются сучки: перебираться через них над клокочущей стремниной нелегкое дело.

Верхняя тонкая часть ствола гнется, и нам приходится прыгать в воду. Оставшийся десяток метров шагаем вброд по журчащему голубоватому хрусталу.

Мы снова на тропе, на «том» берегу — он только что казался недоступным. Все ли мосты впереди целы? Один, другой — в исправности. Но вот и еще жертва паводка — от мостика остались только устои. Здесь река не так свирепа. Вооружаемся большими палками для упора, преодолеваем стремительную воду — она выше колен — и снова на торной тропе.

Меня беспокоит, цел ли овринг в узком месте ущелья. Худшее из опасений сбывается. Нет ни моста перед тесниной, ни балкончика вдоль отвесов. Стены, подмытые водой, образуют навесы, гроты. Юпшара ревет в щели, неудержимая, дивная в своей пенистой синеве. Она неприступно прекрасна. Мы и не пытаемся превозмочь эту буйную воду.

ВСТРЕЧА НАД ЮПШАРОЙ

Разочарованные, обиженные, повернули назад, снова прошли брод и еще раз пробалансировали на подрубленном дереве. Вот и тропа дранщиков. Опять слышны голоса, и уже знакомый нам караван, разгрузивший свою кладь у шоссе, возвращается наверх за новой порцией дранки.

Узнав, что мосты снесены, дранщики советуют идти с ними вверх по тропе. Говорят, что можно пройти к озеру... поверху!

— Над отвесами?

Никак не ожидал, что возможно такое новое приключение: путь над отвесами Юпшары!

Идем круто в гору. Как ухитряются тут спускаться лошади, груженные огромными связками дранки? По высотомеру сто, двести, четыреста метров

подъема... Вот уже набрано метров пятьсот над рекой. Крутой склон сменяется пологим — мы вышли на лесистое плато, поросшее вековыми пихтами. Можно ли было предположить, что над Юпшарскими отвесами существуют такие пологие площади?

Поваленные пихты распилены, а отдельные колоды расщепаны на дранку. Выходим к продымленному балагану дранщиков. Куда же идти дальше? Тропа окончилась тупиком. Пильщики машут рукой в темный лес: там, мол, Рица.

— Охотник так ходит.

Это было самое обнадеживающее из всего, что удалось извлечь у консультантов.

Время за полдень. Сколько нам пути по этому лесу? Не заблудимся ли мы?

Справа от нас обрывы, но желания приближаться к ним нет. Там легче нарваться на поперечные каньоны притоков Юпшары. Значит, лучше держаться левее, чтобы пересекать лощины этих притоков в их пологих верховьях.

Что мы делаем? Разумно ли это? Пускаться в глушь абхазского леса одним, безоружным...

Мы окунулись в неведомые дебри. Наверное, Женя — для нее все это ново — удивляется всякому кусту и лиане. А я смотрю на все это уже озабоченно профессиональным взглядом. Беспокоюсь, как отыщем обратный путь, местами надламываю ветви.

Небольшая лощина, но без ручья. Ведь под нами известняки. Они водопроницаемы, и все ручьи тут текут по подземным полостям, по пещерам, туннелям. Мы можем долго не найти ни капли воды. А день жаркий, и борьба с кустарниками быстро утомляет. Стоило понять, что воды не будет, как сразу мы ощутили жажду — так и прильнули бы к роднику!

Выбрались из кустов, но попали в непроницаемую сеть колючих лиан. Среди них первенствовал уже знакомый мне повой — длинные плети с шипами, которые не просто колются, а оставляют в уколоте месте ощущение удара, ушиба. Когда попадаешь в эти тенета, не надо нервничать! Начнешь суетиться — плети с шипами впиваются в тело со всех сторон, опутывают, как колючая проволока. Окажешься в такой западне — и пятьдесят метров преодолевашь час.

Фу, выбрались!

Тишина. Дремучая зелень. Какие мы здесь маленькие, лишние, два пришельца в синих лыжных костюмах. Замираем, прислушиваемся. Без шороха наших шагов лес еще лучше, торжественнее.

Где-то вдали слышится шум и треск. Яснее, ближе. Определенно, по лесу кто-то идет, при этом, как и мы, напролом. Настораживаемся. Что, если это зверь? Медведь?

Все яснее шаги, тяжелые, грузные — слышно, как трещат сучья. Кто-то ломится через кусты. Мы безоружны. Что делать, оказавшись лицом к лицу со зверем? Закричать, как на айбгинского пса? Все-таки нас двое, должен напугаться и убежать.

Чаша раздвигается, и к полной неожиданности для нас из нее вываливается... человек! Человек с огромным тюком на спине. Да это же знакомый мне Диго, «комендант Рицы»!

— Диго, здравствуйте! Откуда вы здесь? Он изумлен не меньше нашего. Спрашивает:

— Как ты знаешь, где надо Рицу ходить?

Изначит, идем правильно? А мы-то думали, что уже сбились с дороги. Диго прошел на Рицу всего три дня назад — впервые после зимы. Мосты были снежными, и даже Диго, бывалый горец, не смог пробраться вдоль русла Юпшары. Это одинокий след мы и видели внизу на тропе. Это меня утешило, а то все осложняло смущение, что мы спасовали перед Юпшарой.

Путь, нами выбранный, оказался единственно правильным. Далеко ли еще? Диго сулит нам часа два борьбы с зарослями и лианами, после чего будет спуск. Никаких примет и ориентиров Диго не указывает.

Но каково же ему, бедному, ломиться сквозь дебри с таким тюком?

— Диго, что это вы несете?

— Это я вчера медведя убил — он к самому дому подошел, а я его прямо в крыльца убил.

Получалось, что мы действительно встретили медведя! Расставшись с Диго, пошли веселей, словно и дебри стали преодолимее. Прошло, однако, и два и три часа, солнце скрылось за хребтами, вот-вот должны наступить сумерки. Ведь этак и заночуем тут в лесу без воды?

Но вот мы прорвались сквозь очередную завесу лиан и оказались в светлом сосновом лесу. Сосны — признак близости Рицы! Это около нее стоит Сосновая роща, в которой мы с Всеволодом и Леной так бесславно искали Малую Рицу. Но та ли это роща? Силюсь всмотреться между стволами в дальние планы гор. Берем вправо. Вскоре появились известняковые глыбы: значит, мы на дальнем фланге пшегишхвинского обвала.

Скачем с камня на камень, смело берем все ниже на спуск. Уже ясно, что ущелье осталось справа и сзади.

В сгущающихся сумерках слышим перед собою близкий шум воды. Рядом взметнулись входные ворота каньона. Юпшара и здесь гневная, бурная. Искать в темноте брод? Нет, разумнее заночевать у реки. Мы почти пришли. Ведь Рица от нас всего в трех-четыре километрах.

Остановились. Под этим деревом будет наш лагерь. Мы утомлены, и я лихо предлагаю всухомятку перекусить, чтобы скорее лечь спать. Женя с ироническим сожалением смотрит на меня и говорит:

— Ты позабыл, что я немного тоже туристский работник.

Под ее руками с одной спички зажигается маленький костерок, и в двух опустошенных еще днем баночках из-под сгущенного молока (она заботливо сохранила их) быстро закипает вода. Пакетик с крупой, взятый ею же на всякий случай, превращается во вкусную гречневую кашу. Съедаем ее с маслом и, сполоснув баночки, кипятим себе в них чай.

Как мгновенно и незаметно Женя сумела сделать уютным и сытным этот неожиданный ночлег! Вот чему мне надо еще учиться...

Засыпаем сном праведников под шум Юпшары, под кушами буков, у подножия Сосновой рощи, измученные и восхищенные.

*

Солнечное утро. Рябящие, переливающиеся зайчики на траве. Целые росы белых бокальчиков — ландыши. До сих пор мы шли по местам, где успело уже наступить лето. Поляны ландышей напомнили нам, что на Рице май — еще весна.

Брод через реку оказался совсем нетрудным. Вскоре мы вышли на тропу, а еще через час — к истоку Юпшары у Рицы.

Озеро предстало нам совсем не таким скромным, лесным, каким я видел его в прошлом году у устья Лашиисе. Теперь перед нами сверкал совсем еще зимнею белизною весь фасад Ацетуки, левее светилась Агенета, при этом майские снега занимали не только безлесные пригребенные склоны, но просвечивали и сквозь криволесье и сквозь черно-зеленый пихтовый лес, а по ливнинным прочесам лежали длинными белыми языками.

В воде умещалось полное отражение Ацетуки со всеми ее снегами.

Счастливая Женя — впервые видит Рицу и сразу такую, лучшую.

Громко кричу — ведь Новопокровские, зная от Диго, что мосты снесены, не ждут никого. Крик быстро услышан, и вскоре к нам причаливает удивленный Николай Васильевич.

— Что, разве мосты уже починили?

— Нет, мостов нет.

— А как же вы оказались на юпшарской тропе?

Он думает, что мы прошли старой тропой по Геге под Пшегишхвой, но не понимает, каким же образом мы очутились у истока Юпшары. Объясняем, рассказываем о встрече с Диго. Новопокровские долго не верят, что мы сами отыскивали путь к Рице над пропастями Юпшары.

Зима прошла благополучно. Волнения метеорологам доставляла только взбунтовавшаяся речка Ацетаква. После одного из ненастий она особенно вздулась, несла огромные стволы, срывала и уносила большие куски берега и, казалось, вот-вот готова была смести и метеостанцию. Двое пожилых людей, отрезанные от всего мира, выдержали поединок с разгневанной стихией.

Мы быстро договариваемся обо всех делах служебного порядка и просим Николая Васильевича сейчас же отвезти нас к Сосновой роще. Времени у нас в обрез, а мы намерены разыскать Малую Рицу. С увлечением рассказываю о своих литературных находках, в том числе и о статьях Морозовой, и о том, что уже видел фотографию этого озера, и о трагической гибели молодой путешественницы...

К МАЛОЙ РИЦЕ

*... Оно лежало, точно драгоценность.
Кайма из уцелевших пятен снега
В лучащиеся воды окуналась
И отражалась бликами в глубинах.*

Лодка оставила нас одних. Бросаем монашескую тропу, когда она уходит направо в пихты, и по голым глыбам известняка держим курс прямо к виднеющимся меж сосен отвесам Пшегишхвы. Между хаотичным нагромождением, по которому приходится лезть, и Пшегишхвой угадывается долина. Не в ней ли прячется Малая Рица?

За полчаса карабканья по шербатым белым глыбам достигаем более редкого леса. Хаосом сложен целый кряж, похожий на большую продолговатую насыпь. Цельнокаменные гребни высокогорий были лишь увенчаны собственными обломками — вспоминаю россыпь на вершине Ачишхо. А тут весь хребет построен из угловатых обломков!

Наконец мы на гребне обвального хаоса, на одной из вершин глыбистого хребта. Теперь нам ничто не загроаживает свирепых отвесов уцелевшей поло-

вины горы. На сотни метров в высоту скользит по этим стенам взгляд, и не за что зацепиться. Подножия прикрыты крутосклонными серыми осыпями.

С отвесом, то и дело грохоча, срываются и падают камни. Более крупные из них увлекают за собой небольшие обвалы. Пшегишхна и теперь неустанно бомбардирует свои подножия.

А еще ниже... Ниже вместо озера страшная безводная долина, на ее дне продолжается все тот же хаос каменных глыб. Наверное, именно эту долину Морозова называла провальной. Пожалуй, она права. Конечно же это не обвал, а провал огромного блока Пшегишхвы.

Совсем новый, невиданный вариант горной красоты, дикое и угрюмое величие! Здесь бы лежать врубелевскому Демону.

Каменное море. Каменная буря. Жутко смотреть, даже когда все это недвижно, мертво. А что было, когда это рушилось?

Где же все-таки озеро? Перевожу взгляд вверх по дикой долине. Километрах в двух от нас хаос кончается, и оба склона посылают в долину поросшие пихтами отроги, доходящие до самого дна. Только там, за первой парой встречающихся отрогов угадывается чашеобразное углубление, в котором может таиться водоем. Что же, туда? Туда!

Еще час эквилибристики. Прыгаем с глыбы на глыбу, перелезаем через колоды упавших сосен. Некоторые погибшие стволы напоминают невероятные статуи. Это оцепеневшие лешие с нелепо опущенными, словно вывихнутыми, выкрученными руками-сучьями.

На крутом подъеме продираемся сквозь кусты. Потом небольшая лощина идет под уклон. И в ней впереди что-то удивительно синее, словно двойной синевы небо наполняет светом лесную зелень. Но не может же небо находиться так низко!

— Женя, озеро!

Замираем. Такое не для восторгов и словесных излиятий. Оно молчит и требует молчания от пришедших...

Словно бужу себя от оцепенения — ведь мне же надо не просто любоваться, но и описать это озеро, оценить приметы его местоположения...

Малая Рица покоряет своей иззелена глубокой синевой, своим покоем. Она большая, взгляду есть где отдохнуть. Ее стерегут склоны с дремучим пихтарником, который лишь в одном месте сменяется полосой криволеся — это трасса рушащихся с Пшегишхвы лавин. А сама Пшегишхва посылает к озеру слева свою последнюю осыпь. Этот откос отделен от остальных поросшей пихтами гривой. Хороший ориентир — по такому признаку можно и другим рассказать, как отыскивать Малую Рицу.

Из воды косо торчат упавшие стволы. Они видны и сквозь прозрачную воду, но в ней выглядят более пологими, словно они надломлены о поверхность озера. Впрочем, физики скажут точнее и не менее образно: не надломлены, а преломлены водою.

Играющей рыбы не видно, но озеро полно жизни. Застыли в воде с распластанными лапами комичные тритоны. Точно конькобежцы, рыщут по немому зеркалу тонконогие насекомые — водомерки.

На берегах неразбериха — древолом из отмерших стволов. На окружающих скалах и деревьях пояски тины и грязи — следы еще более высоких стояний воды в озере. Тогда-то и оседает вся масса леса, упавшего в воду и ветром пригоняемого к берегам.

Вдоль берегов, как и на Большой Рице, далеко не пройдешь, по склонам можно только карабкаться. Иногда они прямо отвесами обрываются в воду.

Минуты, часы упоительного отдыха. Не спится ли это?

Теперь у нас есть наше озеро, наше чудо. Насколько ближе становится и человек, который разделяет с тобою радость такой находки. Пройдут десятилетия, по-разному сложатся судьбы двух людей, изменившимися, постаревшими встретятся они когда-нибудь, во многом разойдутся их интересы. Но одно только воспоминание об этом голубом оке гор, о его сиянии заставит помолодеть и постаревшие души. Найти такое озеро достаточно раз в жизни. И уже этого на многие годы будет довольно для счастья.

Какие добрые силы вели нас в обратный путь? Мы уверенно находили дорогу, опознавали собственные следы, камни, коряги, знакомые статуи леших.

Какое-то чувство подсказывает — отсюда надо идти левее, иначе спустишься к Юпшаре. Крутой склон влево, за ним уже чувствуется молчание Рицы, теперь надо говорить — Большой Рицы.

Выходим как раз к тому месту, от которого бросили тропу и углубились в лес. Что это? Способность ориентироваться? Но я до сих пор считал, что заблужусь в лесу скорее многих других. Нет, теперь все острее становится новое, «шестое» чувство — внутренний компас географа, возникшее вместе с заботами о выборе и запоминании путей, результат штурманской ответственности при вождении людей по горам...

Вот и завал из бревен в истоке Юпшары. Большая Рица по сравнению с Малой кажется подчеркнута зеленой, земной. В Малой Рице было так много неба!

Николай Васильевич поздравляет нас с удачей. Уже в лодке успеваю ему рассказать все приметы пути к озеру, рекомендую сходить самому (конечно, с попутчиками) и посылать туда более ходких туристов.

Наутро тепло прощаемся с Новопокровскими. Идем ландышевыми полянами ко входу в Юпшарское ущелье, берем на пятьсот метров вверх без троп по дальней Сосновой роще, ломимся через кусты и лианы. Час, два, три...

Впереди застучали топоры дранщиков. Рабочие уже от Диго слышали, что мы правильно выбрали путь к Рице. Раза три повторяли они тот же вопрос, что и Диго:

— Как ты знаешь, где надо ходить?

Какая высокая похвала — одобрение самих горцев! Не начинаю ли я и сам чувствовать себя горцем, словно родился и вырос в этих горах? Прожил почему-то часть жизни вне гор, в городах, а теперь просто вернулся на родину?

СЕСТРА КРАСНОЙ ПОЛЯНЫ

Энгель прежний, деятельный, вдохновенно читающий лекции. Рад пополнению штата. Вскоре и я чувствую, насколько мне стало легче с появлением Жени на базе. Она быстро освоила краеведческий материал и оказалась чудесным лектором, словно давным-давно знала и любила Поляну. Прошла со мною главные тропы. На Псеашхо мы с ней ходили и вовсе по новой дороге — через Пслухский нарзан, вверх по Пслуху и с подъемом к Бзерпи через Коготь, хорошо видный из Красной Поляны. На разведку ближних маршрутов тратили вечера и ранние утренние часы...

В один из августовских дней получаю сообщение о том, что я зачислен на географический факультет. Хорошо, что могу оставить Энгеля в надежном заместителем.

К сентябрю мне надо быть в Москве. Решаю и возвращение из Поляны использовать для поисков нового маршрута. В компании с инженером Лукьяновым, много лет отдыхавшим в Поляне, выходим через Аибгу в Аибгу (селение в долине Псоу — тезка горы), чтобы пройти к морю навстречу бывшему пути Штиловского отряда.

От перевальчика с крепостью над Греческим мостиком спуск к речке Бзе и долгий подъем лесами с неприятными блужданиями на тупиковых тропах по заброшенным драночным разработкам.

С перевала от Мзымты к Псоу почти нет панорам, одно только ощущение высоты и огромности воздушного пространства под ногами. Тропа косогором над глубокой долиной шумной Безыменки — притока Псоу. Справа сквозь зелень светятся ярко-красные скалы Ахюмюэ (жители Аибги зовут эту гору просто Красная скала). На спуске чудесное место, выход с затененного склона на солнечный водораздел. У ног долина Псоу, как бассейн, до краев полный голубоватым воздухом, чуть сизым от лучистой пылицы и столбов света. И среди щедрой зелени садов россыпь игрушечно уютных белых домиков Аибги...

К ним крутой спуск по скользящему вместе с нами пестрому ковру опавших листьев — невозможно остановиться, замедлить шаг...

*

Куда уйти от чувства, что мы пришли домой, словно в свою Поляну, в уют, отдых, мир? И понятно, ведь Аибгинская поляна — это сестра Красной Поляны, как Псоу младшая сестра Мзымты. Такое же расширение у заметного, но плавного поворота долины. Такая же группа красивых пирамид на востоке, только вместо краснополянского Псеашхо здесь высятся крутоверхие зубчатые Турьи горы. А ближние хребты монотоннее краснополянских — они еще круче, и поэтому видны только их лесистые низы. Лишь на юге едва высоставляет двуглавую вершину сутулый и невзрачный отсюда Ахаг.

Как высоко приподнято селение Аибга над дном долины! Если даже Красная Поляна, лежащая всего на десятки метров выше вод Мзымты, выглядит гордо возвышенной, не сдавленной горами, то с чем сравнить «полет» ее аибгинской сестры? Село раскинулось на привольных террасах на двести и даже на триста метров над руслом Псоу.

Аибгу украшают большие кудрявые деревья ростом с высокие липы. Даже близ Красной Поляны мы не видали таких мощных старочеркесских черешен и груш. Дымят сушилки — низкие «избушки на курьих ножках», без окон, без дверей. От них тянет горьковатым ароматом сушеных фруктов.

Повстречавшийся колхозник — Емельян Платонович Нарожный — рассказал немало интересного о поселке.

— Родители переехали сюда, когда еще маленький был. Дороги не было, тропами шли. До того на поляне жило пять семей эстонцев, а еще раньше русский солдат Бондаренко — тот здесь еще с горцами воевал.

— Бывают ли у вас автомашины?

— Та заскочило две штуки.

— Только две? Когда же?

— Одна в Гражданскую войну, другая года четыре назад.

Климат, воздух, река тут так же хороши, как и в Красной Поляне. Сады даже лучше краснополянских... Не Красную ли Поляну идим мы, словно совершая полувеконую экскурсию назад на машине времени? Поляну до строительства шоссе, до дворцовой и курортной славы...

Нарожный рассказывает о пути отсюда на Рицу через перевалы Озеро и Камыши, о дальних Аибгах, которые здесь носят совсем русские названия — Каменный столб, Лысая гора, Зеленый клин. Даже Псоу Нарожный произносит и склоняет по-русски — Псова, по Псове.

— А кто строил к вам дорогу и когда это было?

— Трассу намечал инженер Константинов, тот же, что и краснополянскую строил. А прокладывать начали в седьмом году, года за четыре сделали. С одиннадцатого года на колесах ездим. Переселенческое управление строило — инженер Окулич.

Вспоминаю, что комиссия ученых, в состав которой входили знаменитый климатолог Воейков, курортолог Пастернацкий и горный инженер Сергеев, та самая, которая в 1898 году посетила Красную Поляну и дала ей блестящую рекомендацию как горноклиматической станции, побывала тогда и на Аибгинской поляне. «Младшая сестра» тоже заслужила у них превосходный отзыв. Но о красоте дороги по Псоу они не написали ни слова. Поэтому, идя из Аибги к морю, я ожидал увидеть нечто более скромное по сравнению с краснополянским шоссе...

Первые же километры старого запущенного пути ошеломили меня. Сразу за поселком начались переходы через боковые ущелья — дикие карстовые трущобы с многоступенчатыми водопадами, с головокружительными пропастями. Дорога проложена балконом над двухсотметровыми кручами. Оказалось, что ущелье Псоу может кое в чем и поспорить с Ахцу. Более того, живописные скальные участки сосредоточены тут не на трех-четыре, а на целых пятнадцати километрах. В Ахцу невелики отвесы внизу и грандиозны над вами, а на Псоу дорога прорублена почти в верхней части обрывов. Над головой нависает всего несколько десятков метров скал. Встречаются полутуннели, типа дарьяльских «Пронеси господи».

О красоте пути в Аибгу надо писать, звать сюда толпы людей, не знающих, какие чудеса существуют рядом с курортами. Ущелье-песня, сказка — как его еще определить...

*

В Адлере прощаюсь с Лукьяновым. Пройден не только новый маршрут. Окончен большой и важный этап жизни — я еду учиться. Но я еще вернусь в эти горы. Уезжаю с чувством незаконченности дела. Как много долгов остается за мною! На скольких вершинах я не побывал. На Чугуше и Ассаре, на обоих Псеашхо, на Аишхах... У меня еще не пройден главный маршрут заповедника. Не рано ли я стал считать себя настоящим краеведом этих мест?

Десятки вершин, перевалов, троп зовут, манят меня обратно в Поляну. Но и то, что я ее временно покинул, — правильно. Я вернусь, вооруженный знаниями, новым зрением.

А может быть, увлечет и что-то совсем иное? Памир, Байкал, Камчатка...

Начинается новая жизнь. Какое место займут в ней горы над Красной Поляной?

БУДУЩИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Главы, посвященные
Что тревожащую душу
Прощу я, как ребенка
С удивленными глазами,
Через льды, луга и скалы,
Сквозь пихтарник заповедный...

СКВОЗЬ ЗАПОВЕДНИК

УЧЕНИЕ О РЕЛЬЕФЕ

В старинном здании Московского университета ютился географический факультет. Начались лекции, и первые же из них, прочитанные профессором Шуклиным, сделали этого отнюдь не красноречивого человека на долгое время властителем моих дум. Его курс назывался геоморфология. Это было учение о рельефе, не просто о застывших формах поверхности, а о происхождении, о жизни рельефа, короче говоря, об исторически развивающемся рельефе. Что в ту пору могло быть для меня более привлекательным? Ведь я уже столько раз сам становился в тупик перед необычайностью скульптуры и архитектуры лика Земли?

Я удивлялся, что многие из моих новых коллег слушают эти лекции без увлечения. Вот Иван Семенович рассказывает об «исполиновых котлах» — так называются ямы под водопадами, выдолбленные в русле низвергающейся струей воды. Со скукой записывает эти слова девушка, не видавшая в жизни ни одного водопада. А для меня это кровное, пережитое: именно в такой исполинов котел упал при мне турист у водопада Ачипсе. Не будь этого котла — он разбился бы.

А отступление водопадов и овражных отвершков вспять к верховьям? Водопад сгрызает и заставляет отодвигаться назад тот самый уступ, с которого вода низвергается. Получается п я т я ш а я с я эрозия.

Мы узнали о великих силах размыва, сдувания, стирания неровностей, о силах, которые стремятся сгладить и превратить земную поверхность в равнину. И о встречных, изнутри рожденных силах земной коры, противостоящих этому размыву, взламывающих, коробящих земную поверхность, заставляющих тороситься, крениться отдельные глыбы.

Покорные этим силам, воздымаются, словно при вздохе, или погружаются, как при выдохе, груди целых материков...

Перед умственным взором возникала стройная картина процессов, способных громоздить и разрушать, лепить и вырезать рельеф.

Лекции о ледниковых формах поверхности были особенно радующим откровением. Все виденное и непонятое на ледниках Псеашхо получало определения. Еще так недавно мне казалась необъяснимым дивом красота высокогорных цирков Ачишхо и Аибги — правильность их чашевидных форм,

многоирусное и сложное расположение полых рядов кресловин. А из объяснений профессора Шукина вытекло, что эти чашки — закономернейший результат воздействия оледенений.

Любой ледник, залегший в выемке на склоне горы, неминуемо стремится превратить ее именно в цирк. Но он не выпахивает и не выкапывает ее — ведь это не экскаватор. Ледник огладил, отшлифовал лишь дно впадины. А кто же обвел, обтесал отвесные стены цирка?

Виновник известен. Это... климат. Да, приледниковый климат с его температурами, то и дело переходящими через ноль градусов. Раз такие переходы часты — значит, и в трещинах, пронизывающих скалы, столь же часто то замерзает, то оттаивает вода. Она размораживает, раздвигает трещины, и, таким образом, к обычному выветриванию склонов присоединяется еще и морозное выветривание.

В щелях между ледником и стенами цирка морозное выветривание особенно интенсивно разъедает склоны гор, как бы подкапывая их. Подточенные участки скал рушатся, из них потом образуются морены. А самый склон, подкапываемый снизу, становится с каждым обвалом все круче, пока не превращается в отвес. В дальнейшем задние и боковые стены, окружающие ледник, расступаются все шире, но продолжают оставаться отвесными.

Все это было про ледники. Для Псеашхо такой удивительный механизм подкопа под гребни гор — сушая правда. Но на Аибге нет ледников, а снежники в середине лета стаивают. Почему же так правильно кресловидны, словно архитектором построены, цирки Аибги? В науке и на это уже известен ответ. Оледенение здесь существовало прежде. Цирки — его следы, свидетели бывшего, древнего оледенения, свирепствовавшего здесь, вероятно, в ту же пору, когда и на равнине Севера лежал великий материковый ледник...

Конечно, это наука не простая. Возможно, что и только что приведенное объяснение образования цирков кого-то отпугнет ученостью. Но я слушал лекцию о цирках, как поэму: мне становилось ясно, почему они как бы поднесены на определенной высоте в виде балконов в верховьях каждой долины на былом уровне снеговой границы — это цирки моей Аибги; почему бывающие сгруппированы в лестницы (их ступени отмечают не только выходы стойких пород на дне долин, но и этапы поднятия снеговой границы при потеплении и отступании ледников) — это о водопадных ступенях в верховьях Ачипсе.

Теперь я знал, что встречу цирки и на многих других хребтах, превышающих 2000 метров — уровень, выше которого наверняка действовало древнее оледенение.

Цирки не только «живут», но способны и отмирать. Изменится, потеплеет климат, поднимется снеговая граница, сократятся или исчезнут ледники и снежники, некому будет больше «подметать» и удалять щебень, и тогда цирки будут засыпаны осыпями: из сферических чаш они постепенно превратятся в конические воронки, а дно этих водосборных воронок изроют своими ветвящимися верховьями ручьи. Ведь и это я видел в Первом цирке Аибги, а над причинами не задумывался...

Нас научили читать, как в книгах, в обрезах горных пород (теперь пришлось выражаться геологически — в обнажениях) историю формирования гор. Незыблемые, казалось мне, хребты вдруг утратили свою извечность, как бы зашатались, оказались построенными из глинистых пластов, настланных друг на друга, как скатерти, из мергельных и песчаниковых плит, из крошащегося

рушечного известняка, из окаменевших скелетов невесть когда живших организмов. Грандиозные памятники, гробницы миллиардов некогда кишевших жизнью. И невольно потянулись мысли: неужели и мои краснополянские вершины — дворцы, замки, крепости, мой Псеашхо и Аибги тоже окажутся лишь обкусанными ломтями, фрагментами древних кладбищ, нагроможденными окаменевших скорлуп?

Сначала мне показалось, что с утратой мнимой незыблемости горы потеряли и часть своего величия: Шаткис, невечные, переменные... Никакие не горы, не троны. Вершины — это всего лишь недоеденные речной эрозией отрывки существовавших ранее плоскогорий. Самая величавая скала — обломки, руина.

Мысль работала и дальше. Хорошо, вершины — остатки, выкроенные разрывом из исходных плоскогорий, то есть из чего-то еще более величественного. А это нечто большее само как-то произошло. Значит, плоскогорья были подняты силами на такую высоту, что из них при разрушении могли получиться вершины. А до того, как подняться, плоскогорья были выровнены равнинным; еще ранее недра их были смяты в складки, а до складчатости поотросены из напластований, отложенных в море. Отсюда еще один вывод: до смятия и поднятия каждый из этих пластов был некогда морским дном...

Можно ли, хотя бы в самой общей форме, объять все это? Пытаюсь, и в мыслях встает картина еще большего величия. Величия исполинских размеров, непомерных масштабов, бездонных сроков.

УЧЕНИЕ О ЛАНДШАФТЕ

Молодых университетских географов обучали не только истории рельефа. Вся природа, совокупность всех ее отдельных сторон — климата, вод, недр, почв, жизни, все перекрестные многострунные связи между ними, создавшие ландшафт Земли и любого участка ее поверхности, раскрывались перед студентами. Было время, когда география казалась мне большой адресной книгой, отвечавшей на вопросы, где что находится, помогавшей ориентироваться в пространстве. Теперь же оказывалось, что география была не только описательной наукой. Она вырастала во всеобъемлющий свод знаний обо всей приповерхностной ландшафтной сфере Земли.

Как созвучно это было всем моим кавказским впечатлениям и представлениям! И как хорошо, что понятие ландшафт значило не только то же, что и пейзаж, как мне казалось прежде, обнимало собою не только внешний вид местности, а и все, что не видно, но познано. Горно-черноморский, краснополянский ландшафт, конечно, включал в себя видимый облик Псеашхо, Аибги и Ачишхо с их снежниками, лугами и лесами. Но теперь я знал, что в состав ландшафта входят и недра этих гор, вздыбленные по еще неизвестным мне надвигам; что в ландшафте запечатлелись и воздействия древних оледенений — то леденящие, то шлифующие, и смены горно-долинных ветров, и сложные связи рельефа с растительностью, и еще многое другое. Более того, ландшафт отныне переставал для нас быть чем-то только сегодняшним, современным: он жил, развивался, рос, за ним стояла, по его чертам читалась и в нем же многое объясняла история. География обогащалась познанием прошлого, дополнялась палеогеографией.

Профессор Мазарович приоткрыл нам на своих лекциях необозримые тай-

ны былого -- историческую геологию. Эта наука оказалась совсем не хаотичным нагромождением ярусом, эр и ихтиозавров, как представлялось раньше. Перед нами раскрылась изумительная эпопея жизни Земли со своими ритмами, этапами расцветов и захирений. Это была летопись чередования периодов покоя и периодов потрясений, трагедий, и вместе с тем летопись неуклонного усложнения, обогащения, прогресса жизни.

...Качались в своих глубоких океанских «ваннах», а иногда выплескивались за их пределы на соседние равнины целые моря и океаны; прогибались, одновременно заполняясь наносами, впадины; торосились, как льдины, сминались и дробились геологические напластования; дыбились горные страны, неся на своих поверхностях шрамы, зарубки и следы уровней древних равнин. Плодились диковинные чудовища, словно природа экспериментировала, что можно создать еще хитрее, еще умнее приспособленное к внешним условиям. Но тысячи опытов оказались неудачными — в результате в морях и на суше вымирали целые флоры и фауны...

Обо всем этом Мазарович говорил патетически красочно, находя слова достойные величия описываемых событий.

Больше всего в его лекциях мое внимание привлек, конечно, Кавказ. С жадным интересом, словно слушая сказителя эпических былин, следил, как формировались эти горы от эпохи к эпохе. На их месте особенно долго плескались моря, а возникавшие временами складчатые структуры недолго существовали в виде выступов суши. Казалось, я так и не дождусь лекций, в итоге которых Кавказ воздвигся бы перед глазами в своем современном виде. Мы еще не знали, что в те годы *неотектоника*¹ лишь зарождалась и что профессор Мазарович и сам еще не мог тогда «построить» перед нами эту горную страну до конца. Хорошо рассказывая об истории недр, он поневоле становился поверхностным, когда доходил до этапов образования ныне существующего рельефа Кавказа.

Конечно, бывало, что и студенты многое пропускали мимо ушей. Даже самые увлекательные лекции подчас утомляли, и мысль отвлекалась чем-нибудь посторонним. То писал записки соседке — маленькой светлой Наташе. То рисовал очертания краснополянских гор: на обложке скольких тетрадей с конспектами высились маяками пирамиды Аибги!

Учение о ландшафте... Оно выросло из чудесного взаимопроникновения геологии с географией. Исторически развивающаяся природа оказывалась при всей своей сложности единым целым, подчинялась стройной системе геолого-географических законов. Напомню, насколько более полной стала для меня красота краснополянских гор, когда я проник в их всего лишь вечернее прошлое — в историю Черкесии. А в какие же бездны времени уводило теперь историко-геологическое, палеогеографическое познание любимых мест? Становилось ясно, что и всей жизни будет мало для их полного постижения.

Так родилась во мне потребность изучить, исследовать все тайны природы Красной Поляны, все пути и причины формирования ее рельефа,

Близилось лето, полевая практика. Студенты старались устроиться в различные экспедиции коллекторами. А что, если попасть в качестве практиканта в Кавказский заповедник? Был же Георгий Владимирович практикантом университета в заповеднике!

¹ Наука о новейших движениях земной коры.

Смущенный, не умея как следует и рассказать о своем желании, обращаюсь к декану. Профессор Борзов учтливо выслушивает, спрашивает, спрашивает ли я с самостоятельной исследовательской работой. Отвечаю, что попытаюсь справиться, проштудировав нужные методики и инструкции... Профессор ведет меня в Зоологический музей и там — в маленькую комнатку, в которой сидит симпатичный пожилой человек с густой каштановой бородой. У Василия Никитича Макарова добрые лучистые глаза.

Старики встречаются как большие друзья. И когда Борзов рекомендует меня Макарову для самостоятельной работы (это студента-то, третьекурсника!), научный руководитель управления всеми заповедниками страны — это и был Василий Никитич — говорит:

— Ну что ж, поможем. Именно в Кавказский?

— С кем же ехать? Еще на первой учебной практике в Крыму я заметил студента Володю, выделявшегося упорством в работе, дотошностью и серьезностью. Мое предложение заинтересовало его. Ехать с нами была приглашена и Наташа.

— Чем мы будем заниматься? Что наблюдать? Все. Всю природу, весь рельеф, распознавать его историю. Но, может быть, это уже известно?

— Какое там известно! Даже такие популярные места, как Кардывач и Рица, до неузнаваемости искажены на картах. Сводной работы о рельефе заповедника, об истории этого рельефа нет. Геоморфологической карты заповедника тоже нет. Значит, нам есть, что делать! Но как мы будем это делать?

— Собрались втроем и явились на консультацию к известному кавказоведу профессору Добрынину, готовые впитать и выполнить любые советы. Борис Федорович спокойно выслушал нас, одобрительно просмотрел ворох изученной литературы по району, которую мы ему притащили, и... не напутствовал нас ничем, кроме самых общих фраз. Вышли от него с пожеланиями успеха в работе, но без твердых рецептов как работать.

— Один из старшекурсников, увидев, что мы обескуражены, утешил:

— Ничего, ребятки, не робейте. Это даже полезно, когда молодежь пускает, как с лодки в воду прямо на глубоком месте, чтобы научить плавать. Кто своей головой нащупает путь к исследованию, из того и толк выйдет. Александр Александрович Борзов так и говорит: «Не поплавав на борозде, плавать не научишься».

— Это что же, значит, мы едем плавать на борозде?

— Нет, подготовимся как только можем. Изучаем «Полевую геологию» академика Обручева, инструкцию профессора Эдельштейна по наблюдениям ледников. Кое-что проясняется — уже видим возможность вести нужные измерения и записи...

К ЗАПОВЕДНИКУ С СЕВЕРА

В Белореченской выходим из поезда Москва — Сочи и на рассвете пересаживаемся на уютный домашний поезд, везущий нас по майкопской ветке.

Въезжаем в предгорья. В обрывах скал видны косые напластования: слоенный каменный пирог из более твердых и более мягких пород. Совсем косые на вид хребты. Это чешуевидные несимметричные ступени — куэсты. Как и разделяющие их перекошенные продольные долины, они появляются в рельефе с неумолимой, словно в математике, логикой.

Поперечные реки, текущие в ту же сторону, в которую наклонены пласты, прогрызают предгорные гряды теснинами. Они вымывают податливые породы из-под более стойких известняковых пластов, которые в результате обмываются. Так без конца подноуляется, освежается крутизна обрывов стойких пород, поддерживается их отвесность. Там, где мощнее податливые пласты, вырабатываются обширные продольные понижения — целые доли между параллельными куэстами.

Какая стройность, законность в природе! Мы почувствовали себя скульпторами, способными еще раз изваять именно этот рельеф. Иным он и не мог бы получиться при такой слоистости и неравностойкости материала для вааяния.

Поезд уперся в тупик у станции Каменноостской. Каменный Мост — это туннельный участок реки Белой, которая прорывается здесь сквозь промоины в известняке. Вспоминаю из своих исторических разысканий, что над обрывами этого Каменного Моста стояло «мехкеме» — судилище горцев. Заподозренных в измене сбрасывали прямо в пропасть. Гибель в порогах считалась неизбежной, но чудом выплывший подлежал оправданию.

Путь вверх по Белой совершаем на конной линейке, встретившей нас по поручению дирекции заповедника. Каменноостское ущелье — первая большая радость на этом пути. Типичная сквозная «долина прорыва» в куэстовой гряде. Отвесные обрывы косонаклонных известняковых пластов, прорезанных широкой и мощной рекою. Пласты наклонены навстречу нашему пути от гор к равнине. Выше по течению они все больше поднимаются над водой, и долина воронкообразным раструбом расширяется — ведь из-под высоко заданных здесь стойких пластов выступили податливые, легче размываемые слои.

Если бы такая же четкость связей недр с рельефом продолжалась и дальше на юг! Но нет, там нас ждут куда более запутанные загадки рельефа.

Южнее обрывов Скалистой куэсты лежит привольная котловина с несколькими ярусами пологих площадок, на которых разместилась станция Даховская. Эти ярусы — речные террасы. Прежде здесь жило черкесское (абадзехское) племя дахо. Отсюда получил свое имя и Даховский отряд генерала Геймана, памятный для Сочи и Красной Поляны.

Густые леса на хребтах. Внизу уже лето, а выше в горах зелень еще полна весенней свежести.

С одного из поворотов долины над зеленью виден кусок пронзительной белизны. Еще не стаявший снег на горе Пшекиш.

Все гуще и глуше леса. Въезжаем во второе ущелье с непоэтичным названием Блокгаузное. Оно не известняковое, а гранитное. Река, поистине Белая от сплошной пены, обезумев, мчится в гладком и крутостенном цельнокаменном желобе. Но даже здесь мы различаем горизонтальные зарубки на отвесных стенах — остатки уровней древних террас; как раз по ним было легче всего проложить дорогу. А пожалуй, плохо, что такие поперечные ущелья называют «долинами прорыва». Река тут совсем не прорвала преграду. Она пропиливала гряду сверху вниз по мере того, как постепенно выдвигалось снизу вверх само это препятствие. Представьте, что здесь не пила опускается на перерезаемое бревно, а само бревно подается вверх под зубцы распиливающей его пилы...

Новое расширение долины. Хамышки. Мирно раскинувшаяся среди садов и кукурузных полей станция. А когда-то это было грозное горное гнездо по-

следних непокоренных абдзехов и глиняни бази «загорных» убыхов и красно-полянцев — их чинисовцев, откуда они спрыгнули свои шабег и на русские казачьи линии.

Дорога камениста и ухабиستا, выматывает душу. Предпочитаем сойти с линейки и идти пешком. Новое ущелье, менее крутосклонное. У его скал кирпично-красный цвет, неожиданно контрастирующий с зеленью леса и голубизной воды. Здесь и почва красная, как в тропиках. Но она покраснела не под влиянием сегодняшнего климата. Ее окраске помогло разрушение коренных песчаниковых плит. Даже ручьи, бегущие из ближайших лощин, несут и Белую красновато-мутную воду. А сами песчаники стали красными по явно климатической, впрочем, очень древней причине. Это сцементированные пески допотопных пустынь, существовавших здесь более двухсот миллионов лет назад. В сухих жарких пустынях накапливались окислы железа — вот и возник красный песок.

Мост через Белую привел нас в небольшой поселок со старочеркесским названием — Гузерипль. Здесь на глухой лесной поляне близ знаменитого большого дольмена помещалась в те годы дирекция Кавказского заповедника.

СМИРНОВ-ЧАТКАЛЬСКИЙ

Нас принял местный ученый-географ. Настораживала его театрально громкая двойная фамилия: Смирнов-Чаткальский. Пахло апломбом провинциального тенора: обладатель этой фамилии явно пристроил к слишком частому «Смирнову» название Чаткальского хребта Средней Азии, чтобы звучать наподобие Семенова-Тян-Шанского.

Шеф держался не очень приветливо и огорошил нас лобовым вопросом о самой цели нашей поездки.

— Неужели вы считаете, что такие исследования могут быть кому-нибудь нужны?

Было от чего растеряться. Мы откровенно думали, что они нужны прежде всего самому заповеднику. Разве не полезен этому научному учреждению всякий новый вклад в познание его природы, всякое упорядочение представлений о географии его территории? Разве не поможем мы нашими работами последующим исследователям — почвоведом, ботаникам, зоологам, климатологам? Разве не выявим неправильность карт?

Смирнов-Чаткальский иронически выслушал нас и произнес:

— Изучать заповедник ради самого заповедника, развивать науку ради науки — мертворожденное дело, порочный круг. Что вы дадите практике, хозяйству?

Упрек серьезный. Но в нем звучит и крайность: требование, чтобы из любого научного достижения можно было немедленно шить сапоги.

А мы по неопытности еще не умели ответить, что геоморфологические исследования важны для изучения древних металлоносных россыпей, для усовершенствования рисовки рельефа на картах и мало ли еще для чего...

Меня осенил один довод, казавшийся в ту минуту исчерпывающе убедительным. Я сказал:

— Но ведь «инвентаризация территории», стоящая в плане работ заповедника, имеет и оборонное значение! Разве военно-географические выводы из исследований — это не служение практике?

Смирнов-Чаткальский занерничал, заерзал, и глазах злигнала недоброумасшедшинка; тоном морализующего пастора он произнес:

— Я не ожидал от вас таких рассуждений. Вы допускаете политический ляпсус. Мы говорим о неуязвимости наших рубежей, имеем все возможности разбить врага на его собственной территории, а вы предлагаете учитывать оборонное значение чего? — гор Кавказского заповедника! Это же равносильно допущению мысли о проникновении противника на Северный Кавказ!

Я еще пролепетал ему что-то насчет приграничности гор Черноморского побережья, но было уже ясно, что этого человека доказательствами не перешибешь. В сущности, зачем мы с ним вообще говорим? Ни мы ему, ни он нам не нужен, работать сумеем и без него...

СКВОЗЬ ЦАРСТВО ЗУБРОВ

Теперь нас четверо: нам придан рабочий при лошади — мрачный и угловатый юноша Саша. Нас предупредили, что это человек лесной, людей не видавший, малограмотный — чтобы не удивлялись.

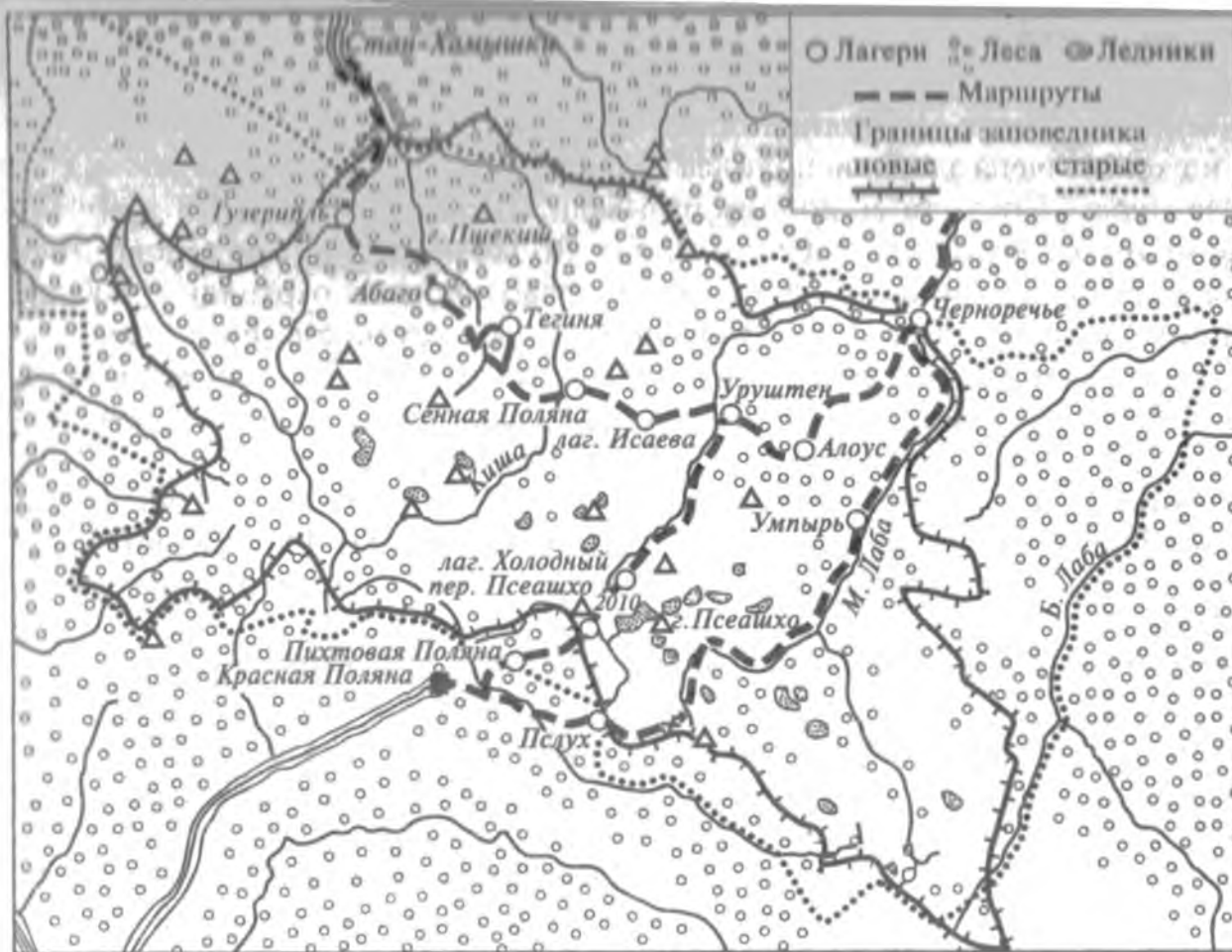
Перед нами главный маршрут через заповедник с выходом к Холодному лагерю Псеашхо и другим знакомым местам. А до этого пять дней транзитного пути через несколько перевалов, через глубины заповедника, по лесам и лугам, а в июне еще и по снегам.

Иду тут впервые, еще совсем не знаю ни дороги, ни достопримечательностей, ожидающих нас на этом пути. Но впереди Красная Поляна, и я счастлив вести Наташу с Володей словно к себе домой, «в свою страну». И началась эта «страна» сразу же по выходе из Гузерипля. Даже на незнакомой тропе уже понятным, уже любимым был весь обступивший нас ландшафт.

Лаковая листва понтийского рододендрона тонула в лиловой пене его роскошных цветов. Блестела глянец лавровишня, кололся падуб, вились плющи. Юг, черноморский юг, переплеснулся и сюда, на северный склон. Очевидно, этому помогли «Колхидские ворота» — понижение Главного хребта Кавказа между Ачишхо и Чугушом. Но почему этого вечнозеленого подлеска не было видно до Гузерипля? Ведь там ниже и, значит, теплее, да и достаточно влажно, чтобы расти пышным широколиственным лесам. Впрочем, всегда ли там теплее? Зимой при вторжениях арктического воздуха с севера именно предгорья охватываются его холодом. Мощная на севере, к югу эта «воздушная масса» становится все тоньше, в Предкавказье она не превышает пятисот метров по вертикали. Вот почему она и влияет только на предгорья. Холодные массы воздуха подклиниваются под океан теплого воздуха юга, и получается, что горный мир, паря над холодом подножий, утопает в верхнем, более теплом воздухе. Не холод над теплом, а тепло над холодом. Высотная зональность оказывается как бы опрокинутой.

В течение всего подъема продолжались встречи со старыми друзьями: и с пихтовым лесом, и с вечнозеленым кустарником, и с первыми стеблями высокотравья. Мы поднимались на хребет, именуемый Пастбищем Абáго, а я невольно сравнивал: вот это, как на Аибге... А это лучше, чем на Псекохо... Я так постепенно и долго вживался в душу здешней природы. А Наташа с Володей видели все это впервые и сразу в такой дозе!

Но вот и для меня появилось нечто новое. Это было первое, что несколько оживило угрюмого и неразговорчивого Сашу. Он начал читать следы на тропе, там, где мы еще ничего не различали.

Главные маршруты через Кавказский заповедник в Красную Поляну

— Вот олень шел... Кабан рыл... Медведь грыз...

Вскоре мы поняли, что тропы глубин заповедника буквально испещрены следами зверей, и сами научились читать эту письменность. Не только наши желания, казалось, сам воздух наполнился ожиданием встречи с дикими животными. Мы чувствовали, что все это безмолвие живет, что за всеми деревьями притаились следящие за нами четвероногие обитатели дебрей...

Саша показывает нам барсучьи следы и удивляет сообщением о том, что мясо у барсука съедобно и даже вкусное. Рассказывает об охоте на куниц при помощи ловушек (я такие видел на Лашипсе), причем непринужденно хвастается, что сам браконьерствовал в заповеднике. Странное создание.

Впрочем, видимо, браконьерство и воспитало в нем зоркость следопыта. Ему доводилось сваливать десятипудовых кабанов. Для нас было новостью, что спереди туловище кабана защищено как бы подкожным панцирем. Саша называл такой панцирь «калканом». По его словам, этот калкан защищает грудь зверя от самых острых клыков соперника. Старых кабанов юноша называл «секачами», «единцами». Все это напоминало книги Арсеньева и Сетона Томпсона...

Особенно охотно Саша говорил о медведях, о том, что они добрые и не трогают людей, что их не боятся даже серны — так и пасутся рядом на лугу. Бывает, что медведь залезает на дерево стряхивать груши, а кабаны тут как тут — сбегаются воспользоваться его любезностью и подбирают упавшие фрукты.

...Лес сменился альпикой. Сочные молодые луга занимали весь округлый верх Пастбища Абаго. Называю друзьям новые для них цветы — примулы, эритрониумы, рябчики... С первого же холма открылся неохватный кругозор.

Подобная Чугушу, видному с Ачишхо, здесь встала перед глазами огромная обрывисто-снежная Гыбца. От нее ее отделила глубокая лесистая долина Малчепа. Для меня эта долина опять-таки была лишь вариантом виденной с Ачишхо: Малчепа здесь «исполняла обязанности» Ачишсе.

Малчепа... Когда-то ее долину называли «царством зубров». В ней этих древних быков водилось особенно много. Во всем теперешнем заповеднике их насчитывалось свыше тысячи голов. До революции их охраняли для великокняжеских охот, и уже это озлобляло местных охотников. Браконьеры не упускали случая загубить зубра даже тогда, когда им и не удавалось воспользоваться ни шкурой, ни мясом. Охотники рассуждали так: истребим зубров — не будет и запретов на охоту, — весь зверь тогда нам достанется...

Не отставали в истреблении зверя и сами «хозяева» заказника. Роскошный том «Кубанская охота» сохранил репродукции старинных фотографий «светлейших» охотников, попирающих ногами туши убитых туров и серн, оленей и зубров.

Правда, и среди этих «хозяев» находились просвещенные головы, ставившие вопрос о более серьезном заповедании западнокавказской природы. Известно, например, письмо¹ великого князя Сергея, владевшего заказником, августейшему брату, числившемуся президентом Академии наук, где Сергей жалуется на то, что был одинок в своих «заботах, попечениях и усилиях» о сохранении кавказского зубра, и говорит о готовности вырабатывать меры по его охране «путем объявления нагорной полосы Кубанской области заповедной». К рассуждениям князя о необходимости обеспечить приоритет русской науки в изучении «кавказского дикого быка» присовокуплялась существенная оговорка: «если на то последует высочайшее государя-императора повеление».

Оговорка была не случайна. В царской России даже великокняжеские здравые мысли не гарантировали успеха делу. В 1914 году совет министров Российской империи выразил это ясней ясного: «Охрана редких зоологических пород не отвечает понятию общепользительной государственной меры, ради осуществления которой можно поступиться неприкосновенным вообще правом частной собственности». «Вообще неприкосновенная» в условиях капитализма частная собственность решала дело.

Егеря великокняжеской охоты все же как могли охраняли зубров. Но в годы Гражданской войны звери остались без всякой охраны. Их уничтожали и браконьеры-охотники и скрывавшиеся в лесах бело-зеленые банды. В 1919 году истребителям зубров «помогла» и страшная эпидемия, точнее — эпизоотия, ящура и сибирской язвы.

Охотники из Хамышкóв, Даховской и Псебая до сих пор хранят в изустных преданиях истории о варварском истреблении зубров своими односельчанами. Они убивали животных в спортивном азарте, оставляя мясо и шкуры волкам. Один житель из Даховской имеет на своей совести восемнадцать убитых зубров; его «единомышленник» из Псебая загубил семь стельных самок...

Шел 1920 год, год еще не закончившейся Гражданской войны и разрухи. Но даже и в это суровое время находились люди, пекшиеся об охране природы. Краснодарские энтузиасты из музейной секции отдела народного образования во главе с профессором Григором просили свой Кубано-Черноморский революционный комитет обеспечить охрану зубра. И краевой ревком, едва

¹ От 27 апреля (10 мая) 1909 года.

26. Великий князь Сергей Михайлович (в центре) с группой охотников

лишь справившийся с белыми армиями Улагая, Шкуро и Фостикова, вынес постановление¹, запрещающее в северной части теперешнего заповедника охоту, рубку леса и рыбную ловлю. Уцелевшее поголовье зубров бралось под особую охрану.

В 1923 году Кубано-Черноморский исполнительный комитет распространил заповедный режим и на южный склон Западного Кавказа. Площадь заповедника достигла 270 тысяч гектаров. Но все эти местные декреты не были подкреплены главным — обеспечением действительной охраны заповедных земель. Декларации не укрощали распоясавшихся браконьеров, а лишь подстегнули их к завершению черного дела.

12 мая 1924 года Кавказский государственный заповедник был учрежден декретом Совнаркома РСФСР. Но самый драгоценный и редкий зверь, которым были горды эти горы, — кавказский зубр — был к этому времени выбит почти поголовно. Не сразу удалось организовать действенную охрану труднодоступных гор. Остатки зубров гибли под снежными завалами в тяжелую зиму 1923 года, от новой эпизоотии, поразившей и домашний скот в 1924 году... 1927 год — мрачная дата уничтожения последнего зубра на Западном Кавказе.

В Гузерипле мы слышали, что зоологи заповедника выдвинули смелый проект восстановления зубрового стада на Кавказе путем завоза сюда гибридных зубробизонок из Аскании-Нова с Украины и чистокровных самцов-зубров, уцелевших в некоторых зоопарках. Зоологи уже через год-два должны были приступить к закладке нового «зубрового парка»... Заповедник стремился вернуть природе ее утраченные богатства².

¹ № 408, см. газету «Красное Знамя» за 3 декабря 1920 года.

² Теперь этот проект осуществился, и Кавказский заповедник может гордиться своими зубрами.

А пока перед нами простиралась огромная лесная долина — Долина зубров, лишенная зубров.

На удобнейшем панорамном пункте, откуда в упор просматривается весь Тыбга, поставлен пустой домик, скорее сарайчик. Это горный приют, лагерь Абаго. Как и в знакомом мне Холодном лагере Псеашхо, внутри никакой мебели, только нары. В полу прорезь для очага, в дождь можно топить по-черному. Но вечер ясный, и мы жжем костерок перед лагерем.

Давно ли, попадая на такие ночлеги, я терялся, не представлял, что надо предпринимать, и замирал в блаженной бездеятельности... А теперь за плечами был уже опыт и пример — как вели себя на ночлегах Лена и Всеволод, сколько полезного успевал сделать Георгиади, как по-домашнему уютно умела обжить любую ночевку Женя... Я уже знал, как это сохраняет и даже восстанавливает силы — а нам теперь предстояли ежедневные, точнее — еженощные, «полевые» ночлеги. Из дневных маршрутов и этих ночей должно было складываться нормальное течение жизни, работа в продолжение целого лета в трудном и безлюдном горном районе. Сохранение здоровья, бодрости и полной трудоспособности было одной из наших обязанностей наравне с делами исследовательскими.

Словом, теперь я могу даже задавать тон друзьям: добываю воду, приношу охапку сучьев для костра, устраиваю мягкие лежа на нарах. Но и на спутников не пожалуешься — все делаем быстро, варим вкусный суп и кашу, пьем кофе со сгущенным молоком. И при этом успеваем любоваться сменой лиловатых и розовых закатных красок на снегах и обрывах страшной Тыбги...

Всего одна ночь в этом лагере, и утром мы уходим. А в душе уже ощущение нежности к нему, к нашему первому домику на пути через заповедник...

Тропа выводит нас на самый водораздел, полого округлый гребень Пастбища Абаго.

Идем по гребню с видами по обе стороны хребта. Сам по себе скромный и монотонный, он словно специально воздвигнут на междуречье Малчепы и Безымянной, как помост для зрителей, чтобы радовать их панорамами.

Перед нами пологая пирамида, которую тропа обходит косогором. Раньше ее выразительно называли Абаго-Нос. Кто-то присвоил ей сравнительно безличное имя — гора Экспедиции. Наташа вскрикивает и бежит к появившемуся на склоне этой горы первому на нашем пути снежному пятнышку.

— Куда ты?

— Сейчас, сейчас, я к снежку.

— Опомнись, до него же не меньше двух километров!

Вот так же когда-то и краснолицый побежал за снежком...

Теперь Пастбище Абаго заповедно, а прежде и здесь пасли скот. Об этом напоминают пятна сорняков, сочная ядовитая чемерица, отмечающая места бывших балаганов, да и само название этого хребта. Даже наш Саша знает прежние наименования полян. Для него это — Самоваровы балаганы, поляна Горского, Семенов балаган...

Мы с Володей уже начинали спорить об уровнях ледниковых цирков, об их ярусах, о высоте снеговой линии. Наташа потом призналась, что ее пугали наши споры. Девушка захлебывалась первыми впечатлениями от природы в целом и еще не могла совмещать этого упоения с аналитическим взглядом исследователя, с анатомированием деталей.

«Какие цирки? Где они видят ярусы?» — робко думала она про себя, страшась признаться в своей слепоте.

Цирки различать мы умели, а вот звери... Слоном, нам не везло. В последние животные дружили мне обилием следов, но сами нам не попадались. Сколько я ни напрягал зрение, пытаюсь разглядеть их издали, хотя бы таких же маленьких, как тогда на Псеашхо, все было напрасно. Не видел их и такой зоркий лесной человек, как Саша. Лишь изредка из-под ног вспархивали и в панике улетали горные тетерева.

Второй день пути. Ликующе цветут весенние луга. Гремят вздувшиеся от усиливающегося таяния снегов реки.

Заповедник поддерживает в хорошем состоянии мосты на тропах. Опредив «караван», перехожу по мосту речку Безымянку. Вступил на доски и изогнулся: слева от моста прямо в реке, всеми четырьмя копытами в воде, стоит красавец олень. Статный рогач обкусывает прибрежные кусты. Нетерпеливо машу показавшейся вдали Наташе, но олень уже заметил меня и с гордо поднятой головой пошел вброд через самую бурную часть реки. Наташа подбежала, когда он скрывался в кустах. Чувствую себя словно винным перед ней — я видел, а она почти нет, говорит, только мелькнуло что-то в кустах, а передо мною он стоял во всей красе — гордое лесное божество...

Значит, все это действительно правда, такими красавцами населен здешний лес, и вот как близко удастся их видеть!

На третий день пути Саша обещает показать и показывает нам туров. Он знает, что неподалеку от тропы есть «солонец». Так в заповеднике называют не почвы, а выходы минеральных рассолов и соленосных пород.

Копытные любят лизать соль, а с нею, быть может, вводят в свой рацион и какие-нибудь другие, нужные организму рассеянные химические элементы. Животные солонцуются, и тут-то их легко подстеречь на близком расстоянии. Мы наблюдаем за табунком туров метров с пятидесяти.

Местами солонцы создают искусственно. «Заряжать» их солью — одна из обязанностей наблюдателей.

Прошли годы, пока я, работая в Поляне, увидел первых туров на Псеашхо. А тут с первых же дней олень, туры — а как же иначе, ведь заповедник!

ДИКАЯ БАБА

Пересекли крупную реку Кишú и вышли на одно из глубинных урочищ заповедника — на Сенную поляну. Здесь когда-то егеря княжеской охоты заготавливали сено для зубров.

У домика Сенного лагерялюдно, а нашу вьючную лошадку Машку восторженно приветствует своим ржанием целый табун коней. Здесь сегодня большой день. Сенная поляна — место своеобразных общих собраний работников охраны заповедника. На такие слеты наблюдателей люди сходятся за сотню километров по трудным тропам, через высокие перевалы. Эти люди с винтовками не только караульщики. На них лежат нелегкие обязанности — по пути на слет ремонтировать тропы, распиливать упавшие стволы, чинить мосты...

Клеенчатые тетрадки в их полевых сумках хранили уже немало наблюдений, ценных для науки, регистрацию встреченных следов, поведения и режима питания зверей, фенологию (сроки сезонных событий, происходящих в природе). Ежегодно совершали наблюдатели и труднейшие высокогорные маршруты по учету туров и серн, а осенью по голосам подсчитывали ревущих оленей...

Высота более 1200 метров над морем, но мы сидим на этой поляне, как в глубоком колодезе. Его стены — не только стволы пихт, но и высокие крутые хребты. Прямее и вниз по Кише — гордая Джуга, вверх по Кише — огроги грозного Джемарука. Прямо над лагерем склон Аспидного хребта, через который мы перевалим завтра. А поляна заросла высокой травой и густым малинником.

Наблюдатели — добрый, хороший народ. Многие уже свыше десяти лет в заповеднике, любят и ценят его природу, знают все тропы и повадки зверя, пешком исходили обширные и труднодоступные территории. Они непременимые участники тех экспедиций, которые проводили в заповеднике опытные природоведы. Это была хорошая школа. Наблюдатели многое узнали от ученых и с их помощью стали и сами зоркими пытливыми натуралистами, а не просто «егерями охраны».

На слет собираются не только наблюдатели, но и ученые. Вот молодой зоолог Юра Аверин, сам похожий на статного оленя. А вот знакомый мне по Красной Поляне ботаник Соснин... Вечером у костров звучали рассказы о походах и приключениях, о вечном риске при выслеживании браконьеров, о несчетных встречах со зверьем. Находились и такие рассказчики, которые легко и незаметно переходили с описания реальных фактов к самым озорным фантазиям и легендам.

Одной из таких легенд была история о... Дикой бабе. Притчу эту рассказывали всегда увлеченно, да и как было поначалу не верить таким, например, подробностям:

«В девятьсот двадцать четвертом году, в тот самый год, когда бандиты вот на этом хребте профессора Исаева убили, через заповедник туристы шли. Группа была недружная, ссорились, разбрелись, и когда к Красной Поляне подходили, не досчитались одной туристки. Заявили в милицию, с неделю спасательные партии ходили, хотели пропавшую по следам найти, но женщина как провалилась».

Тут уж кто что думал: и что утонула, и что зверь задрал, и что бандиты... А она, видать, жива была, только со страху ума лишилась да и перешла на дикую жизнь. Месяцев через пять мы на обходах стали ее следы замечать. А на Кише даже ее пещерку обнаружили, куда она каштан да орехи запасала. Уж как она зиму переносила — подумать страшно. Потом ее издали и видеть стали, а туристов Дикой бабой пугать.

Туристы, конечно, интересовались, как бы это на нее поглядеть. Ну, а мы — сказку сложили, что она по ночам подбирается к лагерям, где туристы ночуют, да и крадет самых красивых. Ой, смеху было!

А потом стали замечать, что не одна живет Дикая баба: у нее ребенок в лесу народился. Много у нас споров было, как с ней быть. Одни на облаве настаивали, считали, заарестовать надо. Другие вызывались уговорить ее миром — дескать, ради ребенка. Однажды обложили ее, как волка, она на скалу забралась и с ребенком годовалым на руках. Визжит, кричит — не смейте, говорит, меня трогать. Если подойдете — со скалы брошусь. А обрыв глубокий — у Чертовых Ворот это было, взглянуть страшно. Так от нее и отступились. Следить продолжали, начальству докладывали.

Одну зиму на Пшэкише прожила, другую на Гефó. Узнала, что мы в лагерьях спички сухие оставляем в запас да продуктишки кое-какие, наловчилась выкрадывать, сама костры запаливала — и ничего, аккуратно, всегда за со-

Огонь потушил, лес не зажгла ни рясу. А одну зиму, когда у нее пациенток родилась, так даже и прожили тут в лагере — мы же сюда зимой редко когда заходим».

— Что, в этом самом лагере?

— Ну да, в Сенном. Вот тут для ребенка вроде люльки сделала, а тут сама спала. А вещи у туристов крали. У одних рюкзак со штанами, у других, глядишь, клеенку. Так и оборудовалась. А потом у одной группы палатку стащила — ну, тогда стала совсем как экспедиция, с шиком зажила.

Впечатление о достоверности рассказа так усугублялось реальными названиями и деталями, что и сами наблюдатели, в немалой степени соавторы этой легенды, заслушивались. Искусство рассказать о Дикой бабе как можно правдоподобней, крепче сбить с толку непосвященного новичка и заинтересовать своих же сослуживцев ценилось особенно высоко.

Один из самых опытных наблюдателей, Александр Васильевич Никифоров, ставил сегодня новый рекорд. Общий интерес вызвал тезис о самоснабжении Дикой бабы за счет похищения имущества у туристов — это была при нас рожденная импровизация. Сколько неувязок, сколько несведенных линий сюжета ликвидировалось этим объяснением! Становилось понятно, как она не замерзла, откуда брала спички...

Наш юный диковатый Саша с мрачным видом поднялся от очага и ушел в темноту — очевидно, присмотреть за лошадей. Его нелюдимость уже была предметом шуток со стороны наблюдателей. Шуток не над ним, а над нами. С их точки зрения, дирекция подшутила над молодыми исследователями, дав нам в сопровождение неотесанного лесного парня, когда можно было прикомандировать опытного наблюдателя, знающего заповедник.

Работники охраны любили работать с учеными, ценили творческий и бескорыстный характер их деятельности, по-дружески делили с ними лишения, выручали из беды. Конечно, они могли бы помочь и нашей молодой группе. Но ведь для дирекции мы были только студенты-практиканты — вот и пожалели для нас опытного человека.

Словом, шутки над нами и над нашим Сашей имели под собою нешуточную основу...

Сегодня Никифоров превзошел самого себя. Он заключил легенду о Дикой бабе неожиданным для всех присутствующих аккордом. Он спросил:

— А знаете, кто у вас проводником при лошади?

— Ну как же, наш Саша.

— Так вот, этот ваш Саша и есть Дикой бабы сын.

Вся аудитория легла от хохота. Конечно, именно в этот момент Саша, вынырнув из тьмы, появился перед собравшимися, вызвав новый приступ веселья. Нам стало даже неловко за незаслуженно осмеянного парня.

— Ничего, вот поработает с нами, — говорю я, — научим его про вас сказки рассказывать — тогда держитесь!

И все-таки ловлю себя на том, что мысленно всерьез занимаюсь опровержением высказанной подробности Сашиной родословной. Если он родился в двадцать пятом году, ему было бы только двенадцать лет, а не семнадцать, как в действительности... Так убедительно было повествование.

«Дикая баба» прочно вошла в наш быт. Наташа пугала нас с Володей призраком этой женщины, ей приписывались разные мелкие потери.

В лице Дикой бабы мы получили как бы свою местную богинку и сами стали воспринимать ее как естественное дополнение к окружающей заповедной фауне. Мы уже поняли, что при Саше о Дикой бабе говорить не стоило: видимо, ему рассказали о причине всеобщего хохота, и он упрямел при одном упоминании об этой особе.

Нам доводилось слышать потом и другие версии о Дикой бабе и ее судьбе. Были в разной степени талантливые варианты с историко-политическим оттенком — что это дочь белогвардейского полковника, скрывавшегося в лесах с дней Гражданской войны; варианты «Тарзана в юбке» — девушки, дружной со зверями, доившей серн и оленьих ланок; были версии о ее гибели и, напротив, в ряде случаев утверждалось продолжение ее существования...

Столь оригинальный фольклор только и мог возникнуть на почве безлюдья и дикости огромных пространств заповедника. Так легко было мысленно населить эти территории неуловимыми существами, загадочными людьми...

НАШ ОЛЕНЬ

Мы покидали Сенной лагерь, когда слет наблюдателей начинал свою работу. Теперь они обсуждали уже не вечерние сказки о Дикой бабе, а свои трудовые будни, задания по учету туров и оленей, трудности расчистки старых и прокладки новых троп, ремонт помещений кордонов, закладку искусственных солонцов для минеральной подкормки животных и, наконец, самую опасную часть своей работы — борьбу с браконьерами.

Прощаемся. Теперь на любом заповедном кордоне нас встретят как знакомых!

Крутой подъем пихтовым лесом и криволесьем приводит нас к лагерю Исаева. Луговой балкон над кручами в раме пихтовых лесов. К самому домику лагеря подбегает веселое березовое криволесье. Бушуют луговые цветы — они празднуют здесь, как и на Пастбище Абаго, разгар весны.

Новые захватывающие горизонты. Через огромную глубокую долину Киши нам с высоты двух километров виден мрачный серо-коричневый Джемарук — промежуточное звено между Тыбгой и нашим краснополянским Чугушом. Как круты изборожденные кулуарами стены этого Джемарука! На них задержалось так мало снега, когда кругом все горы еще блещут целыми полотнищами снежных полей.

В дальней дали, где-то за долиной Малчепы и верховьями реки Белой, парят в дымке розоватые призраки Фишт-Оштенского массива. Нам видно, как поднимается к ним задранный вверх обрывистый край Скалистой куэсты.

Глубоко, почти на километр под ногами, дно долины Киши. Там Сенная поляна, там совещаются наблюдатели. А нам сверху так хорошо видна вся их могучая держава...

Еще не так давно эту вознесенную над заповедником поляну называли Зубровой. Наш Саша упорно утверждает, что мы идем не к лагерю Исаева, а на Бандитскую поляну. Нам понятно, почему так приросло это черное имя к столь райскому уголку — я еще в Красной Поляне слышал трагическую историю гибели профессора Исаева в районе этого лагеря. Интересно, а что знает об этом Саша? Он угрюмо повествует:

— У нас в Хамышкях так говорят: ходил тут профессор, траву изучал. Гордый был, одиночкой ходил. А наши тут рядом в другом балагане сидели.

— Постой-ка, какие наши?

— Бандиты. Наши, хамышкйские.

— Растроганные столь наивно раскрываемым родетном душ, слушаем внима-
тельно — мы-то и не знаем, с кем имеем дело.

— Порешили они его словить — зачем один ходит. Ну и словили и суд над
ним устроили.

— За что же суд?

— За то, что ученый. Говорили, не было бы ученых — не было бы и войны,
и заповедника не было бы.

— Вот оно что! И к чему же его присудили?

— Присудили убить. Привязали к лошадиным хвостам и погнали.

— Кого погнали?

— Лошадей. Так всего и побили. Так что его и тела не нашли. Говорят, од-
ну книжку записную потом обнаружили.

В голосе Саши не промелькнуло ни нотки сожаления или осуждения по
поводу случившегося. Кто его ведает, может быть, и он воспитан был в такой
же вере, а теперь сам вынужден помогать ученым!

— А откуда же ты это знаешь, Саша?

— Наши рассказывали. Один из тех бандитов мой дядя был.

Саша и это произнес без капли смущения. Родства с Дикой бабой стесняет-
ся, а о родстве с убийцами говорит чуть не с гордостью. Дремучие же тут можно
встретить души людские, тоже, чем тебе не зубы!.. Сашин рассказ звучал тем
убедительнее, что в основе совпадал с официальной версией о гибели Исаева.

Поднимаемся по косогору горы Аспидной к Аспидному перевалу. Между
полосами рододендронов спускаются ленты снегов — они лежат вдоль каждой
лощины, по путям зимне-весенних лавин. Чтобы провести нашу Машку по
этим крутонаклонным снежникам, долбим в них топориками карнизные
уступы — ведь мы идем первыми в этом сезоне, в июне. В одном месте поле-
нились, и Саша решил пройти с лошадейю прямо по снежной целине.
Легкомыслие было немедленно наказано.

На крутом снежнике копыта стали скользить, ноги разъезжаться. Вьюки
закачались, лишили животное равновесия, лошадь упала и поехала.
Затрещали веревки, из мешка вывалился и поскакал мячом вниз по рододен-
дронам один из рюкзаков. Хорошо, что снежник в этом месте был неширок.
Через несколько секунд Машка застряла, упершись брюхом в первый кру-
пный куст.

Освобождаем ее от вьюка, ослабляем седловку. Лошадь в отчаянии косит
глазом, храпит, бьется. Сашка грубо орет на нее и с силой тащит под уздцы,
заставляя подняться. Ноги целы, только на боку заметная ссадина. За уска-
кавшим рюкзаком пришлось спускаться по кустам на добрую сотню метров
вниз — он застрял в криволесье. Лошадь снова навьючили и пошли к перева-
лу, теперь уже всюду тщательно прорубая ступеньки.

Цепко впившаяся в скалистые склоны сеть рододендроновых стеблей.
Узкие струи водопадов. Первые для Наташи облака, которые можно потрогать.

С Аспидного перевала спустились в долину уже родного мне Уруштена.
Позади остались еще десятки удивительных видов, долин, ручьев, высоко-
травных полян. Но что-то изменилось в пейзаже — он стал суровее. Исчезли
вечнозеленые кустарники, чаще стали попадаться ели и сосны. Получалось,
будто Аспидный хребет, вытянутый по меридиану, отделял не запад от восто-

ки, а юг от севера. Сосны на склонах, на островах между протоками Уруштена. Аромат сосновой хвои и смол...

Пожалуй, это не случайно. К западу от Аспидного хребта еще чувствуется дыхание южной природы с ее вечнозеленым подлеском, той самой, что проникла в бассейн реки Белой через «Колхидские ворота» под Чугушом. Аспидный же хребет для этой природы непреодолим. Вот почему в бассейне реки Лабы, а именно к нему принадлежит Уруштен, господствуют уже типы ландшафта, «нормальные» для северного склона Кавказа.

Все угрюмее долина. Лес уступил место криволесью. А вот и вовсе оголенные склоны — здесь даже криволесье сметено все опустошающими лавинами. Тропу преграждали вывернутые с корнями кривые буки и клены, снесенные со снегом и вытаявшие из лавинных выносов. Чем выше мы поднимались, тем чаще тропа на целые километры исчезала под навалами недотаявшего снега, и идти приходилось по его грязной ребристо-щербнистой поверхности. Снег перекрывал все днище долины, так что и сама река Уруштен исчезала под ним, пробивая себе неведомые траншеи.

Как странны были входы в такие туннели! Они походили на широко распахнутые гроты с причудливо лепными потолками, словно состоящими из пчелиных сот. Ячейки разделялись выступающими ледяными гребешками. Как такие гребешки образовались?

Снег в лавинном выносе неоднороден. Это не только снежная пыль, но и масса слипшихся, смерзшихся снежных глыб и комьев. Плоскости смерзания этих глыб пронизывают все тело лавинного выноса как бы сетью оледеневших перегородок. Ребра этих перегородок тают медленнее, чем снег комьев, вот и вытаивают в виде сети гребешков. Отсюда и мозаичный вид лепки туннельных потолков.

Осторожно преодолеваем завалы. Как знать, где под этой многометровой толщей снега прячется река и не провалится ли под нами свод туннеля? Такие провалы мы уже видим: черные колодцы среди снега.

Лавинное царство. Какой же артиллерийский грохот стоял здесь, когда массы снега рушились в Уруштен. Заодно воображаю, каково было проходить здесь Мало-Лабинскому отряду генерала Граббе. Ведь именно здесь он первым пробивался к Красной Поляне — Кбаадэ — в 1864 году, и было это совсем ранней для таких высот весной — в мае.

Володя с Сашей и лошадь с вьюком почему-то отстали. Иду впереди, торопясь скорее выйти к Холодному лагерю, к первому совсем знакомому месту на этом маршруте.

27. Снежный грот — вход в лавинный туннель Уруштена

Видею один бугор... Сейчас я увижу площадку лагеря... Выглядываю и инстинктивно приседаю, прячусь. Наташа подбегает пригнувшись, и мы не дыша выглядываем и за пригорки.

Перед нами на фоне оранжевого зкатного неба, как статуя, красуется великолепный олень. Он стоит, гордый и трепетный, на лужайке среди снежных пятен. Стоит как хозяин, как властелин. В талых лужицах у его копыт отражаются отсветы зари. Он уже почуял шум или запах и встревоженно смотрит в нашу сторону.

Как хочется поделиться друг с другом радостью, а надо молчать. Зато руки встретились, и их пожатие было как поздравление, как взаимная благодарность... Наш олень!

Он недовольно топает копытом, разбрызгивая оранжевую лужицу, своенравно закидывает голову и делает несколько прыжков. Еще раз всматривается в нашу сторону и, уверившись, что тут не все благополучно, с достоинством уходит в криволесье.

Видение исчезло.

ПЯТЬ МЕДВЕДЕЙ

Нас предупреждали, что Холодный лагерь сожжен туристами, не потушившими очага при уходе. Поэтому сегодня первый раз ставим свою палатку.

Любуемся световыми чудесами псеашхинского заката. Куполовидный снежничок на гребне трапеции меркнет последним и, наверное, первым загорится завтра в утреннем свете солнца.

Вечер в палатке. Погашена свечка. Мы забрались в свои одеяла-мешки. Мирно посапывать через минуту, после того как лег, начал один Саша. Мы с Наташей вспоминаем оленя, а Володя спугнутого им в этот же день кабана...

Окружающий нас мир и ночью полон голосами живых существ. Отчетливо, с подвыванием кричит сова. Раздается визгливо отрывистый речитатив еще какой-то птицы. Совсем рядом за стенкой палатки попискивают мыши.

Что-то шуршит в кустах и в подступающей ко входу в палатку траве. Кажется, мы различаем даже дыхание и почавкивание навестившего нас существа. Кто это? Барсук? Куница?

Володе надоело прислушиваться, и он неожиданно громко шипит и фыркает. Сразу слышим, что неведомый гость шмыгнул в кусты.

Наташа обиженно шепчет:

— Володька, зачем ты его? Добрый теплый зверик, пусть бы к нам в палатку залез. Он бы понял, что мы его не тронем, приласкался бы...

Володя ворчливо басит:

— Ну его. Блох напустит.

...Хорошо просыпаться в палатке под отяжелевшей от росы крышей, выскакивать в обжигающую свежесть утра, умываться ледяным хрусталем, раздувать уцелевшие в золе угольки от вчерашнего костра.

Помогаем Саше навьючить лошадь. Перед нами спуск к кладке через речку Холодную. Вдруг Володя тихо и коротко вскрикивает:

— Тише, медведи!

Глядим прямо с места ночлега через долину. До ее противоположного склона метров двести. Там луга чередуются с криволесьем, а по лошинкам еще лежат полосы недотаявшего снега.

— Вон, вон, смотрите, на снегу!

Вниз по снегу катятся два темных мичика, вылетают на траву и превращаются в бурые пятнышки. Они поднимаются вверх по траве вдоль края снега метров на двенадцать, затем переходят на снег и вновь катятся вниз. Наташа уже поймала их в бинокль и шепчет нам:

— Это медвежата. Они катаются по снегу с горки, как ребятишки!

Впиваюсь в бинокль — действительно, два медвежонка лихо катятся по снегу, вылетают внизу на траву, с разгону перекувыркиваются, отряхиваются, а потом с деловитым видом лезут по траве вверх, переваливаясь на всех четырех.

Так, так, милые! Люби кататься, люби и саночки возить!

Саша раньше нас понимает, что неподалеку от медвежат должна быть и мать, шарит глазами и говорит:

— А вон и маманька!

Правее, метрах в пятидесяти, в кустах замечаем более крупного зверя. Он шевелится и... Да это же не один, это сразу два медведя рядом. Тут маманька с папанькой!

Когда Наташа рассмотрела под соседним кустом еще одного, видимо, более пожилого медведя (дедушку или бабушку?), мы просто не верили своим глазам. В какое же звериное царство мы попали, если можем прямо с места своего ночлега видеть одновременно пять медведей! Нам не поверят, когда мы об этом будем рассказывать, скажут — преувеличиваем.

Нет, не хвастался краевед Старк, встречавший в восьмидесятых годах на Псеашхо (в Озерной долине Дзитаку) одновременно до двенадцати медведей. Правду рассказывал и Ян Нахкур, убивавший в день до девяти мишек.

Достаточно полгода не ходить по тропе, и вот как перестают звери ее бояться. Это на самой торной, на главной трассе заповедника! На участке, где я уже столько раз ночевал, не подозревая, что совсем близко могут жить звери!

Саша оглядывается, смотрит на лугово-скальный склон хребта Дзитаку, видный прямо над лагерем, и меланхолично заявляет:

— А вон туры...

— Что? Еще и туры?

Бинокль помогает рассмотреть целый табунок туров — мы насчитываем пятнадцать светло-бурых пятнышек, ползающих по зеленому склону, точно тля.

Саша добавляет:

— Я их еще вчера видал.

— Что же ты ничего нам не сказал?

— А чего интересного, когда так далеко?

— Чудак, ты нам всегда говори, когда зверя заметишь. А почему ты думаешь, что это они же?

— А они завсегда здесь. И куда они денутся, им тут пастись и пастись.

И верно, ведь перед нами огромный склон, покрытый лугами. Зачем и куда переселяться этому табу? Значит, и в прошлые свои посещения Холодного лагеря я мог бы также видеть этих туров. Они всегда тут! Нам пора, а наша тропа идет прямо в царство медведей. Не ждать же, пока медвежатам надоест кататься. Кстати, нас, если считать лошадь, пятеро, как и медведей. Саша берет под уздцы навьюченную Машку, и мы начинаем спускаться. Лошадь еще

не догадывается об их присутствии, а медведи уже замечают нашу прощасию. Первыми бросаются в кусты два взрослых. Потом один из них — вероятно, мать — выбегает и, видимо, пугает на своем языке детишек. Они мячиками последний раз скатываются по снегу и молниеносно ушмыгивают в кусты. Последним поднимается старший, обеспокоенно тычется вправо, влево, а потом, тряхнув всей тушей вбок, тоже скрынается в чаще.

Дорога свободна. Перейдя речку по кладке и перегнав Машку вброд, идем тропой, на которой только что бродили медведи. Они, наверное, уже остановились неподалеку и прислушиваются, куда мы двинемся...

ДВАЖДЫ ОБЕЗГЛАВЛЕННАЯ

Перевал Псеашхо. Теперь уже глазами будущего специалиста и исследователя смотрю я на его рельеф, озадачивший еще Торнау.

Помню, как я и сам дважды ошибался, отыскивая перевальную точку. Ведь это не седловина на гребне, а единая поперечная долина, глубоко врезанная во всю ширину хребта... Еще до поступления в университет я вычитал в трудах геоморфолога Рейнгарда, что это перевал долинного типа и что по всей долине, и выше и ниже перевала, тек ледник, впоследствии исчезнувший. А снега, питавшие Прауруштенский ледник, лежали гораздо южнее, в цирке теперешних верховьев речки Бзерпи.

Идем и четверть века спустя после экспедиции Рейнгарда чувствуем себя его учениками. Да, все выглядит именно так, как он говорил. Конечно, вся перевальная долина Псеашхо, весь этот долинный перевал — единый ледниковый трог, то есть корытообразная долина, словно запечатлевшая своей формой очертания массы некогда залегавшего в ней льда. Напоминаю спутникам, что, по мнению Рейнгарда, речки Пслух и Бзерпи, когда ледник исчез, в два приема перехватили верховья у Прауруштенской долины. Первым подобрался сюда отвершками оврагов в своих истоках Пслух. Он вгрызся сбоку в борт, а потом и в дно широкого древнеледникового дола и перехватил у верховьев Прауруштена их воду, заставив ее стекать в свое нижележащее, более глубокое и крутосклонное ущелье. Потом аналогичным образом часть вод древнего Пслуха украла своими истоками речка Бзерпи.

Мы знали уже из геоморфологии о таких «кражах» воды одной рекой у другой — о так называемых речных перехватах. При этом между двумя реками, обезглавленной и обезглавившей, остается обычно участок широкой древней долины, вообще лишенный водотока, — его называют мертвой долиной. На этот-то участок мертвой долины и переместился главный водораздел Кавказа в результате «ограбления» Прауруштена Пслухом. Раньше этот водораздел проходил по Бзерпинскому хребту.

Мысленно я уже рассказывал туристам совсем по-новому о рельефе перевальной долины, видя ее глазами ученого. Как интересно это звучало: «Перевал Псеашхо расположен на дне мертвой долины...»

Стоило попасть в знакомые места, и я снова почувствовал себя экскурсоводом: показываю Володе с Наташей суровое луговое озеро в одном из верховьев Уруштена, заинтриговываю отысканием перевальной точки, обещаю вид на оба Псеашхо при взгляде вниз по Пслуху.

Однако сам смотрю в долину Пслуха не без смущения. Получается, что Рейнгард не во всем прав. Если бы перехват произошел здесь недавно, уже по-

сле оледенения, то и Прауруштенскую долину президась бы наподобие оврага чисто эрозионная крутостенная долина Пслуха. Однако уклон к Пслуху имеет не только узкая, прорытая речкой рытвина, но и расширяющаяся над ней, как корыто с округлым дном, древняя долина, на вид также древнеледниковая, троговая. Не сложнее ли тут картина?

— Что-то у меня получается не по Рейнгарду. Перехват произошел раньше последнего оледенения.

— Из чего ты это вывел?

— Прауруштенский ледник существовал и после того, как произошел перехват. Смотрите, от него и в сторону Пслуха явно ответвляется язык переметного типа, превращая и ее в небольшой трог! Иначе говоря, Пслух «воровало» у Прауруштена не только воду, но и лед.

Чувствую, что не вполне убеждаю друзей. Наверное, это потому, что они еще не видели современных переметных ледников. Не мудрено, что им трудно вообразить, каким был облик исчезнувшего двуязычного ледника. А у меня в памяти Скальный Замок, обнятый переметным ледником, словно песцовым боа, вот и легко вообразить, как разветвлялись былые потоки льда.

Подходим к Бзерпи — здесь еще один перехват, и о нем писал Рейнгард. Да, он прав. Бзерпи тоже украла своими истоками верховья Прауруштенской долины, причем, видимо, сделала это позже, чем Пслух. Она присваивала себе уже воды, стремившиеся к Пслуху. Крутизна падения ложа бзерпинских оврагов — явный показатель молодости перехвата.

Но подхожу и еще раз удивляюсь: молодые овраги Бзерпи, как и у Пслуха, врезаны в более широкую троговую долину, наклоненную к Бзерпи. Значит, и сюда перекидывал свою «ногу», еще одну переметную ветвь, Прауруштенский ледник! Три, а не два ледяных языка спускались из Бзерпинского цирка в долины, направленные совсем в разные стороны.

На сей раз я в своих геоморфологических интересах оказываюсь одиноким. Наташа и Володя уже метров за сто почувствовали, что с обрывов Бзерпи перед ними развернется южная покатость Кавказа (ведь вдоль по Пслуху было видно лишь одно узкое ущелье). Они бегут к обрыву и цепенеют. Знакомая мне панорама — для них неожиданная, оглушающая, превосходящая все, что было видно за несколько дней пути по заповеднику...

Южный склон Кавказа лежал перед нами, простершийся на десятки километров вплоть до туманной голубизны Черного моря, манящий, волнующий.

Здесь открывалась не только даль пространства, но и даль времени. Это было наше предстоящее лето, а может быть, и не одно лето...

— Видите крохотные белые пятнышки. Это и есть Красная Поляна!

— Как я хочу туда! — вырывается у Наташи.

Перешагиваем ручеек Бзерпи и движемся Бзерпинским карнизом к кругозору над Псекохо. Тропа в десятках мест пересечена круто падающими снежниками, залегающими в каждой прорезающей склон ложине. Лошадь пробует копытом снег и мудро отказывается на него ступить. Падать здесь пришлось бы неизмеримо дальше и круче, чем на подъеме к Аспидному перевалу.

Вооружаемся топориками и прорубаем в каждом снежнике карнизную тропку. И не только в снежниках. На обтаявших участках тропа местами совершенно оплыла, здесь нужны земляные и даже маленькие скальные работы. Возмемся не один час, опять чувствуя, что мы проходим этой тропой первыми в сезоне. Это в конце июня-то! Еще раз оцениваю трудности, с которыми

столкнулись русские койки, пробирающиеся тут на поляну Кбайда и двиди-
тых числах мая, если считать по новому стилю).

Невольно вспоминаю слова Горнау об этом карнизе:

«Приняв направление на север, наша дорога обходила эту пропасть по тес-
ной тропинке, лепившейся карнизом вдоль отвесной стены. Огромные кам-
ни, через которые мы пересаживали лошадей на руках, загораживали нам
путь, и без того чрезвычайно трудный, по множеству излучин. После неимо-
верных усилий мы добрались с лошадьми до лесистого гребня, с которого нам
следовало опуститься в селение Ачипсоу, лежащее в ущельях Мзымты и впа-
дающей в нее реки Зикуй»¹.

Через несколько часов мы уже входим в Поляну. С радостью чувствую, что
она нравится друзьям.

Останавливаемся не на турбазе — ведь мы теперь работники заповедника,
и нашей базой будет его Южный отдел. Уютные домики в тенистом экзотиче-
ском лесопарке. Сюда я прежде ходил оформлять пропуска в заповедник да
консультироваться у ботаников Лесной опытной станции. Теперь мы сами
становимся исследователями.

Мы пересекли заповедник. Как понятно нам теперь истинное величие
этой изумительной заколдованной страны...

¹ Название «Зикуй» слышал в 1871-1882 годах и А. Старк. На многих картах у реки
Ачипсе есть синоним, приводимый в скобках: «Пдзико», местами искаженный опечаткой в
«Пудзико» и даже просто «Пузико». «Пдзико» и «Зикуй», безусловно, одно и то же.

*Кто архитектор этой высоты?
Кто простынями постелил пласты?
Кто их покой нарушил, смял и вздыбил?
Кто плел узор лощин, пазов и вгибов,
Избороздивших скаты пирамид?
Чьему искусству гимн река гремит?*

В СТРАНЕ ГОРНЫХ ОЗЕР

АЧИШХО ПО-НОВОМУ

Маршрут через заповедник для нас был лишь «транзитным» — на этом пути мы еще ничего не исследовали, а только двигались к району своих работ.

Но вот и Красная Поляна. Два дня хлопот: покупаем продукты, упаковываем их во вьюки. Саша оказался вполне стихийной личностью и исчез, получив первую зарплату. Наняли на его место давно известного мне двадцатилетнего грека Юру Георгиади.

С грустью узнаю, что на турбазе нет больше Энгеля. Его почему-то перевели в Сочи, где дни старика проходили в организационной суете, а знания краснополянского района оставались неиспользованными.

Не было на базе и Жени.

Почему в штатах туристской системы фигурируют должности «заведующий», «методист», но нет должности «краевед»? Было бы ясно, что краеведы не подлежат переброскам по ведомственным соображениям. Ведь переехав в другое место, краевед лишается своего главного капитала, своего родства с краем, своей связи с ним!

На базе новые люди, неуверенно и на ощупь изучающие район. Хорошо еще, что в туркабинете сохранились наши старые кроки...

Не удерживаюсь и в первые же вечера выступаю перед туристами с краеведческими лекциями... Хочется как можно больше своих знаний передать новым хозяевам базы.

Но турбаза, лекции — это повторение пройденного. А мы приехали исследовать, нам пора начинать.

Впервые идем на Ачишхо с вьючной лошадкой и с палаткой. Во время привалов «пасемся» на россыпях сладкой черешни, устилающих землю. Ее ис-красна-черные ягоды привлекают не только нас. Рядом с тропой черешню пожирают черномазые свиньи — сквозь чавканье слышен хруст разгрызаемых косточек.

Жадно рассказываю друзьям обо всем, что знаю, и снова ловлю себя: «экскурсоводского пыла» у меня хватит на все лето, а ведь сейчас важнее заняться собственными наблюдениями, измерениями, записями.

Сосновая скала... Как легко было заливаться перед туристами: «Величественный утес. С его сухостью мирятся только сосны». Но теперь нам мало

того, что это «неличественный утес». Как будущие геоморфологи, мы обязаны понять его происхождение: подвинул ли он какими-то подземными силами, или, напротив, уцелел от разрушения при размыве еще более крупного хребта?

Простые однобоко асимметричные гряды-куэсты кончились еще на севере у Даховской. Толщи, которыми напластованы краснополянские недра, перемяты, сплющены в сложнейшие складки, а уклоны и простирания¹ пластов изменяются на каждом шагу. Обнаженность недр ничтожная, всюду густой лес, кустарник, почвенный покров на плаще щебнистого мелкозема. Подчас трудно опознать даже то, что уже до нас изучено видным кавказским геологом Робинсоном.

На множестве краснополянских троп под ногами хрустит черная пластинчатая щебенка. Это те самые сланцы, которые у устья Ачипсе разрабатываются как кровельные. Сланцы слежались из глин, плохо пропускают воду — значит, большая часть дождевых вод стекает по сланцевым склонам, не просачиваясь в недра. К тому же сланцы, как они ни тверды, слабее противостоят размыву, чем мраморы Псеашхо или граниты Кардывача. Не потому ли именно к полосе сланцев приурочены наиболее широкие долины низовьев Ачипсе, верховьев Мзымты, Аватхары? И не потому ли здесь чаще встречаются пологие склоны и смягченные плавные формы рельефа?

На геологической карте у Робинсона среди юрских сланцев на Ачишхо показаны полосы с отличительной штриховкой. Это толща древних вулканических напластований, несколько более молодого, чем сланцы, возраста. Порфириты, туфы — следы давно минувшей вулканической деятельности.

Самих вулканов давно нет, от них не осталось и следа. А извергнутые ими толщи, погребенные осадками более поздних морей и вместе с ними смятые в складки, уцелели, были подняты, вскрыты размывом. Порфириты упорнее, чем сланцы, сопротивляются размыву. Не их ли стойкости обязан своим существованием и этот уцелевший утес Сосновой скалы?

А каждый из больших зубцов Ачишхо? Не выкроены ли они из пачек пластов той же туфогенной и порфиритовой серии? И каждая седловина между зубцами только потому оказалась ниже своих стойких соседей, что она сложена податливыми черными сланцами, защемленными в складках меж порфиритов.

Чтобы суметь ответить на эти вопросы, надо побывать на каждой седловине и на каждой вершине, отколоть геологические образцы, сопоставить условия залегания и стойкость пластов, построить профили рельефа с разрезами недр... Сумеет ли, хватит ли у нас сил и знаний?

Долина Бешенки... Рейнгард думал, что ее выпахал ледник, и считал ее подобной Псеашхинскому тропу. Приходится брать на веру. Возможно, что в рыхлых галечных толщах, выстилающих долину Бешенки, где-нибудь и залегает отложенная ледником морена. Но средств вести бурение у нас нет.

К тому же Рейнгард был тут в период строительства Романовска, и улицы тогда изобиловали рытвинами, карьерами, выемками для фундаментов зданий, то есть, если говорить языком геолога, обнажениями горных пород. А теперь всюду зеленеют сады, площадки выровнены и обнажений почти нет. В обресе плато, обращенном к Мзымте, видны типичные речные наносы из окатанных кругляков и мешанина из щебня, гальки и мелкозема. Такую тол-

¹ Так называются линии, определяющие ориентировку наклонных пластов по отношению к сторонам горизонта.

шу нет оснований считать мореной — ее вполне могли отложить и грязекаменные потоки после любого крепкого ливня! Да и верхний конец долины здесь не похож на древнеледниковый амфитеатр. Вот разве полянка с камнем напоминает уцеленный кусок дна древнего цирка?

Новые свидания со старыми друзьями. Но как по-иному смотрю я теперь на субальпийские поляны и на лес «с лебедиными шеями».

Опознаю проявления то одних, то других рельефообразующих процессов, навешиваю, словно ярлыки, ученые термины на то, что раньше меня лишь восхищало.

Наша палатка поставлена у метеостанции, среди белого кипения цветущих рододендронов. Совсем недавно для меня было редким чудом провести ночь в горах. А теперь нам предстоят только высокогорные ночи, нашими становятся все закаты и восходы, все симфонии звездного неба. Настоящие жители гор, длительно обитающие на высях по долгу своей работы, насколько богаче и счастливее мы теперь будем, чем любые туристы!

Но радость совсем не единственное чувство, испытываемое нами. Все сильнее ощущаем и неуверенность в своих силах и просто тревогу. С чего начинать?

Мне пока ясно одно: надо провести глазомерную съемку всего пригребневого района Ачишхо. Озерные площадки у метеостанции созданы и сглажены древними ледниками. Бугры между озерцами — вероятно, морена или бараньи лбы... А крутые склоны, обрубающие каждую площадку со стороны Ачипсе и Бешенки? Здесь действуют какие-то новые, более поздние, современные силы, обрезающие древний ледниковый рельеф, так что от него остались лишь эти скромные пригребневые площадки.

Перед нами были явные следы сочетания двух рельефообразующих процессов, формы двух возрастов. Многочисленные озера создавали своеобразный, отличный от всех виденных нами ландшафт. Должны же мы что-то написать в своем отчете об этом пригребневом озерном ландшафте Ачишхо? Существующие карты были слишком мелки, чтобы по ним можно было хотя бы пересчитать ачишхинские озерца.

Сказано — сделано, и мы уже за работой, с планшетам для глазомерной съемки. Их легко ориентировать по сторонам света — к каждому фанерному планшету мы еще в Москве напрочно прикрепили по компасу. На кнопках держатся листочки миллиметровки. Часть озер обмеряли рулетками. С озерцами дальних полян насчитали восемнадцать бассейнов в разных стадиях заболачивания.

Мои компаньоны работали с самозабвенным усердием. Володя был вполне удовлетворен самой сутью работы — точно измерять, добросовестно

28. Ю.К. Ефремов. Глазомерная съемка на Ачишхо

интересовать было его страстью). А Наташа еще не задумывалась над конечной целью измерений и только радовалась, что съемка идет, словно в полете, — на гребне высокого хребта, над глубокими долинами, над дальними далями.

Быть может, для студенческой курсовой работы было достаточно «насытить ученостью» и уже добытый материал?

Но ведь это была бы лишь инвентаризация фактов. А мы должны отобразить на карте выявленные нами различия в происхождении разных форм поверхности.

Вероятно, именно потому, что не первый раз вижу этот рельеф и успел раньше немало подумать о нем, я оказываюсь беспокойнее обоих коллег и допекаю их вопросами.

— Съемка съемкой, озер могло оказаться и восемнадцать и сто восемнадцать, а вот как они возникли, мне все-таки не ясно.

— Так ты же сам говорил, что считаешь их ледниковыми цирками?

— Да, на днища цирков их впадинки очень похожи. И там, где озера подпружены моренными валиками, сомнений нет: и чаши и подпруды созданы древними ледниками.

— А разве есть где-нибудь иной случай?

— Напоминаю об озерце № 13 у тропы. Ведь его со всех сторон окружают коренные склоны.

— Ну и что же?

— А то, что, значит, была какая-то причина, переуглубившая озерную ванну, врывшая ее в коренной скальный фундамент гребня. На округлом гребне этой части Ачишхо могли лежать лишь ничтожные малоподвижные фирны. Где им было выпахивать и переуглублять скалы?

Еще раз отправляемся к озеру № 13, внимательно изучаем прилегающие к нему склоны. И вдруг находим, или пока еще нам кажется, что находим, — путь к разгадке.

К озерцу примыкает расщелина, открытая в сторону подкравшихся сюда верховьев большой лощины. Борты озерной ванночки образованы стоящими почти на ребре пластами. Дождевые воды, скапливаясь меж бортами, нащупали себе подземный выход по трещине в сторону внешнего склона хребта, к этой самой расщелине. Не произошел ли по трещине «подкоп» подземных вод под гребневое плато? Как похоже, что такой подмыв (суффозия) оказался виновником первичного проседания озерной ванночки между скальными ребрами гребня. А древний ледник только обработал, огладил эту гребневую просадку...

Маленькая находка, маленькая догадка. Она еще далеко не все объясняет. Но мы чувствуем, что с ее помощью начинаем верно и последовательно мыслить, сознательно искать первопричины явлений.

...Вечер в палатке при трепетном свете свечек. Полулежа камеральничаем (так называется обработка накопленных за день записей, вычерчивание схем по полученным цифрам, упаковка и систематизация образцов).

Беру желтый карандаш и начинаю закрашивать все пологие древнеледниковые озерные котловины гребня Ачишхо. Потом берусь за коричневый — крашу им все склоны, не несущие отпечатков ледникового воздействия, а красным «врезаю» молодые рытвины горных ручьев. Карта становится красивой, пестрой, как цыганский платок, и... невыразительной. Рельеф на ней

29. Переправа через Ачипсе

получил объяснение, но утратил свои геометрические черты — все заслонила пестрая мозаика... А как быть, если одна форма наложилась на другую, один — последующий — процесс на другой — предыдущий?

Вот склон долины Ачипсе. Долину в целом прорыла река, но эту часть склона давно уже обрабатывает плоскостной смыв — плащеобразный склоновый сток дождевых струй. В какой же цвет закрасить такой скат на карте? И каким знаком выразить ванночки пригребневых ачишхинских озерц, прежде всего ту, тринадцатую? Сначала мы думали, что ее создал ледник, и уже закрасили ее в желтый цвет. А теперь приходилось заботиться о том, как совместить на одной и той же площади и желтый цвет ледниковой шлифовки и фиолетовый цвет суффозионного подкопа... Давать фиолетовые штрихи по желтому фону или желтые по фиолетовому?

Карта только тогда может быть хороша, когда у ее составителей имеется четкая система условных знаков, то, что картографы кратко называют легендой (в этом значении слово «легенда» имеет вполне прозаический смысл и не включает в себе ничего сказочного). Но и легенда только тогда удачна, если в ее основе лежит стройная классификация изображаемого материала.

Наверно, университетские преподаватели нам уже внушали эту мысль, но без проверки на практике она проскочила мимо нашего внимания.

Теперь такая легенда начинала вырисовываться в голове, и это происходило именно в результате столкновения с первыми же трудностями, в самом ходе попыток картирования. Так вот в чем был смысл борзовского тезиса о «плаче на борозде»!

За один вечер, лежа в палатке на животе, такого дела не сделать. Будем доучиваться на ходу, потратим на составление легенды, если будет нужно, даже несколько дней внизу.

И мы отправляемся в Полину. Володя спускается туда с лошадкой, а мы с Наташей идем по кругу по уже знакомой мне гребневой тропе. От озера Хмелевского забегает на осыпь — хотелось удивить спутницу и этим кругоходом.

Вернувшись к озеру, пошли по одному водоразделу, полого спускающемуся к устью Ачишсе.

Опять она передо мною, когда-то так разочаровавшая меня однообразием лесная тропа, заброшенная и едва находимая по давно заплывшим «солнышкам» на зарубках. Но сейчас я смотрю и на этот путь новыми глазами. Ошдачивает непостижимая выровненность ступеней, которые срезают гребень хребта. По-новому воспринимается и красота — что я, слеп что ли был, когда шел здесь в первый раз? Или секрет в том, что сейчас со мною идет Наташа? Именно она говорит мне, как хорош этот буковый лес, купающийся в бездонном воздухе круч, встающий из-под обоих склонов и закрывающий дали. Нет, таких далей не закроешь, они все равно чувствуются, ощущение полета не исчезает на всем протяжении тропы.

Хребет спускается так полого, что, если бы чуть выровнять тропу на нескольких уступах, можно было бы съезжать по ней на велосипеде. Недаром именно здесь инженер Константинов когда-то проектировал построить шоссе к вершинам Ачишхо¹.

Мы давно уже ниже уровня последних цирков, ниже границы, до которой распространялись древние оледенения. А пологие гребневые площадки, хоть и заросшие лесом, и тут распластываются перед нами, под ступенью ступень. Что же, их выравнивали не ледники? И это не участки «арен» древних цирков, какими мы считали гребневые площадки у метеостанции? В какой же цвет закрасить их на нашей карте? Неужели это остатки каких-то древних обширных плоских днищ широких долин или даже целых равнин, лишь впоследствии прорезанных лабиринтом ущелий? Первая несмелая догадка, больше сомнение, чем утверждение. Но все же и это еще один шаг к раскрытию тайн истории рельефа. Загадки одна другой увлекательнее.

СВИДАНИЕ С АИБГОЙ

Трехдневное ненастье задержало нас внизу, в Поляне, но именно это и помогло нам разработать систему условных знаков для картирования. Отправляемся на Аибгу проверить на практике нашу систему. Вот она, моя любимая Аибга с ее замечательными цирками и пирамидальными пиками — к а р л и н г а м и! Как же было не воспользоваться новым поводом для свидания с нею!

Поднимаемся окружной выючной тропой, но от Первых балаганов выходим на гребень и с него ухитряемся даже свою навьюченную Машку спустить по головокружительной карнизной тропе в Первый цирк. На месте старого балагана у тропки к ручью среди благоухающих лилий ставим свою палатку, и кажется, что она, белея, летит, словно парус, над необъятным простором, навстречу громадам Ассáры и Чугуша.

А над нами Первый пик, тот самый, на котором мерзли Адамчик с Эмочкой и куда нам пришлось подниматься к ним на выручку среди ночи.

¹ Вначале царский охотничий дворец намечалось соорудить не внизу, у Красной Поляны, а на площадке теперешней ачишхинской метеостанции.

Какое наслаждение жить в этом вознесенном, парящем мире! И как хорошо просыпаться прямо на высоте 2000 метров: не нужно тратить сил на подъем с пятисотметрового урвня Поляны — все ники, все цирки Аибги рядом. А побывать во всех цирках — давняя, многолетняя моя мечта!

Из одного амфитеатра в другой ведут торные тропы через седловинки на отрогах главного гребня. Из Первого цирка во Второй через Эстонский отрог, из Второго в Третий через перевал у Черной Пирамиды. В каждом цирке — свой мир величия, загадок, неожиданных радостей. То находишь диковинную косо струящуюся по скале ажурную диагональ водопада... То обращают на себя внимание камни с зеленым налетом медной ржавчины — признаками оруденения...

На седловине под Черной Пирамидой отшлифованные до лоска бараньи лбы со штрихами-бороздками; их процарапали валуны, вмерзшие в исподнюю поверхность бывшего ледникового языка... Языка? При чем же здесь язык? Ведь мы на перевале. Вспоминаю ледниковое «боа» на седле у Скального Замка. Мы уже знаем из геоморфологии, что такие ледники называются *переметными*: значит, мы видим следы древнего переметного ледника, спускавшего свои «ноги» в оба цирка сразу. А Черная Пирамида тоже служила как бы передней лукой этого ледникового седла!

Если острова обособляются размывом между двумя рукавами реки, то геоморфологи называют их останцами обтекания. Перед нами бывший остров, обнятый в прошлом двумя потоками льда. Разве не правильно будет назвать Черную Пирамиду останцом ледникового обтекания? Здесь это памятник давно прекратившегося процесса, а Скальный Замок на Псеашхо, обнятый ныне существующим ледником, это останец *современного* ледникового обтекания. Придется и такую форму предусмотреть среди условных знаков к нашим картам.

Как щедро начинают нарастать впечатления! Давно ли подъем на каждый пик Аибги в отдельности и даже поиск спуска в ее Первый цирк были для меня событиями? А сегодня мы за один день побывали сразу в трех цирках, да по пути поднялись и на Черную Пирамиду, такую крутую со стороны Красной Поляны. Поднимались, конечно, с юга, откуда она выглядит округлой луговой шишкой. Еще один номер в моей коллекции краснополянских бельведеров (естественно, что с Пирамиды отлично видна Поляна).

Через перевальчик на Рудничном отроге под Третьим пиком видна тропка. Выходим на перевал в расчете, что увидим следующий цирк. Но вместо Четвертого цирка перед нами открывается... бассейн Псоу! Мы вышли не на отрог между цирками, а на излом главного водораздела самой Аибги!

Сегодня нам надо побывать на всех пиках, взять геологические образцы с каждой вершины. Нужно попытаться, как и на Ачишхо, сказать, какие особенности стойкости горных пород помогли именно этим участкам хребта уцелеть от разрушения в виде вершин... Кстати, пики Аибги, в отличие от Ачишхо, сложены известняком, которому свойственно давать в рельефе крутые стенки. Не потому ли здесь так отвесны, так грозны стены цирков?

Мы на Третьем пике. Над отвесами прилепились необвалившиеся снежные козырьки. Они окаймляют более ровные части гребня почти непрерывным белым бордюриком. Вблизи видно, что это нависшие над обрывами снежные глыбы в десяток метров ширины и невесть какой высоты...

Нашими ли шагами, а может быть, и голосами потревожена часть снежного навеса. Мы слышим легкий хруст и видим, как в полусотне метров от пика

30. Аибга. Пик II

участок козырька отламывается и рушится вниз. Издали ничего страшного. Будто просыпали муку из пакета. Но почему же вдруг снизу послышался такой грохот? Крохотные на вид комки снега (в действительности глыбы по несколько десятков кубометров) подскакивали, как мячики, некоторые разбивались в белую пыль и сыпались после этого песочком — а грохот нарастал, раскатистый, как от артиллерийской стрельбы.

Мы видели падение лавины! Пусть маленькой, запоздалой летней лавины. Но даже она своим громом показала нам, насколько дикие и устрашающие силы освобождаются при этом... Как далеко все еще скачут пылящие белые мячики...

Какими же грандиозными бывают зимние и весенние обвалы!

— Ведь они уже на нашей тропке! — восклицает Наташа.

Да, час назад мы шли как раз по тому месту, откуда сейчас доносится канонада и где белая мука, просыпанная сверху, перекрывает видную нам с пика зеленую лужайку и бегущую по ней тропку. Хорошо, что обвал случился часом позже!

Прошли гребнем через все пики — видели пройденные цирки сверху. Планшет съемки покрыли значками по своей собственной легенде и остались довольны — кажется, она себя оправдывает.

Лошадь в Поляну отправляем с проводником Челаковым прежним путем через хребет. А сами спускаемся по водопадной тропе. На каждом уступе откалываем образцы. Вот диабазы, именно на них ручей «спотыкается», не в силах пропилить неподатливый порог, и спрыгивает вниз, образуя вертикальную струю Аибгинского водопада.

Теперь перед нами не было транзитных порожних прогонов, подобных пути через заповедник. Где бы мы ни шли, любой отрезок маршрута отныне интересовал нас, как объект геоморфологического исследования.

Когда-то мне хотелось сделать кольцевыми все туристские маршруты. Тем более грешно было бы ходить взад и вперед по одной и той же дороге теперь, занимаясь изучением рельефа. Значит, кольцевым будет у нас и наиболее далекий маршрут на Кардывач. Мы вольны выбрать для своих походов такие трассы, какие туристам и не снились. Пойдем к Кардывачу не низом, вдоль Мзымты, а поверху — по Аишхам. Знакомый путь по Мзымте только до Пслуха. Впрочем, теперь и он удивляет неожиданной новизной.

Прежде я ходил здесь, не замечая, например, речных террас — остатков древних днищ, вытянувшихся на некоторой высоте вдоль русел рек. А теперь мы без труда различали террасы, построенные Мзымтой в процессе врезания своего русла. Более того, оказывалось, что почти любое ровное место в долинах — не что иное, как уцелевшая площадка какой-нибудь из террас.

Пслухская караулка заповедника. Развилка путей на Псеашхо (через Коготь на хребте Бзерпи) и к перевалу Первый Аишха. Идем отсюда вверх по бурливому Пихтовому Пслуху, мимо шипучего водопада, зигзагами по большому лавинному прочесу в лесу... Выходим на луга Второго Аишха и поднимаемся на второстепенный перевальчик через Грушевый отрог этого хребта.

Перед нами вся долина верхнего течения Мзымты, гигантский желоб между горными валами Аишха и Агепста-Аибгинского хребта. Серо-сиреневые тучи над зеркально гладкими скалами пирамид Турьих гор — там, как грохот обвалов, перекатываются раскаты грома. А на дне долины среди иссиня-черной зелени пихт словно светло-зеленое озеро: это луга Энгельмановой поляны. К ним ведет круто спускающаяся горная тропа.

Невольно сопоставляю впечатление от этой картины с тем гнетущим чувством, которое вызвал у меня утомительный поход к Энгельмановой поляне по нижней тропе через Грушевый же хребет. Правда, тогда был дождь и вечно ненастные спутники — Гоша с Сюзей. Наверное, в хорошую погоду да с веселыми людьми и тот путь неплох. Но все равно эти два маршрута несравнимы. На нижнем нет такого кругозора, когда можно видеть весь фронт горных колоссов — от Аибги до Агепсты.

И хотя верхний маршрут связан с лишним подъемом и спуском, и поход по нему удлинится на день, ясно, что водить туристов к Кардывачу надо только этим путем.

Аишха очень похож на Аибгу. Такой же, если смотреть с юга, однообразный луговой хребтина с пологими вырезами седловин и почти не кульминирующими пиками. Монотонный крутой склон изборожден как бы стремительно струящимися лощинами. Лишь нижние пятьсот-шестьсот метров над Мзымтой одеты пихтовым лесом. Весь южный склон исчерчен коровьими тропками и выглядит поэтому, как и у Аибги, горкой-моделью для изучения топографических горизонталей. Да и стержневая выючная тропа так же бежит

¹ Так называется длинная и на вид пологая цепь луговых вершин Главного хребта, протянувшаяся от Псеашхо к Кардывачу километров на тридцать. Множественное число «Аишхи» мы своевольно применяли потому, что отдельные вершины этой цепи у пастухов пронумерованы: Первый, Второй, Третий Аишха. На карте этих названий не было, а пик Третий Аишха назывался совсем забытым теперь именем Люоб-Цухе.

идоль всего Аишха по высотам 2200-2300 метров, и так же низшим на него группочки пастушеских балганов.

Один из таких балганов делаем своей базой. Утром поднимаемся на Главный хребет. Перед нами «порученный» нам горный мир. Любую его деталь, поэтическую или прозаическую, мы одинаково обязаны заметить и истолковать.

Когда-то я ощутил переход от единичных впечатлений туриста к более широким восприятиям краеведа, к профессиональным интересам туристского работника... Теперь передо мною следующий скачок: я не только коллекционирую красоты, я объясняю, смотрю на них холодным аналитическим взглядом. Вот перед глазами скальная громада — вершина северного склона, так напрямик когда-то и названная неизобретательным топографом: Скалистая. Раньше, кажется, ахнул бы, онемел бы от восторга, впервые увидав ее кручи. А теперь — не кощунствуем ли мы с Володей и Наташей, если уже через минуту спорим друг с другом о количестве и высоте цирков на ее страшных склонах?

Впрочем, нет, все равно мы не холодные аналитики. Мы только быстрее схватываем картину в целом, а значит, полнее постигаем и ее величие.

У наших ног обрываются кручи заповедных северных склонов. Они тоже, как у Аибги, изрезаны крутостенными цирками, и к днищу каждого из них гребень обрывается отвесами. В цирках несколько скромных горных озерц. Нам неоткуда было взглянуть на кручи Аишха с севера, но, видя цирки, легко вообразилось, каким нагромождением пирамид выглядел оттуда этот кажущийся с юга монотонным хребет.

За Мзымтой еще могущественнее возносится оскаленная Агепста, а на севере, за вовсе неведомой мне долиной Безымянки, высится не менее внушительный лесисто-луговой хребет, значащийся в заповеднике под ненанесенным на карты названием «хребет Герцена»¹.

Поперечные долины, изрезавшие склоны обоих хребтов, поражали чеканной ясностью своих древнеледниковых очертаний. Корыта-троги — как с чертежей в учебниках. В кресловидных цирках хребта Герцена сияли таинственные, не значившиеся на карте озера.

Но сейчас наша цель не эти недостижимые громады, а уже достигнутые нами зубцы Аишха. Топографическая карта была здесь вполне точна, исправлений не требовала.

Теперь мы уже не превращаем карту в цыганский платок, не закрашиваем выявляемые контуры сплошь одним цветом, а наносим цветную штриховку.

Изображение рельефа штрихами — хребтов в виде елочек, а холмов лучистыми звездочками — было делом давно известным. Наше новшество состояло в том, что мы делали штрихи разноцветными. Склоны, обработанные ледником, изображали розовыми штрихами, а прорезанные речным размывом — синими.

Получившийся рисунок нас невольно обрадовал. Склон не только не исчез, как исчезал раньше, при сплошной закраске фона, но, напротив, выявился во всей своей сложности: крутые части выразились более жирными штрихами, а обрывы зубчиками. «Научная» раскраска не стирала рельеф, он сам начинал сиять разными красками, соответственно разным путям своего происхождения.

¹ Это неожиданное название не случайно. Оно было дано хребту студентами-практикантами Ленинградского педагогического института имени Герцена.

На Ачишхо нас затрудняли формы со сложной историей: закраска фона не допускала наложения одной краски на другую. Штрихи помогли решить и эту задачу: в «слочках» можно было, чередуя, сочетать «хвоинки» разного цвета.

Радостное чувство верно найденного приема, метода. Теперь мы вооружены и уверены, что справимся с работой. С увлечением обходим цирк за цирком — они ложатся на топокарту ажурным цветным рисунком. Весь северный склон начинает «зиять» красными зубчатыми подковами — так выглядят на нашей карте окружающие каждый цирк отвесы, созданные морозным выветриванием у края исчезнувших ледников.

Подножия этих стенок, прикрытые плащами осыпей, возникли в результате перемещения и отложения щебня, упавшего сверху. Здесь и наши цветные штрихи становятся прерывистыми, на подвижных частях осыпи распадаются на черточки, а на нижних, успокоившихся частях осыпных шлейфов, — превращаются в точечный пунктир. Веера из точек изображают скопление обломков, а каждая точка в отдельности свидетельствует об окончании пути обломка. На такой карте рельеф сам рассказывает свою историю.

Первый, Второй, Третий Аишха — все они высились пирамидами на Главном Кавказском хребте. Чем ближе к Кардывачу, тем круче становились их скаты. Склон Третьего Аишха был настолько крут, что на нем исчезала магистральная тропа, негде было ютиться балаганам. Именно здесь начинался переход к кручам Кардывачского горного узла.

Но счет Аишхам еще не был закончен. Пастухи, не стесненные геоморфологической логикой, нарекли Четвертым Аишха не следующую к востоку вершину главного водораздела (не Западный Люб), а параллельный ему отрог, отделенный от главного продольными же верховьями Сумасшедшей речки. Только здесь нам и можно было пройти к Кардывачу с лошадей.

Крутизна склонов особенно подчеркивалась ручьем, который мчался вниз с удивительной прямолинейностью, почти не меняя чуть ли не тридцатиградусного уклона струи по всей длине падения. Это был как бы единый водопад с всклокоченной водой, неудержимо рушащейся и почему-то не вырывшей тут никакой долины. Вечная вспененность всего потока послужила основанием и для названия: пастухи называют ручей Содовым за сходство с сильно газированной шипучей водой.

Даже странно, что этот ручей лишь впадает в Сумасшедшую речку, а не сам носит такое название.

Пересекли Сумасшедшую речку. В своем продольном течении, то есть там, где она струится параллельно Мзымте, это вовсе не сумасшедший поток. Теперь нас отделяет от Мзымты лишь округло оглаженный вал Четвертого Аишха. Легко находятся какие-то тропы, быстро поднимающие нас на луговые просторы этого вала. Мы и не подозревали, что встретим здесь так много стад и пастушеских балаганов.

Казалось, мы уже налюбовались Агепстой с противоположных вершин Аишха. Что мог сулить нам второстепенный луговой хребтишка, прижавшийся к подножию Главного хребта? Однако Агепста с Четвертого Аишха выглядела еще величественнее. Словно этот хребтик специально воздвигли здесь, чтобы смотреть с него на чудовищные бастионы Агепсты, на пышно-голубой «мех» ее ледников... С наслаждением картируем райские луговины. Потом берем на спуск.

Вдоль всего нижнего поперечного участка Сумасшедшей речки нашлась неплохая тропа. Тут-то речка стала оправдывать свое название, ибо крутизна

шлени ее русла уже лишь немного уступала Соловому ручью. Еще раз задумываемся над возможными причинами этой крутизны. Да, и ручей и речка текут среди пород той же стойкости, что и соседние реки. Почему же они не успели вырыть себе такие же мощные долины, не выложили по всей длине свои русла? Быть может, им приходилось преодолевать встречное поднятие недр? И если это так — значит, здесь проходит зона повышенной подвижности земной коры или даже зона разлома. На наших картах тут пришлось рисовать только жирные штрихи и зубцы. При этом одной синей краски, показывающей речной размыв, оказалось мало. Надо было закрасить и фон всего так явно поднимающегося участка. В голову пришло еще одно предположение: возможно, что и крутизна склонов Третьего и самое существование Четвертого Аишха связаны с недавними интенсивными поднятиями, с торшением рельефа именно этого района.

На карте В.Н. Робинсона в этом месте показан надвиг древних структур Главного хребта на более молодые структуры южного склона Кавказа. Этот разлом прослежен геологами в недрах. Но мы видим, что с ним совпадает увеличение крутизны и в современном рельефе. Значит, древний рубец подвержен тут и молодым унаследованным подвижкам?..

Сумасшедшая речка! Поневоле станешь скакать как сумасшедшая, если прорезаемое тобою дно долины поднимается навстречу быстрее, чем успевает врезаться русло.

Аишхи пройдены. И не только пройдены: закартированы, промерены, истуканы геологическими молотками. Больше того: Аишхи пережиты нами. Ведь это наше боевое крещение. Мы прошли по этим горам, и теперь у нас в руках планшеты, заполненные результатами сплошной съемки. Пусть кто-либо пройдет по нашим следам и проверит нашу работу. Мы готовы спорить, отстаивать, готовы выслушать критические замечания — это будет завершением проверки наших способностей, наших знаний. Спасибо, Аишхи!

ВЕРХНИЙ КАРДЫВАЧ

Кардывач. Пусть в середине лета на его горах и нет такого, как в сентябре, алмазного убранства, он, как и прежде, чарует. Но теперь я не столько люблю его красотой, сколько анатомирую мысленно рельеф этой озерной котловины. Холмы, с которых впервые открывается озеро, — морена, нагромождение валунов, вытаявших из ледника. Когда-то тут кончался язык ледяной реки. Но сейчас озеро уже далеко отступило от моренной запруды: его оттеснил своими наносами Лагерный ручей, весело бегущий в Кардывач со склонов Кутехеку. Он ухитряется впадать в озеро совсем рядом с вытекающей из него Мзымтой... Моренная запруда — группа красных точек на карте. Выносы ручья — скопление синих точек.

На Кардываче больше нет домика-лагеря — говорят, что его свалило лавиной. У нас своя палатка, мы проживем и под пихтами, но туристам придется худо. Задумываюсь о гипрокуровских проектах, о своей рекомендации строить здесь турбазу. Конечно, мы и сейчас видим на склонах Кутехеку высокоствольные пихты у самого берега озера — показатели того, что лавин тут давно не было. Но какая же сила смела домик? Воздушная волна от соседней лавины?

Исследования начинаем с Верхней Мзымты.

31. Ю.К. Ефремов и Н.А. Лебедева на озере Кардывач

Она перед нами, пропущенная на картах долина, крутой дугой изогнутая вверх по течению влево. Километра через два находим мелководную лужу, подпруженную щебневыми осыпями с круч Лююба. Не о ней ли упоминал инженер Сергеев как об озере в верховьях Мзымты выше Кардывача?

Под навалами щебня речка совсем исчезает, и говорливое журчание ее струй доносится из-под камней.

Все грознее, все неизмеримее встает слева от нас Лююб. Этот пик, обративший к Кардывачу однообразные луговые склоны, оказался со стороны Верхней Мзымты одним гигантским утесом. Его стены, почти отвесные, взметываются вверх не меньше, чем на километр. Такого величия мне еще не приходилось видеть.

Кажется, вот-вот, и верховья долины сомкнутся. Но нет, со стен замыкающего их амфитеатра струятся каскадами ручьи, возникшие где-то выше. Значит, стены — лишь уступы гигантской лестницы. Это такая же лестница цирков в верховьях древнеледниковой долины, как и у старой нашей знакомой — Ачипсе. Только истоки Верхней Мзымты лежат почти на километр выше. Следовательно, и ледник здесь мог существовать дольше, чем на Ачипсе, потому и следы его тут свежее. Действительно, закраина каждого уступа, бровка любой ступени лестницы оглажена, отшлифована и блестит, словно покрыта лаком. Как метко окрещены в науке эти полого округлые и гладкие каменные холмы — бараньи лбы. А вот и курчавые скалы — это тоже меткий научный термин, — скалы на бортах долины, словно вылизанные ледником.

Местами на бараньих лбах видны глубокие царапины. Когда я читал в книгах о том, что лед способен процарапывать на камне шрамы, в это не верилось. Как же так? Лед надрезает камень? Теперь легко понять, что скалы поцарапал не самый лед, а вмерзшие в его подошвенную сторону камня. Ледник драл ими дно долины, точно варварская швабра.

Обхожу огромный валун и, вдрогнув, останавливаюсь. Черело шипит в грине разостланной медвежьей шкуры. Быстро отступая за угол валуна и делаю спутникам знаки рукой: не шуметь, пригнуться! Горюжливо и поэтому нешопид рву застежки на футляре фотоаппарата, выдвигаю объектив, а друзья, не понимая, в чем дело, стремятся вперед и почти выталкивают меня за угол.

«Шкура» к этому времени услышала наши шаги и встала на задние лапы. Впушительная медведица ошалело оглядела нас, преотвратно рывкнула, словно выругалась, брезгливо трянула головой и броском метнулась вверх по склону на всех четырех, комично охая. Тут только мы увидели, что рядом с нею подпрыгивает мячиком небольшой медвежонок.

Все это произошло молниеносно. Мы защелкали аппаратами, когда и мама и детеныш были уже далекими светло-бурыми пятнышками. Оказалось, что охота с фотоаппаратом нелегкое дело и требует большой сноровки. Я смотрел вслед медведям и завидовал крепости их сердец: такой галоп по тридцатиградусной круче!

Впереди еще один уступ с водопадными струйками, а за ним, точнее над ним, чувствуется следующий, вышележащий цирк с особенно просторным днищем. Все признаки говорят, что склон уходит ниже видного нам края уступа, что за этой кромкой не площадка, а впадина, и даже самый воздух над ней — не знаю чем (цветом? светом? дымкой?) — шепчет нам: тут скрыта какая-то тайна. Я уже владел ключом к этой тайне, потом расскажу, каким, и уверенно сказал:

— Наташа, сейчас мы найдем озеро! Вот увидишь.

Поднимаемся в обход уступа, приближаемся к бараньим лбам, замыкающим чашу, и с первого же лба видим у своих ног глубокое кобальтово-синее озеро. Прямо в воду спускаются крутые курчавые скалы. В ней плавают обломки недотаявших льдин. Зеленовато-белые с поверхности, под водой они становятся лазурно-малахитовыми, непостижимой ясности и силы цвета. Дивное диво, не учтенное, не предусмотренное...

Конечно, инженер Сергеев упоминал именно об этом озере. Но почему же у него не нашлось ни одного теплого слова о его красоте?

Теперь мы расскажем об этом Верхнем Кардываче на турбазе, и тогда в горах появится новый туристский маршрут. Надо будет только предупредить гостей, чтобы не принимали за Верхний Кардывач лужу на Верхней Мзымте. Не назвать ли ее ради этого «Средним Кардывачом»? Нет, это кощунство. Пусть остается просто лужей.

КРУПНЫЕ ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ

Решаем, что Володя вместе с примкнувшей к нам группой студентов-зоологов еще раз пойдет по Верхней Мзымте и замерит все повороты этой долины до Верхнего Кардывача своей буссолью. А мы с Наташей попытаемся подняться от нижнего озера прямо на вершину Южного Лоюба — наблюдатели нас заверили, что забирались туда для учета туров. Склон Лоюба отсюда крутоват, но весь луговой, зеленый, лишь изредка перемежающийся со скалистыми выступами; внешне — вроде подъема без троп по луговому склону к пикам Аибги. Но мы-то видели Лоюб с Верхней Мзымты и помним грандиозность его восточных стен, отвесных на километр в высоту. Даже снизу было страшно смотреть на свирепые вторичные пички-жандармы и зияющие расселины.

А каким огромным все это покажется, когда мы доберемся туда, наверх? Насколько головокружительнее будут кручи, непреодолимее трещины...

Крутой подъем ярко цветущими лугами. Такой крутой, что моментами задумываешься, можно ли лезть дальше? Да, это посложнее Аибги. А насколько красивее! Ведь под нами на дне воздушного бассейна все время виден стынущий, совсем не похожий на водоем Кардывач — пластина из матовой бирюзы.

А горы, горы! Во весь рост воздвигаются, оказываются еще более грозными, неприступными громады Цындышхи, огромными и сложными вырисовываются цирки массива Кардывач, тески озера. Даже Кутехеку, эта сутулая, зеленая горка — и та вырастает и заставляет относиться к ее луговой вершине с уважением. Сколько на ней цирков, сколько лошин!

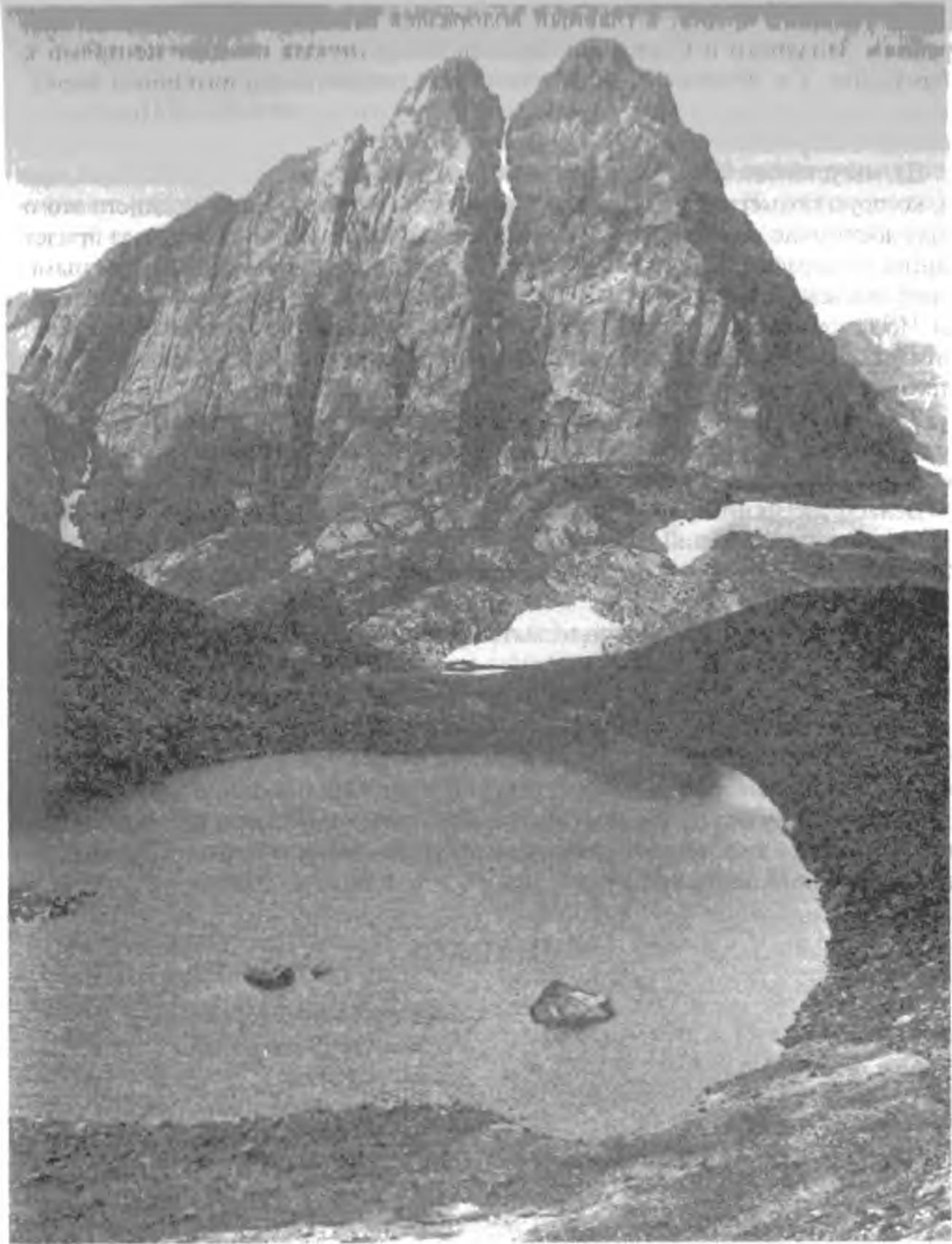
Пока поднимались по траве, кое-как помогали стебли. Когда же мы оказались выше 2500 метров и начали видеть через Кутехеку громоздящиеся за его гребнем горы Бзыбского бассейна, трава поредела. Все больше осыпей и бесплодных каменистых уступов. На одном из них уцелел удивительно узкий обелиск — скала метров в двадцать высотой при сечении призмы два-три метра... Наверное, раньше — найди мы такого «монаха» поближе к Поляне — я был бы в восторге, записал бы его в минимум экскурсионных объектов, стал бы водить к нему туристов. А теперь сколько их, подобных чудес?

У вершины появляются лоскуты тумана. Он сгущается и уже накрывает нас. Не собьемся ли с пути? Казалось бы, выше вершины не попадешь, и пока можно идти вверх — иди. Но ведь вершина Лююба раздвоена, как клюв, — значит, есть риск попасть на более низкий правый зубец, на жандарм? Будем держаться левее желоба, который в своих верховьях, наверное, и отделяет вершину от жандарма.

Впереди слышен дробный шум: разбуженный кем-то камнепад. Вглядываюсь в чуть поредевшие облака — туры! Они скачут над нами. Пришлось съежиться, когда мимо проскакало несколько каменюк. Молодцы туры! Так их, так их, незваных пришельцев, камнями их! Впрочем, пока камни летели, было не очень смешно.

Какая под нами крутизна и глубина! Достаточно немного пасть духом, растеряться — и на той же самой круче задрожешь, встанешь на четвереньки, потеряешь человеческий облик — и тогда один шаг до гибели. То и дело помогаем себе руками — подтягиваемся на очередные скальные уступы. Смещается облачный занавес, и мы наравне с собою видим правую вершину лююбского клюва, дикий кинжал. Там продолжают скакать и грохотать камнями спугнутые туры. Между нами и этим зубцом зияет дикая расселина. Хорошо, что мы вовремя уклонились от правого жандарма.

Теперь лишь немногие десятки метров отделяют нас от вершины. Туман в честь нашего прибытия уходит с пика. За ближайшим уступчиком раздается резкий свист. На нас смотрит ошеломленный тур, круторогий красавец, стоящий на страже целого табуна. Он еще раз издает сильный и краткий свист, вроде «тю», и при этом недовольно бьет копытом. И сразу становится слышен камнепад — это поскакало еще одно стадо туров. Они мчатся наверх, на самый пик и исчезают за гребнем. Куда же они там прыгают? Лезем за ускакавшим от нас красавцем. Туры и не думают уходить далеко. За первым же уступом они остановились и с любопытством наблюдают, откуда мы появимся. Мы на вершине и, не веря своим глазам, видим, что и над страшными безднами по ничтожным карнизикам туры

32. Пик Люба над Утаенными озерами

легко скачут галопом, буквально, на наш взгляд, чудом удерживаясь от падения...

Теперь можно и осмотреться. Наша первая высота 3000 метров. Под ногами километровая бездна — чудовищный оскал Люба к Верхней Мзымте.

Пока нет тумана, скорее за съемку. Засаекаем и наносим на планшет направления на основные вершины. Нам ясно, что Южный Люб высится на

отроге Главного хребта, и главный водораздел бежит по легко проходимым гребням Западного и Северного Лоюбов. Но и отсюда он идет не прямо к Цындышке, а в обход огромного, угасенного, совсем невидного снизу цирка, скорее даже короткого трога с группой матовых озерц. И лишь от Цындышки гребень поворачивает к пику Кардывач.

Да, мы установили крупную неточность карт, гораздо более значительную, чем та, которую подметили инженер Сергеев и Евгения Морозова! Уже одного этого было достаточно, чтобы оправдать нашу работу. По нашему сигналу сюда придет партия топографов, вооруженная точными приборами, пользующаяся данными аэрофотосъемки. Конечно, нам сейчас не по силам точное исправление этой карты. Но можем ли мы вообще пройти мимо и не зафиксировать ничего? Ведь нам, хотя бы в приблизительной форме, нужно не только показать истинный рельеф этого места, но и попытаться расшифровать его происхождение.

Значит, мы вынуждены провести здесь глазомерное исправление карты, создать, хотя бы грубую, схему, наметить каркас главных направлений в путанице кряжей Кардывачского горного узла.

Делаем засечки. Наносим на карту пики, пока приблизительно, — мы ведь еще не знаем расстояний до них. Но уже и сейчас ясно, что эту часть Главного Кавказского хребта следует переместить на карте на несколько километров к северу и востоку.

— Наташа, а ведь это можно назвать крупными земляными работами!

— Скорее, скальными.

Съемка закончена, с пика взяты геологические образцы.

Спускаясь по гребню, видим, где приютился под Южным Лоюбом Верхний Кардывач. На его берегу стоит Володя с зоологами. Катимся прямо к озеру по пологому снежнику, разбрызгивая снег веерами.

Сверяем результаты своей и Володиной съемок. Не ввязки минимальные. На чертеж уже неплохо ложатся и Южный Лоюб, и Верхний Кардывач, и вся Верхняя Мзымта.

СИНЕОКОЕ

*Среди гранитных грозных гор
В стране лазоревых озер
Живет еще одно.*

*Нежданно взгляд его сыскал:
Как в чаще каменной, средь скал
Таилось оно.*

И надо же мне было спрашивать наблюдателя, откуда и куда мог вести загадочный след, который мы видели с Леной и Всеволодом на снегах Верхней Мзымты. Я не учел, что весь район Кардывача был подведомствен его кордону. Слова о том, что туристы видят в заповеднике следы безнаказанных браконьеров, звучали как прямой укор допускающему это хранителю. Он отвечал нам явно нехотя, смущенно и уклончиво. Маленький пожилой человечек своим видом совсем не убеждал, что он может быть действенным защитником заповедных рубежей от нарушителей.

Рассказываю, как след подводил к озеру у мыска...

— Так там же тропа!

— Как тропа? Покажите.

— Известное дело, прямая тропа на Абхазию.

— А почему же туристы ходят через Ахукдарские болота?

— А это уж я не знаю.

Наблюдатель ведет нас берегом озера и, не доходя до мыска с ручьем (теперь мы понимаем, что и сам мысок возник как дельтовый вынос ручья), покидает уходящую вправо вверх в кусты потайную тропу. Я дважды не разглядел ее в прошлом, не заметил и сегодня. Нет, еще не всемогущие мы следопыты.

Всматриваюсь в примятую траву, вижу едва вдавившиеся в грунт отпечатки.

— Э, да здесь и сегодня кто-то ходил.

— А я и ходил. Там пастухи с Абхазии балуют, на эту сторону заходят. Я гулять ходил.

— Ну и что?

— Ну что — и прогнал.

В тропке можно было сомневаться лишь первые десять метров. Вскоре она превратилась в торную лесную тропу. Мы хорошо читали на ней и давние и свежие следы — тут были конский и козий помет, в одном месте валялась папиросная коробка, не успевшая размокнуть. Кто-то здесь ходит, и ходит частенько.

Тропа вывела к самому ручью и побежала вверх, сопровождаемая его веселым журчанием. Лес сменился криволесьем и субальпийскими луговинами. За одним из кустов стадо коз и молодой паренек. Коша у него нет, спит под буркой, из которой легко, всего на двух палках, делается подобие палатки.

— Ты откуда?

— Из Абхазии (называет колхоз).

— Почему же пасешь в заповеднике?

— Не знаю, какой заповедник?

— Как не знаешь? А разве вчера не тебе охрана говорила, что нельзя здесь пасти коз?

— Говорила.

— Ну, а почему же ты не ушел?

— Трава больно хорошая!..

Внушениям юноша поддается плохо. Проходим выше. Пути ветвятся, магистральная теряется, большая часть троп уходит правее, к главным вершинам Кутехеку. Поднимаемся на низшую седловину на гребне Мзымтинско-Бзыбского водораздела и убеждаемся, что через нее в Аватхару нет никакой тропы. Теперь идем левее, к пику Кардывач. Самые турьи места, а нет ни зверей, ни их следов. Видимо, с незаповедной абхазской стороны пастухи пошаливают, и зверь выбит или распуган.

Верховья ручья, впадающего в озеро Кардывач у мыска, тоже ступенчаты — еще одна лестница цирков с водопадами на уступах между ними. Впереди ступень глубоко вдавшегося в гору цирка и... снова уже знакомое нам предчувствие. Опять все — и очертания склонов, слишком круто и низко скрывающихся в кармане цирка, и бараньи лбы, и какой-то туманец над впадиной — все говорит: сейчас мы увидим еще одно озеро...

На карте его нет. Что ж, это нас не удивляет. Предсказатели озер, мы найдем его и нанесем.

Поднимаемся по светлому гранитному щебню.

Хребет Ацетука — Агенста — Аубга, вид с горы Кардывач

И вот они видны нам, напоенные дивной силой синевы, два глаза, два кобальтово-синих ока! Сбегаем к ним ближе и видим, что это не два, а одно озеро с двумя расширениями и узким соединяющим их проливом. Цифра «8», написанная линией отвесно скального берега и налитая чернильно-синей водой среди гранитных лбищ...

Здесь тоже плавают глыбы льда, синеющие далеко в глубине. Сколько же еще таких сокровищ прячут наши горы? Сколько подобных «малых открытий» приготовлено нам природой?

Таинственная, изнутри льющаяся синева высокогорных озер не могла не рождать поэтических образов и догадок. На Карпатах подобные озера называют Морскими Очами. Существуют даже легенды о подземной связи озер с морем: морская синева будто бы простерла сюда через неведомые туннели свои зоркие, смотрящие в небо глаза...

Наташа бросает в воду косточку от чернослива, и в воде загорается драгоценный камешек, долго спускающийся на дно. Глубина здесь, наверное, десяток метров, но в прозрачно-синей воде видна каждая трещинка скального ложа.

Один из зоологов раздевается и лихо фотографируется в позе ныряльщика, собирающегося прыгнуть в ледяные синие воды. Но осуществить то, что изобразил, не решается — нам и одетым не жарко.

Как назовем это озеро, нами найденное, ни на каких картах не значащееся! Под гипнозом первых впечатлений предлагаю название: Синеокое. Наташа согласна, зоологи тоже. И даже прозаичный Володя, не раз охлаждавший наши восторги, на этот раз заявляет:

— Ничего не скажешь. Действительно Синеокое.

Забегу несколько вперед. Наши описания Синеокого получили права гражданства. Сотни туристов поднимались и будут подниматься к нему. В сотнях экземплярах перечерчиваются кроки и приметы подхода к озеру. Название привилось, стало его неотъемлемой принадлежностью. Получила имя и речка, берущая начало в Синеоком и впадающая в Кардывач: ее стали называть Синеозерной.

Мы на сотни метров выше Синеокого. Вот и справа, уже на Бзыбской стороне, в самом истоке Аватхары заваленный снегом цирк... Но в середине снег протаял и...

— Наташа, опять озеро! Сколько же здесь озер?

Словно ожерельем из сапфиров украшены окружающие хребты.

По поводу Синеекого у меня еще было сомнение. Не его ли видели спутники Евгении Морозовой, писавшие о Кутехеку, что выше в горах есть «еще одно озеро»? Значит, возможно, что Синеекое не совсем наше.

А этот неизвестный лазурный глазок в верховьях Аватхары — ведь он тоже отсутствует на картах, не упоминается в научных статьях, и он совсем ничей, известный одним местным охотникам, он сам удивлен, что мы его разыскали.

Подъем по гребню выше Удивленного озера оказался совсем не легким. Были моменты, когда начинали бояться друг за друга.

Пик Кардывач покорен. Высота около 3100 метров. Перед нами бассейн давно манившей нас большой реки Цахвоа¹, долина которой украшена в субальпийской зоне крупным (обширнее Кардывача) озером. Мы надеялись, что с пика Кардывач откроется и озеро Цахвоа². Но нет, всю панораму севера загораживал мрачный пик, обнятый крупным переметным ледником. Такого пика и ледника тоже нет на карте — значит, и это наше маленькое открытие. По своему положению пик явно аналогичен Скальному Замку Псеашхо и Черной Пирамиде: ледником он оседлан как современный останец ледникового обтекания.

Теперь мы спускаемся к седловине между Кардывачом и Цындышхой. Из-за мрачного пика-останца, обнятого переметным ледником, показывается все более обширный участок днища долины Цахвоа, и на этом днище появляется кусок синевы — совершенно новый, невиданный. Купоросный, как из аптеки, пронзительно синий цвет. Большое, в два Кардывача, озеро — новый предмет нашей жадности, жажды, желаний. Но сегодня Цахвоа нам не под силу.

Возвращаемся новой дорогой. Трог водопадного притока Верхней Мзымты оказывается ступенчатым, но вполне пригоден для спуска.

У наших палаток озабоченный наблюдатель. Он говорит, что ходил в обход по Верхней Мзымте и что там все благополучно. Голос какой-то странный, словно он нам рапортует.

ТАЙНА ДОЛИНЫ ЮХИ

*Под гребнем, в выси вознесенным,
По изголовьям долин
Амфитеатры котловин
Резцом изваяны бессонным.*

С Южного Лююба мы хорошо просмотрели Западный и Северный Лююб и убедились в легкой доступности связывающего их пологого гребня. Однако наблюдатель смущенно и упрямо повторил:

— Нет, там не пройдете.

Вероятно, он не понимает нас и считает, что мы хотим на Цындышху, бастионы которой, может быть, и действительно неприступны.

Пройдя по уже наизусть знакомой Верхней Мзымте, от Верхнего Кардывача берем вправо и легко поднимаемся на гребень Северного Лююба. Новые бездны северных цирков, в них не показанные на карте ледники. Вниз с гребня от нас убегает пяток серн. Они иногда останавливаются и смотрят на

¹ Приток Малой Лабы.

² На новых картах его стали называть Дамхурс.

нас, а потом и элик неодобрения длинно, сильно свистят и продолжают скачку по крутым осыпям.

С правой вершины Северного Лояба нам открывается глубокая и крутосклонная долина, уходящая далеко вниз, и таинственный лесистый мир среднего течения Цахвоа. Это Юхá — безвестный лугово-скальный желоб, безукоризненный по форме трог, а над ним черный игловидный пик Смидовичи — высшая точка заповедника.

Несколько шагов по гребню, и из-за поворота долины становится видно, что на ее дне покоятся одно под другим еще два больших озера, опять отсутствующие на карте.

Юхские озера! Они радуют нас и живописностью — ступени зеркальной лестницы — и неизведанностью. Ведь каждая такая находка повышает полезность, результативность нашей работы.

Невольно представляю себе, каким событием, каким чудом было бы для меня не то чтобы открыть, а хоть только увидеть два таких озера всего пять лет назад, в год моей первой мечты о Кардываче и Рице. Да что там пять лет назад! Всего месяц назад мы обмеряли рулеткой и картировали восемнадцать болотистых лужиц на Ачишхо, и даже этот скромный хребет казался нам «страной горных озер»... А теперь на нас словно обрушивается красота и новизна, мы становимся обладателями сокровищ, каких не видит никто, и мы уже не успеваем усваивать, впитывать в себя новые находки. Ачишхинские лужицы? Дешевые стекляшки. А здесь — истинные сапфиры, лазурь, бирюза, — что есть еще драгоценного голубых и синих тонов? Но и хранитель целой коллекции драгоценных камней пресыщается: уже с меньшей остротой ощущаем и ценим прелесть вновь встречающихся самоцветов.

Движемся по гребню ближе к Цындыше. Взгляд обострен: чутко всматриваемся в мельчайшие штрихи рельефа и по-охотничьи зорко во все живое. То один, то другой из нас замечает на далеких склонах серн, туров. Возникает соревнование — кто первый и кто больше усмотрит.

Под ногами трехсотметровые обрывы к лугам верхней части трога Юхи... Крупные камни — серые, буроватые... И вдруг — инородное коричневое пятнышко. Зверь! Бесспорно зверь. Но какой? Поочередно смотрим в бинокль и не можем понять.

Олень? Нет, не похож. Тур? Серна? Не тот цвет... А пятнышко маленькое, далекое.

Долина Юхи уже угостила нас такими неожиданностями, что, кажется, мы не удивились бы, обнаружив в ней и вовсе неизвестного миру зверя. Наше удивление усилилось, когда через полсотни метров из-за соседнего бараньего лба появился второй, еще более крупный зверь... И опять явно не олень и не тур... Вдруг в этой долине окажутся уцелевшими вымершие в остальном заповеднике зубры? Но это и не зубр — силуэт легче и тоньше.

Еще несколько шагов по гребню — и не верим глазам. За очередным отрожком нам открывается... белое движущееся по лугам пятно и перемещающийся черный столбик. Пятно — стадо коз, а столбик — пастух. За следующим холмом различаем выбитую среди лугов скотом площадку и дымящиеся хибары пастушеских балаганов! И такое творится в необитаемой части заповедника! Что это? Нелегальный поселок браконьеров? Или, хуже того, тайное бандитское гнездо?..

Эге, нам надо двигаться скрытно. Наши силуэты на гребне никакой радости этому народу не принесут, кто бы тут ни был.

Невольно вспомнился рассказ одного зоолога, изучавшего далекие восточные районы заповетника, о том, как он столкнулся на маршруте, кажется, тоже неподалеку отсюда — в верховьях Цахвоа, с подобным нелегальным табором пастухов.

Его удивило, что они хвастались нарезным оружием новейших образцов... Зоолог сумел тогда создать впечатление у этих «хозяев», что следом за ним движется целый отряд заповедной охраны, и, пока они прятали оружие, улизнул от них, радуясь, что остался цел. Может быть, и мы видим такое же логово?..

Идем уже не по гребню, а лепимся по склону, обращенному к Верхней Мзымте. Лишь изредка, как военные разведчики, выглядываем через гребень в долину Юхи... Мы все ближе к загадочным животным. Наконец Володя заявляет, опуская бинокль:

— Я рассмотрел, что это за звери. Маленький — ишак, большой — лошадь.

Не будь мы взволнованы остротой ситуации, мы расхохотались бы над своими предположениями о неизвестном звере. ореол романтичности, возникший было над долиной Юхи, развеялся, хотя и сменился тревожным дымком романтики совсем иного рода — скорее детективной...

За поворотом гребня узкая седловина, ее пересекает заметная и торная тропа. Не могли же не пробить тропу люди, пригоняющие на Юху целые стада. Но где она выходит к Верхней Мзымте? Далеко внизу по тропе кто-то быстро спускается вниз в сторону Кардывача. Бинокль!

— Не наш ли это наблюдатель?

Обходим удлиненный цирк Утаенных озер, убеждаемся в малой доступности утесов Цындышхи и пика Смидовича. С нескольких мест гребня заглядываем в верховья соседних с Юхой притоков Цахвоа. Видим на северных склонах Цындышхи ненанесенный на карты ледник и еще один цирк с несколькими, на этот раз суровыми и хмурыми озерами. Все они хороши, каждое по-своему, но когда их так много... Не заменятся ли в конце концов наши восторги холодным подсчетом, инвентаризацией сокровищ под мертвыми научными ярлыками?

Моментами становится даже грустно: зачем нам в таких неусвояемых дозах эта красота?

Можно с удовольствием съесть две, три, пять конфет. Но даже сладкоежка перестанет испытывать удовольствие на тридцатой. Неужели и мы, пресытившись, отнесемся к новым находкам так же равнодушно, как работники кондитерских фабрик к своей карамели?

Из цирка Утаенных озер спускаемся на браконьерскую тропу. Она испещрена следами — человеческими, конскими, ишачьими, козьими. Так вот куда вел загадочный след по Верхней Мзымте, который меня так удивил еще три года назад!..

У подножия склона тропа потерялась в высокой траве и скользнула в русло ручья. Неплохой прием маскировки. В русле следы не сохраняются. Именно поэтому выход тропы к пересыхающей луже на Верхней Мзымте (к «Среднему» Кардывачу) оказался так незаметен. Не виден в траве издали и подъем ее по склону. А еще выше она устремляется в цирк Утаенных озер, в цирк, о существовании которого, глядя снизу, вообще нельзя догадаться — так глубоко он врезан в «карман» между Северным Лююбом и Цындышхой. Хитро же замаскировали свое логово загадочные жители долины Юхи!

На спуске Наташа отстала метров на сто, боря образцы горных пород для коллекции, и догнала нас, напуганная. За нами, прячась за камнями, шел какой-то юноша, видимо, лазутчик из нелегального табора. Нас заметили!

Спускаемся к Кардывачу. У Георгиади узнаем, что наблюдатель заповедника пришел с гор, рассказал, как видел нас на хребте (что же он, следил что ли за нами?), и поспешно, едва перекусив, ушел в Поляну...

Все это наводило на странные мысли. Вечером и ночью я не раз выходил из палатки, прислушивался — не навесвят ли нас неожиданные гости, пожелаю свести счеты с обнаружившимися их людьми. Но, видимо, как раз то, что мы никуда не ушли, и развеяло их подозрения. А наутро наш табор снялся и пошел не по направлению к Красной Поляне, а вверх по недавно показанной нам тропе на Кутехеку. Это вполне доказывало миролюбивость наших намерений.

О ЛУЧШЕМ ИЗ ОЗЕР

*Красой ни с одним из озер не равно
В неведомый мир голубое окно.*

Тропа от мыска вдоль Синеозерной речки. По-прежнему пасет здесь своих коз пастушонок с буркой. Вероятно, это аванпост юхских жителей. Держим путь не к низшей седловине гребня, а правее — на привольные пригребневые холмы, занятые лугами и порослями рододендронов. Именно сюда, ближе к вершине Кутехеку, устремляется большинство троп. Для идущих по ним напрямиком на Аватхару Синеокое озеро останется далеко влево.

Гребень поднимается к вершине полого, низкие бугры чередуются с мягко вогнутыми седловинами. Вдоль каждой выемки белеет козырек из недотаявшего снега. Выходим на четвертую по счету седловинку со снежным козырьком (если первой считать наинизшую) и видим, что отсюда в разъявшуюся под нами долину Аватхары идет вполне сносный спуск. Как она близка и доступна! Конечно, именно здесь, а не через болота Ахукдарского перевала нужно ходить с Кардывача на Аватхару.

Впрочем... Я не рассказал еще об одной своей находке, сделанной в этом районе годом раньше — об Ацетукских озерах. А ведь они тоже претендовали на замену ахукдарского варианта пути к Аватхаре.

Ацетука — пирамидальная скалистая вершина на юго-восточной оконечности Аибга-Агепстинского хребта. Какие-то части ее видны с Рицы, но я не понимал, какие.

Внушительный по высоте пик (около 2600 метров) очень проигрывал при взгляде со стороны Мзымты рядом со своей соседкой — громадой Агепсты, превышающей три километра. С Ацетуки берет начало Азмыч, левый исток Мзымты. На одной из болотистых полей его долины сочтется «нарзан», который еще в 1897 году изучал Залесский и назвал Ацетукским источником.

У самой вершины Ацетуки было показано и, конечно, дразнило меня еще одно озеро, поменьше Кардывача, с несколько комичным на русский слух названием — Мзи. Из этого озера вытекала речка Мзимна. В сущности, это был правый исток Аватхары, направленный как раз навстречу главному ее истоку.

«Мзи», «Мзимна»... И в этих именах слышится переключка с Мзымтой, с древними медозюями и мизимианами...

Легко было решить, что к озеру Мзи должен существовать выход со стороны Азмыча. Намеки на такую возможность я считал и из статей Морозовой и Рейнгарда. Кстати, по этим статьям получалось, что на Ацетукке встречаются еще и другие, не нанесенные на карту озера.

Ацетуку я посетил, уже став студентом-географом, но еще в туристском порядке, в 1936 году. Помню, как порастил нас своими совсем гладкими плитами скальный амфитеатр верховьев Азмыча. Над одной из балконных ниш издымались особенно отвесные коричневые скалы, ровные, как стоямя поставленные стены. Ко дну цирка из большого снежника ниспадал водопад. А дно это удивительно глубоко западало за бровку порога нижних водопадов — они выливались из потайного цирка. Подножия отвесов явно уходили куда-то ниже уровня краев чаши.

Я уже знал из геоморфологии о существовании озер в цирках. Именно здесь я впервые почувствовал, что могу «предсказать» озеро... Ведь и тут сам воздух, напоенный покоем и словно освещенный снизу таинственным сиянием, говорил: в чаше прячется чудо.

Совсем рядом гребень, разделяющий бассейны Мзымты и Бзыби. Сразу за седловинкой на этом гребне (за ней потом укоренится имя Ацетукский перевал) лежит зовущее нас озеро Мзи. ...Но что нам озеро, значащееся на картах, когда прямо перед нами в истоках Азмыча таится нечто ускользнувшее от глаз топографов, совсем неведомое, особенное.

Каскады из загадочного цирка спускаются к озеровидным лужицам. Именно отсюда поднимается левее тропа к перевалу. Возле лужиц коши. Пастухи на наш вопрос, где здесь озеро, машут руками, кто куда:

— Там. И там. И там тоже. Много озер.

По их словам получается, что чуть ли не в каждом истоке Азмыча спрятано по озеру. Вот так карта с единственным на Ацетукке озером Мзи! Взбираемся на перевал. С седловины никакого озера не видно, поэтому легче поддаться соблазну и уклониться от перевальной тропы вправо по криволесью, через днища мелких смежных цирков, лавируя между гладкими бараньими лбами. Сейчас перейдем еще одно лбище... Обойдем кусты...

И вот награда за догадку, за предчувствие: с одной из перемычек между цирками видно непостижимой голубизны озеро. Мы застыли у молочно-голубых вод, словно загипнотизированные.

Как могло оставаться в неизвестности это сокровище, эта чаша матовых вод, матовых при всей их дивной прозрачности?

У художников синие и зеленые тона именуются холодными и противопоставляются красным, оранжевым, как теплым. Но ацетукская синева была такой мягкой, насыщенной, бархатной, что ее хотелось назвать теплой, забывая про ледяной холод этой воды. Да разве это вода? Это неведомый напиток, лазурное вино. Такая влага могла бы оказаться целебной, чудотворной... Берега опускались к его глади крутыми, почти отвесными лбами. Древнеледниковый цирк, в котором таился водоем, был особенно глубоко врезан, словно проник в сокровенные недра горы. Задний фас цирка вставал отвесно-ступенчатыми склонами. Лиловато-коричневые пласты слагали склоны Ацетуки внушительными крутонаклонными плитами, косыми гладкими зеркалами по несколько сот метров каждое. Неправдоподобная декорация!

Это было год назад. Я еще не мог предполагать тогда, что это озеро окажется первым в целой веренице счастливых находок. Были сделаны лишь немед-

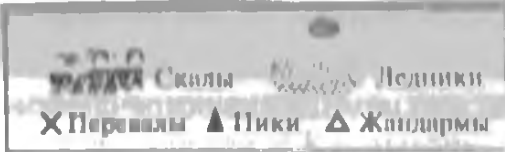

Схема Кардывачского и Ацетукского горных узлов

ленные «организационные выводы» — внесены уточнения в кроки маршрута Кардывач — Рица, и несколько групп туристов в то же лето получили рекомендации идти с Кардывача на Аватхару дальним вариантом — через Ацетукские озера.

Тогда же мы посетили и Мзи, оно было очень мило, по-своему живописно, окружено скалами и осыпями, но все это было настолько более невзрачно по сравнению с озером в истоке Азмыча!

От первых посетителей Ацетуки вскоре пришли восторженные отзывы, и с этого же года к озеру устремился целый поток благодарных туристов...

И вот теперь, уходя с Кардывача вместе с Наташей и Володей, мог ли я не завести их к озерам Ацетуки? Нам, только что «развязавшим» Кардывачский узел, конечно, хотелось также справиться и с Ацетукским. Правда, Ацетука лежала уже вне заповедника. Но ведь часть ее цирков питала своими снежниками истоки исследуемой нами Мзымты. Следовательно, знакомство с ними, хотя бы и с выходом за пределы заповедника, было не только нашим правом, но и обязанностью.

Для чего же мы поднялись от Кардывача на Кутехеку?

Нам пришла в голову мысль: разведать новый путь от Кардывача к Ацетуке, не низом, через болотистые поляны Азмыча, а поверху, по гребню Ахукдарской перемычки... В годы своей туристской работы я вряд ли додумался бы до такого варианта. А сейчас геоморфология помогала и выбору нового туристского маршрута.

В чем тут был секрет? Чтобы оценить новизну и прелесть этого варианта, надо представить себе, какова она внешне, Ахукдарская перемычка, и где она находится. Взгляд на карту поможет это сделать.

Перед нами могучий вал вершин Главного хребта. Вытянут он в общем с северо-запада к юго-востоку. В районе Кардывачского узла пики особенно сложно нагромождены и скучены — видимо, тут район наиболее резкого и недавнего «торошения» недр.

От Главного хребта отходят отроги. Если представлять себе эту схему примитивно, по-школьному, можно подумать, что поперечные отроги так и тянутся вплоть до берега Черного моря. Но в действительности они гораздо короче и кончаются тут же, у долины Мзымты, на всем ее течении выше Красной Поляны. А рядом, за долиной протягивается совсем не поперечный, а, напротив, продольный передовой хребет, строго параллельный Главному. Хребет этот — Ацетука — Агепста — Аибга.

Долина Мзымты легла здесь между Главным и Передовым хребтами Кавказа огромным продольным желобом. Если смотреть с Ахукдарского перевала, желоб виден на десятки километров. Лишь ниже Сланцевого рудника Мзымта покидает этот дол, сворачивает левее и у Красной Поляны, в порогах у Греческого мостика, прорезает ущельем зону Передового хребта (потому там и возникло ущелье с порогами).

Но взгляд вдоль желоба позволяет понять, что с уходом Мзымты из продольной долины в поперечную дол не кончается. Текущая навстречу Мзымте старая наша знакомая речка Ачипсе врезала низовья своей долины в сущности в тот же желоб, которым отделяла массивы Главного хребта — Чугуш и Ассару — от передового массива Ачишхо (кстати, значит, и Ачишхо — это кусок Передового хребта, отрезанный Мзымтой от Аибги).

А если проследить этот желоб вверх по Мзымте и далее на юго-восток?

Уже при взгляде с Кутехеку нам видно, что на юго-восточном продолжении того же самого желоба расположена широкая, тоже продольная долина Аватхары. А от Кардывачского узла к Ацетуке поперек желоба протянулся недоразрушенный хребтик, его еще не размыли ручьи, стремящиеся к Мзымте и Аватхаре. Возможно, этот Ахукдарский хребтик уцелел и потому, что вместе с резким поднятием Кардывачского узла именно здесь сильнее приподнято было и дно желоба. Гребень у хребтика размытый, склоны некрутые: как и все днище продольного Мзымтинско-Аватхарского желоба, перемычка сложена легко разрушающимися сланцами (а над Кардывачом высятся стойкие граниты, и на Ацетукке с Агепстой — не менее прочные породы, обязанные своим образованием допотопно древним вулканам: туфогенные песчаники, порфириты).

Это-то все и надо было знать, чтобы оценить возможность перехода с Кардывача к Ацетукке по гребню Ахукдарской перемычки. Кстати, по во-

лоризделам как раз таких умеренно пысоких хребтов обычно проходят достаточно торные тропы.

Путь по перемычке, словно по поперечному мосту через исполинский продольный желоб! Надо ли говорить, какие панорамы, какие дали он обещает открыть по обе стороны?

Выйдя на гребень Кутехеку, сворачиваем по нему направо. На водоразделе действительно нашлась тропа, обходящая небольшие повышения гребня косогорами. Не везде она сохранна, местами через осыпавшиеся карнизы трудно проводить лошадь.

Через час торжествуем: мы пересекаем скучную перевальную ахукдарскую тропу поперек, ибо идем вдоль по гребню. Насколько же ярче, красочнее, интересней этот верхний путь на Аватхару, чем стандартный ахукдарский! Там шесть километров обратного хода по Мзымте. Там болота Карантинной поляны и более чем скромная награда — лишь одна кругозорная точка: самый перевал. Стоило ли подниматься, чтобы сразу спускаться?

А путь через Кутехеку! Ни болот, ни обратного хода по пройденной тропе. Путь по гребню с далекими видами и к Аватхаре и к Мзымте. Особенно эффектна отсюда Агепста с ее большим, словно пухлым ледником. Ахукдарский хребтик — как и Четвертый Аишха — чудесный бельэтаж для желающих любоваться Агепстой.

К Аватхаре с перевала не спускаемся. Обходим горизонтальными косогорными тропами еще одно повышение гребня — светло-зеленый округлый холм Ахук-Дара, похожий на каравай, и легко выходим к Ацетукскому перевалу.

АЦЕТУКСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

*В глазницах чаш утаены,
Глядят глазки голубизны.*

Не скрою, я не без тревоги подводил спутников к Ацетукскому озеру.

Мы только что видели ледяную синеву Верхнего Кардывача, открытую и ясную лазурь Юхских озер, резкую синь Синеокого, купоросную синьку Цахвоа, бирюзу Удивленного, зеленоватые очи Утаенных и Северных озер Цындышхи. Не померкнет ли по сравнению с этими сокровищами мое Ацетукское, моя первая любовь?

Выходим к озеру — и все сомнения исчезают. Властная, покоряющая голубизна молочно-матовых вод сияет по-прежнему и заставляет забыть о всех соперниках.

Да, каждое озеро знает свою синеву, имеет свои неповторимые оттенки. Но сколько я их ни сопоставлял, и теперь, и потом, когда повидал еще десятки высокогорных озер, — это, под Ацетукой, гордо удерживало первенство.

При первом приходе сюда казалось счастьем пробыть на его берегу полчаса. С чем же сравнить возможность встать лагерем, поселиться у этих вод, наблюдать их во все часы суток.

Наша крылатая палатка с белым мотыльком-пологом уже отражается в озере, приобретая в водном зеркале оттенок нежной голубизны.

Изучив статьи Евгении Морозовой и Рейнгарда, я знал, что озеро в истоках Азмыча не было нашим открытием: оба исследователя видели его и в

1911-1913 годах. Но и Рейнгард писал о двух озерах в верховьях Азмыча, в падь. был еще Альбов, ходивший к Ацетуке со стороны Тихой речки, — он писал даже о пяти озерах. Это перекликалось и со словами пастухов. Надо будет обшарить и смежные цирки.

Для съемки кругобочной чаши с озером остается Володя, а мы с Наташей отправляемся в соседние цирки, сначала через Ацетукский перевал к уже знакомому мне озеру Мзи.

Теперь, картируя весь цирк, мы изучаем его подробно.

Луговые и каменистые скаты цирка здесь спокойнее и положе — почти нет отвесных обрывов, окунутых в воду. Только верхние стены Ацетуки окружают цирк величественной короной зубцов. Не водопадом со скалистого уступа, как Азмыч, а скромным пологим ручейком вытекает из озера тихая Мзимна, так что в его воды без труда проникает форель. Озерную гладь то и дело тревожат всплески играющих рыбок.

Попади мы в мир цирка, занятого Мзи, после долгого пути по лесистым хребтам и долинам, не побывай мы до этого на обоих Кардывачах и на соседнем сказочном озере — как бы мы были счастливы увидеть милое зеленое Мзи на фоне суровых утесов Ацетуки! Но куда уйдешь от убийственной силы сравнений, от ощущения скудости, ограниченности, которое оставляет Мзи при невольном воспоминании о его дивном соседе?

Да, здесь природа была посредственным художником, там — талантом, если не гением. Да и что таить? Мзи уже было показано на картах, его видели, измеряли... А сколько заманчивого в ненанесенной на карту красе Ацетукского озера!

Вернувшись в бассейн Азмыча, предпринимаем от своего лагеря маршрут в противоположном направлении — в цирк его левого истока, по следам убежавших от нас серн. С перевальчика через первый же отрог видим еще один лазурный водоем со странным хоботообразным заливом, а по берегу его ходят серны. Еще одно озеро, которого нет на карте. Значит, о нем и писал Рейнгард! Озеро чудесного небесного цвета. Но что теперь может пленить нас больше, чем то, Ацетукское?

Ацетукское... А правильно ли его так называть? Ведь Мзи — это тоже Ацетукское озеро — его цирк врезан в стены той же Ацетуки. Вернее поэтому говорить об Ацетукских озерах. В районе Теберды есть популярные у туристов Бадукские озера. А у нас будут Ацетукские, и мы сумеем сделать их такими же популярными!

А как различать их по названиям? Прямо хоть номеруй. Нет, это слишком по-канцелярски, к тому же есть уже Мзи — имя собственное. А что, если назвать соседние озера именами первоисследователей? Рейнгард видел оба ненанесенных на карту озера. Вот второе и назовем озером Рейнгарда. Это крупный кавказовед...

А потом здесь побывала Евгения Морозова, первоисследователь Кардывача и обеих Риц. Она ли не достойна быть увековеченной в названии лучшего горного озера? Именно это, красивейшее из Ацетукских, будет называться озером Евгении Морозовой!

Обходим цирк Рейнгарда, провожая снова убегающий от нас табунок серн, и переваливаем вслед за ним в следующий цирк. Мы уже не удивляемся и как должное принимаем, что и в нем сияет голубое око. Все ясно, это одно из

озер, упомянутых ботаником Альбовым. В его память теперь будет звучать название: озеро Альбова.

ПОБЕДА И ПОРАЖЕНИЕ

Еще один цирк выправлен на карте. Влево идет занятый снежником кулуар, по которому, как кажется, можно взойти на вершину Ацетуки. Это было бы важно, чтобы распутать загадку Рицы, все еще так смещенной на картах. Значит — наверх!

У скал Ацетуки свой облик. Это плиты туфогенных песчаников по несколько метров мощностью. Круто поставленные, они образуют на склонах обнаженные плоскости, гигантские цельнокаменные чешуи, ровно наклоненные на протяжении многих сотен метров. К вершине выходят обрезы этих пластов — было даже странно при выходе на гребень свободно зашагать по таким пологим торцам, словно по асфальтовому тротуару.

Что нам откроется с края гребневой площадки? Мы не раз уже наслаждались панорамами Абхазии — они раскрывались нам и с Аибги, и с Ахукдарской перемычки, и с пика Кардывач. Но с Ацетуки открылось такое, что заставило вздрогнуть от недоумения!

Здесь было не только то, что ожидалось, — и горно-лесные глубины и многопланность дали с несколькими барьерами чеканно ясных альпийских хребтов — не только все это, давно знакомое и в новых сочетаниях по-новому радующее. Нет, в ближайшей долине виднелось что-то несуразное, инородное. В ней лежал, словно положенный сверху и застрявший в склонах, синевато-зеленый поднос, края которого были вырезаны в строгом соответствии с рельефом: выступы в долинках, выемки против хребтиков. Поднос из матового малахита, невероятно выделяющийся в ландшафте, чуждый всему окружающему.

— Так это же Рица!

Да, это была Рица. Рица, впервые видимая мною сверху, а Наташей — вообще впервые.

Всюду в окружающей природе было какое-то равновесие. Тысячевековые процессы на все наложили свой отпечаток и создали: под скалой — осыпь, в устье реки — конус выноса, у конца ледника — морену. И только Рица во всей необъятной панораме, развернувшейся с Ацетуки, выделялась своей полной «неприспособленностью» к ландшафту. Так выглядят только что созданные водохранилища на горных реках — нет ни пляжей, ни устьевых дельт, в воде оказались какие попало участки склонов.

В бинокль на малахитовом стекле просматривалась черная точка и от нее треугольный след, на котором чуть менялась матовость глади. Черточка перемещалась — это была лодка. Живо представил себе Николая Васильевича на веслах...

Но что это за полоса, рыжеватая-серая черта над берегом близ истока Юпшары? По ней быстро движется темная черточка... Мы уже слышали, что вчерне готовое шоссе выведено к самой Рице. Неужели это автомобиль? Автомобиль на Рице!

Противоречивое чувство. С одной стороны, радость. Ведь об этом мечтал, планируя оборудование рицынского маршрута для Гипрокура. Десятки, сотни тысяч людей увидят теперь красоту Рицы, разделят с нами, одиночками,

то счастье. А с другой стороны, и тревоги: сумеют ли люди бережно обойтись с этим сокровищем? Побоятся ли хозяева Рицы о том, чтобы удобства, созданные для посетителей, не испортили девственного облика этой горно-лесной чаши? Кто сейчас хозяин, кто режиссер предстоящего освоения Рицы?

Теперь оглянемся назад. Мы поднялись от озера Альбова — значит, чуть дальше с гребня должен открыться соседний цирк Рейнгарда. Проходим несколько десятков метров, словно по асфальту, по идеально ровным площадкам гребня Ацетуки, выходим над ее страшными гладкими северными отвесами и останавливаемся в еще большем недоумении. Вместо озера Рейнгарда с залином-хоботком мы видим на дне цирка не сразу узнаваемый молочно-бирюзовый овальный водоем и на берегу крохотную палатку с белым крылатым парусом.

— Что это? Наша палатка? Значит, это озеро Евгении Морозовой? А куда же пропал «Рейнгард»?

Не сразу понимаем, в чем дело. Оказывается, кулуар из цирка Альбова так глубоко врезался в самый гребень Ацетуки, что прорезал в нем борозду «по-за цирком» Рейнгарда. И получилось, что мы вышли над своим лагерем, миновав промежуточный цирк.

Успех превосходил ожидания. Оказаться на гребешке, откуда видны два озера сразу — Рица и Евгении Морозовой! Какой неприступной цитаделью казалась нам отвесная стена Ацетуки снизу, от палатки. И мы сумели ее победить, мы видим свое озеро с вершины!

Я прежде так плохо представлял себе, что за хребтина высится над Рицей с севера и северо-востока. А теперь, глядя с Рицы, мы будем знать, что под вершиной именно этого хребта, по ту его сторону, красуется целое ожерелье Ацетукских озер! Хребет с озерными балконами...

Рица будет курортом, центром туризма. И одним из лучших маршрутов из будущей рицынской турбазы будет поход к Ацетукским озерам!..

Зарисовки и записи сделаны, геологические образцы с гребня взяты. Взволнованные, утоленные, начинаем спуск. Мы настолько окрылены своей удачей, что забываем об элементарных предосторожностях на спуске — не рубим ступенек в плотном фирне, не боимся друг друга.

Наташа поскользывается, начинает съезжать по снежнику, кричу ей: «Врубайся молотком!» Она едет сидя, сначала пытается долбить кирочной частью молотка снег, потом падение убыстряется, молоток процарапывает, испахивает в снегу целую борозду, разбрызгивая комья, и вовсе вырывается из рук. Наташа летит вниз, уже распластавшись, молоток кувырдается рядом...

У меня захватывает дыхание — ведь сейчас все будет кончено... Маленькая фигурка — она уже на семьдесят метров ниже меня — со всего разгона вылетает на крупнокаменную осыпь из остроугольных обломков. Кажется, камень расколосся бы от удара о такую баррикаду — я слышу только громкий и краткий крик и вижу, как Наташа дважды перевертывается между камнями. Замерла. Недвижима.

Я тоже на волоске. Одно неосторожное движение, и я повторю Наташино падение.

Заставляю себя метрах на двадцати рубить ступеньки в фирне и, лишь когда он становится чуть положе, крупными скачками мчусь к потерпевшей.

Пошевелилась. Жива. Даже пытается встать. Ушиблена — все болит. Грудь и спина в рваных ранах, руки окровавлены, голова в синяках...

Перевязываем чем можем. Говорит, что сможет до палатки сама — никого звать не нужно.

Да, не только в одиночку, но и вдвоем в горы ходить нельзя. С одним несчи- стье — значит, второй, уходя за помощью, должен бросить больного одного?

С трудом привожу пострадавшую к палатке.

Сурово отплатила Ацетука за удачи этого дня. Еще подумаешь, рекомендо- вать ли туристам маршрут на такую вершину. Как ни сказочен с нее кругозор, как ни удивительна рассматриваемая сверху Рица, а опасность велика.

*

Раны у Наташи быстро зажили, и уже вскоре мы могли продолжать марш- рут. По округлому гребню, ограничивающему долину Азмыча слева, перева- лили к Тихой речке, познакомились с летним филиалом эстонской молочной фермы, совсем в упор любовались торцами ледников Агепсты. По Тихой спу- стились к Мзымте.

*Так и слышится сердцу, как толща
земная упруга,*

Как шенелитовые шны, не хотят

сжечься и рухнуть, а только рубцеваться разломы.

*Это в недрах смещаются мнущие с
хрустом друг друга*

*Цельнокаменных масс недоступные
взгляду объемы.*

ЗАПОВЕДНЫЕ ВЫСОКОГОРЬЯ

ЗАДАНИЯ САМИМ СЕБЕ

В Поляне застреваем из-за нескольких дней ненастья, но нет худа без добра. Пытаемся вчерне обобщать результаты своих наблюдений и... становимся в тупик. Казалось, мы столько видели, подметили, записали, закартировали... Но изложить все это связно не можем: в наших наблюдениях немало зияющих пробелов. Вот целый участок долины Мзымты с непромеренными высотами речных террас. Вот долина с моренным валом. Сюда когда-то доползал язык ледника, и здесь из него вытаивали исцарапанные штриховкой валуны. Но, значит, именно от этого места текли тогда и талые воды, отсюда начиналось речное русло со своей поймой. Десятки тысяч лет миновали с тех пор, река, отзываясь на климатические перемены и на поднятия гор, успела врезаться намного глубже уровня древней поймы. Но участки этой поймы, превращенные в речные террасы, могли сохраниться.

У форм рельефа тоже есть возраст: одни возникли недавно, другие давно. Геоморфологи умеют различать юные, зрелые, дряхлые формы, но и этого им мало: ученые стремятся измерить, там, где это возможно, возраст рельефа в цифрах — например, в тысячах, десятках тысяч, сотнях тысяч лет. А если нет таких данных, то важно устанавливать хотя бы одновременность некоторых бывших явлений, например, совпадение древнего оледенения с изменением уровня моря...

Нас интересуют любые речные террасы — следы древних уровней, на которых когда-то рылась река. Но если разыскать такие террасы, которые «при-слоняются» к древним ледниковым моренам, возраст речной долины будет увязан со сроками древнего оледенения!

Ловим себя на том, что у нас осталась непромеренной высота Мзымтинской террасы, которая «привязана» к морене, подпрудившей когда-то озеро Кардывач. Этот пробел вынудит нас еще раз идти к озеру... Но разве простительно повторять по несколько раз уже пройденные маршруты?

Мало ли мест, в которые попадаешь вообще раз в жизни? Да и грех тратить силы, время и средства на повторные посещения из-за своего неумения. На маршруте нужно работать с максимальной концентрацией внимания.

Но как заставить себя при единственном посещении записывать все, что потребуется для последующих выводов? Как застраховаться от пропусков? Ведь пока видишь рельеф в натуре, все кажется понятным, многое и не просится «на карандаш», а потом выясняется, сколько нужных сведений просочилось сквозь пальцы, сколько осталось несформулированного, незарегистрированного...

Понимаем, что нам не хватает опыта.

Заглядываем во взятый с собою том «Полевой геологии» академика Обручева и вдруг постигаем секрет. При полевых наблюдениях нужно как бы заполнять анкету, напоминающую, что следует записать о любом наблюдаемом явлении. У Обручева мы нашли немало таких вопросников для наблюдения чисто геологических процессов. А нам нужны были геоморфологические анкеты, раскрывающие историю рельефа. Что ж, составим себе такие вопросники — ничего, что они будут самодельные; зато в них будут учтены реальные особенности рельефа заповедных высокогорий, в общих чертах нам уже известного.

Например, террасы. Высота бровки над урезом воды. Высота коренного цоколя и его сложение. Мощность и характер речных наносов. Ширина террасной площадки, ее микрорельеф. Состав горных пород в гальках (чтобы судить, из каких мест они принесены рекою). И множество других подобных вопросов по каждому поперечнику речной долины, подлежащему изучению...

Морена. Ее высота, связь с террасами, состав валунов. И все в таком роде. Задания самим себе! Вопросник, напоминающий в поле о цифрах — длинах, ширинах, глубинах, высотах, которые надо промерить и записать, он нам поможет, и мы не пропустим ничего важного, все учтем, все зафиксируем.

БЕЗ ТРОП ПО РЕКЕ

Как просто все в методике. И как сложно в первом же маршруте, который мы предприняли вверх по долине реки Ачипсе, держа такие вопросники в руках.

Мы уже из учебников знали, что террасы могут идти вдоль русла не только параллельно одна другой. Они подчас расходятся, сближаются, то вовсе прерываются, то выклиниваются, по-разному повышаются и понижаются над руслом. Для того чтобы улавливать все эти изменения, необходимо систематически регистрировать характер поперечного сечения речной долины — брать поперечники.

Появилась ли в долине новая терраса, или изменила высоту старая, мы промеряем поперечник и получаем достоверную, документированную картину: не будет пропущен ни один штрих, важный для толкования истории долины. А наберется серия поперечников с промерами, с описанием обнажений — можно будет проследить, как ведет себя вдоль реки та или иная терраса, на какой высоте подводит к древнеледниковой морене. Если терраса будет подниматься над руслом вверх по реке, это расскажет о недавнем сводовом поднятии ее верховьев — местность кренилась: горы в истоке реки подымались в ходе ее новейшего врезания сильнее, чем в устье. Если террасы разошлись между собою по высоте в среднем течении, а к верховьям опять сблизились — значит, выдвигалась какая-то глыба в среднем течении реки. Логично? Очень. Теперь по такой шпаргалке, кажется, только и совершать открытия.

«Взять поперечник» — звучало просто и убедительно. По какому-то неведанному пути, почти всегда без троп, невзирая на дебри: лианная ли мешанина из ежевики и повоя, напоминающая многослойную сеть колючей проволоки; заросли ли «рододы» — так презрительно именуют наблюдатели заповедника любые чащи вечнозеленых кустарников — будь то рододендрон или лавро-вишня. Преодолеваешь и непролазный молодняк и древолом из рухнувших трехобхватных стволов. Сквозь все это ломишься с анероидом в руках, чтобы взять отметку соответствующего уступа.

Каждый поперечник стоил часа-двух утомительной работы. Иной раз за рабочий день удавалось «взять» всего два-три поперечника, даже в нижней части Ачипсе, где вдоль русла была дорога, а через реку мосты. Выше кордонов заповедника дорога исчезла, мостов и кладок не было, начались несчетные переправы вброд, прыганье по скользким камням, продиранье через ежевичники... Только теперь я оценил в полной мере, каково было заблудившимся когда-то туристам, считавшим, что всякая речка выведет к Мзымте, и решившим пробраться руслом Ачипсе по всей его длине.

Сложности нас ожидали не только физического порядка. Получаемые отметки террас далеко не создавали сколько-нибудь стройной системы. Цифры сильно «плясали». Местами уступов оказывалось много, размещены они были беспорядочно, и трудно становилось решить, не оползневые ли это ступени. В условиях дикой лесистости, при сплошном плаще почв было трудно отыскивать древние, когда-то нанесенные рекой галечники. Радовала находка каждой некогда окатанной гальки.

Чем выше, тем грознее становилась долина. Особенно удивлял левый берег — подножия Чугуша и Ассары. На нем почти не сохранились террасы, а большая часть подножий была обрезана крутыми осыпными обрывами. Сначала мы не обратили на это внимания, но потом задумались и сделали важный вывод. Такое обилие круч именно в подножии левого берега означало, что левый склон долины по отношению к правому продолжает несимметрично подниматься.

Вспоминаем геологическую карту. Ведь именно вдоль этих подножий проходит Главный Кавказский надвиг, разлом, по которому древние граниты ядра горной страны вздыблены и надвинуты на значительно более молодые толщи недр южного склона Кавказа. Подвижки земной коры по этому разлому совершались в незапамятной древности. Но крутые, вечно подновляемые осыпи левого склона долины говорили и другое: видимо, и новейшие напряжения, возникающие тут в недрах, особенно легко «разрешаются» в той же древней зоне дробления, омолаживая былой надвиг, наследуя его...

Какое новое ощущение природоведческой зоркости! Мы застаем горы в какие-то ничтожные мгновения их миллионлетней истории, они кажутся нам недвижимыми. Но теперь мы воочию видим бесспорные свидетельства продолжающихся движений — кренов... Горы начинают словно шевелиться на наших глазах!

Вдоль ряда лощин к Ачипсе спускались крутейшие желоба лавинных прорывов — тут в русле царствовал несусветный кавардак из огромных камней и исковерканных стволов, сметенных когда-то лавинами. Одна из лощин так и называлась Выломанной балкой. Между двумя отвершками речки Рудовой виден был огромный обрыв, с которого ежеминутно срывались приходящие

и движение камней. Живые, беспокойные недри составляли некую природу жить напряженной, неуравновешенной жизнью.

С крутых обрывов в русло рушились и более близкие обвалы, река яростно набрасывалась на запруды и прогрызала препятствия. Перед одним из древесных завалов мы нашли следы удивительно высокого стояния воды. Мелкая галька и гравий образовали свежую, видимо, только в этом году намытую террасу высотой до семи метров над руслом. На семь метров поднималась вода перед древолломной плотиной! Здесь на короткий срок возникало озеро, но и в течение считанных дней его существования вода успела намыть эту террасу. Крупные камни в успокоенную воду озера уже не попадали, и в нем отлагалась мелочь — галька и гравий. А ниже временной плотины были следы ее прорыва: озеро, переполнившись, нашупало брешь и ринуло сквозь нее массу воды под семиметровым напором. Как легко такой паводковый вал от прорыва плотины мог оказаться катастрофическим для обоих кордонов, выстроенных в низовьях Ачипсе на самой пойме!

Чем выше по долине, тем меньше становилось обрывков террас. Никакого моренного вала, за которым вверх по течению простирался бы древнеледниковый трог, мы не обнаружили. Могло ли быть, что тут и не существовало ни ледника, ни трога? Вряд ли. Морена была, видимо, размыта, а трог в мягких глинистых сланцах мало отличался от обычного профиля речной долины, какие вырабатываются в этих податливых породах.

А наверное, нередко так разочаровывает природа: исследователь готов встретить все, как в учебных схемах, — террасы, морену, трог, — а природа оказывается сложнее и являет взгляду комбинации, вовсе не предусмотренные учебником. Что ж, изучим ее такую, как она есть, — не подтасовывать же факты под концепцию! А может, новые факты помогут улучшить и самую теорию?

Шесть дней трудного пути. Ночлеги под палаточным пологом, где бы нас ни застала очередная ночь... Кончились взятые с собою продукты, и мы кормимся прошлогодними чинариками — буковыми орешками, еще не успевшими сгнить.

Отметка по высотомеру показывала, что уже близко водопады верховьев Ачипсе. Наш взгляд уловил на стволе бука на левом берегу реки большую зарубку. Прохожу вправо — заросшая, но не вызывающая сомнений тропа, методично меченная зарубками. Она ведет косогором правее на подъем к перемычке, соединяющей Ачишхо с Чугушом.

Переходим Ачипсе вброд на правый берег. Здесь тоже зарубка и явный след тропы, поднимающейся на Ачишхо. Используем неожиданную возможность и выбираемся к метеостанции по вновь найденной дороге. Она выныривает из маскирующего ее высокотравья на первую из известных мне тропок Ачишхо перед Острым перевалом. Не чудо ли, что еще даже на этом, столько раз посещенном хребте мне суждено делать подобные находки?

Вернувшись в Поляну, спрашиваю у греков, что же это за тропа.

— Старая на Чугуш тропа. Осман строил. По хребту на Османову поляну ведет.

В ДЕРЖАВЕ ТУРОВ

Чугуш высился на границе района, порученного нам для исследований. Его нужно было посетить, и естественно, что мы воспользовались вновь найденной тропой. Перейдя Ачипсе, она действительно вывела на водораздель-

ную перемычку, ту самую, по которой между Ачишхо и Чугушом бежал поперек продольного желоба главный водораздел Большого Кавказа. Справа покатилась знакомая теперь до мелочей лесистая долина Ачипсе, а слева такая же густолесистая, поросшая пихтами, долина реки Березовой¹, впадавшей в Белую.

Тропа не один километр вела нас по самому водоразделу Большого Кавказа, по коньку между покатолями Кубани и Черноморья. Такой важный, общекавказского значения водораздел — и никакого величия. Ноги давно уже ощутили, что на гребневой тропе то и дело попадают щебнистые высыпки черных глинистых сланцев. Это подтверждало, что хребет, словно дамба, пересекает здесь поперек тот же огромный сланцевый желоб, по которому текут и нижняя Ачипсе, и Мзымта выше Красной Поляны, и Аватхара, а северо-западное продолжение того же дола дренируется рекой Березовой. Получалось, что продольный передовой желоб переходил здесь с южной покатоли Кавказа на северную, а главный водораздел соскальзывал с вершин Главного хребта и пересекал дол так же поперек, как и Ахукдарская перемычка от Кардывача к Ацетукке. Там по поперечному «мосту» проходил водораздел Мзымты и Бзыби, а здесь на перемычку угодила даже главный раздел вод Кавказа! А ведь она куда ниже Ахукдарской. Та — луговая, кругозорная, гордая. А эта, ачишхо-чугушская связка, и совсем не поднимается выше границы леса. Сланцы тут были так податливы, а новейшие поднятия так слабы, что пологий гребень имеет высоту всего 1600-1700 метров. Тропа идет в густом пихтарнике, и дали-глуби долин Ачипсе и Березовой лишь угадываются за чащами стволов.

В низшей точке пихтового гребня обнаружили развалины старого Чугушского лагеря — он стоял на перевальном перегибе тропы из долины Ачипсе в Березовую. Двое суток просидели в этом лагере, пережидая проливной, казалось, нескончаемый дождь (выручил палаточный тент, образовавший в сочетании с развалинами подобие шатра).

Благодарные ненастью за особенно острую чистоту и ясность следующего дня, круто поднялись лесом и криволесьем на водораздельный отрог Чугуша. Подъем вынес нас на привольное и пологое луговое плечо, выдвинутое в долину мысом. Десятки раз с тихой завистью смотрел я на него с Ачишхо. Море цветов окружало груды камней — развалины старых Османовых балаганов. Неплохой вкус был у вездесущего Османа!

Краснополянские старики немало рассказывали мне об этом предприимчивом человеке. Именно Осман построил первую колесную дорогу мимо Эстонки к устью Ачипсе. По ней возили тес и бревна для строительства Охотничьего дворца.

— Где же он теперь, этот Осман?

— О, это человек был злой и храбрый. Тропы хорошо строил, лес хорошо рубил, хорошо продавал, хорошо наживался. Никто его не любил, но все уважали.

— За что же уважали?

— Богатый был, хороший охотник был, на все горы ходил, на всех вершинах был, даже на Агепсте был. (Осман, никакой не альпинист, покорил

¹ В названии этой реки слышалось «Бирюзовая», в действительности же это было местным произношением слова «Берёзовая», звучавшего как «Березовая». Причиной столь странного ударения была, как нам объяснили в заповеднике, фамилия заблудившегося на этой реке инженера Березовского. Так или иначе, а на картах пишут просто Березовая.

33. Лагерь на склоне Чугуша

Агелсту? А мы-то рекламировали ее как неприступную, никем до сочинского альпиниста Пьянкова не побежденную!)

— На всех вершинах был Осман, не разбился. А залез на дерево стряхивать черешню, упал и разбился. Такая судьба потому, что он злой был, хотя и храбрый...

Уже на подъеме к Османовой поляне нам стало попадаться множество турьих следов: россыпи «козьих орешков» — турьего помета. А вот и сами туры. По верховьям речки Туровой раздался дробный стук камнепада — это скакал спугнутый нами табун. Как приятно было насчитать в нем сразу сорок голов! Вскоре заговорили камни и слева от гребня. Ого, да здесь население еще гуще! Двадцать, пятьдесят, сто, сто пятьдесят шесть голов туров пришло в движение при нашем появлении в правом истоке Березовой! Никогда еще вокруг нас не дышал такой девственностью, таким обилием зверя заповедник. Узел. Здесь перемычка, пришедшая с Ачишхо, впритык причленяется к Чугуш-Ассарскому хребту. Вершина Чугуша высится не на главном водоразделе Кавказа, а на его северо-западном отроге, хотя и более высоком, чем самый водораздел.

Как, оказывается, условны наши представления о «главном хребте». Мы привычно связываем с этим понятием и его осевое положение в горной системе, и наибольшую высоту, и водораздельное значение. Но вот перед нами участок, где у Большого Кавказа в сущности нет единого главного хребта. Он прорезан здесь верховьями Березовой, а еще восточнее — верховьями Лауры, Бзерпи, Пслуха, распался на отдельные звенья, так что главный водораздел Кавказа не один раз, а многократно соскальзывает с хребта на хребет.

Выходим на гребень Чугуша. Под ним дикие обрывы, коченеющие тела ледников, в том числе один, отсутствующий на карте; далеко внизу глубокая

лугоны, и еще ниже и дальше лесистая долина верхонья реки Киши. И тут продолжают идти «малые открытия»... На зубчатом гребне напористый, ни на секунду не стихающий ветер — прячемся от него за отдельные выступы скал и каменюки гребневых россыпей.

Справа к Ассире зубцы становятся круче, занозистее, свирепее. С картой в этой стороне творится что-то совсем неладное: отсутствует встающий слева огромный пик, едва не достигающий трех километров высоты... Кажется, еще один останец ледникового обтекания. Займемся этим районом при восхождении на Ассару.

Мы на гребне Чугуша! Под нами та громада, которая так поразила взгляд еще при первом моем подъеме на Ачишхо. Как нечто грозное, недоступное, загадочное вставал тогда Чугуш. Думалось, что и невозможно покорить его. Заповедное царство, куда ни маршрутов, ни троп...

Все оказалось реальнее и проще. Тропы нашлись, а некоторые внешние приметы заповедности имели вполне прозаический облик. Даже гребень был усыпан орешками турьего помета. Большой новизны мы тоже не испытали — это после того, как побывали и на Лоюбах, и на пике Кардывач, и на Ацетуке, и на стольких Аишхах.

Только даль отсюда была особенно широка. День выдался ясный, без облачка, море синело трехкилометровой стеной, как на ладони был виден берег — в мерцающей дымке угадывалось скопление зданий Сочи. Ну, конечно, Сочи — ведь с вершины горы Батарейки, что поднимается среди курорта, в такую погоду превосходно виден Чугуш.

Работали на гребне до вечера, так что добраться до высшей вершины времени не хватило — были от нее метрах в трехстах по горизонтали.

Смешно сказать, но одним из главных по своей новизне впечатлений, полученных на Чугуше, был для меня... вид на Ачишхо! Да, на десятки раз посещенный, обойденный, вдоль и поперек излазанный Ачишхо. Он предстал перед нами настолько в новом повороте, что казался попросту неузнаваемым. Его гребни — и Краснополянский и Водораздельный — мы видели теперь в торец, их зубцы совсем не различались, а силуэт хребта создавался перпендикулярным гребнем, состоящим из плавных, мало отчлененных одна от другой вершин. Округлый расплывшийся каравай... Не выкроены ли размывом все эти гребни из единого плоскогорья, как бы взбухшего при последнем вздохе горных поднятий?

Геоморфолог! На любой хребет ты обязан посмотреть со всех его сторон: всякий поворот может раскрыть новую тайну, подсказать новые мысли.

Проводили величаво спокойный закат. Спешим вниз. Снова спугиваем туры табуны, те же, что и на подъеме; в одном из них насчитываем двести голов. Уже в темноте добираемся до Османовой поляны... А наутро, покинув Чугушский лагерь, спускаемся тропой вдоль левого склона долины Ачипсе, высоко над ее руслом, которое нам уже так знакомо, пересекаем речку Туровую... На осыпях ее берегов выходят соленосные свиты. Чугушские туры постоянно спускаются сюда лизать «солонцы». Вот и при нас здесь «лечится» табунок в полтора десятка голов. Но что нам теперь полтора десятка, если наверху мы видели их сразу до двух сотен!

Под самой осыпью, под огромным вздыбленным скально-щебнистым откосом переходим речку Рудовую, чуть ниже слияния обеих ее отвершков. Совсем без труда минуем Выломанную балку. Вот и кордоны наблюдателей —

верхний, нижний — в них мы уже как дома, в милой крестьянской обстановке, у гостеприимных хозяйшек. Во дворе копошащиеся детвора, поросята, котята...

С верхнего кордона заходим еще к одному «нарзану». Я читал об этом источнике еще у инженера Сергеева, который исследовал его в 1890-х годах. Инженер пришел сюда, в старочеркесское аулище Рых-Айя, с партией рабочих. Они очистили местность от травы, разрешили лес, отделили минеральные воды от пресных. Источник давал сто двадцать ведер в сутки. На месте старого, еще не сгнившего колодца построили колодец-бассейн, увеличили приток до ста восьмидесяти восьми ведер...

5 октября 1899 года в глухое урочище пожаловали высокие персоны: министр земледелия и государственных имуществ Ермолов, гофмейстер императорского двора и главный «устроитель» Черноморского побережья Абаза, черноморский губернатор генерал-майор Тиханов и множество других. Священники отслужили молебен и освятили источник. После этого его целебные качества, равные достоинствам известной французской воды Виши, получали законную силу.

В завершение церемонии «открытия» Ермолов обещал «испросить высочайшего соизволения именовать источник Николаевским». Устроители Романовска надеялись, что источник с царским именем окажется бальнеологической базой курорта. Но и курорт и источник зачахли. Можно ли было, тем не менее, краснополянским краоведам не посетить этого места?

Несколько сотен метров, путь мимо огромного камня, на котором укоренилось крупное дерево, и вот среди дремучего леса у самой тропы видны остатки сооружений: кирпичный бассейн с застойной, едва сочащейся водой. На вкус — приятная, кисловатая, слегка газированная. Часть вод уходит мимо бассейна и сочится по склонам; кругом сыро и грязно, много ржавых натеков. Грязь, замешанная на минеральной воде.

Сейчас вода сочится так слабо, что никак не обнадеживает в качестве «главной бальнеологической базы курорта».

СТУПЕНИ НАУКИ

В Красной Поляне по-прежнему люблю беседовать с туристами — теперь такие беседы стали проводить по вечерам под открытым небом у большого костра (для пушей романтичности!). Забавно, что мне все труднее вести их. Как просто было, когда сам знал только про Ачишхо с Аибгой да один маршрут на Псеашхо — доза, вполне понятная и посильная туристам: они слушали об этом, как о реально осуществимом; многие приезжали следующим летом и действительно выполняли такую программу экскурсий. Маршрут Кардывач — Рица венчал все...

А теперь — как было не рассказать о Кардывачском узле с Люобом и Синеоким, об Ацетукских озерах и главном маршруте через заповедник? Но для туристов это было уже перегрузкой. Они начинали сомневаться в осуществимости таких восхождений, и я чувствовал, что верили мне меньше, чем раньше, — трудно было представить нашу тройку в роли этаких летучих голландцев, носящихся по десяткам вершин, словно на крыльях.

«Летающие по вершинам...» Такой комплимент отпустила нам одна восторженная туристка. Как легко произносится эта красиво звучащая фраза... А

34. Уразвалин охотничьей хижины на склоне Агенсты.
Справа Анастасия Васильевна — мать Ю.К. Ефремова. 1937 год

передашь ли людям, что все наши Чугуши и Кардывачи, что каждая победенная вершина — результат большого труда и напряжения, итог сотен медленных — шаг за шагом — подъемов, долгих часов одышки и сердцебиений (иногда за плечами полуторапудовый рюкзак — никакой темп, никакие частые передышки не спасут от перенапряжения сердца). Передашь ли, что это многие десятки люто холодных ночей под искристыми звездами, что это сбор топлива, раздувание костров, варка крутых каш и густых супов, забивание кольев и натягивание палаток в часы, о которых в пути думалось, как о часах отдыха? В сумме — это месяцы в облачном тумане, в мокрых травах, под дождем, с промокшими ногами, зачастую в разбитой обуви. Но это неизбежная и совсем не страшная плата за наслаждение главным. Повторяющиеся неприятности мысленно выносишь «за скобку», как общий множитель в алгебре, и забываешь, перестаешь о них рассказывать. Зато именно этим куплено право говорить о десятках покоренных вершин, сознавать, что кристаллизуются все более полные знания о природе, о рельефе исследуемого района.

Кристаллизуются... То ли это слово? У процесса исследования и познания местности оказалось немало своих логических этапов, последовательных ступеней. Похоже было на долгое восхождение с ошибками, зигзагами, возвращениями, поисками пути. Первой ступенью изучения было в сущности лишь отыскание различных деталей, известных из учебников, о п о з н а в а н и е этих явлений в природе.

Вот речная терраса, вот конус выноса, вот переметный ледник. Это — регистрация фактов и лишь первые догадки о причинах происхождения наблюдаемых террас, обрывов, пиков. Это уже наука, но как еще мала тут доля под-

линного исследования! Наши первые маршруты и были в сущности такими регистраторскими. Мы ходили, накапливали наблюдения... Но чем внимательнее мы это делали, тем чаще поднимались и на вторую ступень исследования — сопоставляли уже известные факты, группировали сходные явления в типы.

Мы научились различать несколько видов зубчатых гребней — симметричные и несимметричные, с дальнейшим подразделением в зависимости от наклона слагающих их напластований.

Полого округлое плечо Османовой поляны на Чугуше навело еще на одну мысль: альпийским такой гребень не назовешь. Он оглажен, лишен зубцов. А разве не такие же гребни видели мы еще в десятках мест: на Грушевом хребте у Аишха, на Кутехеку и Ахук-Даре? А верхние гребневые поляны Ачишхо? Впрочем, нет. Там среди полого округлых луговин еще торчат десяти-двадцатиметровые гребешки, уцелевшие от разрушения. Значит, можно не только объединить все подобные округлые формы в единый тип подальпийских гребней (они и на высоких уровнях были всегда ниже альпийских), но и разделить его на подтипы: гребни совсем округлые и гребни с недоразрушенными остатками пирамидальных зубцов — карлингов. Расшифровка возникновения форм рельефа знаменовала переход на третью ступень научного исследования.

Живые наблюдения и тут подтвердили то, что мы знали из учебников: оледенение превратило верховья долин в ледниковые цирки, изрезало кресловидными чашами разделяющие их гребни и преобразило эти гребни в зубчатые альпийские цепи карлингов. На более высоких уровнях, там, где и сейчас в силе оледенение, такие гребни продолжают существовать. Но десятки тысячелетий тому назад оледенение было более мощным, так что ледниковые цирки зародились и на более низких хребтах. Они вгрызались с двух противоположных сторон в гребни. Разделявшие их стенки разрушались, смежные цирки сливались, и гребень оказывался полого округлым: здесь торчали лишь остатки недоразрушенных карлингов, как у метеостанции Ачишхо. А если дело заходило дальше — съедались и последние остатки карлингов, — возникал второй подтип — округлые подальпийские гребни в чистом виде.

Формы рельефа стали для нас жить во времени. Ведь любого встреченного человека мы застаем в определенном возрасте. Так и всякая форма рельефа несла на себе отпечаток достигнутой ею стадии развития. Существование этих стадий открыл еще знаменитый американский геоморфолог Дэвис. Но уметь различать их в природе самим — это было для нас новым этапом роста, подъемом еще на одну ступень логики научного исследования.

Все ли учтено приведенным объяснением? Почему подальпийские гребни приурочены к определенным высотам — к тысяче семистам — двум тысячам двумстам метров? Да, это нижний предел распространения ледниковых цирков, сформированных былым оледенением. Именно эти гребни имели больший срок для полного разрушения своих зубцов. Но что было первопричиной исходного различия в высоте сохранившихся верхних альпийских гребней (2600-3200 метров) и нижних, ставших подальпийскими? Мы упирались тут в какую-то загадку. Перед нами вставала еще одна, следующая ступень научного исследования, взобраться на которую мы пока не могли. Мысль о расчленении единого плоскогорья, возникшая при взгляде на Ачишхо с Чугуша, была лишь первой догадкой.

Псеашхо и Перевальная — вид из долины Петрарки

Нет, совсем не полет по вершинам, а долгий подъем по склонам, со ступени на ступень наблюдений, анализа, сопоставления фактов. И только в итоге, когда все пути позади, — полет воспоминаний о посещенных вершинах, полет суммирующей мысли по высотам научного обобщения...

ПЕТРАРКА И ПРИШВИН

Главный водораздел заповедных высокогорий Западного Кавказа от Чугуша до Кардывача — таков был объект наших исследований. Два звена этого барьера оставались еще непосещенными: массив Псеашхо и вся цепь вершин Ассара — гора Воробьева — Дзитаку, связывающая Чугуш и Псеашхо. У нас зародилась дерзкая и не совсем разумная мысль — пройти гребнями от Ассары к Дзитаку в обход диких верховьев Лауры.

Наблюдатели на кордоне Ачипсе показывают нам начало тропы на Ассару, а об остальном пути ничего сказать не могут: пройти там трудно, и поэтому сами они никогда там не ходили.

Тропа, по которой мы двинулись, ведет по крутому коньку отрога, разделяющего долины Ачипсе и речки Ассары. Щебнистые взлобки, дубняк с азалиевым подлеском. Крутизна такая, что вьючная лошадь здесь не пройдет. Мы несем на себе пожитки и провиант на десяток дней трудного пути. Килограммов по тридцать у нас с Володей, да не меньше двадцати четырех у Наташи. При такой крутизне и грузе подъем оказывается изнурительно трудным. День выдался жаркий. Свежестью горной прохлады и не пахнет.

Почему наблюдатели не посоветовали нам взять с собою воды? Ведь путь по гребню держит нас в наибольшем отдалении от любых родников, а вода встретится нам только за гребнем Ассары.

К счастью, кругом много черники, лесной черники — «кавказского чая»¹, густой и рослой, в человеческий рост! На ветвях гроздьями висят сизова-

¹ Ароматный настой готовится из листьев этого растения. Весной очень вкусны его нежные лиловатые цветы.

то-черные ягоды, иногда матовые, иногда блестящие. На припеке бывают такие крупные, что кажется, — чем не виноградные? Наклываемся на водянистые, сладковатые ягоды — они помогают время от времени превозмогать жажду.

Почему-то на этом отроге Ассары, как и на краснополянском Ачишхо, совсем нет зоны пихт. Идем сплошным буковым лесом — это еще больше усиливает однообразие пути. Тропа еле видная. Да и кому тут ходить? Раз в год наблюдателям при учете туров?

Дело клонится к вечеру, а мы не достигли еще и криволесья. Придется заночевать прямо на отроге. Неуютный ночлег без горячей пищи, без чая.

Сбрасываем рюкзаки. Спускаемся с Наташей метров на пятьдесят вбок, огибая полосу кустарников, в поисках более уютного места для бивака.

Огромный бук. Под ним сравнительно ровная площадка, взбугренная только узловатыми корнями могучего ствола. Чем не место привала?

— Наташа, вода!

В одном месте корни образовали замкнутую впадину, ванночку, в которой еще с прошлой недели сохранилась дождевая вода. Пробуем ее на вкус с ладошки. Гниловатая, застойная — в ней «настоялись» и листва и мелкие прутья... Пить чай из такой жидкости, может быть, и не захочется. Но суп или кашу сварить, вероятно, можно.

Что ж, сходим за вещами и — все-таки у воды! — организуем под этим буком ночлег.

Поднимаемся к Володе взять вещи, а он уже их распаковал, расчистил неплохую площадку на самом гребне, притащил несколько коряг и разводит костер. Нашим намерением переселиться куда-то вниз недоволен. Когда так тяжел подъем, не хочется расставаться ни с одним метром завоеванной высоты. Ну что ж, спорить не стоит.

Палаточный полог решили не натягивать. Беру два котелка, кружку и еще раз спускаюсь к буковой ванночке с водой.

Смеркается. Таинственная хмуроватая тишина в кустах. Величаво простерлась крона великана дерева над пепельно-серой колонной ствола. В лесу остро-кисловатый запах — кажется, что пахнет прелой листвой, но мы уже знаем, что этот специфический «аромат» издает ее житель — червячок, так называемый вонючий кивсяк. Нам и этот запах стал теперь приятным, родным. Буковый лес. Пахнет кивсяком. Значит, мы дома.

Наливаю кружкой воду из корневой ванночки, стараясь не взмутить придонный ил. Набирается два котелка рыжеватой воды. В последнюю кружку зачерпнулась уже коричневая жижа.

Тихо взбираюсь обратно к задымившему костру. Осторожно, чтобы не пролить ни капли драгоценной рыжей воды, вешаю оба котелка на палку и укрепляю ее над костром через две рогульки.

Совсем смерклоось. Тишина, лишь изредка нарушаемая далекими захлебывающимися криками сов. И вдруг в тех самых кустах, где я только что наливала котелки, раздается шум и треск, словно от движения какого-то крупного зверя. Это не шаги, а прыжки. Сучья ломаются и хрустят под резкими рывками. На время шум стих — видимо, зверь остановился в недоумении. Потом раздался его голос — грозный, сиплый, рыкающий лай, басистый кашель с хриплыми раскатами. Кто это? Наш опыт еще так ничтожен — ведь мы не знаем голосов ни медвежьих, ни волчьих, ни рысьих.

Но это рыкание разгневанного зверя (не тем ли он рассержен, что обнаружил ванночку пустой, быть может, его единственный в этих местах волоной?), этот бас своим тембром напоминал нам голоса львов и тигров за решетками зоопарка. Только тут голос был отрывистее, раскаты короче.

Единственное, что мы могли предположить: перед нами барс, точнее — серый кавказский леопард. Мы знали, что несколько семей этого страшного животного еще существует в глубинах заповедника. Встречи людей с барсами были крайне редки. Наблюдателей обязывали зарисовывать любой след барса. Однажды был найден медведь, задранный барсом.

Два молодых человека и девушка, вооруженные только тремя геологическими молотками, — что мы могли сделать, встретив такого грозного зверя?

— Веселее костер!

Хорошо, что Володя притащил много сушняка. Кто знает, пусть зверь и примолк, не будет ли он нас сторожить? Каково было бы уходить от костра в ночную тьму искать новые коряги на топливо? Бросающий в дрожь сиплый рык мог раздаться в любое мгновение снова.

Костер пылал, и в его свете окружающая тьма сгущалась в непроницаемые стены. Разглядеть зверя, если бы он даже и вышел из кустов, было невысказано. Мы еще с полчаса прождали появления зловещего гостя, а потом принялись уплетать жидкую гречневую кашу, сваренную на настое из буковой листвы. Каша все же получилась съедобная.

Как быть дальше? Мы достаточно измучены подъемом и могли бы непробудно заснуть тут же. Но спать, прослушав такую басистую колыбельную хищника? Решаем по очереди дежурить у костра для поддержания хотя бы скромного огня. Первым бодрствует Володя, а мы с Наташей быстро проваливаемся в глубокий сон. Показалось, что через две минуты, а на самом деле через два часа Володя разбудил меня и, улегшись сам, немедленно захрапел.

Друзья спят. Таинственный ночной лес. Черный мир и в центре его этот единственный огонек. Где-то бродит или притаился в засаде неведомый облаивший нас зверь. Экономно подбрасываю в костер сушняк, его должно хватить до рассвета. Решаю на досуге перезарядить фотокассеты и лезу в карман рюкзака. Что это? Книжка. Фу, как нелепо! Идем в такой трудный поход и не разгрузили рюкзак от лишней тяжести — тащим с собою целую книгу...

Это оказался Пришвин — «Женьшень» и еще несколько рассказов — чтение для такой обстановки вполне подходящее. Справившись с кассетой и поддав огонька, погружаюсь в описание дальневосточного леса, его зверей и ручьев. Как кстати, вот место, где рассказывается о барсе, о том, что этот зверь обманывает охотника и сам следует по его стопам. Не окажемся ли и мы завтра в таком положении, что обрычавший нас барс пустится нас же сопровождать?

Уже начинало светать, когда я разбудил Наташу дежурить и показал ей в назидание соответствующие строки Пришвина о барсе. Еще через два часа все мы были уже на ногах, доели вчерашнюю кашу и вновь пошли на подъем. Иногда оглядывались — не сопровождает ли нас зверь по пришвинскому рецепту. Выйдя на луга, окончательно убедились, что «конвоя» нет. У первых же снежных пятнышек утолили жажду.

Не буду описывать новых непривычных поворотов, в которых с лугов Ассары открылись нам уже знакомые панорамы, выявляя то тут, то там не распознанные нами ранее детали — пазы дополнительных лошин, изгибы

хребтов, положение лесных полянок. Гораздо больше нового обещал гребень, с которого должен был открыться северный склон.

Его кручи разверзались перед нами, и мы снова почувствовали себя в роли открывателей нового, неизведанного. Это был мир ледников, озер и вершин, опять, как и на Кардываче и на Рице, ничего общего не имевший с изображенным на карте. Сомнений не было: топографы девяностых годов, создавшие в остальном великолепную одноверстную карту Кавказа, просто не побывали в этих местах и заполнили оставшиеся белые пятна вымышленным рельефом.

Мне уже с Ачишхо десятки раз приходилось наблюдать поднимающуюся над Ассарой вершину, похожую на крупный зуб. На карте она была показана торчащей на главном гребне — значит, ее наносили, глядя с Ачишхо. Но однажды я увидел от метеостанции, как облака залегли между Ассарой и этой вершиной, подчеркнув, что она расположена *за* Ассарой, севернее, обособленно от нее. Не тот же ли пик мы видели с Чугуша? Конечно, именно его. А теперь нам было видно, что гребень, на котором мы стояли, отделялся от одинокого пика обширным луговым трогом — явным седлом древнего переметного ледника. Таким образом, и этот пик был останцом ледникового обтекания. Его пришлось сместить на карте почти на километр к северо-востоку с главного гребня, а на дне трога обозначить скромное древнеледниковое озеро.

Мы первые находим место безымянному пику на уточненной карте и определяем его высоту приблизительно в 2800 метров¹. Разве не наше право предложить и имя этой вершине?

С нами в рюкзаке путешествует томик Пришвина; его мы читали ночью у костра, переживая соседство с барсом...

— Давайте назовем эту «сдвинутую» нами вершину именем Пришвина!

Хорошая идея. Именно в заповеднике должна красоваться гора, носящая имя этого певца природы, поэта лесов и оленей, ручьев и света... Пик Пришвина. Озеро Пришвина...

На северных склонах Ассары находим еще несколько непоказанных на карте ледников. Но особое наше внимание привлекает одна долина восточного склона — неожиданно глубокая, троговая, с чудесным луговым цирком наверху. Это долина безымянного правого притока Лауры. С нее удивительно ясно просматривается весь Псекохо и тропа Бзерпинского карниза. Прямо на нас смотрит дико обрывистый фас горы Перевальной, а под ним видны трупщобы дзитацкого истока Лауры. Над всем этим в странно косом повороте громоздятся все известные нам Псеашхи. Картина страшная по обилию неприступных круч. Так новы углы зрения на уже знакомые горы, так доказательны разгадки некоторых сложных узлов. Вряд ли с какой-нибудь иной точки стало бы настолько ясно, как происходил перехват Озерной долины Дзитаку ручьями бассейна Лауры.

Метров на двести ниже гребня находим удобную нишу в камнях и укрываем ее палаточным пологом. До леса сотни метров спуска. Поэтому разжигаем смолистый рододендроновый сушняк. Он горит с треском. Брызги смолы рассыпаются, как бенгальские блески.

Под нами глуби и кручи бассейна Лауры. Кем и когда занесено сюда это, столь по-латински, по-западноевропейски звучащее слово? Не эстонцы ли

¹ Позднее точные измерения дали здесь отметку 2784 метра.

35. От Ассары к горе Воробьева. Кручи в верховьях Лауры

его принесли? Нет. На военной карте 1864 года, то есть задолго до прихода сюда эстонцев, среди всех старочеркесских «Ачишхо», «Аишха» и «Псеашхо» именно эта река называлась Лаурой. Не созорничал ли какой офицер, составлявший карту, — взял да и написал тут имя своей возлюбленной или героини из литературы?..

Лаура. Предмет мечтаний и вдохновенных сонетов Петрарки. Я помню гравюру, где среди диковатого горного ландшафта идет озаренная сиянием девушка в белых одеждах — Лаура, а к ней молитвенно простирает руки одетый в черное — в плащ ли, в рясу ли — влюбленный Петрарка...

Нам в своих полевых записях предстоит десятки раз упоминать этот цирк и выводящую из него безыменную троговую долину притока Лауры. Исследователи часто применяют в таких случаях временные, ни к чему не обязывающие названия; подчас эти названия бывают и шуточные, без претензии на их введение в географию — вроде «балки Промокательной», «лощины Потерянного ножа» и тому подобных.

Безыменный приток стремится к Лауре. Петрарка простирает руки к Лауре. Как бы он был счастлив, узнав, что имя его стало рекой, вечно текущей к Лауре! Река Петрарка, долина Петрарки. Условное название появилось и укоренилось в наших полевых дневниках.

Вечер в цирке Петрарки. Псеашхо окутан причудливо сгруженными, поминутно перегруппировывающимися облаками. Они располагаются в пять-шесть планов, шторами, у каждой свои отсветы карминных, алых, лиловых тонов. Лучи закатного солнца проходят между этими кулисами и посылают к Псеашхо лишь отдельные пучки света, словно розовые кинжалы.

Так только в театре бывает, когда прожекторы по воле перестаравшихся светотехников заставляют светиться различными красками разные планы сцены. Им не веришь, нагромождение тонов кажется неправдоподобным, раздражает. Но тут была не сцена, а неподдельная жизнь. Цвела феерия красок, изумляла и их многоплановость и поминутная смена, происходившая вместе со смещениями облаков. Мы уже видели сотни горных закатов. Можно ли было предположить, что природа еще способна нас так ошеломить?

Утром в путь по гребню. В вершине цирка Петрарки на главном водораделе поднимается еще один пик, явно более высокий, чем обозначенная на карте Ассара. Ее высота 2631 метр, а этот ее сосед достигает, по нашим измерениям, почти 2700 метров!

Взбираюсь на вершину раньше спутников. Передо мною метрах в пяти возникает остолбеневший круторогий тур. Смотрим друг на друга в упор. Он гневно топает передней ногой, свистит и одним броском с поворотом в воздухе скрывается под обрывом. Оттуда дробным горохом застучали камни — это поскакал спугнутый сигналом сторожевого козла табунок голов на двадцать.

Вершина видная, строим на ней каменный тур (башенку) и вкладываем в щель сообщение о том, что именуем ее в своих записях пиком Геоморфологов. На северном склоне пика видим и описываем еще один не нанесенный на карту ледничок.

Трогаемся в путь дальше по хребту. Спуск становится все более крутым и наконец таким, что с нашими тяжелыми рюкзаками мы уже не можем сдерживать равновесия. Снимаю рюкзак и отправляюсь на разведку налегке. Едва вишу на отвесных уступах и без груза. Торчащий перед нами крутой и острый, как игла, жандарм не только преграждает нам дальнейший путь по гребню, но не дает преодолеть этот участок и в обход. У жандарма и с боков отвесы по сорок, по семьдесят метров — такие без высокой альпинистской техники не преодолеешь. Смешанное чувство восхищения и ужаса перед разверзшимися пропастями. Бессилие, обида, что так нелепо срывается наше намерение пройти гребнем через гору Воробьева² к Псеашхо.

Возвращаюсь к Володе с Наташей. Всматриваемся в зубцы, видные за первым жандармом, и убеждаемся, что было легкомыслием планировать и дальнейший путь по этому гребню. Острым топором, который поставлен вверх лезвием, выглядит отсюда темно-серая трапеция горы Воробьева. Возможности обойти ее нет ни справа, ни слева. Предлагаю вернуться и считать маршрут несостоявшимся.

Настроение падает. Кручи, над которыми мы висим, кажутся теперь еще страшнее, а наши движения становятся все менее уверенными. Как тянет вниз, как качает человека двухпудовый рюкзак, как лишает равновесия... Вынуждены двигаться на четвереньках, напрягая волю, чтобы не поддаться деморализации. Метров пятьдесят тяжелого скального подъема.

Разве путь стал опаснее? Ведь сумели пройти здесь на спуск, а это еще труднее, и, однако, шли, как люди, на двух ногах. Так размагничивает и демобилизует неудача, так легко потерять себя в опасном положении.

Выбираюсь на пологое плечо. С облегчением сбрасываю рюкзак и сажусь, переводя дыхание. Можно снова чувствовать себя человеком. Рядом улыбается тоже снявшая рюкзак Наташа. Как легко дышится после перенесенного нервного напряжения!

Оглядываемся. По совсем ровной площадке по-прежнему на четвереньках ползет нервно дрожащий Володя. Падать уже давно некуда, но он все еще судорожно цепляется руками за камни, ощупывает их прочность, тяжело дышит и произносит отрывистые проклятия в адрес любого шаткого осколка.

¹ Точная отметка 2673 метра.

² Названа по имени геолога, погибшего на северном леднике этой горы в 1906 году.

— Володя, что с тобой? Испуганный, уже не страшно!

Он посылает нас к черту — никогда еще такого не было — и продолжает ползти, несколько не заботясь о сохранении человеческого облика. Господи, что это с ним? Решаемся повысить голос и просто прикрикнуть, чтобы взял себя в руки. — ведь так можно распутить себя до полного нервного расстройства.

Окрик действует — спутник садится и решается снять рюкзак, физическая разгрузка успокаивает и психику.

Постепенно Володя перестает дрожать и уже минут через пять, все еще смущенный, шутит вместе с нами насчет своего и общего нашего «психования»...

С досадой смотрим на жандарм, преградивший нам путь. Что мы в силах сделать, кроме как обозначить его на исправляемой карте и в отместку как-нибудь похуже обозвать? Наносим к северо-востоку от пика Геоморфологов маленький треугольничек и пишем около него: пик Псих...

*

Идем обратно. На узел Ассары и отрога, по которому идет тропа, выйдет всякий, кто будет подниматься на этот хребет. Решаем оставить здесь свой след. Строим еще один каменный тур и вкладываем в него жестяную коробочку из-под бульонных кубиков. В ней длинная записка, в которой сказано о проведенной нами работе, о глазомерных исправлениях карты, о новых ледниках, о пике Пришвина и пике Геоморфологов. Чтобы не было недоумения, на оба пика указаны компасные направления (азимуты). Не удержались и написали о том, что в своих записях условно назвали приток Лауры Петраркой. В конце записки порекомендовали свое лагерное место с каменной нишей, дали и на него азимут, примерное количество шагов. Упомянули, что в нише оставлена сухая растопка, спички, соль и крупа.

Спуск прошел быстро. Барс так и не встретился. В одном месте из-под наших ног в панике выкатился мячом небольшой темно-коричневый кабан.

В караулке рассказываем наблюдателям о слышанном голосе зверя. Нас утверждают в уверенности, что мы слышали именно барса.

СВИДАНИЕ С ОРЛОМ

Делаем еще одну попытку пройти в верховья Лауры. До устья Бзерпи, оказывается, есть хорошая тропа. В устье балаган — лагерь охраны. Здесь ночуем и отпускаем лошадь — Георгиади поведет ее назад к Ачипсе и по главной тропе заповедника пойдет в Холодный лагерь, где и дождетя нас.

Ночь теплая, звездная, напоенная рокотом Лауры, которому вторит более скромное воркование маленькой Бзерпи. На дне долин у ночи свои краски, свои запахи. Сколько звезд — море неподвижных, а есть и падающие: вон просыпался целый сноп блесток — метеорный дождь. А это что за порхающие искры? Летающими звездами полон весь лес — они возникают, перемещаются, гаснут. Погнаться, схватить? В руке трепещет крохотный жучок-светляк с сияющим брюшком-лампочкой... Идем за водой, и вдоль тропы с обеих сторон, словно выстроившись в пары, движутся мигающие светлячки, целое факельное шествие.

Отсюда делимся на два подотряда. Мы с Володей отправляемся вверх по Лауре, чтобы подняться по ее дзитацкому истоку в Озерную долину Дзитаку.

Наташа с присоединившимся к нам туристом — моим старым другом Игорем Стрекозовым — поднимется без тропы вверх по Бзерпи, чтобы распознать, до какого места спускался по этой долине язык переметного Прауруштенского ледника. Игорь немало путешествовал по краснополянским горам, так что на него положиться можно, как, впрочем, и на Наташу — она уже вполне освоилась с ориентировкой в горах. Это ее первый вполне самостоятельный маршрут. Наташа и взволнована и обрадована. Она сама ведет человека по безлорожной дикой долине и будет ее исследовать.

Нам говорили, что вверх по Лауре от устья Бзерпи шла когда-то малоизвестная охотничья тропа. Видимо, она так заросла, что мы не смогли обнаружить никаких ее признаков. Вынужденные ломиться по целине, воевать на крутейшем склоне с дикими зарослями понтийского рододендрона — с «рододой», мы прошли за день только два километра. На следующий день добрались до бурной речки, текущей с массива горы Перевальной, и у ее устья убедились, что дальше прирусловые теснины Лауры тоже неприступны. Решили выбираться наверх.

По дикой «рододе» поднимаемся на гребень отрога горы Перевальной. Долгий лесной подъем гребнем оказывается нетрудным. Видны старые заплывшие зарубки — значит, здесь бывали охотники. Выходим на верхнегорные луга против Бзерпинского карниза. Луговой отрог, на котором мы оказались, великолепно, всем своим фасом виден из Красной Поляны. Вот и она видна нам — с которого уже это — с двадцатого, с тридцатого «бельведера»?

Сидим, отдыхаем, любуясь подвластным нам горным простором, в котором одна Лаура осталась вызывающе непокорной. Картируем краснополянский склон Перевальной.

Над нами кружится орел. Спускается все ниже, ниже, он уже в тридцати, в двадцати метрах от нас. Как величава эта грозная птица в полете при полном размахе крыльев — совсем не то, что сидячие фигуры, нахохлившиеся на нашестах зоопарка, точно куры. Говорят, что орлы осмеливаются нападать на турят...

Орел делает еще круг и пролетает дерзко и гордо в двух метрах от нас — мы даже приготовились к обороне геологическими молотками. Казалось, что может сделать с двумя мужчинами какая-то птица? Сам помню, с каким недоверием читал в «Детях капитана Гранта» о нападении кондора на человека... Но, встретив взгляд хищника глаза в глаза, мы ощутили невольную дрожь. Таким гордым презрением, такой открытой ненавистью врага горели орлиные очи, устремленные на непрошенных гостей, таким могучим себя он чувствовал в своей стихии — словно примерялся, откуда на нас напасть...

Мы подались вперед, навстречу приближавшейся птице, и, может быть, это повлияло на ее решимость. Орел сделал вид, что больше не интересуется нами, и величаво уплыл к вершине Перевальной, не оглядываясь.

ДРЕЙФУЮЩИЕ ПАЛАТКИ

Спустились в Перевальную долину как раз в час, когда по ней вереницею поползли облака. К только что отстроенному коттеджу — новому Холодному лагерю — подходили, скрытые плотным туманом. Наташа и Игорь с хохотом выбежали нам навстречу. Оказывается, туристы, их случайные соседи по при-

юту, приняли нас в Володарий, пожившихся из густого тумана, за медведей. Оглядев нас, друзья смеются еще больше: и мои и Володины брюки и юзраны об «рододу» и ленты. Штанины ниже колен держатся лишь на узелках-завязочках из тесьмовидных лохмотьев. Запасные брюки придут только к вечеру во вьюке с Георгиади — приходится щеголять в таких оперных рубищах при посторонних туристах...

Через полчаса один из них, инженер Шура Беликов, отозвав Наташу в сторону, укоризненно спросил:

— Что же это вы так плохо одеваете своих рабочих!

Этот вопрос послужил началом веселой и долгой дружбы с хорошим человеком. Инженер из Заполярья, он заслужил себе, как полагалось полярникам, полугодовой отпуск и рассчитывал объездить за этот срок полстраны — все курорты, десятки городов... Четыре месяца подобных разъездов были уже позади, но на пути ему попадаемся мы и странствующий с нами инженер-отпускник Игорь Стрекозов, предпочитающий такой отдых любым путевкам. Шура с интересом слушает рассказы Наташи — как они шли с Игорем без троп руслом Бзерпи, как замерили высоту конца молодого трога... В отличие от нас с Володей, не пробившихся снизу в Озерную долину Дзитаку, Наташа выполнила свою программу.

Шура с двумя случайными спутниками только что вернулся с ледника.

— Видел ли туров?

— Нет, какие там туры...

Наташа торжествующе выводит Шуру за угол дома и показывает на склон Дзитаку. Сегодня и без бинокля туры видны прямо от лагеря. Пожалуй, и правда, что это все те же самые туры, показанные нам Сашей в день встречи с пятью медведями.

36. Перед выходом на Кардывач. Слева направо: Ю. Ефремов, И. Стрекозов, Н. Лебедева, А. Беликов, Ю. Георгиади. 1938 год

Шура задумался. Ни какие еще курорты, и какие города ему стремиться? Не провести ли ему остаток отпуска с нами, не пересечь ли по Малой Лябе весь заповедник? Так на целых полтора месяца мы приобрели еще одного спутника и помощника.

Теперь мы ставим рядом две палатки. Когда Георгиади отлучается за продуктами, мы, уходя в маршруты, оставляем имущество без людей. На эти случаи прищипливаем вывеску: «Палатка дрейфующей геоморфологической экспедиции — вход воспрещен» и рисуем хихикающий череп с двумя косточками крест-накрест. Это было время дрейфа первой станции «Северный полюс», и дрейфующая палатка папанинцев часто фигурировала в газетах. Поэтому и наши друзья обеспечили свою палатку вывеской: «Дрейфующий санаторий для тяжело здоровых»...

Симбиоз исследователей и туристов был удобен для обеих сторон. Мы проводили спутников в интереснейшие места, а они брали на себя часть обязанностей по бытовому устройству — по заготовке дров, по варке пищи в общем котле, оставляя нам больше времени для вечерних и утренних записей в дневниках.

Наши палатки белеют то на Каменной поляне, то у озер Дзитаку. Осуществилась моя давняя мечта — мы прошли в обход Скального Замка по переметному леднику. Лазили и на гору Мраморную, что поднимается над лагерем и одноименным водопадом, и на Перевальную, и трудно сказать, откуда полнее и краше просматривался Псеашхо — все эти хребты, как и соседи Агепсты, представляли собою превосходные бельэтажи для рассматривания нашего великана.

А как хорош был маршрут в Озерную долину Дзитаку, в эту удивительно низкую выемку на главном водоразделе Кавказа. Высота ее почти на сто метров ниже перевала Псеашхо, и в ней тоже пересекаешь водораздел незаметно, идя по единой долине... На пологом луговом дне этой долины расплескано несколько серо-зеленых озер. Древнеледниковые ванночки, подпруженные моренными валиками. Но неожиданно это пологое дно долины обрывается дикими кручами к бассейну Лауры. Там буйствует непроницаемое криволестье. Понятно, почему не здесь, а через перевал Псеашхо прошла главная перевальная тропа. Как ни крут склон над Бзерпи, а все же прорубить Бзерпинский карниз по луговому склону было легче, чем здесь, в трущобах дзитацкого истока Лауры.

Мы уже видели Озерную долину Дзитаку из цирка Петрарки. У этой долины и в сегодняшнем облике и в прошлом много общего с Перевальной долиной Псеашхо. Там существовал Прауруштенский, а здесь Прадзитацкий ледник.

Притоки Лауры подобралась верховьями к трогу, изваянному этим ледником, и перегрызли борт долины, украв себе прадзитацкие воды. Далеко под вершиной Дзитаку виден цирк, повисший над такими же страшными оврагами. Не верховье ли это Прадзитацкого трога, не откушенная ли его «голова»?

А пики горы Перевальной? Монотонная луговая гряда, выглядящая из Красной Поляны всего лишь ничего не обещающим пьедесталом Псеашхо, — какие с нее разверзлись бездны! Отсюда же великолепно просматривалась Красная Поляна. На гребне Перевальной пасса табун туров — ведь это значило, что в хорошую подзорную трубу туров можно видеть прямо с улиц Красной Поляны!

Но все меркло перед тем, что нам предстояло. Мы совершили долгожданное посхождение на самую вершину Южного Псеашхо!

МЕДВЕДЬ-АЛЬПИНИСТ

На сей раз мы разделились иначе — Володя отправляется с друзьями на Дзитаку, а мы с Наташей на Южный Псеашхо. Выходим с вечера, захватив с собою минимум вещей, сворачиваем в долину Пслуха и ночуем прямо у тропы перед каньоном его первого притока. На рассвете вскакиваем, ежась от холода, и оставляем свои вещи прямо на тропке, положив на них записочку: «Имущество геоморфологической экспедиции. Просьба к медведям: не трогать». Мы почти уверены, что никто из людей на эту тропу не забредет.

Краевед Берсенев, опять отдохавший этим летом на Краснополянской турбазе, учил нас, что на пик нужно идти от перевала Псеашхо по левому берегу Пслуха и его второму притоку. Но в верховьях первого притока на карте показан ледничок — самый западный из ледников южного склона Кавказа. Не пойти ли вдоль первого притока?

Мысленно я представлял себе эти притоки как какие-то два ручейка, текущие из-под Псеашхо. Но к нашему удивлению, влево от Пслуха открылся обширный, поднимающийся под самую вершину трог, а по дну этого трога змеею извивался глубокий (метров семьдесят) каньон. В нем клочкотал бешеный поток. Это и был первый приток Пслуха. Один такой каньон мог бы служить целью специального путешествия! Тропинка спускалась карнизными зигзагами на самое его дно.

Не успели мы сделать и сотни шагов вверх по днищу трога над каньоном, как наткнулись на совсем свежий след медведя. Куча иззелена-черного помета еще испускала пар на холодном рассветном воздухе. След в виде примятой травы уходил вверх. Луговина вскоре привела нас к снежнику, на котором мы снова увидели свежие следы — на этот раз отпечатки огромных лап. Медведь определенно вел себя как наш попутчик и даже проводник.

Все круче ступени долины. Не раз останавливаемся в раздумье — правее или левее выбрать подъем. Выбираем правый путь и на ближайшем же снежнике убеждаемся, что и медведь выбрал эту дорогу. И правильно сделал — с высоты следующего уступа нам становится видно, насколько труднее оказался бы левый путь. Миша неплохо знал подступы к пику. При следующем сомнении мы прямо доверились медвежьему следу и не ошиблись: опять перед нами был легчайший вариант подъема.

Пришлось на некоторое время забыть о медведе и заняться ледничком. Я не без удивления понял, что Пслухский ледник и есть то самое белое пятнышко на трапециевидном Южном Псеашхо, которое делает эту вершину похожей на белую палатку. Сколько раз мы любовались этой трапецией, этим снегом и не знали, что смотрим на ледник! Открытия даже в пейзаже, видимом из Красной Поляны!

Надо перебраться с ледника на скальный грунт. По всем правилам геоморфологии, ледник оказывается отделен от скал краевой трещиной, так называемым бергшрундом. Масса льда отрывается, отседает от прилегающих скал. Местами над бергшрундом нависают предательские козырьки из снега — кажется, вот тут-то и легче перейти по снежному мостику с фирна на скалу. Но соблазн может оказаться роковым — козырьки легко обваливаются.

Мы так привыкли работать в снежном лабиринте, что ходим, не смятые поренкой. Больше того, в поисках пути через бергшрунд непросто и расходимся и ищем переход каждый самостоятельно. Пока из виду друг друга не теряли, все шло хорошо. Но вот я нащупал глазами и ногами достаточно прочный козырек снега, который отделялся от скалы менее чем метровой трещиной. Шагаю на скальный грунт, и выступ скалы скрывает меня от Наташи. Трещина три на то, чтобы вскарабкаться на утес, вылезая, вижу весь ледник, и — сердце у меня словно падает. Ни на льду, ни на соседних скалах Наташи нет. Провалилась в бергшрунд? Упала вниз по леднику? Даже на громкий крик нет ответа. Где можно прыгаю, а нужно — ползу по скалам к месту, где она только что находилась. Пропавшая появляется из бергшрунда целехонька. Нашла участок с плотным примыканием фирна к скале и спустилась в бергшрунд на глубину метра в три.

Пожурили друг друга за легкомыслие и решили больше не разлучаться. Вышли на гребень — путь по нему к вершине показался нам наиболее удобным. И словно в подтверждение этого суждения, увидели перед собою еще один, совсем недавний теплый след медведя.

С гребня открылась широкая соседняя долина — долина второго притока Пслуха, рекомендованная нам для подъема. Насколько она была легче выбранной нами!

До вершины остается метров двести — она уже вся перед глазами, с куполовидным снежником на гребне — это питающий фирн Пслухского ледничка.

И вдруг — вон, вон по снегу! По самому фасу вершинного купола, по крутой его части, где и альпинист не прошел бы без охранения и рубки ступенек, крадущейся кошачьей походкой шел, кого-то высматривая за поворотами, наш четвероногий проводник. Его темный силуэт на снегу по легкости походки скорее напоминал барса, но мы уже были уверены, что это медведь, при этом крупный. Зверь специально начинал на рассвете, почти одновременно с нами, свое восхождение, уходя с сочных лугов и поднимаясь на самую вершину Псеашхо, в мир льда, снега и голых скал. Кого он выслеживает? Туров? Неужели он способен догнать тура на альпийских крутизнах? Может быть, молодых турят? А ведь у кавказских медведей устойчивая репутация вегетарианцев...

Зверь вылез на вершину и несколько мгновений его контур вырисовывался на фоне неба. Куда он выберет путь? Не вздумает ли возвращаться по тому же гребню, по которому поднялся? Тогда нам предстоит встреча на узенькой дорожке. На нашем остром гребешке никакие «разъезды» не предусмотрены.

Притаились за выступом скалы, чтобы не обратить на себя внимания. Скептически гляжу на геологический молоток — единственное оружие в возможном поединке. С молотком на медведя? А что же, если ударить молниеносно — по глазам и по черепу?

Снова вспоминаю убедительную формулу Амундсена: знает ли этот зверюга, что краснополянские медведи не должны трогать человека?

Медведь скрылся за вершиной и долго не появляется. Идти на вершину? А если он там притаился и выслеживает турят?

Все же двинулись по гребню вверх. При одном взгляде в долину второго притока Пслуха отлегло от сердца: наш медведь, не солоно хлебавши, размашистой походкой спускался вниз по ее пологому трогю. Вершина была свободна.

28. Озеро Евгении Морозовой

29. Кавказская серна

30. Озеро Рица. Слева — гора Пшегшихва (2217 м)

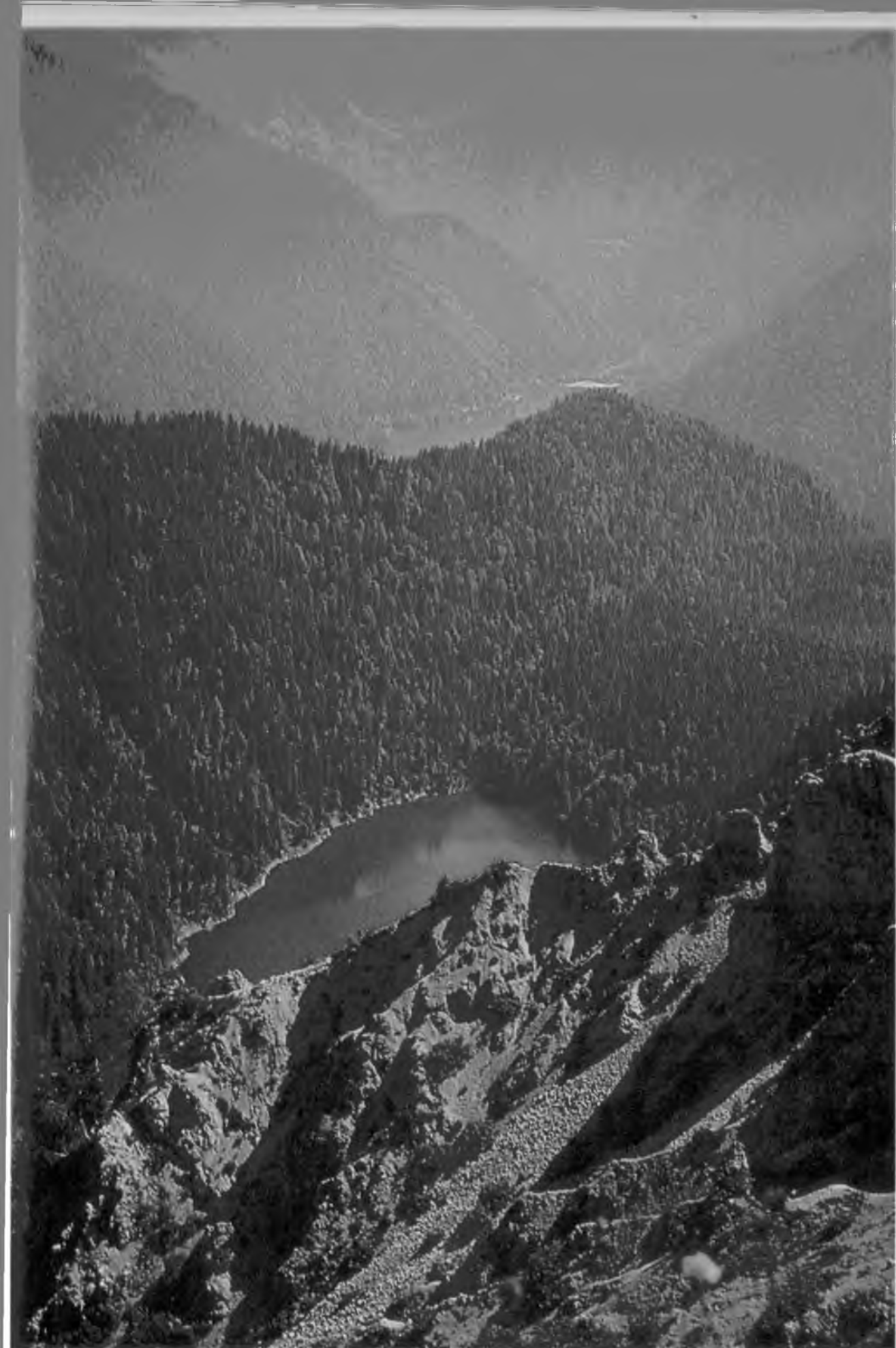
31. Кавказский бурый медведь

32. Озеро Малая Рица

33. Каньон реки Юпшары

34. Две Рицы — Малая и Большая. Вид с горы Пшегишхва

35. Вершинный гребень пика Ефремова (3114 м)

36. Массив Агесты с севера.

- 1. Пик Альбова (2951 м) 2. Пик Ефремова (3114 м) 3. Гора Узловая (3118 м)
4. Гора Агеста (3256 м) 5. Турьи Горы (2905 м)*

37. Озеро Юрия Константиновича Ефремова.

На заднем плане Цындышха и пик Смидовича (Акарагварта)

38. Вид на Красную Поляну с горки Монашка

39. Памятник Юрию Константиновичу Ефремову на горке Монашка (758 м). 2000 г.

Мы на пике. Чувство триумфа, утоление данной жажды. Пять лет я любовался «белой палаткой» как неприступной твердыней и только мечтал когда-нибудь на ней оказаться! И вот мечта осуществилась. Панорама, развернувшаяся перед нами, превосходила все когда-либо виденное. Под ногами разверзалась долина Холодной, сверху в деталях просматривался знакомый переметный ледник, обнявший совсем небольшую горку Скального Замка.

Грандиозной синей стеной во все три с четвертью километра высоты нашей вершины вставало на западе Черное море. В дымке различалась прибрежная зона Сочи. Гагринские горы впервые просматривались сверху, поэтому толпились множеством новых, ранее не виданных вершин. Среди близких гор только Агепста и Чугуш высились, как равные нам, да в нагромождении пиков Кардывачского узла выделялись чьи-то зубцы — вероятно, Цындышхи и Смидовича. А жадный взгляд стремился дальше, дальше.

На горизонте голубеют, сияют, словно глыбы льда, четырехтысячные гиганты района Домбая и Клухора, пересекаемые Военно-Сухумской дорогой. А это что — не облако ли белеет над всеми ними еще восточнее, совсем прозрачное, призрачное, словно бестелесное, на километр выше всего остального? Неужели Эльбрус?

Но некогда любоваться. Нам столько нужно увидеть с этой вершины, столько записать. Ветер, словно флюгером, хочет вертеть нашими планшетами, превращает в паруса одежду. Как бы напряженно заполоскался, как бы порывисто затрепетал здесь большой флаг!

Тревожно на вершине. Переменчивы краски, дымка, ветер. Совсем не с моря, а почему-то с севера потянуло влажным дыханием, и, словно из вытяжных труб, с тыльного ледника повалили возникающие на глазах облака. Каких-нибудь три часа нам нужно было провести на вершине, но уже в середине этого срока мы были в плотном тумане. Ничего не видно, записывать нечего. Может быть, это ненадолго, перетерпим?

Замерзшие на ледяном непрекращающемся ветру, осматриваем ближние участки. Откололи образцы горных пород для коллекции. На одной из плит гребневой россыпи еще задолго до нас¹ сооружена башенка — тур — из камней. Ищем в этом туре записку о восхождении — нет ничего. Решаем оставить свою. Пишу, что такого-то числа и года вершину посетили такие-то. Наташа освобождает коробочку из-под бульонных кубиков, и мы не без гордости прячем ее с запиской в нишку между плитами тура.

Наконец погода смилостивилась, мы провели на пике еще около двух часов и закартировали все, что нам было нужно. Спускаться по только что пройденному пути вдоль ледника и первого притока Пслуха нам не хотелось — этот путь был нелегок и для подъема. Выход был один — спускаться по второму притоку — опять по следам нашего косматого проводника.

Не только барсу выгодно преследовать грозящего ему охотника, — пойдем и мы по пятам возможного недруга.

Мы благополучно достигли своего лагерька и уже в темноте дошагали со всем имуществом до Холодного лагеря.

¹ Географом Ивановым-Вихаревым и сочинским краеведом Михайловым в 1930 году. Их записку и трехкопеечную монету 5 сентября 1931 года нашел географ профессор Григорий Григорьевич Григор.

Через Главный хребет Кавказа с севера в Красную Поляну ведут два пути — псеашхинский — через перевал Псеашхо — и айшхинский — через перевал Айшха. По первому пути, где пролет главный экскурсионный маршрут заповедника, мы проходили с нашим лесным Сашкой... Второго пути еще не знали, хотя о нем слышали немало. Напомню, что именно через Айшха прошли и увидели Поляну первые греческие и эстонские ходоки; здесь же прошли в Красную Поляну и ее первые после ахчипсовцев жители — греки и эстонцы.

Хребет Айшха мы уже видели, вершины его от Второго до Четвертого Айшха знали. Не были лишь на самом перевале Айшха и на Первом Айшха: тут оставалось непосещенное нами звено Главного хребта между Псеашхо и остальными Айшхами. Ясно, что один из маршрутов было необходимо проложить сюда. К тому же за перевалом Айшха нас ждала одна из крупнейших рек северного склона — Малая Лаба, а в ее долине морены, террасы, — новые ключи к возрастным загадкам рельефа...

Как мы вжились в этот быт, в эти будни маршрутной жизни, горно-полевой работы. Что мы делаем? Планируем новое пересечение заповедника по неведомому и нелегкому маршруту! Еще год назад я готовился бы к этому, как к важнейшему путешествию за весь туристский сезон. А сейчас? По-деловому, по-хозяйски собираемся в очередной, уже десятый за лето маршрут, уверенные, что он состоится, нисколько не взволнованные, а лишь убежденные, что он порадует нас нужным количеством новых фактов...

Да, мы многое приобрели на этой работе. Но и не потеряли ли мы на ней чего-то дорогого, кровного, сокровенного? Неужели мы так быстро повзрослели и увлеченность научная заменила увлечения просто радующихся людей?

...Дорога через Айшха к Лабам начинается из долины Пслуха. Пихтовый Пслух, впадающий в просто Пслух, наблюдатели ласково называют Пслушонком. Перевал Айшха¹ лежит на пути из долины Пслушонка в долину значительно более крупной реки, носящей, однако, столь же уменьшительное название: Лабенок. Так ласкательно именуют на Западном Кавказе Малую Лабу, особенно ее верховья, в отличие от еще более крупной Большой Лобы, которую, видимо, считают взрослой...

Перевал Айшха, несмотря на значительную высоту (2400 метров), невзрачен: он лежит в долине, пересекающей широкий гребень, и нет точки, которая радовала бы панорамами в обе стороны сразу. Но когда минуешь перевальную долину, северный склон Кавказа предстает исполненным нового, невиданного величия. Горы рассечены здесь узким и глубоким, угрожающе крутосклонным ущельем. Мы уже видим, что и оно сглажено ледником, то есть представляет собою трог. Крутизна явно превосходит углы естественного откоса — такую мы видели только под Любом на Верхней Мзымте. И вздымающийся справа массив горы Скалистой и взметнувшиеся слева кручи Псеашхо посылают дну долины свои обломки, и дно это буквально завалено хаосом скатившихся сюда камней. Тропа на километры погребена обломками. Даже людям мучительно скакать по острым камням, а каково скользить и спотыкаться грузной лошади?

Псеашхо, теперь со всех сторон знакомый Псеашхо! Ведь это у зданий бы-

¹ Седловина между Первым и Вторым Айшха.

37. Лагерь Холодный

вает фасад и тыл, и зная внешность Большого театра спереди, не обязательно стремиться запомнить, как он выглядит со стороны задворок. У горного массива все стороны фасадные, а отличаются только привычные от малопривычных.

Восточный фасад Псеашхо впечатляет совсем новой, не похожей на знакомую нам, красотой. Особенно выделяется острый пик над большим восточным ледником — мы этот переметный ледник видели под собою с Южного Псеашхо.

Пик словно пронзает небо. Такие формы есть и в Альпах — значит, было с чего зодчим, авторам готических соборов, перенимать силуэты и пропорции своих замечательных сооружений.

Трудная переправа через бешено вздувшуюся речку Мутную, напоенную талой водой Восточного ледника.

А следующий левый приток Лабенка называется по контрасту с Мутной — речка Чистая. Кто-то еще задолго до нас увидел разницу между соседками. Не только сама речка была кристальной по сравнению с только что перейденной Мутной. Вся долина с ее привольными полянами и четкими парковыми группами пихт, разбросанными в разных планах и на разных высотах, и все горное окружение — восточный фасад Псеашхо и торцовая сторона горы Мраморной, тыльная по отношению к видной из Холодного лагеря, — все это создавало ощущение прозрачности, совершенства. Не с мраморами ли, не с карстовыми ли водами связана и сама чистота воды речки Чистой?

И снова таким ограниченным, даже убогим показался нам обычный репертуар туристских маршрутов из Красной Поляны. Как маятники, ходят ту-

ристы к одному и тому же Холодному лагерю. Несколько многообразнее, шедшее, разноплановее этот иишхинский маршрут. А ведь отсюда нетрудно и перевалить к Холодному! Значит, можно рекомендовать путешествие по кругу Псеашхо!

Новизна и прелесть росистых полян, исчерченных тропками. Да, необитаемое царство, и в нем много тропок, притом торных, словно заботливо поддерживаемых. Почерком копытец и катышками помета на них написано, кто об этом заботится. Чистая речка — мир оленей. За день пребывания здесь мы повидали немало этих грациозных животных. На мою долю досталась ланка с двумя крупными — уже подростками — оленятами. Мирно паслись, потом спокойно, не обратив на меня внимания, ушли за пихтовый перелесок. Какое ощущение тепла, уюта, обжитости сообщили бассейну Чистой речки эти добрые звери...

Нет, напрасно я беспокоился, что мы уже повзрослели и увлекаемся только наукой. Мир Чистой речки — как прекрасен этот огромный амфитеатр, буйство лугов, кулисы пихтовых перелесков, щедрость цветов и ручьев.

Приходится прощаться с раем. Идем вниз по левому берегу Малой Лабы. Лабенок мужает. Приняв воды Мутной и Чистой, это уже не ребенок, а внушительная, трудная для переправы река.

Крутосклонная лесистая долина. Дикость, глушь. Ниже устья еще одной реки Безымянной справа высится торцовый облом хребта Герцена, хребта, поразившего нас своим недоступным величием еще при взгляде с Аишха... А вот и устье Цахвоа, в верховьях которой мы видели из-под пика Кардывач крупное озеро...

Плотные ребристые камни посверкивают серебристыми блестками. Что это? Руды? Нет, это блестят мельчайшие вкрапления слюды. Мы пересекаем выходы древнейшего фундамента Кавказа — так называемых слюдистых гнейсов. Здесь и мелкозем, возникший при разрушении этих гнейсов, переполнен частичками слюды, он весь искрится холодными елочными блестками. Туристы наверняка будут приносить отсюда эти игристые камни, думая, что обнаружили залежи серебра...

А вот и луговой оазис в море лесов — Умпырская поляна. Впоследствии здесь оборудуют базу для восстанавливаемого в заповеднике стада зубров. Прямо с поляны видна брешь в зубчатой горной гряде — это Лабенок прорывается сквозным Шахгиреевским ущельем через продольную гряду стойких пород, которая замыкает поляну.

Слева в Малую Лабу вторгается бурная струя мутно-коричневых вод. Вот он каков стал, Уруштен, тот самый Уруштен, обезглавленные истоки которого так жалки в Перевальной долине Псеашхо. Здесь он темен и мощен. Жители низовьев Лабы давно уже называют этот ее приток по-русски: Черная речка. И даже караулка, приютившаяся в устье Уруштена, называется Черноречье...

Измеряя речные террасы Малой Лабы, встретились с геологами, проводящими в галечной пойме этой реки разведки на золото. Удивили их сведениями о существовании высоких террас в верхнем течении Лабенка (геологи эти до сих пор перемывали только современные наносы реки). Невольно вспомнились казуистические тезисы Смирнова-Чаткальского о практической бесплодности геоморфологических исследований, обслуживающих якобы лишь нужды самой науки.

Лабенок ушел нас далеко на север, в предгорья, к подножию Скалистой куэсты, где раскинулась большая казачья станица Псебайская. Обо всем этом походе, об исследовательских буднях, о встречах с людьми можно было бы написать отдельную книгу. Но я и не брался изложить все походы с равной подробностью, тем более такие далекие от Красной Поляны.

А какой поэмы был достоин обратный путь! Верные себе, мы от Черноречья свернули в сторону, чтобы вернуться в Поляну кольцевым маршрутом.

Очередной подъем вынес нас на горные луга массива Ятыргварты. Воздержусь от описания еще десятков чарующих горно-лесных и луговых пейзажей — им не было числа, как и следам медведей, волков, кабанов и серн.

Мы уже торопились, и этот путь для нас, в сущности, был туристским. Мы лишь с удивлением рассматривали незнакомые нам сочетания карстовых форм (воронок, ребристых карров) с древнеледниковыми цирками и бараньими лбами...

★

38. Лагерь Уруштен. Наблюдатель Ткачев, Володя и Наташа. 1938 год

Середина сентября. Листва в зоне криволесья побурела. Горы, как всегда осенью, приобретали вид разноцветного живого плаката о высотной зональности. Киноварью пылали отдельные кусты кленов. Луга украсились оранжевыми бокальчиками крокусов.

Один из вечеров застал нас у верхней границы леса, на лугах хребта Албус. В небольшом сарайчике — лагере заповедника — дымил очаг, над ним кипело варево из лапши и мясных консервов. Вокруг царил священная тишина ночи, лишь издали сопровождаемая легким и ровным гулом невесть где пенящихся горных потоков.

И вдруг среди этой тишины совсем близко от лагеря раздался странный и мощный звук, ближе всего напоминающий мычание, но мычание надрытанное, иступленное, с трубными раскатами в конце. Это был осенний рев оленя, ежегодная брачная песнь самца.

Скорее на воздух, под звезды, в холод высокогорной ночи! Ну почему же наступила эта тишина, почему не повторяется вновь и вновь страстный боевой клич?

Минут через пять этот же голос прозвучал снова. А еще через четверть часа один за другим заговорили и соседние хребты. Оказалось, что можно опознавать исполнителей по голосам. Первый кричал словно по-бычьему. Среди пяти остальных выделялись два, в их воплях было меньше мычания и больше трубных оттенков бархатного мужского баса. И в первой долгой ноте клича и в заключительных раскатах-рыданиях так удивительно сочеталась любовь с болью, сила с неисцеленным страданием.

НА ПИКЕ БЗЕРПИ

С Алоуса спустились в уже знакомую долину Уруштена — то есть прошли диагональной тропой, связующей псеашхинский и айшхинский пути через заповедник. Когда-то именно так двигался с Лабы на Псеашхо Мало-Лабинский отряд генерала Граббе, первым из русских занявший поляну Кбаадэ.

Миновали Холодный лагерь, перевалы Псеашхо и Бзерпи.

Немного не доходя до Пихтовой поляны, расстались с лошадей. Володя с Шурой и Георгиади ушли прямо в Красную Поляну, а мы с Наташей свернули с гребня Псекохо влево по тропке, которой я в своем туристском прошлом даже не замечал (теперь от наших глаз уже не скрывались никакие тропы). Мы пошли косогором на давно уже манившую нас поляну под Когтем и пиком, возглавляющим Бзерпинский цирк. Было бы правильно именовать эту вершину пиком Бзерпи. Видна из Красной Поляны, выше Аибги (2482 метра), а до сих пор не имеет твердого имени. Иногда ее называют «Псекохо», но это неверно. Псекохо — только лесистый отрог массива Бзерпи. Краснополянский фас массива Бзерпи, видный из Поляны правее и выше лесного Псекохо, оставался последним белым пятнышком на нашем планшете (если не считать непокоренных верховьев Лауры). Было даже что-то трогательное в том, что напоследок у нас оказался недоизученным не какой-то дальний неведомый угол, а участок гор, просматриваемый прямо с улиц поселка!

Тропа подвела нас к дикому и глубокому прямолинейному не то оврагу, не то ущелью. Так выглядела рыжая рытвина, которая хорошо видна из Красной Поляны и кажется такой невзрачной полоской. Для спуска в нее и подъема на ту сторону по ее скатам прорублена тропка, местами головокружительная.

Близ этой рытвины еще на рубеже двух веков инженер Сергеев изучал выходы железных руд. За это и речку, верховья которой лежат в рытвине, называли Рудной¹.

¹ Впрочем, ее же зовут Сумасшедшей (тут не стесняются с многократным повторением одних и тех же названий; сколько в заповеднике речек Холодных, Безымянных, Туровых!). Придется называть ее Рудной-Сумасшедшей, чтобы не путать с другими Рудными и другими Сумасшедшими.

Даже самый этот овраг был бы достойной целью экскурсий краснополянских туристов. А какая поляна открынется за перелеском! Овальное пятно светлой зелени среди пихт — как давно хотелось мне побывать здесь! Жаль только, что у этого луга такое прозаическое название — поляна Свинофермы... Вот и еще один «рай», и еще одна поляна нам кажется лучшей из всех других...

Через Коготь (вблизи это внушительный утес) поднимаемся на вершину.

Мы на пике Бзерпи. Прощальный подарок Поляны: вершина с одним из лучших кругозоров. Отсюда видны и самый поселок, и Чугуш, и Аишхи вплоть до Кардывача, и далекое море, и главное — оба Псеашхо. Псеашхо! И Южный — пирамида усеченная, и Сахарный — пирамида остроконечная — оба они только отсюда видны во весь свой двухкилометровый рост, от врезавшегося в их подошву глубокого ущелья Пслуха до припудренных новым снежком вершин! Троговые долины обоих левых притоков — трассы наших путей — смотрят устьевыми раструбами прямо на нас. Как на модели, хорошо видно, что это висячие трогги, подрезанные в устьях более глубоким рвом самого Пслуха.

Только отсюда раскрылась нам окончательно и история перехватов Прауруштенских верховьев. Перед нами был не двойной перехват, как писал Рейнгард, а даже тройной: на наших глазах самое изголовье Прауруштенской долины перекусывает своими верховьями еще одна захватчица — Рудная-Сумасшедшая!

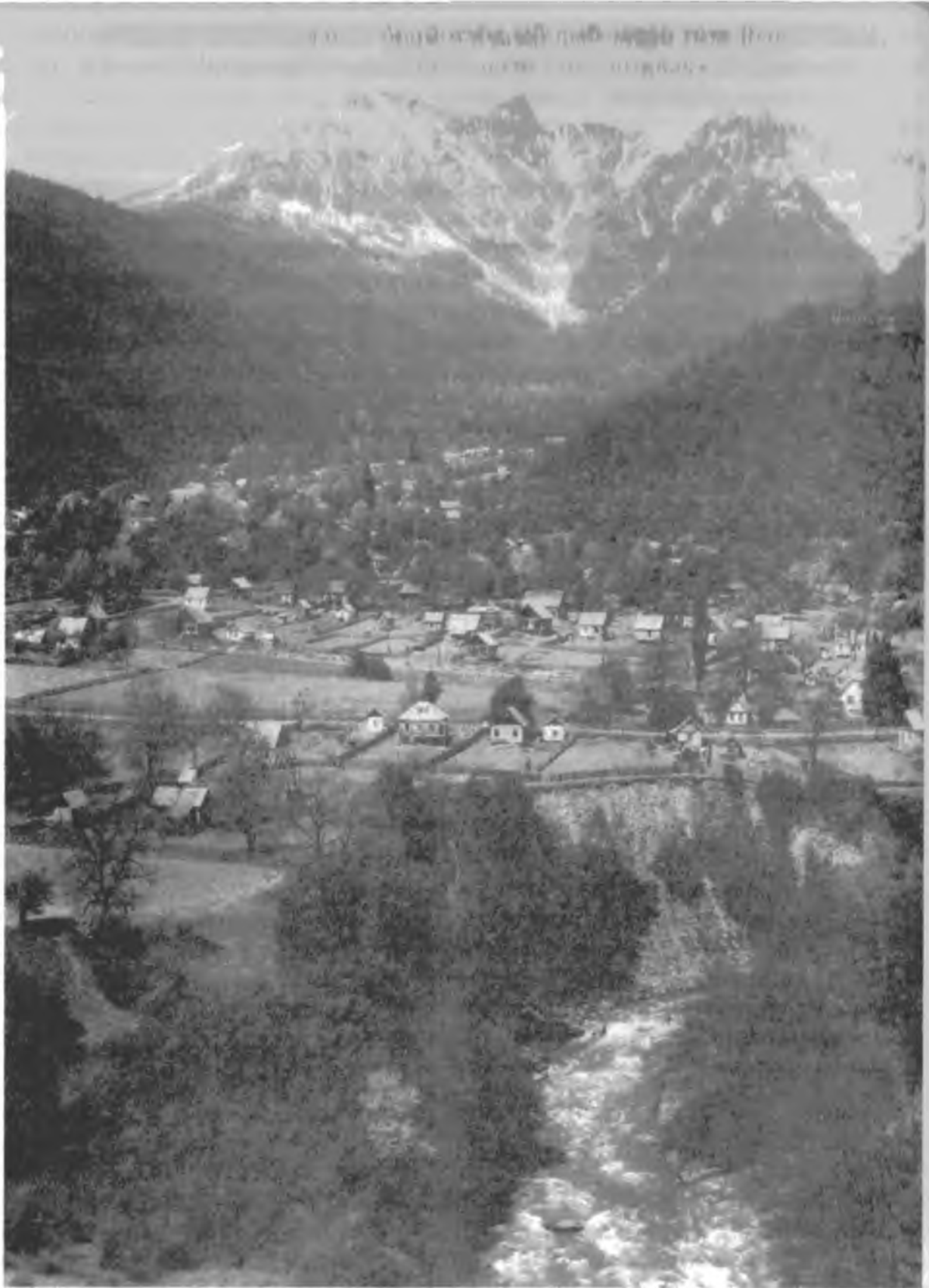
Столько побеждено, столько познано! Теперь мы можем смотреть на горы и о каждой вершине сказать: были, были, были — на той и на этой, вспоминать друзей, детали восхождений, погоду, видимость, самочувствие. Нам стало легче перечислить пики, на которых мы еще не побывали, чем называть покоренные. Но это и хорошо, что остались непобежденные вершины — все еще нет чувства, что краснополянские горы исчерпаны! Радостным открытиям и впредь не будет конца. Вот непосещенные нами дальние Аибги и Турьи горы с Агепстой. А вот и пик Сахарный Псеашхо — даже из самой Красной Поляны видна всегда зовущая ввысь вершина, на которой мы не были.

Перед возвращением ночуем на Пихтовой поляне, словно в глубоком круглом колодце со стенками из высокоствольных пихт. Горы прощаются с нами шумом далеких рек, голосами сов. Граница заповедника, вечный лес, который должен быть сохранен навсегда, — полномочный представитель древней девственной природы перед лицом последующих поколений.

«МНОГОЭТАЖНОСТЬ» ПРИРОДЫ

У самого хорошего студента перед экзаменом не хватает еще одного дня. Мы не отказались бы и от месяца. Факультетская жизнь захлестнула зачетами, практическими работами. Лекции о природе зарубежных стран расширяли наши представления, знакомили нас с характеристиками больших территорий. Любой предмет увлекал. Опомнились уже к весне. Пора было представлять кафедре дипломные работы, а заповеднику — отчет о проведенных исследованиях.

Идем к своему руководителю — профессору Добрынину. Рассказываем о виденном — слушает нас с интересом, но еще больше оживляется, когда мы высказываем ему свои предположения о формировании подальпийских хребтов. Словно мельком, он говорит:

39. Красная Поляна в 1938 году

— Надо еще подумать, нет ли тут следов древних циклов выравнивания. Значит, и перед ним встает этот вопрос о первопричине удивительной выровненности гребней многих хребтов?

Отчет, отчет! Мы писали его, захлебываясь, споря, вечерами, ночами. Из вороха полевых записей, из этикеток к геологическим образцам, из измере-

ний карты и из покоряюще ярких воспоминаний складывалась сотня страниц текста и графических материалов. А бессонные ночи в темной комнате с красным фонарем! Теперь мы владели сотнями фотографий с изображением любимых мест.

На студенческой научной конференции выступаю в докладе об итогах нашей экспедиционной работы. Так волнуют умные, проницательные глаза председательствующего — Отто Юльевича Шмидта — он следит оценивающим взглядом: «А ну-ка, каковы вы будете, следующее поколение исследователей?»

Профессор Добрынин дает высокую оценку нашим работам, особо отмечает самостоятельность в выработке методики. Александр Александрович Борзов даже упомянул об открытии новых озер на Западном Кавказе университетскими студентами в очередном номере «Землеведения». Журнал, в котором Евгения Морозова впервые писала о Рице, сообщал и о наших находках!

Дипломные работы написаны. Сводный отчет отправляем в заповедник. Не слишком ли он ученический? Нет, именно теперь, когда на проделанную работу можно оглянуться как на пройденный этап, становится ясным: нам есть что сказать... Чем больше трудностей возникало перед нами, тем более пристально изучали мы факты, тем полнее, в частности, приходили к выводу, что в выравнивании подальпийских хребтов повинны не только ледники, но и целые эпохи первоначального выравнивания древних складок и глыб будущего Кавказа...

В процессе работы над отчетом я не раз задумывался над тем, что привлекло меня к краснополянским горам? Только ли то, что они попались мне первыми в жизни — вот и стали первой любовью, несравненной, неповторимой? Да, этого не вычеркнешь. И я не переставал этому радоваться.

Природа Западного Кавказа — и живая и мертвая — редкая по насыщенности красотами и по сложности причин и связей. Какое счастье, что именно она досталась нам в наставницы: сколько трудностей заставила преодолеть, сколько загадок разгадать...

Позже, став профессионалом-географом, я получил новое основание для своей любви к горному Черноморью. Не только по ревности краелюбца, а вполне беспристрастно сличая Красную Поляну со множеством горных ландшафтов, я понял, что нам действительно посчастливилось: мы оказались на земле с природой самой богатой, самой сложной и насыщенной во всей нашей стране.

Горы — они вообще бесконечно красочнее равнин. Они объемнее, у них огромное третье измерение — не только ширь и даль, но и высота, глубина. И даже среди горных ландшафтов краснополянские уверенно претендуют на первенство. Конечно, они не спорят с Памиром, с Тянь-Шанем и с Центральным Кавказом за обладание рекордными высотами; немало гор превзойдут причерноморские и по частным «показателям величия» — по грандиозности размеров, по длине ледников, по высоте водопадов...

Но нет в Советском Союзе и не так много на всем земном шаре гор, где бы на таком коротком расстоянии умещалось столько различных этажей ландшафта от влажных субтропиков до ледяных высокогорий. Где ни подступают у нас к морю горы — будь то Сихотэ-Алинь или Камчатка, Крым или Восточный Кавказ, то либо самые горы ниже, либо природа их подножий скуднее и суровее причерноморской.

Краснополянские горы подступают к теплomu морю — они напоены его влагой и поэтому трижды обильны. Южная покатость Кавказа ограждена здесь от лютых ветров Севера. Так было и в давние времена великих оледенений: здесь под защитой уже тогда существовавших хребтов выживала, почти не скудея, роскошная древняя флора. Ушли с гор ледники, и она расселилась, насколько могла, по подножиям и нижним склонам гор, всюду, где ей хватало тепла и влаги. Поэтому здесь так могучи леса, так буен и вечно зелен колхидский подлесок, так сочно и пышно высокотравье.

Мы знаем, что рельеф горного Черноморья формировался в ходе геологически недавних прерывистых поднятий обширной складчатой области. Не раз начинали громоздиться на месте Кавказа горы, но силы размыва успевали разрушать, сглаживать неровности, и будущий Кавказ превращался в холмистую равнину с отдельными недоразрушенными кряжами.

Тогда-то настало новейшее сводовое воздымание горной страны. Оно проходило пульсируя, рывками. Участки выровненных плоскогорий изгибались и кренились, взламывались и торосились. Оживали плоскости древних разломов, вдоль которых вновь начинали двигаться одни относительно других горные глыбы. Медленные вздохи земной коры сопровождались сотнями кратковременных, но разрушительных землетрясений. На приподнятые участки набрасывалась разбуженная движением эрозия: на всех участках русел, ставших круче, размыв шел интенсивнее. Он то подчинялся древнему рисунку гидросети на плоскогорье, то менял свои направления сообразно различиям в стойкости горных пород.

Сколько было вздохов, рывков и периодов покоя, столько речных террас возникло в долинах. А от старых равнин, от плоскогорий, вознесенных на большие высоты, остались лишь обрывки на гребнях более высоких хребтов.

Самый древний рельеф — в осевых, наиболее поднятых зонах Кавказа. Здесь почти не уцелели фрагменты былых равнин, и только одновысотность обширных гребней Аибги и Аишха, Ассары и Албуса напоминает о том, что тут на высоты 2500-3000 метров была перемещена некогда единая полоса плоскогорий.

Вначале были незначительно подняты одни осевые полосы будущих гор. Но уже следующее поднятие, вознося их дальше вверх, увлекло за собою и находившиеся у их подножий более молодые равнины. Вдоль обоих склонов осевой группы хребтов возникли полосы предгорий с обрывками древних равнин на вновь образовавшихся гребнях. И так несколько раз...

Возрастная многоярусность рельефа... Как постепенно, как долго подходили мы к пониманию механизма ее возникновения! Теперь мы понимали, что это основной закон образования рельефа гор. Более того, мы ощутили ее как непрменный элемент другого великого закона горной природы — закона ее высотной зональности.

Высотная зональность — многоярусность, многоэтажность ландшафта. О том, что в горах холоднее, чем у подножий, знали, вероятно, и первобытные люди. Но лишь мудрый Гумбольдт понял высотную зональность природы как один из законов, как выражение влияний климата на органический мир. Однако, понимая этажность живой природы, Гумбольдт еще не распознал влияний климата на рельеф и на верхнюю «пленку» земной коры. Нужно было геологу Докучаеву взяться за изучение этой пленки — почвенного слоя, чтобы понять, как сложны связи почв не только с породившей их геологиче-

ской «матерью» — материнской породой, но и с климатом, водами, органическим миром и человеком.

Почвы оказались удивительным зеркалом, отражающим все особенности, все стороны природы. Облик почв менялся с севера к югу и от подножий к гребням гор. Существовала как широтная, так и высотная почвенная зональность. Так Докучасным было открыто еще одно звено в Гумбольдтовой схеме высотной зональности, звено, переходное от живой к «мертвой» природе. Звено это — почвы.

Но ведь закону этажности подчинен и рельеф. Верхние горные склоны Кавказа имели не только альпийский климат, но и альпийскую пластику с ледниками, снегами, свежими цирками, с четко иззубренными гребнями и острыми пирамидами карлингов. Ниже располагался целый этаж рельефа, недавно освободившийся от древних ледников, — тут были еще свежи ледниковые формы, сферичны цирки, крутосклонны гребни. Еще ниже распознавался ярус, где ледники исчезли много раньше, — тут чаши цирков уже пострадали от оврагов, в подножиях обрывов скопились осыпи, чаши ледниковых амфитеатров стали похожи на конические воронки... Наконец, внизу располагались уровни, не испытавшие древнего оледенения, а ярус подножий окаймлялся полосой наносных шлейфов.

Эта схема, усвоенная нами еще из лекций профессора Щукина, существенно расширяла гумбольдтовско-докучаевское учение о высотной зональности ландшафта. Но все ли обнято и ею?

Существует еще одна многоярусность — возрастная многоэтажность гор. Древний рельеф вершин, склоны, вырезанные из рельефов среднего возраста, а в предгорьях — полосы наиболее юного рельефа гор. Это тоже неотъемлемая часть высотной зональности. Привлекательная идея, которую стоит развить в масштабе всего Кавказа, всех гор мира, в масштабе землеведения. А воздушные массы, их нередкая многослойность, многоярусность (а не просто похолодание с высотой!) — разве это тоже не одна из причин высотнотональных различий в природе?

ДВОЙНОЙ ЭКЗАМЕН

Готовясь к государственным экзаменам, получаю повестку... к следователю прокуратуры! Мои услуги понадобились для экспертизы по неожиданному краснополянскому делу.

Весной 1939 года в газетах промелькнула заметка о гибели трех альпинистов. Студенты в дни зимних каникул пересекали наш заповедник. Заблудившись в пути, трое погибли от мороза и голода, а четвертый, самый юный из них, Гриша Шабсин, дополз до Пслухской караулки и спасся.

Встречаюсь с вернувшимся в Москву Гришей и выслушиваю страшную повесть о гибели его спутников — старшекурсников, опытных туристов, спортсменов-богатырей...

Путешественников подвел хитрый рельеф Псеашхинской долины с ее перехватами. Туристы успешно преодолели на лыжах весь главный маршрут — прошли и Аспидный, и жуткую в зимнее время лавинную щель Уруштена, и Холодный лагерь. Они могли уже считать себя победителями, но не знали одного: запрета сворачивать в долины Дзитаку и Пслуха. Об этом им не сказал ни один консультант при отправке в поход.

По рассказу Гриши воссоздаю шаг за шагом цепочку их злоключений. Одна ошибка — свернули в безвыходную Очерную долину Дзитаку, к первому по ходу и ложно заманчивому низшему перевалу через главный водораздел. Измучились при безнадежных поисках спуска. Здесь их присыпало лавиной. Уцелели, но потратили уйму сил и времени на самооткапывание. Деморализованные неудачей, вернулись к Уруштену, прошли перевал Псеашхо. Увидев долину Пслуха, поняли, что это южный склон. Но ведь им никто не сказал, что надо идти к Бзерпи и переваливать к Псекохо гораздо левее Бзерпинского карниза, зимой, конечно, неприступного.

Студенты свернули по Пслуху — по ущелью с кручами и завалами, их еще не раз засыпали небольшие лавины. Остатками пищи старшие подкармливали юного друга — первокурсника. Гриша с содроганием вспоминает, как все они бредили теплом и едой. Начались коллективные галлюцинации — мерещился старичок-наблюдатель, бравшийся вывести их к жилью, а выводивший к обрывам и исчезающий. Один за другим отставали коченевшие спутники. Гриша полз в одиночку. В нескольких сотнях метров от караулки его облаяла собака. Умный пес побежал за помощью и привел к замерзавшему юноше взволнованного наблюдателя. Тот бросился к остальным — люди находились всего в двух-трех километрах от кордона, но были уже мертвы.

В дни экзаменов выступаю в суде в роли эксперта-краеоведа. Бюрократы, пославшие людей на верную смерть, в неподготовленные рекордистские походы, старались валить вину на самих погибших. Они утверждали, что ни в каких консультациях лыжники не нуждались, и вообще — подумаешь, погибать на высоте одна-две тысячи метров, когда альпинисты лазят по шеститысячникам и то остаются живы...

Громкий процесс «О гибели трех альпинистов» показал недопустимость легкомысленного отношения к природе, вредность слепой погони за однобокими спортивно-туристскими достижениями. Ведь трудности природы всюду свои, и только разумная краеведческая основа, географическое изучение маршрутов помогут безаварийно ставить рекорды и преодолевать труднейшие трассы в любые сезоны.

Экспертиза в суде — это был тоже своего рода государственный экзамен практической полезности краеведческих знаний.

*

Университет окончен, впереди необъятная жизнь — мы уверенно глядим на ее безбрежные дали, словно смотрим на целый мир со своих вершин над Красной Поляной.

Эпизоды жизни и творчества
М.А.Александрова

ЭПИЛОГ
СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Если б мне когда-то сказали,
Как доступны быть могут дали,
Что ступнями, сердцем и мерил,
Я б, наперное, не поверил.

ДАЛЕКО ОТ ПОЛЯНЫ

Жизнь покатилась быстро и по совсем неожиданным путям. Мне поручили преподавание географии в университете. Но какой! Географии зарубежных стран, стран, в которых я еще не бывал и о которых располагал лишь заочными, книжными представлениями.

Неожиданно и тут большую помощь оказали краснополянские горы. Они и при познании остального мира служили эталоном для сравнений, облегчали запоминание цифр и фактов.

Размеры ли территории — «как заповедник», характер ли растительности — «высотная зональность Лазистана в Турции аналогична краснополянской», а в других местах — «смещена на столько-то метров вверх». Высота знаменитой поэтической горы Парнас в Греции — 2459 метров — это почти метр в метр навсегда памятная высота Аибги.

Буковые леса краснополянских гор — можно ли забыть эти пепельно-серые колоннады? Теперь столь же реальными для меня становились сходные леса Карпат и Японии, Чили и Новой Зеландии.

Весь мир, рассматриваемый через «краснополянский бинокль», приближался, делался осязаемым.

Я утонул в иностранной литературе, ломаясь со словарем через сложные тексты, подчас на едва знакомых языках. А иногда среди моря иноязычных книг вдруг обнаруживался источник с русским текстом. Как приятно было при изучении Южных Анд и Огненной Земли встретиться с сочинениями, написанными об этих странах нашим горноколхидским Альбовым!

Оказалось, что можно даже заочно, и не посещая многих стран, понять, запомнить и зрительно представлять себе существенные черты их облика.

А шел как раз 1939 год. Над миром нависла война. Прозвучали первые выстрелы фашистов в Польше. О зарубежных поездках географу нечего было и думать. В таких условиях «заочное страноведение» становилось важным, нужным делом.

От краеведения к страноведению. От знания отдельных долин и хребтов, каждой тропки в лесу, каждой даты в истории малого района — к изучению огромных территорий.

Гитлеровское нападение на нашу страну застало нас в Геленджике, где мы с Наташей руководили студенческой практикой и, изучая приморские низкогорья, кое-чему доучивались сами. На упрощенных примерах гор у Геленджика было видно, что мы все же недооценивали значения процессов древнего выравнивания, которые предшествовали новейшему поднятию и расчленению гор.

Грянул гром, и сразу стало не до выровненных поверхностей. Слобно сама природа почувствовала потрясение, переживаемое страной. Громко вздрогнуло Черное море, и даже в вечно спокойную Геленджикскую бухту юго-западный ветер нагнал штормовые волны. Яростный прибой набрасывался на берега, грохотал камнями и, словно тяжело всхлипывая, сщеживался сквозь них, чтобы обрушиться на пляжи новыми и новыми нашествиями.

Всею грудью открыто Черноморское побережье разбушевавшейся стихии. Неужели так же открыто оно и ударам врага? Ведь побережье — это граница и, значит, линия фронта! Тогда и наши краснополянские высокогорья становятся прифронтовыми районами.

Со злобной горечью вспоминаем демагогические прорицания Смирнова-Чаткальского...

Практика в Геленджике была прервана. Мы вернулись в Москву к самому началу воздушных налетов на столицу. А дальше так пошла изламываться жизнь в бурях событий военного времени, что ко дням вторжения фашистских армий на Кавказ мы с Наташей работали совсем далеко от Кавказа — в горах Копет-Дага у границы Ирана. Копет-Даг дыбился безлесный, на огромных пространствах обнаженный. Вся его анатомия как бы просвечивала на поверхности гор. Стойкие пласты выступали как ребра, как связки сухожилий...

Все пути и причины препарировки стойких и податливых свит, все влияния их наклонов на крутизну скатов, следы всех движений и вздрагиваний, которым здесь и нынче подвержены недра, видны на скатах Копет-Дага, как в открытой книге.

Сияясь проникнуть взглядом под пышный полог краснополянских лесов, мы могли лишь догадываться о некоторых причинах такого, а не иного формирования рельефа. Обнаженно-костлявые склоны Копет-Дага сами рассказывали нам о справедливости наших предположений. Теперь копетдагский «бинокль» прояснял нам Кавказ.

Какие обширные плоскогорья вознесены к пригребневым высям у Копет-Дага! Мы целыми километрами ездили тут по степным равнинам без дорог на грузовике. Пшеничные нивы клонились под мотовила комбайнов... Но вот и край плоскогорья. За бровкой страшный обрыв к ущельям, изгрызшим бока нагорья. На их тенистых днищах — полосы леса, точнее — диких лесосадов. Как иначе назвать лес из плодовых деревьев — яблонь, ореха, гранатника, оплетенных диким же, но вкусным виноградом.

Что-то родное, горноколхидское, дышит на нас из этих лесистых лощин Западного Копет-Дага, — чувствуем себя здесь, словно мы «у себя дома».

Ступенчатые плоскогорья этой горной страны еще полнее убедили нас, как универсален закон возрастной многоярусности выровненных поверхностей. Эх, теперь бы новыми глазами да на старый Кавказ!

Но именно в эти дни звучали тревожные сводки о боях на Волге и Кубани. О многом узнавалось с болью, но то, что война коснулась нашего участка Кавказа (в сводках стали упоминаться Майкоп, Псебай), наполняло душу особенной горечью. Война пришла в краснополянские горы и пришла совсем не с моря, а с севера.

Фашисты вошли в заповедник! Вскоре мы узнали, что они бросили в высокогорья свои альпийские войска, что воткнули флаг со свастикой в вершину

Эльбруса, что вышли на некоторые перевалы Главного хребта и даже добрались до Пеху на южном склоне.

ПО-НАД ПЕТРАРКОЙ

Лето 1944 года. Враг уже выбит из гор, откатился из Предкавказья. Как пригодилось теперь географам знание заочного страноведения. Сколько географических — уже совсем не по Кавказу — справок понадобилось победно движущимся на запад фронтам.

С волнением и завистью читаю Наташины письма. Счастливая, она теперь уже самостоятельно продолжает исследования Кавказа. Пишет, что из последнего маршрута ей пришлось возвращаться на южный склон по долине Малой Лабы, что было дико и горько видеть заповедный Лабенок, исковерканный следами недавних боев, усыпанный ржавыми касками и патронами, обломками лыж и саперных лопат, обрезками колючей проволоки и телефонных проводов. Выше устья Цахвоа, в самые сокровенные глубины гор проникали захватчики! Но все-таки они не были допущены к перевалу. Кто, какие герои удержали здесь натиск врага в страшном трюге Лабенка, заваленном хаосом осыпей?

Красная Поляна, так и не достигнутая врагом, встретила Наташу прежней прелестью, лишь несколько запущенная. Зелень бушевала как ни в чем не бывало — густым мелкокошесем покрылись за шесть лет многие памятные нам лужайки. Особенно буйно зазеленел участок турбазы. Но в его верхней части не было Собиновки. Мою любимую белую дачу с башней сожгли какие-то временные жильцы. Услышав об этом, я словно расстался с частицей все еще жившей во мне юности.

В Южном отделе заповедника нашлись и старые знакомые — наблюдатели. Сколько с ними теплых, радостных встреч — как с родными! А вот и новые люди, прежде всего сам начальник, Петр Алексеевич Савельев. Ревностный защитник природы и хороший хозяин, он сумел даже в военные годы, активно помогая фронту, не только не запустить, но и украсить и даже обогатить чудесный лесопарк Южного отдела.

К Савельеву на инструктаж по очередному учету туров собрались наблюдатели. Наташа сидела и слушала, как одному из них предлагалось пройти по маршруту через Лоюб на Юху, другому на Псеашхо, на Дзитаку и на гору Воробьева, третьему на Малый Чугуш. Наконец, двум наблюдателям с Ачипсе поручалось «пройти по-над Петраркой на Пришвина». Наташа встрепенулась.

— Простите, что вмешиваюсь. Скажите, откуда вы знаете эти названия?

— А мы эти места давно так называем. Почему это вас заинтересовало?

— Видите ли, я помню, как эти названия были предложены, и никак не думала, что они уже вошли в жизнь. Петр Алексеевич просиял.

— Так это вашу записку в туре я нашел на Ассаре?

— Конечно, нашу!

Савельев даже прервал инструктаж и с увлечением рассказал, как при первом же обходе вверенного ему Южного отдела он поднялся на Ассару, обнаружил наш каменный тур и записку в коробке из-под бульонных кубиков, как понравилось ему упомянутое в записке, пусть шуточное и условное, название Петрарка и как он своей властью ввел его среди прочих имен в официальную документацию заповедника.

Вот как получилось, что предложенные нами названия оказались в ходу у рядовых наблюдателей, не именных и представления о любви прославленного итальянца к своей Лауре. Позже мне приходилось встречать в Поляне и интеллигентных людей, убеждавших меня, что «Петрарка» — это старое черкесское название, вероятно, какое-нибудь искаженное «Петрархо».

Так при помощи записки на Ассаре я заочно познакомился с хорошим человеком. Через несколько лет я впервые явился к нему, назвал свою фамилию и сказал:

— А мою визитную карточку вы видели на Ассаре.

Это было началом долгой и прочной дружбы. Еще через несколько лет я присутствовал на творческом вечере Михаила Михайловича Пришвина. Взял да и рассказал ему при всех собравшихся, как мы шли на Ассару, как слушали барса и читали «Женьшень» при свете костра, как нанесли на карту пик и озеро имени Пришвина и как счастливы преподнести их ему в качестве подарка, хотя и спустя несколько лет после того, как название уже привилось в заповеднике. Тут же мы вручили писателю фотографию пика.

Пришвин, взволнованный неожиданным сюрпризом, встал и сказал:

— Впервые в жизни попадаю в такое пиковое положение. Таким подарком я настолько обрадован, что и сказать не могу. Все боялся, что моим именем переулочек или тупик назовут. А это ведь пик! Это же лучше, чем памятник!

Если бы о подобном подарке можно было рассказать и Петрарке!

Теперь надо раздражить туристов — пусть поднимутся на пик Пришвина и укрепят на нем мемориальный камень с указанием названия и высоты пика!

ВОЙНА НАД КРАСНОЙ ПОЛЯНОЙ

Отрывочно — от Савельева, от наблюдателей — Наташа узнает о том, как приближалась война к Красной Поляне. Поугрюмел, по-особому притих в эти дни поселок. Враг был в тридцати километрах. Не раз из-за горы Перевальной вываливался фашистский самолет и наугад, словно торопясь, сбрасывал на Поляну бомбы. Пострадало несколько зданий.

Фашистские армии заняли Псебай, Даховскую и Хамышки, прижали отступающих советских бойцов к безлюдным и бездорожным горам. Лишенные подвоза и пополнений, войска были вынуждены уходить горными тропами на южный склон. К Красной Поляне спускались разрозненные группы солдат, измученные долгими переходами, и спешили в Адлер и Сочи на формирование.

Уходили на юг от приближающегося нашествия и жители предгорных станиц — Тульской, Даховской, Каменноостской. Через суровые перевалы устремлялись они к морю, одни — к Дагомысу и Сочи, другие по главному маршруту заповедника к заветной Красной Поляне.

Кони были мобилизованы на нужды армии. Массы людей шли пешком, навьюченные всем, что могли унести с собою. Матери вели и несли малолетних детей. Шли не только с рюкзаками, но и с авоськами и сверточками в руках...

В помощь обороняющимся войскам были брошены наблюдатели заповедника — ведь они знали все тропы, все подступы, могли обеспечить даже многолетнее существование партизанских отрядов на случай, если бы неприятель и совсем окружил заповедные горы.

С Белореченского перевала спустились на север роты советских солдат под началом лейтенанта Ф.А. Шипа. У них был приказ любой ценой удержать Гузерипль.

По краю Гузерипльской поляны над обрывами Белой соорудили дзоты и 18 августа 1942 года приняли неравный бой. Во много раз превосходивший роту отряд немецких фашистов был разгромлен и отброшен вниз по Белой за Хамышки. Гузерипль устоял, почти единственный на северном склоне Западного Кавказа! Неподалеку от гузерипльского дольмена видна теперь братская могила трех бойцов роты Шипа, удержавшей этот ключ к Белореченскому перевалу.

Не взяв Гузерипля, враг устремился вверх по Малой Лаббе. Часть его войск прорвалась через Алоус, там, где так скорбно и гневно ревели олени, и вышла по лавинной долине Уруштена ко вновь сожженному Холодному лагерю. Другая часть пробивалась по Лабенку к перевалу Аишха.

Враг в тридцати километрах от Красной Поляны! Сбудется ли прогноз Торнау, и не только отважные люди, но и сама природа помешает врагу пройти к Поляне по узкой ступеньке Бзерпинского карниза? Но люди оказались сильнее природы. Миномет с горы Перевальной остановил фашистов задолго до Бзерпи: он не дал неприятелю сунуться ни в одну из перевальных долин — ни в Псеашхинскую, ни в Озерную долину Дзитаку. У Холодного захлебнулось, выдохлось фашистское наступление на Поляну.

Разве не наполнится теперь новым содержанием восхождение на вершины горы Перевальной? И прежде прекрасная, она по-новому зовет теперь туристов на свое северное плечо — на огневую позицию миномета, преградившего захватчикам дорогу к Красной Поляне.

Наши тропы, такие мирные и привычные, стали в эти дни единственными путями на передовую. По ним, сколько можно вьюками, а дальше пешком на себе, подносили солдаты боеприпасы, оружие и продукты... И было это не в бархатный туристский сезон, а в морозы, в заносы, под страшной угрозой и бомбежек, и снежных лавин...

Какими мелкими, незначительными становятся, если сравнишь, все наши хождения по этим же хребтам! Какими ничтожно благополучными все приключения, — даже смешно, что ходили, чего-то опасаясь, а иногда и себя чувствовали чуть ли не героями... Теперь здесь побывали подлинные герои, и стыдно, что мы о них ничего не знаем.

Еще найдутся военные историки и краеведы, которые шаг за шагом проследят пути врага в глубь гор заповедника и отметят рубежи героической обороны, которую держали здесь простые русские люди, в большинстве своем не знавшие этих гор, люди, которые, казалось, могли бы пасть духом от одних только физических трудностей и лишений — среди снегов и скал, круч и пропастей, лиан и кустарников.

*Линия фронта
Великой Отечественной войны
на Западном Кавказе:
1 - линия фронта в конце 1942 года;
2 - районы борьбы партизан*

Шли годы. Так складывалась жизнь, что мы долго не могли вырваться в Красную Поляну. Мои заочные страноведение становилось очным: очередные поездки заносили меня и в Германию, и на Сахалин с Курилами, и на Тянь-Шань, и на Карпаты, и в Армению... Но и в этих поездках я на многое смотрел вооруженными по-краснополянски глазами и всюду чувствовал себя как дома. Просто отыскивались тропы, сами загорались костры...

Еще несколько лет меня не пускало в Поляну большое дело — создание Музея землеведения в башне тогда еще только строившегося нового здания Московского университета. Сама служба обязывала уметь мечтать, как когда-то мечты же помогали проектировать для Гипрокура благоустройство Кардывача и Рицы.

Ведь и туркабинет Краснополянской турбазы был, по сути, маленьким, но разносторонним краеведческим музеем. Он раскрывал тайны природы небольшого района, теперь же показа требовала природа всей страны и Земли.

Современным натуралистам нужна полнота учета причинных связей в природе. Не об этом ли писал Докучаев как о высшей прелести комплексного естествознания? Все это и обнимало слово «землеведение», которое я впервые услышал на Рице пятнадцать лет назад — это было название журнала со статьей Морозовой... Но путь землеведа на башню университета не случайно начинался от Собиновской башни, с краеведческого познания малого района, а краеведу, чтобы вырасти в землеведа, надо было еще пройти и «стадию» страноведа...

Душою я все эти годы был с Поляной и, даже сидя в Москве, продолжал давать консультации и кроки многим туристам. Люди по-прежнему шли с нашей помощью и на Ацетукские озера, и на пик Бзерпи, и на Синеокое. А мы с Наташей в свою очередь собирали «дань» со всех приезжающих с юга — жадно слушали их рассказы, рассматривали фотографии, выпытывали новости. Мы уже знали, что осуществилась давняя наша мечта об обуздании Мзымты, знали, что в 1946 году была начата строительством, а 30 июня 1949 года пущена в ход первая Краснополянская гидроэлектростанция. Током, полученным от Мзымты, теперь питается все побережье от Туапсе до границы Абхазии. Один из приехавших показывает нам фотографию озера с лодкой и говорит, что это... Краснополянское озеро! Как, где? Оказывается, искусственное водохранилище.

Много нового слышали мы и о Рице. На ней уже выросли гостиница с рестораном и пристань, организовано движение глассеров, выстроены шашлычная и дома отдыха.

Ревниво рассматриваю фотоснимки, как бы проверяя, какая часть наметок осуществилась. Над Рицей построено тупиковое шоссе в Сосновую рощу, и в конце этого шоссе сооружена кругозорная беседка — это один из намеченных тогда бельведеров! Автобусы подходят долиной Лашипсе к «живой воде» — боржому Аватхары. Источник благоустроили, над ним соорудили беседку, а рядом небольшой дом отдыха, первенец будущего курорта. Но шоссе окончилось тупиком у устья Мзимны — к Ацетукскому перевалу его еще не подвели...

Нелегко даже мысленно привыкнуть к таким изменениям родных мест. Путь на Кардывач со стороны Поляны занимал два-три дня. Теперь с Аватхары можно сходить на Кардывач за день туда и обратно. В однодневную прогулку от конца автомобильной дороги превратился поход к еще недавно таким

далеким Аштукским озерам! И это лишь первое, что мне приходит в голову при зночном знакомстве с новостями.

К сожалению, не все новости радуют. Есть среди них такие, что удручают, тревожат, вызывают протест.

В 1951 году мы узнаем о крупных переменах в заповедных делах — о значительном сокращении числа и площади заповедных территорий в стране и — самое горькое для нас — о сокращении в три с лишним раза территории Кавказского заповедника. Особенно резко урезан Южный отдел — как раз наша, краснополянская, часть заповедника. Ведь именно здесь наиболее далеко в горы проникает превосходное шоссе — готовая транспортная артерия для вывоза древесины.

Не верится, что вне заповедника оказались Чугуш и Ачишхо, Псеашхо и Аишха, Цахвоа и весь Кардывачский узел. Чугуш не заповеден? Чугуш с его сотнями, тысячами голов туров! Разве простят нам потомки, что мы не сберегли для них эти удивительные ландшафты.

Что же произошло, как? Впрочем, понятно, как. Заповедание изымало из хозяйственного оборота немалые участки природы во имя науки и культуры, для будущих поколений и для обогащения природных ресурсов соседних территорий. Но скольким хозяйственникам эти принципы казались лишь пустыми громкими фразами! Лесопромышленники и животноводы, заботясь о росте добычи леса и поголовья скота, не удовлетворялись хлопотным изысканием внутренних резервов и давно заглядывались на соседние заповедные массивы. Потоком текли докладные записки руководителям с просьбами отторгнуть в пользу соседей то одну, то другую часть территории заповедника для вырубок и выпасов.

Тут были вполне честные в своем деле люди, которые, однако, и не подозревали, что в близорукости своей боролись по существу за антикультурное, а в более далекой перспективе и за антихозяйственное дело.

Виноваты и сами сотрудники заповедника — мало и плохо пропагандировали они значение охраны природы, недостаточно организовывали туризм, не выступали в печати...

Комитету по заповедникам и раньше не раз приходилось оспаривать попытки различных местных организаций отколоть себе часть заповедных земель. Но авторитет идеи охраны природы помогал отбивать наскоки слишком ретивых соседей. И лишь в начале пятидесятых годов заповедные «боги» дрогнули. Получив на рассмотрение очередной проект сокращения заповедных границ, они не опротестовали его, а поставили на нем свои визы, выражающие согласие. Это и привело к сокращению не только некоторых малоценных заповедников, но и драгоценного Кавказского.

Что это было? Безразличие или малодушие? Ведь охрана природы — это фронт, и борцы этого фронта рискуют во всех его звеньях, начиная от простого наблюдателя и кончая председателем Комитета по заповедникам. Первому подчас грозит пуля браконьера, мстящего за разоблачение; смелость второго должна проявляться в непримиримой борьбе за незыблемость принципов защиты и обогащения природы, за то, чтобы «заповедание навечно» было не фразой, а правдой жизни.

Сотни людей с болью наблюдали, как прекращался заповедный режим на ценнейших в научном отношении территориях, успешно охранявшихся в течение десятилетий, как беспорядочно и нерасчетливо хлынули на них пастухи

и охотники. Честные труженики, многие из них передовики-животноводы, о нелегком труде которых надо бы писать книги, оказались, сами того не ведая, истребителями заповедной природы. Есть ли пути к выправлению этой ошибки?

СПАСЕМ СОКРОВИЩЕ!

Не может быть, чтобы все было потеряно. Пусть с опозданием, но мы напишем, громко, драматически, чтобы обратить на это дело внимание решающих инстанций.

Напишем от имени старых краснополянцев, друзей заповедника. Соберем подписи. Нас услышат.

Вот наше письмо в Верховный Совет!

«Уважаемые товарищи! Обращаемся к вам в надежде, что вы своим авторитетом поможете предотвратить глубоко беспокоящее и возмущающее научную общественность дело — разрушение замечательного исследовательского и культурного учреждения — Кавказского государственного заповедника.

Созданный в осуществление идеи охраны природы в 1924 году на территории 3600 квадратных километров, Кавказский заповедник завоевал себе мировую известность как один из немногих на земном шаре участков богатейшей и подлинно девственной природы умеренного пояса. Напомним, что горцы-черкесы покинули эти места еще в 1864 году, а затем здесь же много лет существовал великокняжеский охотничий заказник.

Еще Постановление ВЦИК от 13 июля 1925 года признало Кавказский заповедник учреждением, имеющим мировое научное и культурное значение, представляющим общесоюзную хозяйственную и политическую ценность.

...За 30 лет в заповеднике проведена большая научная работа, сильно возросло поголовье диких животных, началось обогащение ими соседних охотничьих угодий, успешно развивается туризм. Заповедник служит школой, природной лабораторией тысячам студентов-практикантов и экскурсантов-школьников.

Жемчужина среди советских заповедников, гордость нашей природы и культуры, Кавказский заповедник имел все возможности превзойти по своему значению прославленный Йеллоустонский национальный парк США. К сожалению, вместо этого оказалось под угрозой самое существование заповедника.

В 1951 году под давлением местных организаций было допущено резкое (в 3,5 раза) сокращение площади Кавказского заповедника и отторжение от него почти трех четвертей территорий, любовно охранявшихся в течение почти 30 лет.

В итоге именно девственные леса и луга оказались особенно лакомыми для некоторых хозяйственников. Невзирая на огромность далеко не полно используемых лесных и луговых ресурсов на не-

¹ Для краткости мы приложим к письму выписку из давнишнего предложения Комиссии Совнаркома по вопросу о Кавказском заповеднике. В ней приведены убедительные определения целей, задач, научной и хозяйственной пользы заповедника, почти не утратившие своего значения и сейчас.

заповедных территориях, местные лесозаготовительные и сельскохозяйственные организации принялись хищнически уничтожать пихтовые и буковые леса в районе Красной Поляны; открыты для выпаса луга многих глубинных исконно заповедных районов; в горы устремились охотники, уже бесконтрольно истребившие значительную часть турьих стад на Кардывачском горном узле. Рубки идут сплошными массивами, без оставления молодняка.

...Дело решено в угоду близоруким местническим интересам, а решать его необходимо с учетом общегосударственного значения Кавказского заповедника.

Следует принять меры к неотложному возвращению Кавказскому заповеднику по меньшей мере таких уникальных по богатству и своеобразию природы районов, как Чугуш, Дзитаку, Псеашхо, Кардывач.

В борьбе за красоту родной природы, которую так горячо ведут наши писатели — К. Паустовский и Л. Леонов, защиту заповедников нельзя не считать делом первой очереди».

*

Письмо соглашаются подписать всемирно известные ученые. Они глубоко взволнованы его содержанием, легко убеждаются в справедливости изложенных фактов. Почти в одно время с нами подобные письма пишут и десятки других друзей природы.

Верю, что мы поможем спасти заповедник. Хранилище знаний, царство защиты и умножения природных богатств, заповедник радости, красоты, отдыха, он станет еще краше, еще богаче.

ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Так давно и так совсем недавно, целых двадцать — и всего двадцать лет назад молодой экскурсовод растроганно смотрел на группу «старичков» — старых краснополянцев, посетивших по истечении двух десятилетий когда-то полюбившуюся им Аибгу. И, напомним, тогда же думалось: «А может быть, вот так и я через далекие огромные двадцать лет...»

Теперь они прошли, эти двадцать лет — годы счастья и бедствий, годы, в которые уместилась страшная война, а меня носило по свету — по совсем далеким от Кавказа горам и островам...

Мы едем в Поляну, как на свидание с дорогим другом после многолетней разлуки. Наташа проводит это лето в экспедиционной работе на Северном Кавказе. Встречаюсь с ней в Белореченской, откуда два десятилетия назад мы начинали свой первый главный маршрут через заповедник. Экспедиционный автофургон мчит нас к морю.

Возможно, что при новых свиданиях с любимыми местами одно обрадует нас, другое опечалит. Наверное, мы стали в чем-то опытнее и зорче, увидим свои промахи. Но мы будем судьями не только над самими собой. Двадцать лет большой срок. Исследователь-географ может лишь мечтать о посещении ранее изученных территорий через такие отрезки времени. За этот срок вырастают целые новые рощи, отступают ледники, мелеют реки — можно наблюдать воочию большие ритмы в жизни природы, при ежегодных посещениях незаметные. Немало способны сделать за столько лет и люди, природу

использующие и преобразующие. Значит, мы увидим, разумно ли трудится здесь человек? Какими советами мы, природоведы, можем помочь нынешним хозяевам края? Географы должны себя чувствовать врачами природы, знать и ее болезни, и средства лечения, и меры умножения ее здоровья.

Заезжаем в Майкоп в переехавшую сюда из Гузерипля дирекцию Кавказского заповедника. Нас встречают радостной вестью и даже поздравляют. Правительство пересмотрело границы заповедника и вернуло заповедный режим ста восьми тысячам гектаров, которые были отторгнуты. О, с этим мы должны поздравлять работников заповедника!

Чугуш, Псеашхо, Аишха, Кардывач снова становятся заповедными. Несправедливость ликвидирована, а «предприимчивость» людей, разбазаривавших заповедник, фактически осуждена.

*

Сочи — несравненно расцветший и преображенный за последние десятилетия. Может быть, даже излишен такой столичный блеск и такая многолюдность для курорта — отдых и лечение должны успокаивать, а не утомлять.

Во многом видим плоды гипрокуровского проектирования, его размаха и щедрости — роскошь, комфорт, празднично-солнечные дворцы санаториев, бельведеры, балюстрады, статуи... Немало и «кондитерских» излишеств. Но, пожалуй, еще обиднее однобокость: уплотнена и перенаселена узенькая знойно-влажная приморская полоска, и оставлены в небрежении смежные территории, удаленные от моря всего на считанные километры, — долины с океаном зелени, с воздухом дивной чистоты и свежести.

Не мешало бы и здесь оглянуться на прошлое. Жившие тут когда-то убыхи избегали селиться в душной и жаркой приморской полосе. Их влек к себе целебный воздух приподнятых склонов, свежесть горных долин. А проектировщики нового курорта были, видимо, настолько уверены, что, кроме моря, в этих местах ничего хорошего нет, и так сами льнули к пляжам, что не проявили ни любознательности — не заглянули в прошлое, — ни догадливости: ведь современные транспортные средства — автобусы, фуникулеры, вертолеты — позволяют легко и быстро подвозить к морю из горных долин достаточно большое количество отдыхающих.

Шоссе! Надо помнить, каким оно было, чтобы оценить эту поездку-полет по просторной солнечной автостраде! На местах с особенно красивыми видами возникли специальные балконы, беседки, бельведеры...

Взгляд географа-врача все же подмечает «нечистые тоны» и в этой красоте. Хорошо, что места с прекрасными видами оборудуют беседкой, скамейкой, — здесь приятно отдохнуть, удобно переждать дождь. Но зачем их красят в этот дешевый и резкий цвет разведенной синьки? Море и голубое небо уже дают нам два оттенка чистейшей голубизны. Надо ли, соревнуясь с ними, разводить такую грубую купоросную синеву? Почему именно этому псевдоголубому цвету повезло на курортах: им мажут все, что можно: ограды, павильоны, киоски, постаменты статуй, туалетные будки...

Краснополянское шоссе тоже расширено и заметно спрямлено. С между-речья Мзымты и Кудепсты через волнистую даль низкогорий видим Ахун с кругозорной башней на макушке и привольно раскинутые селения. А по широкой просеке шагают электромачты от Красной Поляны к Сочи. По их проводам, невидимая глазу, льется энергия Мзымты.

Признаться, мы ждали, что эти решетчатые металлические столбы внесут в ландшафт дисгармонию, не впишутся в него... Но в ущелье Ахпу оказалось, что электромачты даже украсили теснину, по-своему подчеркнули ее величие. Подчас не было и нескольких квадратных метров пространства, на котором можно бы уместить башню. Строители нашли смелый выход. Они укрепили мачту, как бы прилепив ее устои к отвесу сбоку, балконом над пропастью.

Ажурные вышки, повисшие над бездной... С ними обрывы стали казаться еще головокружительнее. Смотришь и гордишься дерзостью замыслов инженера и отвагой строителей, крепивших над страшной пустотой основания мачт к скале!

Оставляем машину и проходим все ущелье пешком. Может быть, хоть теперь, через два десятка лет, я разгляжу оставленные вверху над отвесом ломы, не найдя которых когда-то, я был так сконфужен? Всматриваемся в навесы скал, грозно насапившиеся сверху.

— Вон же они, ломы!

Под козырьком накренившихся и, кажется, вот-вот готовых рухнуть навесов видны под углом один к другому два лома. Страшно подумать, что там, вися в люльках, работали люди. Ломы словно перекликаются с только что осмотренной нами «балконной» мачтой! Два примера бесстрашия скалолазов, два факта, разделенные бурной половиной столетия, памятники технических средств двух эпох...

Нам то и дело встречаются циклопические машины-лесовозы, катящие к морю огромные «кряжи» пихт. Что это? Продолжается вырубка заповедных лесов, несмотря ни на какие запреты?

ВЗНУЗДАННАЯ МЗЫМТА

В районе Монашки новости. Вот они, светлые здания Краснополянской гидроэлектростанции! Металл, стекло, бетон. Фарфор изоляторов, многотрунные провода...

Совсем новый мир. Индустриальный оазис в гуще горноколхидских лесов! Огромные деривационные трубы подают сюда воду Мзымты, перехваченную водозаборным устройством где-то против Красной Поляны. Метров восемьсот захваченная вода течет в очень пологом лотке, а затем без малого два километра в трубе. За это время русло самой Мзымты успевает потерять свыше сотни метров высоты. Тут-то и создается разность уровней, а с нею нужный напор, рождающий электроэнергию.

Сворачиваем на ветку шоссе, подводящую к самой станции. Просим аудиенции у начальства. Нас пропускают к одному из ведущих инженеров. Слово за слово, узнаем много интересного о строительстве и работе станции. Слышим упоминания о какой-то Малой ГЭС...

— Расскажите, а что это еще за Малая?

— А это на Бешенке. Она была нужна на время строительства, питала механизмы. Но работает и теперь — не ломать же ее. У нее труба длиной три километра! Станция высоконапорная, сбрасывает воду со ста пятидесяти метров. И можем похвастаться — на Малой ГЭС нет ни одного сотрудника: полностью автоматизирована. Управляется с пульта.

¹ Строительство электропередачи осуществляли работники Ленсельстроя под руководством инженера Сергея Владимировича Поллака.

— А належно ли Мзымта кормит нашу станцию? Справляется ли?

— Не совсем. Средний расход — сорок кубов в секунду — достаточен для полной мощности станции. Летом Мзымта мощнее. Когда она даст больше тридцати кубометров в секунду, она пригодна и для сплава. А пот зимой хуже. На четыре месяца скудеет река, расход снижается до шести кубов. Тогда Сочи восполняет нехватку энергии своими дизелями.

Выезжаем над обрывом, с которого прежде открывался вид на пороги Мзымты, те, что перед скалой Монахом и Греческим мостиком. Останавливаем машину. Что за странность? Тишина и пустое сухое русло с едва сочащимися струйками водички. А Монах налицо, и мостик на месте, только не старый, бревенчатый, а новый, металлический.

Порогов нет! Они выпиты обводной трубой. Именно этот участок самого крутого падения Мзымты дал наибольший выигрыш для получения сильного напора — 105 метров на малом расстоянии. Смотрим с Наташей друг на друга молча и думаем одно: исчезли пороги, столько раз поражавшие наших гостей. Пропало одно из лучших, ближайших украшений Красной Поляны! Нам грустно?

Но, пожалуй, это голос слепого, не рассуждающего чувства. А рассудок и память напоминают: сам же я прославлял перед туристами энергетическую мощь Мзымты, пел гимны ее электрическому будущему! Чудак, ведь это же плата за осуществление мечты — воды Мзымты поят теперь током и Красную Поляну и курорты побережья. Брызгами мзымтинского света залит ночной Сочи, а мощь исчезнувших порогов Греческого мостика уже ведет электропоезда по прибрежной железной дороге.

Есть своя мудрость в том, что движение вперед связано с утратами, с жертвами, вынуждает расстаться с чем-то старым, милым сердцу. Разве не стоила эпопея Днепростроя гибели прекрасных днепровских порогов?

Васильевский ручей... Здесь возник целый поселок работников станции. Он занял как бы фасадное место — перед самым въездом в Поляну. Только хочется скорее утопить его в зелени!

Сверху к поселку спускается прямо с горы толстая труба. Мы уже знаем — это отводная труба вспомогательной ГЭС, перехватившая воду Бешенки. Обнаженная цепь склепанных и сваренных цилиндров ничем не замаскирована. Было бы красивее, если окружить и эту трубу зеленой полосой живой изгороди. Кстати, зелень здесь вырастает сказочно быстро, часто быстрее, чем хочет человек. Но, видимо, проектировщики не заботились об украшении Красной Поляны. Для них она была не уютным курортом, а лишь строительной площадкой, только системой трасс для прокладки трубопроводов...

Строители ГЭС делали трудное и почетное дело. Им не поручали реконструкции Красной Поляны, и не их нужно упрекать в нарушении ее уюта. Но, значит, об этом должны были позаботиться другие — краеведы, хозяева курортов, местные власти...

Мы уже слышали, что теперь у Красной Поляны есть свое озеро. Думали, что это водохранилище при водозаборном устройстве. Ан нет. Бешенская труба ниспадает в котловину Васильевского ручья. Именно здесь подпружен голубой водоем — он вмещает около 350 тысяч кубометров воды и достигает 1200 метров в диаметре.

Озеро на подступах к Поляне. Как его не хватало, как мечталось о таком тихом и ясном зеркале! Теперь в его зеленые воды глядятся лесистые склоны

горки Монашки. Самые берега еще голы, унылы, но и так видно, насколько похорошела местность, награжденная этим озерным покоем! Здесь должны возникнуть лодочная станция, купальни. Берега сами просят обречь их зеленью, цветами.

Жаль, что у озера нет имени, один только технический индекс «БСР». У кого повернулся язык ввести в обиход эту прозу? Так и говорят — на «Бэсэ-эре», с «Бэсээра». Буквы эти означают «Бассейн суточного регулирования». Сюда поступает избыток воды, когда он превышает потребности ГЭС, и отсюда же восполняется недостаток воды в часы понижения расхода. Все это очень разумно. Но почему озеро должно существовать лишь под индексом? Разве мало имен, имен хороших людей, память о которых должна бы была увековечить Поляна?

За годы войны умерли ее лучшие краеведы. В Сочи скончался домоченный туберкулезом Берсенов, а в Пятигорске, лишенный связи со своею землей, угас Владимир Александрович Энгель. В чьей власти было бы решить именовать этот «Бэсээр» озером Берсенова? А другой — дивный сине-зеленый водоем с затопленными по колена стволами деревьев, возникший против Красной Поляны на самой Мзымте¹, — озером Энгеля? Ведь эти люди честно послужили Красной Поляне и как никто содействовали росту ее популярности!

Мост через Бешенку. Где же она, озорная, вечно шумливая речонка? Ее тоже нет, ее имя в применении к едва сочащемуся здесь ручейку звучит теперь иронически — Малая ГЭС выпила Бешенку.

СВИДАНИЕ С ПОЛЯНОЙ

Знакомый поворот шоссе — и вот она, Поляна. Но радостно улыбнуться мешает вихрь пыли — приходится сначала протереть глаза.

Поселок и раньше встречал гостей не лучшей своей частью, а довольно прозаическим тылом. Сейчас въезд в Красную Поляну отдан в полную власть автобазам лесопромышленных хозяйств, и теперь приезжающие знакомятся прежде всего с пыльным заслоном сараев, гаражей, разворачивающихся грузовиков, рычащих лесовозов. Облик не курорта, а боевого промышленного поселка.

Так вот куда качнулось развитие Красной Поляны! Еще в конце прошлого века Воейков и Пастернацкий сулили ей славу замечательной горноклиматической станции. Климатолог Селянинов писал в 1933 году о сходстве климата Красной Поляны с лучшими курортами Альп — с Монтре, Женевой, Висбаденном — и перечислял ряд ее преимуществ перед этими прославленными курортами. Неужели решено прикрыть Поляну как курортную местность?

Конечно, лесопромышленные поселки нужны, но их можно построить в сотнях других мест. А ведь Красная Поляна — единственная в своем роде!

...Поворот к почте. Только тут началась знакомая и неискаженная Поляна. Она сохранилась в целостности, не разбомбленная в дни войны и почти не пострадавшая от недавних семибалльных землетрясений².

¹ Это водохранилище образовано водозаборной плотиной. Длина возникшей тут причудливой реки-озера 400 метров, глубина до 18 метров, а емкость около 30 тысяч кубометров воды.

² Землетрясения, приведшие лишь к самым незначительным повреждениям наиболее ветхих сооружений, были отмечены в Поляне 21 и 28 декабря 1955 и 3 января 1956 года.

Строгий Ачишко, гордая многоглазая Аибга — все на месте, верные стражи не изменили своего облика. Вольная ширь на востоке, а над ней, над зеленеющими пьедесталами горы Перевальной и хребта Бзерпи, белая палатка-трапеция и сахарная пирамида — Псеашхи! Только плоский лесистый Псекохо весь в странных светло-рыжих проплешинах и... дымится, как курильский вулкан. Так выглядят издали вырубки, а дымят костры для сжигания отходов! Что же это — все еще рушится заповедный лес, несмотря на все запреты? Все еще гибнет вековая краса Красной Поляны? Или это только на Псекохо, который не возвращен заповеднику?

Идем к роскошно позеленевшему участку турбазы. Хотя и осиротевший для меня (не белеют стены Собиновки), знакомый уголок чарует удесятеренной густотой и пышностью зелени.

А за шоссе виден целый поселок из новых домиков, и снова мы ловим себя на раздвоении чувств: правее — радуется вереница уютных и жизнерадостных на вид коттеджиков, а левее — нагромождены чуть не на плечи один другому голые домишки без всякой заботы об ансамбле, о будущем уюте, об озеленении. Да к тому же к шоссе обращены не праздничные фасады, а захудалые тылы и цементированные будки мест общего пользования...

Впрочем, не слишком ли мы ворчливы? Разве мало мы видели хорошего, нового? И шоссе, и ГЭС, и новый мост через Мзымту, и столовую... Но что поделывать, если жизнь не во всем развилась в лучшую, в разумную сторону — не все украшалось, не все совершенствовалось...

Мы приехали в Поляну, как в свою молодость, как верные друзья, как любящие дети. Нам по-прежнему дорог каждый признак ее достоинств и преимуществ. Но именно поэтому нам больно и за любую рану, за любую царапину, нанесенную ей.

Виним ли мы в этом кого-то? Не прежде ли всего самих себя? Мы, географы, когда-то изучили и описали Поляну. Но ведь этого было мало.

Сегодняшний географ должен не только описывать и объяснять: он обязан участвовать и в переделке территорий — в их украшении и освоении. Именно этого не сделали ни мы, ни другие краснополянские краеведы. Конечно, в Поляне есть руководители — и партийная организация и поселковый совет. Но район остался без научного хозяйского глаза, все помнящего и обобщающего, без патриотов-краеведов, а значит, и без активных пропагандистов.

Текущие нужды районного и местного масштаба заслонили и жителям и руководителям истинное значение Красной Поляны. Ее вообще перестали считать лечебной местностью, — вот она и осталась в забвении, без специального финансирования, без архитектурного надзора, без санитарного контроля за всеми окрестностями, положенного курортным районам.

Рост курорта и массового туризма — казалось бы, одно это само по себе могло оживить местную экономику.

Встречаем постаревшего Фемистокла — узнает нас, радуется встрече. Но еще больше рад возможности похвастаться именно этими «лесозаготовительными» новостями:

— Это хорошо, что лес рубят. Народу заработок.

О да, Поляна зажила бурной хозяйственной жизнью. Охотники и скотоводы пошли в лесорубы и шоферы, стала сытнее жизнь, появились магазины с товарами... Но платить за это оживление стали главным богатством Поляны, ее зеленым убранством, ее неповторимой курортной красотой!

Еще не знаем, где, но мы поднимем эти вопросы, вступимся, будем добиваться более плодотворного использования сокровищ края.

...Темная звездная ночь над Поляной...

По-южному низкая Большая Медведица совсем уперлась в отрог Ачишхо над Охотничьим домом. Удивляемся, почему ее ковш так необычен? Ах вон оно что! Сама Медведица частично спряталась за отрог, а два фонаря, светящиеся на хребте, почти совпали с передними звездами ее ковша, только чуть перекосили его. Чудесное сочетание огней рукотворных и звездных, только и возможное в горном районе. А вот из-за поворота появились и новые «звезды» — целая гирлянда огней вдоль шоссе, ведущего к дворцу, — электрическое созвездие над Красной Поляной...

НА ВЫРУБКАХ

Знакомая развилка прямо у турбазы. Влево от постаревшего на двадцать лет ореха шоссе к Сланцам и к Охотничьему дворцу. Вправо широкий проселок — столько раз пройденный нижний вариант пути на Сланцы, выведивший к чудесной тропке с тренировочными карнизами (к той самой, которую так не любил Хуст). Но и тут новость: лесовозные машины едут не по левой, а по правой, нижней дороге. Здесь проложена новая спрямленная трасса. Что ж, попробуем и мы проехать по ней!

Крутой спуск, слева не виданная нами выемка в отвесной скале. И сразу справа мостик ко Второй Эстонке. Как же так? Где же наша карнизная тропка? Ее нет. Взрывами сожран живописнейший участок ближних окрестностей Красной Поляны. Его, не моргнув глазом, срезал на своих чертежах проектировщик, спрямлявший дорогу. Ведь рядом же была совсем неплохая старая трасса! Неужели дорожке было расширить ее, не лишая Красную Поляну этого поэтического уголка? Не придет же в голову дорожникам при реконструкции Кисловодска взорвать Красные Камни или Кольцо-Гору? Эх, ведь и тут не оказалось хозяйского глаза, который стерег бы красоту Поляны!

Зато эстонское селение радует — в нем не только ничто не ухудшилось, но все стало еще сочнее, зеленее, богаче. Объединенный с краснополянским, по-прежнему богатый колхоз, носящий теперь имя Мичурина. Трасса огибает его со стороны реки и устремляется к устью Ачипсе прямо по галечнику поймы.

С поворота к устью открываются Сланцы. Но что это? Рудника нет и в помине, входы в штольни засыпаны, откосы карьера задернованы, сарайчики, крытые кровельным сланцем, исчезли... У первого же встречного спрашиваем:

— Давно ли закрыт рудник?

— Вскоре после войны. Признан нерентабельным.

— В чем же его невыгодность?

— Плитки тяжелые, поэтому нужны специальные стропила, обрешетка — у нас так не привыкли...

Кажется, мы опять начинаем ворчать! А разве под черепицу легче не нужна обрешетка? Неужели и здесь победила близорукая «расчетливость» таких хозяйственников, которым безразлично, что сланцевая кровля может держаться

без замены столетиями? Разве дешевле завозить на Черноморье крошечное железо и менять его через каждые тридцать лет?

Не было и у Сланцевого рудника своего пропагандиста, защитника. И тут не оказалось краеведов, мыслящих комплексно и перспективно.

Впервые едем, а не идем вдоль Ачипсе — теперь и тут пролегло автомобильное полотно. Не успели оглянуться — уже устье Лауры, развилка дорог на Псекохо и на Чугуш. Сначала сворачиваем на правую ветвь. Широкая трасса ведет нас вверх по Лауре к устью Бзерпи — к когда-то глухому месту нашего давнего бивака.

Бзерпи. Как не вспомнить наш лагерь, иллюминированный факельным шествием летающих звезд-светляков? Отсюда Наташа с Игорем шли вверх по ее непролазной долине, а мы с Володей штурмовали «рододёрные» склоны Перевальной. Теперь мы тут едем по автомобильной дороге, вдоль которой метров на пятьдесят в обе стороны начисто вырублен тенистый лаурский лес (такова норма «обчистки» автотрассы).

Но почему же склон, прилегающий к Бзерпи, весь на многие сотни метров вверх оголен от бывшего заповедного леса? Оказывается, виною все та же норма. Здесь шоссе взбирается на тыльный склон Псекохо многоярусным серпантинном, то есть зигзагами. И стоило только выполнить норму обчистки пятидесятиметровых полос по обе стороны дороги, вьющейся десятками параллельных витков, как в результате и оголился весь склон, прикрытый мощным чехлом бурого мелкозема.

Тем самым нарушены азбучные правила природопользования и инженерной геологии! Надо было оставлять укрепляющие дорогу лесные кулисы, проводить дополнительные лесопосадки. А тут ухитрились раздеть, опустошить сплошной рубкой крутейший склон. При первых же сильных ливнях эти серпантинны поплывут, поползут! Смыв будет грозить не только дороге. Он унесет с собою и мелкоземистый плащ, а с ним и буроземную почву — основу для возобновления леса.

Голые склоны Псекохо. Лишь редкие одинокие деревья, случайно уцелев, свидетельствуют о высоте красовавшегося здесь леса. Они словно удивлены, эти последние из могикиан, что оказались на свету, на виду. Их привыкшие к тени голые стволы по-своему приветствуют хлынувший к ним солнечный свет — по всей высоте сквозь кору пробились новые, юные ветви. Одинокие буки и грабы зазеленели всеми своими колоннами — кажется, вот-вот превратятся в кипарисы или в пирамидальные тополя.

Десятки витков серпантина поднимают завывающую от напряжения автомашину все выше и выше. Вот уже и первые пихты. И огорчения начинают отступать перед восхищением. Склоны оголены, и раскрылись панорамы, никогда прежде с Псекохо не виданные. Торцовый выступ Ассары, долина Петрарки...

Мрачной темно-серой трапецией высилась непокоренная нами гора Воробьева, беспорядочно разметались невыразительные вершины Дзитаку. А за Ассарой поднимал голову Чугуш с белым ледничком на фасаде, был виден и перевал к Березовой. Левее плыл шатер Ачишхо. Панорама огромного охвата, равная лишь той, что раскрывалась на кратком пути по Бзерпинскому карнизу.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло!»

Ведь раньше мы не дерзали и мечтать о такой дороге над Бзерпи. А теперь явочным порядком для совсем других нужд создан автомобильный маршрут, подводящий туристов в зону пихт, на гребень Псекохо, на высоту в полтора

километра над морем! Отсюда всего час ходьбы до Вьерпинского кругозора, до выхода к субальпийским лугам! Сочинские туристы могли бы теперь — стоит продолжить эту трассу еще на пяток километров — за день подняться к горным лугам перевала Псеашхо!

Какое дивное расширение возможностей для туристов горного Черноморья!

Гребень Псекохо. Отсюда и по другую его сторону разверзается грандиозная панорама гор во главе с Агепстой, а вокруг горят и дымят костры, жужжат пилы. При нас валятся с грохотом и стоном исполинские пихты. Тракторы играючи оттаскивают поваленные стволы, краны ловко укладывают распиленные колоды на лесовозы.

У гусеничных тракторов есть одна «анатомическая» особенность. Для каждого поворота тракторист выключает одну из гусениц, а другая, продолжая двигаться, поворачивает трактор вокруг вертикальной оси. Так вертится танцор вокруг каблука. С каким шиком танцуют эту кадрили тракторы лесозаготовителей на Псекохо! Со скрежетом, с хрустом вгрызаются выключенные гусеницы при повороте в лесной грунт, в плодородную бурую почву, срывают ее, сгребают не хуже бульдозера.

Лес рубят — щепки летят. Но на горных склонах Псекохо летят не только щепки. При сплошной рубке, тем более проводимой на таком техническом уровне, уничтожается подлесок, травяной покров, весь молодой подрост, сдвигается почвенный слой...

Да, понятно, почему запрещаются сплошные рубки в горах. Но тут мы видим явное нарушение всех норм и запретов. Кто контролирует здесь распоясавшихся опустошителей, видимо, действующих по принципу «после нас хоть потоп»?

Возвращаемся к устью Лауры и движемся, тоже на машине, вверх по Ачипсе к ставшему столь же невероятно доступным Чугушу.

Минуем верхний домик наблюдателей, машем рукой хребтику, по которому шли на Ассару (когда слышали барса).

Крутой серпантин поднимает машину высоко по левому склону долины Ачипсе — уже виден обрывистый утес над слиянием двух речек Рудовых, вдалеке сияет Агепста...

Сколько сил было потрачено нами на преодоление этого участка долины пешком, без троп!

Чугушские вырубki теперь прекращены, и большая территория, хоть и в пострадавшем виде, возвращена заповеднику. Но дорогу, раз уже она появилась, надо было бы благоустроить и превратить в драгоценный туристский путь в глубь заповедника. Ведь «заповедник» совсем не должен означать «бездорожье».

Здесь могут и будут бывать люди, ибо эта природа охраняется для них и ради них. Надо лишь позаботиться, чтобы, бывая здесь, они не оскверняли, не расхищали, не заплевывали ее. Тогда и медведи будут выходить кормиться к автомобилям.

Дорога под Чугуш. Осталось два-три километра, чтобы довести ее до Чугушского лагеря, то есть до перевала через Главный Кавказский хребет! И правильно, ведь это самой природой подготовленная трасса для еще одной перевальной дороги через Кавказ, при этом трасса с перевалом, лежащим ниже всех более восточных, почти нелавиноопасная! В будущем ее следует дове-

сти до Гузерипли. Тогда сотрудники и гости заповедника получают изумительную возможность быстро проникать в самые глубинные его районы. На перевале Чугушского лагеря возникнет горный приют, а на Чугуш отсюда поведут, как и сегодня, только дикие тропы.

Выехав утром из Сочи, туристы смогут в тот же день любоваться закатом с бельэтажа Османовой поляны или с еще более высоких бельведеров — с вершинных зубцов Чугушко-Ассарского гребня.

Именно так и во всем — и в хорошем и в том, что раздосадовало и возмутило, — мы будем, мы должны и сумеем находить дополнительные возможности движения к лучшему будущему. Новые дороги — это новое великое богатство Красной Поляны, богатство, которое нужно достойно ценить и беречь, а главное — без отлагательств начать разумно использовать.

Почему сочинские курортники уже теперь не поднимаются дышать воздухом пихтарников и панорам Псекохо? Почему они ездят на одну только Рицу?

ЦИВИЛИЗОВАННАЯ РИЦА

Впрочем, побываем на Рице и мы. Автомобиль мчит нас по широкой и гладкой дороге. Перед нами и вслед за нами до отказа полные экскурсионные автобусы — на Рицу, на Рицу! В какой конвейер радости превратилось рицынское шоссе!

Голубое озеро — теперь это своеобразная станция, где останавливается каждая экскурсия. На пригорке возник синеватый павильончик с буфетом, возник не стыдливо где-нибудь в стороне, а самодовольно, на самом видном месте, с беззастенчивым самоутверждением, что он-то и есть главный повод для остановки, а совсем не какое-то там диво природы.

Синее небо. Озеро сильной голубизны, с уходом в малахит. Странный карстовый котел с невесть откуда берущейся водой. Здесь бы возникать легендам, состязаться исследователям — кто вернее раскроет тайну лазурного провала... Зачем же и тут соревнуется с природными красками эта дешевая купоросная синева павильона?

Но что это? И самое озеро постарались «украсить»! На прибрежном камне водружена старая знакомая, обитательница сотен курортов и парков культуры — статуя девушки, прыгающей в воду. Значит, нашлись и инициаторы, решившие, что «это будет красиво», и начальники, утвердившие этот расход. Кто-то чертил проект крепления, приезжали и трудились рабочие... И не хватило лишь художественного вкуса, чувства природы и сознания, что этот феноменальный бассейн совсем не просит пошлого и стандартного украшательства.

Машина врывается в Юпшарскую щель, и с кинематографической быстротой мимо наших глаз начинают мелькать и новые шоссезные мосты, и призрачно-серые отвесы, и вся роскошь их декорировки мхами и плющами. С болью замечаю, что украшавший ущелье самшитовый лес вырублен не только по трассе дороги, но и далеко вбок от нее.

И тут «лес рубят — щепки летят»? А ведь дороговато пускать по ветру самшитовые щепки!

Вспоминаю, что еще перед войной был учрежден Рицынский, он же Рица-Аватхарский заповедник, в черту которого входило и ущелье Юпшары. На бумаге все это было, а опустошение произошло. И снова приходится винить

не только кого-то бесхозийственно строившего, рубившего и ломавшего, но и самого себя. Обратились ли в прессу? Писали ли руководителям строительства? Нет, все откладывали на завтра, да так и не собрались. Значит, в растрате юпшарского самшитника есть и наша вина — вина в инертности, неприимчивости, невмешательстве.

За каких-нибудь полчаса машина миновала Юпшару. При таком мимолетном проскоке не было и сотой доли тех впечатлений, которые ущелье производило на шедших пешком. Неужели вся масса посетителей Рицы приезжает теперь к озеру на какие-нибудь полчаса, чтобы в тот же день укатить в свои Сочи, Хосты и Сухуми, и в сущности не успевают ни увидеть, ни вдохнуть Юпшары? Как нужно было бы повести пропаганду и за сохранение пешеходных маршрутов на Рицу!

Поднимаемся к озеру. Нас волнует каждая деталь: и то, как смело решили строители большим витком подъем к Рице от входа Юпшары в теснину, и то, как с высокого карниза выглядит этот расщеп — он словно врублен в сравнительно пологую волнистую поверхность. Многие знакомцы неузнаваемы в новых поворотах. Что делается с Пшегишхвой? Она кажет нам торец своих отвесов, и мы видим, что ее левая часть — это почти лезвие, она так же дико обрывается и в сторону, противоположную Рице!

Близ Рицы начинают попадаться постройки — правильно. Именно тут, в стороне, и надо быть разным службам Рицынского комбината. С интересом ждем встречи с озером, как-то оно? Корректно ли, чутко ли обошлись проектировщики оборудования Рицы с ее красотой? Мы уже слышали, что на самый берег озера не слишком тактично выдвинут голубой (опять голубой!) отель. Увы, это подтвердилось. Пейзажа здание отнюдь не украсило. Значит, и тут проявилось невнимание и неуважение к природе, нежелание считаться с ее законами, пропорциями, красками. Голубая курортная пошлость доплеснулась и сюда.

Значит ли это, что на Рице ничего не нужно было строить? Отнюдь нет! Крутые лесистые берега озера, возможно, не проиграли бы от сооружения на них простых рубленых бревенчатых вилл. Представим себе, как хорошо гармонируют с готическими силуэтами пихт крутые черные шиферные крыши, приспособленные к большим снегопадам.

Строить на Рице можно, надо. Но красивее, гармоничнее, вписываясь в ландшафт. А когда ландшафт так хорош, так совершенен — он оказывается и требовательным. И от проектировщика он требует высокого таланта, мастерства, совершенства!

Ацетука и Агепста были уже в снегах. Озеро удваивало великолепную панораму: в воде умещалось полное отражение сияющих вершин.

Рица! Это еще так недавно таинственное имя стало теперь общеизвестным, и это хорошо. Правда, подчас такая известность достигнута ценой затрепывания дорогого имени в названиях гостиниц и ресторанов, на конфетных бумажках и папиросных коробках, в слащавых романсах о «голубой» Рице (и тут голубой). Но главную и при этом настоящую славу приносят Рице, конечно, ее гости. Как же она встречает их, как помогает себя познать?

Над зеленеющей гладью озера разливаются торжествующие вопли радиолы. Километра на два от берегов разносятся усилителями песни и фокстроты. Разве гремящая и поющая Рица лучше молчаливой, с приходившими

40. Дорога на Рицу

на водопой сернами и медведями? Необходим ли этот рев в качестве спутника цивилизованного отдыха?

Еще в 1914 году находились люди, понимавшие уникальность рицынского ландшафта и необходимость его заповедания. Об этом заботился, например, действительный член Географического общества С.В. Ноишевский, ревизор лесоустройства. Он сообщал тогда, что уже было принято решение о выделении всей местности по реке Лашипсе и вокруг озера Рица в заказник «как одного из памятников кавказской природы». Теперь Рицынский заповедник на бумаге давно организован. Но какая цена этим словам? А ведь есть все возможности не на словах, на деле вернуть Рице ее заповедный облик и ее тишину — это вполне уживется и с белоснежными птицами-глиссерами, летающими по глади озера, и с тысячами экскурсантов, приезжающих сюда в автобусах. Нужно только изменить самый дух теперешней Рицы, ее коньячно-пикничный пошиб. Люди сами поймут, что тихая Рица лучше громкой. И тогда вернуться к озеру и серны и медведи — они доверятся защищающему их человеку...

Шоссе — оно обняло карнизом южный берег Рицы. Как недавно путь вдоль берега озера представлял тяжелую задачу! Теперь это удобнейший бельэтаж с бесподобными видами Рицы и всего горного фронта Ацетуки — Агепсты.

Рицынский пансионат. Симпатичные хозяйки растеряны. Они не слышали ни о Малой Рице, ни об Ацетукских озерах. Пропагандированные доктором Григолией минеральные источники заброшены. Прогулочных троп вокруг Рицы еще никто не создавал и не расчищал. Нетрудно пройти только вверх по Лашипсе — до водозаборной плотины небольшой гидростанции.

Остаткию хозяевам подробные кроки путей ко всем окрестным озерам. Машинка поднимает нас по тупиковому шоссе в Сосновую рошу. Беседки в конце шоссе не оказывается — раздавлена снегом?

Идем к Малой Рице новым путем — с крутым подъемом по хребту, отделяющему Рицу и долину Псей от Сосновой роши. Долго движемся гребнем, всматриваясь влево и вниз, в зелень леса. В один из моментов в ней загорается синий луч. Это просвечивает озеро. Метров двести крутого спуска лесом без тропы приводят к очарованному водоему.

Прежняя синева, сумевшая переспорить зелень. И прежняя безвестность — словно и не было двадцати лет, даже тропку не догадались проложить к этому сокровищу. Какие противоречивые чувства! На Большой Рице мы возмущаемся, что ее подчас небрежно и безвкусно «освоили». А здесь мы же хотим помочь людям бывать на Малой Рице, знать о ней. Наслаждаться, но не лишая ее прелести. Ведь это же возможно!

Обратно движемся нижней дорогой — вскачь по глыбам каменного хаоса. Долго обсуждаем с Наташей возможные пути обвала или провала и приходим к выводу, что Евгения Морозова была права, когда говорила в своей последней статье не об обвале, а о гигантском провале части Пшегишхвы.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КУРОРТ

Шоссе вверх по Лашипсе проведено талантливо, словно рукою художника. Карниз врубили над кручами, на большой высоте над рекой. С поворотов дороги открываются такие виды, какие нам прежде, при ползании по тропе вдоль русла, и не снились. С одного из поворотов видно, как покоится Рица. Отсюда ее впервые видят теперь идущие с Кардывача! С других мест видны, словно спорящие между собою за первенство по крутизне, Ацетука, Агепста и Пшегишхва...

Как суровы подступающие прямо к сужению долины крутые склоны Ахрибджары! Их растительность — леса, кустарники, луга — это целый учебник лавиноведения: видны все пути ежегодных и менее регулярных лавин, кажется, виден даже характер, нрав каждой из этих разрушительниц.

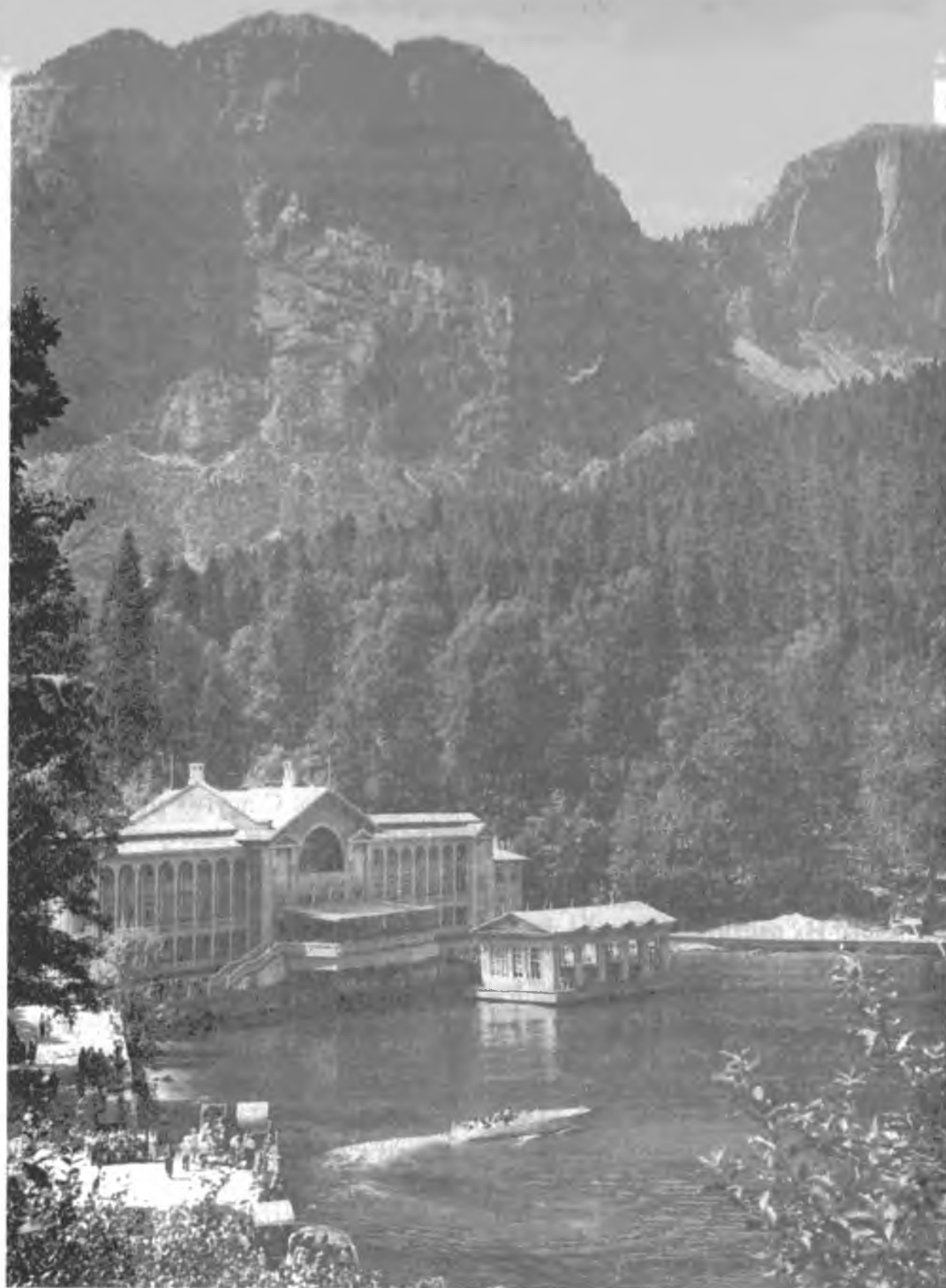
Выше по долине с поворотов шоссе появляются вершины гор, примыкающих к Аватхаре. То вылезет пирамидальный Анчхо, то громоздкая Аджара. В одном из просветов показался луговой каравай Кутехеку...

Выше устья Аватхары — мост через Лашипсе. Чуть в стороне первый признак близости аватхарского курорта — роскошная, столярной работы беседка, порядком запущенная...

Мы уже слышали, что несколько лет назад новорожденный курорт на Аватхаре пострадал от лавины. Но только оказавшись у самого источника, мы смогли понять, что здесь произошло.

Павильона над боржомом нет, раздавлен или сметен снегом. Дома отдыха тоже нет. Он, как карточный домик, рухнул от одного дуновения лавины и похоронил под своими обломками двух зимовавших здесь служащих. Их могила видна прямо от источника на другой стороне реки.

От дома уцелели фундамент и ступени лестницы. Но откуда же шла лавина? Какая лавина, когда и выше и по сторонам от развалин дома высятся нетронутые огромные пихты? Что она, через лес прыгала, что ли?

41. *Новая гостиница на озере Рица*

Лишь пройдя метров пятнадцать выше по долине, с трудом понимаем, в чем дело. В высокоствольном лесу при взгляде вверх по левому склону долины Аватхары виден как бы узкий просек, траншея среди стеноподобных рядов деревьев. Именно по этому коридору и прошла лавина. Поваленные стволы уже распилены на дрова больными, по-прежнему лечущимися на аватхарском

народном курорте (балнганов, в которых жили курортники, этим летом было не меньше сотни).

Видимо, лавина была небольшая по размеру, но пришедшая из удаленного снегосбора. При падении она успела развить такую внушительную скорость, что приобрела страшную разрушительную силу. По этой трассе снег не устремлялся уже многие десятки лет — успел вырасти дремучий высокоствольный лес. Коттедж стоял левее прочеса, прорубленного лавиной. Возможно, что дом снесло и воздушной волной, а потом лишь запорошило снежно-пылевым облаком.

С тяжелым чувством смотрю на место катастрофы и на могилу погибших. Пусть не мы выбирали именно это место под постройку здания. Но я вместе со всеми и даже раньше многих других, еще во времена гипрокуровского проектирования, уверенно писал, что здесь можно строить курорт. Лес казался таким надежным признаком векового отсутствия лавин! Нет, людям, проектировавшим курорт, надо было начинать с длительного изучения природы, всех ее повадок и тайн, досконально разведать режим здешних лавин и провести наверху, в снегосборах, противолавинные мероприятия.

Тогда мог бы развиваться и «несостоявшийся» на сегодня курорт, на который сейчас так поспешно махнули рукой после первой же трагической неудачи.

ЦИРКОВОЙ НОМЕР

Едем вверх по левому, абхазскому, берегу Псоу, где теперь проложено превосходное шоссе из Леселидзе к недавно построенной электростанции Салхино. Перебираемся на правый берег и приезжаем на перевалочный пункт айбгинского колхоза — здесь идет перегрузка товаров с автомобилями на подводы или, в лучшем случае, на полутоннату, рискующую ездить по ущелью.

Колхозники говорят, что наш трехтонный фургон в Айбгу не проедет.

Решаем оставить свою машину, как это ни обидно для шофера Леонида Петровича, маленького пожилого человека, едущего удивительно осторожно. Покинув его, движемся с рюкзаками вверх по долине. С нами идет сочинский краевед Савельев — наш друг по Петrarке.

Ввожу Наташу в еще непоказанную часть «своих владений». Ущелье встречает нас навесами, пещерами, скальными выемками и воротами, зеленым шумом, пропастями. Проехать тут еще можно, но разъехаться со встречной машиной нечего и думать.

Какая глушь, какой контраст с бесконечными вереницами экскурсионных машин по Юпшаре!

Крутой поворот дороги с видом на верховья Псоу. Ущелье распахнулось — и нам открылся широкий хоровод вершин, украшенных осенними снегами. Зубья Турьих гор сверкали особенно ослепительно. Вот и селение Айбга, по-прежнему дышащее уютом и покоем.

У дороги старый знакомый — Емельян Нарожный, постаревший, но по-прежнему приветливый. Один из его рукавов пуст.

Бесхитростно рассказывает нам этот русский человек, уцелевший когда-то при прыжке в пропасть Мзымты, через какой огонь и воду прошел он в годы последней войны.

Моряком ходил на боевом корабле. Судно было торпедировано. Три дня плывал на спасательном круге по Черному морю, был выброшен на крымский берег, переведен на сушу, в артиллерию. Сбивал немецкие танки у Волги, а за

42. Дорога к поселку Аибга

Выяснилось, что нелегко далось это путешествие. Часа по два прорубали свисающие над шоссе сучья и даже обколачивали выступы скал — ведь ничтожного толчка было бы достаточно, чтобы машина низверглась в пропасть. На самом узком карнизе встретилась подвода. Чуть заволнуйся лошадь — и загрохотала бы в бездну вместе с телегой. Каково было криками «назад» осаживать ее, упирающуюся, на сотни метров до ближайшего расширения!

Около машины возникает настоящий митинг. Скромный и низенький Леонид Петрович вырастает в глазах собравшихся в настоящего героя. Но толпящиеся у машины не только хвалят, им есть что и поругать:

— Наши-то лодыри перевалку устроили, за пятнадцать верст с машин на подводы сгружают!

— Летом на подводы, а зимой и на плечи!

— А тут вон какая карета московская проехала!

Что ж, негодующие правы. Только двое потрудились день — и ущелье одолел такой громоздкий фургон. Конечно, аибгинцам было давно по силам са-

неделю до победы стрелял из танка по фашистам в Берлине — тут и потерял руку... Теперь колхозный лесник, член правления...

— Как же вы в море-то живы остались, Емельян Платонович?

— Не нервничал. Попал в воду — так и плавал. Устану — на круг сяду, а холодно станет — обратно в воду. Ну, пил, конечно, — воду и соленую пить можно. А много таких, как я, погибло. Потому что нервничали.

Пока мы заняты научными наблюдениями, Савельев решает вернуться к оставленному автомобилю — говорит, что попытается провести его по всей аибгинской дороге.

К вечеру следующего дня слышим шум машины. Наш фургон движется, переваливаясь на ухабах. Его сопровождает эскорт ликующих ребятишек и даже группа взрослых, оживленно обсуждающих прибытие такой махины.

мим более основательно расчистить дорогу. Но может быть, есть планы капитального дорожного строительства?

— Не обещают ли расширить дорогу, Емельян Платонович?

— Обещали. Говорили, на хребте руду нашли — к ней и дорогу поведут. А потом другое сказали — не будут, не рентабельно получится.

Тут есть над чем задуматься. Возможно, что для одной руды расширять такую дорогу и неприбыльно. Но сколько недоучитывают плановики отдельного министерства! С постройкой шоссе Черноморье получит новый общедоступный маршрут. В Аибгу устремится множество экскурсий, здесь возникнут и турбазы, и дома отдыха, разовьется горноклиматический курорт. Дорога поднимет экономику горных поселков...

Прощаемся с аибгинцами. Совершаем еще одно цирковое путешествие над безднами. Никакая привычка к горным дорогам не спасает — страшно, хотя Леонид Петрович ведет машину бережно, с нежностью.

Вот каньон Водопадной — притока Псоу. Мостик через этот ручей так ненадежно подвешен над пропастью... Когда же на него взгромоздился целый грузовик, картина стала и вовсе неправдоподобной. Затаив дыхание, фотографируем фургон, буквально висящий и словно на цыпочках движущийся над отвесным обрывом. Аптекарские дозы газа, ничтожные повороты руля решают дело. Так бывает в цирке при исполнении смертельных номеров, когда свет пригашивается, а барабаны бьют тревожную дробь.

Треск! Это рвется, зацепившись за очередной выступ скалы, брезентовый тент фургона.

Приехав в Адлер, Леонид Петрович свернул в тихий переулок — подальше от взоров милиции, вооружился иглой, суровыми нитками и стал терпеливо штопать израненный тент. Его спрашивали:

— Где это так изукрасился? Он гордо отвечал:

— Об скалы.

Шоферы стоявших рядом машин ему явно не верили.

В ЗАЩИТУ КРАЕВЕДЕНИЯ

В Красной Поляне встретили группу геологов. Они ведут очередные исследования, при этом еще более тщательные, чем это делали два десятка лет назад мы. С жадностью расспрашиваем о новых данных, находках. Кое-что из наших наблюдений повторено, многое расширено, дополнено. Нашлись и вопросы, в которых первенство осталось за нами, — мы видели, определили, а продолжатели не нашли... Впрочем, как же это?

— Вам известен наш отчет в фондах заповедника?

— А разве есть такой отчет?

Вот вам и на! Да, это расплата за то, что работа осталась неопубликованной. Не могут же приезжие геологи, перед тем как изучать район, обшарить рукописные фонды всех научных учреждений края!

Рассказываю о наших выводах и предположениях, геологи слушают, немного спорят, кое в чем поправляют. Им удалось понять историю многих черт рельефа, которые еще не были ясны нам. Коллеги сумели проникнуть в верховья Лауры — старая «Нахкурова тропа» шла, оказывается, правым берегом реки, там, где мы совсем не подозревали.

Невольно завидую их успехам. Впрочем, что же завидовать? Перед нами отряд большой, хорошо оснащенной экспедиции, с караваном вьючных лоша-

дей, со своими автомашинами, радиоаппаратурой, буровым оборудованием. Сравнить ли это с работой маленькой группы из трех студентов-практикантов?

Да, все геоморфологические исследования отряд геологов вел znovu, не зная о результатах наших наблюдений. Можно ли это было предотвратить, даже при отсутствии публикации нашего отчета (он застрял в фондах заповедника в Майкопе)? Конечно, можно, если бы в Красной Поляне был свой краеведческий центр, сосредоточивающий в себе всю литературу о районе, сведения обо всех отчетах, где бы они ни хранились.

Ведь сейчас и мы утратили право называться настоящими краеведами: разве мы знаем обо всех экспедициях, посетивших краснополянский район за последние двадцать лет, об их отчетах, выводах, предложениях? Кто только тут за это время не перебывал? Геологи и климатологи, ботаники и почвоведы, лесоводы и чаеводы... Но их материалы осели в десятках разрозненных фондохранилищ Москвы, Ленинграда, Ростова, Краснодара, Ессентуков, Майкопа. И лишен всех этих сведений был главный их потребитель — район, ради блага которого прежде всего и следовало работать!

Геологи знакомят нас с планшетами своих маршрутов. Как это интересно!

Рельеф, когда-то глазомерно, приблизительно нами исправленный, рельеф Кардывачского узла и пика Пришвина — он лежал наконец перед нашими глазами, изображенный четко и правдоподобно. Рисунок Верхней Мзымты, очертания гребня Ассары! Наши грубые предварительные съемки уловили, как оказалось, все основные черты показанных теперь форм, все хребты и ледники, все реки и озера. Получаем задним числом убедительный аттестат своей добросовестности и зоркости. А чего она стоила, скольких маршрутов, трудов, лишений! Как облегчена была задача авторов вновь вышедших карт могуществом фотозвгляда с самолета сразу на все пики и цирки!

Посещаем местных землеустроителей, лесохозяйственников, работников Южного отдела заповедника. Все они тоже ведут «инвентаризацию» своих территорий. Но при взгляде на их чертежи и схемы нам сразу бросается в глаза, как подчас небрежно относятся эти хозяева к своему географическому инвентарю. Сколько опечаток даже в общеизвестных названиях!

Вместо привычного мужественного «Фишт» стояло женственное «Фишта», в «девушек» превратились «Северная и Южная Псеашха», а старочеркесский «Оштен» звучал на немецко-еврейский лад «Оштейн»...

В заповеднике успели позабыть названия «Цындышха» и «Кутехеку», прочно привившиеся у туристов. Вместо «лагерь Исаева» стали писать «лагерь Исаев» (ведь это лагерь и м е н и погибшего здесь профессора И с а е в а, а не «Исая»). На одном из чертежей позабыта гора Воробьева, в названии которой тоже увековечен погибший на ней еще в начале века геолог. Не замечена Османова поляна; вместо милого «Бзерпи» написано ядовитое «Бзерпия»...

Опечатки опечаткам рознь. Одни — результат невнимательности, неряшливости издателей. Такие могут вкрасься в любое слово — и на картах, и в книгах. Конечно, такие опечатки тоже непростительны, но не о них речь.

Хуже, когда с искажением местных названий послушно мирятся местные же работники, словно не дорожащие традициями, безразличные к прошлому, «не помнящие родства».

Но, может быть, и не стоит дорожить такой стариной, как ничего не говорящие сегодняшнему населению «Кутехеку» и «Цындышхи»? Нужно ли нам соблюдать традиции по нормам английского консерватизма?

Нет, дело не в консервативности. Чехарда с наименованиями бывает вредна и для науки, и для хозяйства, и устойчивость названий может иметь и воспитательное значение.

Утрата старых имен, безалаберные самовольные клички — все это страшно затрудняет работу исследователей, мешает им преемственно использовать находки и наблюдения предшественников. Ведь позабыв, что называлось «Рудной речкой», нельзя понять, где — еще в конце прошлого века — обнаружил железорудные выходы инженер Сергеев.

Путаница с названиями может стоить и жизни! Неверно опознан пик или цирк — заблудились, а то и погибли альпинисты, потерявшие ориентировку...

Значит, и землестроители, и лесники должны более ревниво хранить географическое наследство своих мест. Не знают, не помнят — спрашивать!

У кого можно было расспросить обо всем этом, предотвратить ошибки? У краеведов? Но где они, кто они, краеведы!

Местность без старожила, в нее влюбленного и знающего ее до тонкостей, сиротеет, становится беззащитной — ее никто не знает, не охватывает в целом, не охраняет как целое. Ведь нередко партийные руководители, представители власти, плановики оказываются людьми пришлыми, района в деталях не знающими, им нужны годы на изучение края.

Краевед — знаток местности, источник любых справок; краевед — советчик властей, друг местных плановиков и экономистов, искусствоведов и природоведов; краевед — рыцарь охраны своей природы — он нужен каждому городу и поселку, старому — чтобы хранить, беречь наследство столетий и тысячелетий, новому — чтобы вести летопись его на глазах складывающейся жизни, но и там и там — чтобы активно участвовать в разумном планировании его будущего.

Краеведы нужны, краеведы! Нужно возродить это племя людей, влюбленных в свою землю, знающих ее в целом и способных быть не только ее пропагандистами, прославителями, но и первыми помощниками, советчиками тех, кто ее перестраивает. А в сущности — не пора ли и самим хозяевам городов становиться краеведами?

*

Всего одно свидание с Поляной — и сколько впечатлений! Дело не только в трогаящих встречах со старыми друзьями. Сколько новых пластов удалось поднять, сколько интересных людей встретить! Наташа провела наблюдения по теме своей экспедиции. Я пополнил и обновил старый багаж краеведа...

Сделано далеко не все, что можно. Именно на месте, от живых очевидцев нужно многое узнать о годах революции и Гражданской войны на Кавказе. Целой эпопее заслуживают и годы Великой Отечественной войны. Конечно, такое непосильно одному человеку. Но все это могут сделать и сделают краснополянские краеведы.

Мы ищем, ждем их — одного, двух, десятки молодых людей, которые бы тоже полюбили Поляну, связали с ней на долгие годы свою жизнь и приняли бы от старожил, словно эстафету, результаты их наблюдений, находок, объяснений. И пусть эти наследники еще полнее и глубже прославят свой чудо-край, защитят и украсят его.

Мы готовы им всемерно помочь. Для чего же им повторять наши поиски, наши ошибки, вновь открывать уже открытое и отысканное? И если эта книга

43. На Ачишхо. Ю.К. Ефремов с дочерью Анной

поможет еще кому-то осознать себя друзьями Красной Поляны и борцами за ее красоту и счастье, автор почувствует истинное удовлетворение.

Но хочется и большего, главного. Ведь таких Красных Полян на свете много тысяч, и, верно, каждая из них исполнена своей неповторимой прелести, знает свои были, предчувствует свои пути расцвета... Так пусть в каждой из них рождаются и вырастают собственные краелюбы, защитники, патриоты, такие, что способны будут в могучем единстве возродить бескорыстное, беззаветно преданное землям своим племя краеведов.

ЛЕТОПИСЬ БЕЗ КОНЦА

Пока пишется и печатается книга, проходят еще какие-то сроки, и — хочет автор или не хочет, — а они сами обязывают его продолжить повествование. Настоящая краеведческая летопись не может иметь конца: местность существует, живет, меняется, и каждый год, каждое пятилетие вносят в ее историю все новые параграфы и главы.

Поздняя осень 1962 года. Словно серыми волчьими шкурами укрыты горные склоны — так выглядят сбросившие листву леса. Но сквозь серый «мех» просвечивает рыже-бурый подшерсток — это виден через кружево голых ветвей ковер опавших листьев. На сером фоне вырисовывались черно-зеленые столбики, заостренные кверху, — пирамидальные, словно кипарисы, пихты; такие отчетливые, что, кажется, их все можно пересчитать по деревцу. А над серым и черно-зеленым — молодые осенние снега...

На несколько дней заезжаем из Адлера в родные горы и узнаем новости, на этот раз больше радующие. Новый водопровод... Вторая турбаза, открывшаяся в Охотничьем дворце, — именно она стала главным организатором экскур-

сий на Кардывач и Рицу. Было приятно узнать, что большинство групп идет теперь через Анетукские озера.

«Москвич» везет нас к Пслухскому нирзану, а оттуда под Коготь, где идут рубки на незаповедных склонах массива Бзерпи. Выезжаем на ту дорогу, что поднималась на Псекохо от Лауры. Получилась автомобильная петля — теперь только благоустроить ее — и можно тысячами возить по ней курортников и туристов. На другой день едем вверх по Пслуху с Пслушонком, под самый Второй Аишха. Отсюда меньше тридцати километров пешеходной тропы до Кардывача. Более того, остается проложить меньше сорока километров трассы, чтобы мзымтинская дорога сомкнулась с аватхарско-рицынской. Так легко осуществить давнюю нашу мечту о единой Кардывач-Рицынской кольцевой дороге! Говорят, по Мзимне уже проходят автомашины... Еще немного, и возникнет замечательная автотрасса поистине международного значения!

Поднимаемся с Наташей на Ачишхо. На месте старого домика метеостанции стоит незнакомое двухэтажное здание, нескладное, в чем-то романтическое. Метеоролог, узнав, что мы недавно из Адлера, говорит нам:

— Зря вы старались лезть сюда пешком. Завтра с адлерского аэродрома на Ачишхо пойдет вертолет с продуктами для зимы. Вот бы и прихватил вас.

Вертолет на Ачишхо! Кажется, чему удивляться в эпоху космических полетов? Конечно, давно пора было технике встать на службу краснополянам, и хорошо, что это, наконец, совершилось. И все-таки не могу побороть чувства, что вертолет на Ачишхо — это некое удивительное событие — то ли в истории хребта, то ли в моей биографии. Смешно, но внутренне ощущаю этот факт, как что-то равнозначное всему изобретению авиации — ведь столькими годами, столькими тысячами метров восхождений воспитано представление об удаленности и вечной дикости черноморских высокогорий, сознание, как трудно в них проникнуть.

А сколько нового в самом поселке. В школе висят плакаты с фотографиями походов, озаглавленные «Краснополянский следопыт». Это дела юных краеведов. Руководят ими увлекшиеся краеведением учителя — брат и сестра Цхомария, коренные краснополянцы. Борис Дмитриевич Цхомария только что выпустил новый путеводитель по нашим местам. Старшеклассники краснополянской школы даже специализируются в области краеведения — сопровождение туристов в горы будет их первой профессией — для этого им преподают и геологию, и ботанику, и основы альпинизма...

Наконец-то начата подготовка профессионалов-гидов из местных жителей! Юноши и девушки — русские и эстонцы, греки и гречанки — ходят в дальние походы и уже успешно выступают в роли инструкторов туризма. Вот только с названиями продолжается путаница: в брошюре о Кардываче Верхняя Мзымта названа Азмышом, а настоящий Азмыш превратился в Бзыч.

На здании бывшего правления «Эдази» новая вывеска. Земли колхоза, в свое время укрупненного, слитого с краснополянским и медовеевским в единый колхоз имени Мичурина, переданы теперь Адлерскому совхозу. Отныне и Поляна, и Медовеевка, и все три Эстонки, и даже Аибга — совхозные бригады. Совхоз плодоовощной, поэтому скотоводство и выпасы на альпийских лугах прекращены. К тому же в интересах Большого Сочи запрещены выпасы и в предгорьях — в лесопарковой и санитарной зонах курорта — значит, горный скот остался без зимних пастбищ. Вот и сочтено, что рентабельнее завозить молочные продукты в Поляну из Сочи, чем возиться с горными

фермами. Трудно привыкнуть к тому, что луга над Поляной опустели и что ферма на Энгельмановой поляне теперь стала «бывшей». Задумываюсь, все ли тут верно учли экономисты...

«Большое Сочи» объединило все побережье от Лазаревки до Адлера, значит, теперь городу Сочи подчинен и весь Адлерский район, а с ним и Красная Поляна. Скоро ли проектировщики Большого Сочи займутся Поляной?

Беседую с архитекторами и агрономами Сочинского горсовета. Спрашиваю, почему курорты не растут в сторону гор, не развиваются как горно-морские?

Отвечают, что главным богатством считается море. «Ради гор сюда никто не поедет».

— Как никто? Оглянитесь на Швейцарию. Там совсем нет моря, а прибыли от горных курортов составляют огромную долю в бюджете целой страны!

...В географии есть хорошее понятие «хинтерланд», в переводе с немецкого — «сзади лежащая страна». Хинтерландом порта называют территорию, с которой к этому порту направлены грузопотоки.

Можно ли говорить о хинтерланде курорта? Не только можно, но и нужно. Горный хинтерланд с его пышными лесами и снежными вершинами питает Сочи водой и воздухом. Море зелени и красот пейзажа нужно курорту не меньше, чем море синевы и соленой воды. Но хинтерланд может участвовать и в хозяйстве курорта. С гор, славившихся еще в старочеркесские времена своими фруктами и медом, должны литься и в санаторные столовые и на лотки разносчиков водопады фруктов, ручьи молодого вина и меда. А не с горных ли лугов могли бы течь сюда и молочные реки, катиться мячами острые сыры и брынзы?

*

Вертолет Адлер — Аибга. Пять минут полета над предгорьями. Вот и нижний раструб ущелья. Как ярко белеет карниз дороги! Это свежие отвалы известняков — дорогу уже строят, расширяют, спрямляют. Кручи с воздуха совсем не такие грозные, как при взгляде снизу, из теснин Псоу. Еще пять минут полета — и ущелье позади. Нам видны и снега Турьих гор, и обнятые лесистыми склонами ласковые поляны, и белые домики в садах. На двенадцатой минуте приземляемся на бетонированном пятачке в центре поселка.

Что ж, а для аибгинцев открытие вертолетного сообщения и вправду было событием, равнозначным изобретению авиации!

Маленькая внучка Нарожного, никогда не выдавшая поезда, рассказывает, как о вполне естественном:

— А нас в воскресенье всем классом на вертолете катали. Аж туда, по-над перевалами. Балаганы наши видать было. И ничего не страшно...

*

Жизнь продолжается, и все больше радующих новостей приходит из горного Черноморья. Газеты сообщили о предстоящей реконструкции Рицы — там решено убрать портящий озеро отель и заменить его сооружениями, естественнее вписывающимися в ландшафт...

Верим, что и у Красной Поляны недалеко пора преобразования — подлинного украшения и благоустройства. Географы и краеведы должны помочь приближению этой поры. Горное Черноморье будет чудесной страной счастья и радости и для коренных жителей, и для миллионов гостей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию	5
Вступление	8
Проводники по прекрасному	
Впервые в Поляне	11
Как стать гидом	43
Ведать свой край	
Маршрут в прошлое	63
Приручение хребта Ачишхо	79
Еще на двух хребтах	111
К озерам	138
Будущие исследователи	
Сквозь заповедник	177
В стране горных озер	200
Заповедные высокогорья	231
Эпилог. Старые друзья	
Далеко от Поляны	267

ТРОПАМИ ГОРНОГО ЧЕРНОМОРЬЯ

Для настоящего издания фотографии предоставили:

Черно-белые фотографии по тексту

Сочинское отделение Русского географического общества: 3; 4; 5; 7; 8; 9; 10; 14; 16; 19; 24; 25; 37; 41.

Литературно-мемориальный музей Н. Островского в Сочи: 2; 15; фото на стр. 9.

Музей истории города-курорта Сочи: 12.

Сочинский художественный музей: 6; 11.

Архивный отдел администрации г. Сочи: 39.

Кавказский государственный природный биосферный заповедник: 26; фото на стр. 175.

Сочинский центр детского и юношеского туризма: 31.

Кольценко Л.Н.: 18.

Кук Г.И.: 1; 30.

Пронин В.К. : 40.

Тарчевский Б.А.: 32; фото на стр. 61.

Из архива Ефремова Ю.К.: 13; 17; 20; 21; 22 ; 23; 27; 28; 29; 33; 34; 35; 36; 38; 42; 43; фото на стр. 265.

Цветные фотографии на вкладках

Анастасиади Г.И.: 4; 5; 7; 19; 28; 30.

Виролайнен Т.А.: 3; 8.

Девлет Д.О.: 6; 24; 25; 26 .

Дубень А.В.: 29; 33.

Ефремов Ю.В.: 37.

Карпун А.Ю.: 34.

Прохоров А.А.: 12; 14; 20; 21; 27.

Садовников В.А.: 13.

Тарасов А.А.: 1; 11; 22; 36; 38; 39.

Тарчевский Б.А.: 9; 32; 35.

Черноморцев О.В.: 2; 10; 15; 16; 18.

Якубов А.А.: 17; 23; 31.

Фотография на обложке

Виролайнен Ю.Т. «Вид на Красную Поляну, Аибгу и Агепсту с Ачишхо. На переднем плане — Волчьи Зубы».

Подбор фотографий

Диденко Н.В., Тарчевский Б.А., Тарасов А.А.

Семья автора приносит благодарность всем предоставившим фотографии для второго издания книги Ю.К. Ефремова «Тропами горного Черноморья».

Ю.К. Ефремов

ТРОПАМИ ГОРНОГО ЧЕРНОМОРЬЯ

Подписано в печать 9.04.2008 г. Формат 70x100. Бумага офсетная. Усл. п. л. 24,01.
Печать офсетная. Заказ 324. Тираж 1000 экз. Типография ООО «Качество»,
г. Краснодар, ул. Новороссийская, 84, тел. (861) 239-75-96.